КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXIV. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Происхожденіе русской великой кн. Ольги св. I—III. Проф. Н. И. Малышевскаго. (1—27).

II. Культурныя переживанія. XXXVIII—L. П. Ѳ. Сумцова. (28—46).

III. Кіевское городское управленіе въ 1786 г. III. (Окончаніе). Н. В. Молчановскаго (47—63).

IV. Русалка. (Этнографическій разсказъ). Ганны Барвинокъ. (64—109).

V. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. IV—V. Проф. Д. И. Багалѣя. (110—148).

VI. Воспоминанія М. К. Чалаго. (149-187).

VII. Нечистая сила. (Повѣсть). Переводъ съ польскаго. К. М. (188—220).

VIII. Два намѣстника. А. Е. (221—231).

IX. Документы, Извѣстія и Замѣтки. Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. А. Лобко. Изъ бумагъ К. А. Лохвицкаго. Н. Н. Оглоблина. Медико-топографическая и этнографическая работы д-ра де-ла-Флиза. Н. Б. Церковная старина пирятинскаго уѣзда. Ан. Залѣсскаго. Жалоба новомлинскаго сотника на новомлинскаго намѣстника. Сообщилъ И. А. Л—ко. Воспоминанія о бывшемъ курскомъ губернаторѣ Денѣ. Сообщилъ П. В. Дворжецкій-Богдановичъ. Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 г. Марка—евича. Владиміръ-Вольнское братство. О. Л. Некрологъ. (232—292).

X. Для справокъ. (291—292).

XI. Библіографія. Лучицкій И. Сѣбры и сѣбриное землевладѣніе въ Малороссіи. Ив. Новицкаго. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 7, 1888 г. А. Стеновича. Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г. проф. Д. И. Багалѣемъ. П. Каманина. Н. Н. Любовичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ. П. Каманина. Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 годъ Ѳ. Н. Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книгъ вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи (293—324).

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣ-нія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1888—89 XVI+470+XXX стр. Цѣна три рубля съ пересылкою. Отдѣльно второй выпускъ цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

Сулимовскій Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 8°. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За перес. прилагается 25 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

ІЮЛЬ.

1889 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 21 іюня 1889 г.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
русской великой княгини Ольги св.

I.

«О происхожденіи этой безсмертной жены, о мѣстѣ ея рожденія, возрастѣ, образованіи и многихъ другихъ небольшихъ обстоятельствахъ, которыя такъ хотѣлось бы знать,—*никто ничего не знаетъ*». Такъ выразился Шлецеръ при сличеніи лѣтописныхъ и житійныхъ извѣстій объ Ольгѣ въ своемъ знаменитомъ «Несторѣ», изд. въ 1805—1809 гг. на нѣмецкомъ языкѣ, а въ 1809—1819 гг. въ русскомъ переводѣ Языкова [1]). Прошли десятки лѣтъ усиленнаго труда надъ разработкою начальнаго періода нашей исторіи,—и замѣчаніе Шлецера пришлось повторить одному изъ наиболѣе свѣдущихъ и ученыхъ представителей этого труда М. П. Погодину, который выражается такъ: «о родѣ супруги Игоря, великой княгини Ольги, безсмертной по многимъ отношеніямъ, до сихъ поръ не сказано было ничего рѣшительнаго» [2]). Эти слова Погодина кстати поставлены эпиграфомъ къ новому ученому сообщенію объ Ольгѣ, предлагающему новое рѣшеніе вопроса о ея происхожденіи. Это сообщеніе достоуважаемаго о. архимандрита Леонида, намѣстника Троицкой лавры, которому наука обязана уже многими, весьма цѣнными учеными открытіями, сообщеніями и изслѣдованіями въ области древней русской исторіи и письменности, преимущественно церковной. Оно предложено въ іюльской кн. «Русской Старины» за минувшій годъ ко времени бывшаго юбилея 900-лѣтія крещенія Россіи, въ статьѣ, существующей и въ отдѣльномъ изданіи, подъ заглавіемъ: *Откуда родомъ была св. великая княгиня*

[1]) Часть II, стр. 594.

[2]) Изслѣд. замѣч. и лекціи по русской исторіи. т. III, стр 88. М. 1846 г.

русская Ольга? На это сообщеніе уже было обращено вниманіе печати при обзорахъ статей, брошюръ и изданій, вышедшихъ по поводу юбилейнаго празднества, но обстоятельнаго сужденія о немъ, сколько помнится, не высказано. Передадимъ вкратцѣ сущность новаго сообщенія о св. Ольгѣ.

Занимаясь описаніемъ рукописей покойнаго графа А. С. Уварова, о. арх. Леонидъ въ запрошломъ году нашелъ, въ одномъ историческомъ сборникѣ XV в., любопытный отрывокъ изъ древняго лѣтописца, гдѣ описываются въ сжатомъ видѣ событія русской исторіи съ 862 по 1174 г. (до смерти Андрея Боголюбскаго). Лѣтописецъ, по содержанію, можетъ быть названъ *владимірскимъ*, ибо въ немъ обращено особенное вниманіе на Владиміръ и его святыни. А время составленія его опредѣляется находящимся въ началѣ его «Родословцемъ» русскихъ князей, въ которомъ послѣднимъ упоминается сынъ Іоанна III Иванъ Младой, сконч. въ *1490* г., слѣдовательно, лѣтописецъ писалъ *въ исходѣ XV в.* Неизвѣстный лѣтописецъ въ изложеніи событій слѣдуетъ, очевидно, указаніямъ нашей первоначальной лѣтописи, но замѣтно уклоняется отъ повторенія всѣхъ легендарныхъ сказаній, встрѣчающихся на первыхъ годахъ оной, а мѣстами дѣлаетъ весьма важныя и любопытныя *дополненія и поясненія* нѣкоторыхъ мѣстъ своего источника. Для примѣра приложенъ отрывокъ изъ лѣтописца, относящійся ко времени отъ Рюрика до Владиміра. Изъ этого отрывка взято ученымъ изслѣдователемъ для настоящаго сообщенія слѣд. мѣсто: *Игоря же жени* (Олегъ) *въ Болгарѣхъ, поятъ же за него княжну, именемъ Ольгу. И бысть мудра вельми*». Далѣе затѣмъ описывается походъ Олега на Царьградъ.

Итакъ, по этому извѣстію, Ольга была родомъ *княжна изъ Болгаріи.* Изслѣдователь находитъ, что это извѣстіе наиболѣе достовѣрно. Этотъ выводъ уясняется и подтверждается слѣдующими соображеніями:

1) На вопросъ о родѣ Ольги дается, повидимому, утвердительный отвѣтъ въ лѣтописи подъ 903 годомъ, гдѣ говорится: «Игореви же возрастшю и хождаше по Олзѣ и слушаше его. И приведша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу». Этотъ Плесковъ обыкновенно отождествляется съ русскимъ Псковомъ, который въ лѣтописяхъ также называется Плесковомъ. Замѣна древняго названія Плесковъ новымъ названіемъ Псковъ начинается еще съ Лаврентьевскаго списка лѣтописи, гдѣ подъ 903 г. стоитъ именно отъ *Пскова*, тогда какъ въ Ипатьевскомъ—*отъ Плескова*. Изслѣдователь полагаетъ, что варіантъ отъ

Пскова вмѣсто Плескова едва ли можетъ быть приписанъ начальному лѣтописцу. Скорѣе онъ принадлежитъ писцу XIV вѣка, т. е. Лаврентію, списавшему лѣтопись въ 1377 г., когда названіе Псковъ было извѣстно лучше, чѣмъ Плесковъ, ставшее уже только книжнымъ и уступившее мѣсто новому названію Псковъ. При томъ переписчику не мудрено было и не разобрать неизвѣстнаго ему слова, ибо подлинникъ, съ котораго онъ списывалъ, какъ извѣстно, былъ «ветшанъ».

Но съ наибольшею рѣшительностью тождество Плескова съ русскимъ Псковомъ утверждается въ явившемся въ XVI вѣкѣ пространномъ житіи Ольги, приписываемомъ извѣстному іерею Сильвестру, гдѣ говорится, что св. Ольгу «произведе Плесковская страна, иже отъ области царствія русскія земи, отъ веси нарицаемыя Выбутской, близь предѣлъ нѣмецкія власти жителей, отъ языка Варяжска, отъ рода ни княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Изслѣдователь указываетъ на голословность этого извѣстія, сообщеннаго безъ всякихъ ссылокъ на какое либо письменное свидѣтельство, а только на основаніи мѣстныхъ преданій, никѣмъ и ничѣмъ не провѣренныхъ. Въ частности, самая легенда о Выбутской веси, внесенная въ житіе, принадлежитъ къ циклу мѣстныхъ легендъ позднѣйшаго времени, когда св. Ольга уже сдѣлалась героинею народныхъ сказаній. Итакъ, устраняя позднѣйшій варіантъ Пскова вмѣсто Плескова и еще болѣе позднія прибавки пространнаго житія XVI в., мы остаемся при начальномъ извѣстіи, что Ольга была родомъ изъ Плескова.

2) Не оспаривая этого извѣстія, не слѣдуетъ однако удовлетворяться имъ и поискать разъясненія его, имѣя въ виду то обстоятельство, что въ началѣ X в. былъ лишь одинъ Плесковъ, городъ въ Болгаріи, по свидѣтельству Кодина, построенный Константиномъ В. близь Преславы [1]), между тѣмъ, какъ о русскомъ Плесковѣ нѣтъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ.

3) Бездоказательное мнѣніе о русскомъ Псковѣ, какъ родинѣ Ольги, могло быть принято, надо полагать, только потому, что доселѣ не имѣлось въ виду ни одного свидѣтельства о томъ, чтобы до написанія пространнаго житія Ольги, т. е. до XVI в. существовало у нашихъ предковъ иное мнѣніе объ этомъ предметѣ, поясняющее или дополняющее сказаніе о томъ начальной лѣтописи. Теперь существованіе такого мнѣнія утверждается какъ фактъ, выражаемый

[1]) Ссылка на Шафарика (т. II, кн. 1, стр. 361).

именно извѣстіемъ владимірскаго лѣтописца о происхожденіи Ольги изъ Болгаріи, гдѣ и былъ тотъ, въ началѣ X в. единственный Плесковъ, который позже ошибочно отождествленъ съ русскимъ Псковомъ. Такимъ образомъ совокупностію свидѣтельствъ начальной лѣтописи о Плесковѣ, какъ родинѣ Ольги, владимірскаго лѣтописца о происхожденіи Ольги изъ Болгаріи, при сопоставленіи ихъ съ указаніями на существованіе въ Болгаріи Плескова, положительно утверждается, что Ольга была родомъ изъ Болгаріи, изъ тамошняго города Плескова, и при томъ изъ княжескаго рода.

4) Утвердивъ такой выводъ, изслѣдователь дѣлаетъ еще два предположенія: а) русскій Плесковъ, позднѣйшій Псковъ, основанъ Ольгою по памяти о ея родномъ болгарскомъ Плесковѣ, во время поѣздки ея по новгородской области, о которой сообщаетъ начальная лѣтопись и о которой сохранились мѣстныя преданія, а потомъ народное чувство псковитянъ, пользуясь или побуждаясь тождественностью названія своего города съ названіемъ дѣйствительной родины Ольги, пріурочило къ своему городу и самую родину Ольги, для возвеличенія его, какъ именно родины славной въ легендахъ и пѣсняхъ Ольги. б) Что касается до имени Ольги, то оно, въ замѣнъ прежняго славянскаго имени, могло быть дано ей Олегомъ, бывъ взято имъ отъ собственнаго имени.

5) Съ признаніемъ факта болгарскаго происхожденія Ольги получаютъ новое освѣщеніе слѣдующія два явленія нашей изначальной исторіи:

а) Присутствіе въ свитѣ Ольги, во время путешествія ея въ Царьградъ, пресвитера Григорія, роломъ, какъ оказывается, болгарина. Извѣстно свидѣтельство Константина Порфирогенета, что во время двухъ пріемовъ Ольги при дворѣ императорскомъ, въ свитѣ ея находился παπᾶς Γρηγόριος. О личности этого Григорія высказано было еще въ 1851 г. интересное мнѣніе кн. Оболенскимъ, извѣстнымъ издателемъ «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго». Въ предисловіи къ этому изданію [1]) князь Оболенскій сопоставляетъ слѣдующія два указанія на личность Григорія: первое въ самомъ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ лѣтописныхъ сводахъ Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ, при выпискѣ изъ служившей источникомъ для нашей начальной лѣтописи хроники Георгія Амартола, читаются

[1]) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго и предисловіе къ нему—во Временникѣ Имп. М. общ. ист. и др. 1851 г. кн. IX.

слова — *Георгій* рече въ лѣтописаніи, — въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго читается: *Григорій* рече въ лѣтописаніи. Второе: въ заглавіи древняго славянскаго перевода хроники Іоанна Малалы, также извѣстной древнему нашему лѣтописцу, говорится: «книги завѣта Божія Ветхаго, сказующе образы Новаго, истинну сущу, преложенныя отъ греческаго языка на словенскій при князѣ болгарскомъ Симеонѣ, сынѣ Бориса, *Григоріемъ* пресвитеромъ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей, повелѣніемъ того книголюбца князя Симеона, наипаче же рещи боголюбца». Князь Оболенскій признаетъ, что Григорій переводчикъ Іоанна Малалы и Григорій Переяславскаго лѣтописца—одно и то же лице, т. е. что этотъ Григорій былъ переводчикомъ не только хроники Іоанна Малалы, но и хроники Георгія Амартола, такъ что нашъ начальный лѣтописецъ пользовался хроникою Амартола именно въ славянскомъ переводѣ Григорія пресвитера, славившагося своими переводными трудами при болгарскомъ царѣ Симеонѣ (888—927). Ссылаясь на эти указанія и выводы князя Оболенскаго, архимандритъ Леонидъ съ своей стороны присоединяетъ новое указаніе на Григорія, какъ переводчика хроники Амартола. Именно, въ древнѣйшемъ извѣстномъ намъ спискѣ переводной Амартоловой хроники XIII в. [1]) съ лицевыми изображеніями, есть изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ, а на подножіи престола есть почти незамѣтная, мельчайшая надпись: «многогрѣшный рабъ Божій Григорій»—надпись, прибавимъ, открытая и прочитанная о. Леонидомъ. Затѣмъ, подобно князю Оболенскому, о. Леонидъ отождествляетъ Григорія, переводчика Амартоловой хроники, съ Григоріемъ, бывшимъ при Ольгѣ св. Съ признаніемъ болгарскаго происхожденія Ольги уясняется переходъ къ ней въ Русь изъ Болгаріи болгарскаго пресвитера Григорія и его положеніе при ней. Переходъ этотъ послѣдовалъ тогда, когда Болгарія по смерти царя Симеона стала клониться къ упадку, и многіе признаки указывали на близкій конецъ ея. Съ такими выводами объ Ольгѣ и Григоріѣ гармонируетъ мнѣніе, что Ольга была тайною христіанкою еще до путешествія въ Царьградъ, что туда отправлялась она не для крещенія, а для чего то другаго, всего вѣроятнѣе, для того, чтобы испросить своему сыну царскій титулъ, какой имѣлъ въ свое время Симеонъ Болгарскій, при которомъ прежде, на своей родинѣ, служилъ Григорій пресвитеръ. Этотъ Григорій, знатокъ и греческаго языка и византійскихъ обычаевъ,

[1]) Этотъ списокъ, бывшій въ троицкой, нынѣ—въ библіотекѣ московской дух. академіи.

былъ не только полезенъ, но и необходимъ для Ольги въ предстоявшихъ сношеніяхъ ея съ византійскимъ дворомъ, во время которыхъ Ольга держала себя съ достоинствомъ. б) Болгарскимъ происхожденіемъ Ольги—матери Святослава, объясняется усиленное желаніе его завоевать Болгарію и тамъ основать свою державу. Въ Болгаріи онъ видѣлъ страну, ему родную и считалъ себя имѣющимъ на нее болѣе правъ, чѣмъ византійцы. Даже то вѣроятно, что именно болгарскій пресвитеръ Григорій могъ внушить Святославу мысль завоевать Болгарію не для грековъ, а для себя.

Таково, въ главныхъ чертахъ, ученое сообщеніе достоуважаемаго о. архимандрита Леонида, сосредоточенное на открытомъ имъ новомъ лѣтописномъ извѣстіи о родѣ Ольги. Интересъ извѣстія и выводовъ, установляемыхъ чрезъ сопоставленіе его съ другими данными нашей начальной исторіи, понятенъ самъ собою. Выводы эти настолько симпатичны, что хотѣлось бы принять ихъ во всей ихъ совокупности [1]). Удовлетворяя такому настроенію, присовокупимъ еще нѣсколько замѣчаній, могущихъ придавать правдоподобіе выводамъ, основаннымъ на новооткрытомъ извѣстіи владимірскаго лѣтописца. Прежде всего, пополнимъ сдѣланное о. архим. Леонидомъ указаніе на болгарскій Плесковъ. Въ Болгаріи существовалъ городъ *Плискува*, о которомъ имѣются извѣстія у византійскихъ писателей. Левъ Діаконъ, описавшій, какъ очевидецъ, войну нашего Святослава съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ въ Болгаріи, говоря о первой битвѣ между ними у Доростола, замѣчаетъ, что Цимисхій, направляясь отъ Преславы къ Доростолу, взялъ городъ, называемый Πλίσκουβα [2]). Кедринъ (XI в.) въ своей хроникѣ, говоря о войнѣ Василія II Болгаробойца съ Самуиломъ болгарскимъ, сообщаетъ, что въ 1000 г. императоръ послалъ за Балканы войско подъ начальствомъ патриція Θеодоракани и протоспафарія Никифора Ксифіи и взялъ города Великую и Малую Преславу и Πλίσκουβαν [3]). Анна Комнина въ своей «Алексіадѣ», описывая походъ Алексѣя Комнина въ Болгарію, говоритъ, что императоръ пришелъ къ Вицинѣ и оттуда на разсвѣтѣ устремился на городъ Πλίσκουβαν, взялъ его, потомъ пошелъ на крѣ-

[1]) Эти выводы, во всей ихъ совокупности или съ небольшими ограниченіями, уже и приняты нѣкоторыми рецензентами сообщенія о. архим. Леонида, въ числѣ ихъ и многоуважаемымъ г. Иловайскимъ (Историко-критическія замѣтки. Русскій Вѣстникъ. Декабрь. 1888 г.).

[2]) Patr. Graci edit. Migne, T. 117, p. 857.

[3]) Ibid. T. 131, p. 541.

посъ Симеона [1]). Кодинъ (XIV в.) въ своемъ сочиненіи о началѣ Константинополя и византійской имперіи, упоминаетъ о войнѣ Константина В. съ скиѳами при Дунаѣ и замѣчаетъ, что, побѣдивъ скиѳовъ, Константинъ В. построилъ тамъ города Преславу, Дистру (Доростолъ), Плискуву и Константину (нынѣ Кюстенджи) [2]). Что Константинъ В. велъ войну съ скиѳами при Дунаѣ, въ которой помогали ему херсоняне, это довольно извѣстный историческій фактъ. Преданіе же о строеніи Константиномъ В. городовъ въ придунайской Скиѳіи, кромѣ поздняго писателя Кодина, встрѣчается у Льва Діакона, который, впрочемъ, упоминаетъ только о построеніи этимъ царемъ Дистры, т. е. Доростола [3]). Итакъ, болгарскій городъ Плискува, однозвучный съ Плесковомъ, существовалъ, считался у византійцевъ древнимъ городомъ въ Скиѳіи придунайской, находился по южной сторонѣ нижняго Дуная между Преславою и Доростоломъ, къ сѣверу отъ первой и къ югу отъ послѣдняго. Болгарская Плискува была извѣстна и нашимъ старинным книжникамъ, о чемъ имѣется свидѣтельство отъ XIV в., на которое и указывается въ статьѣ архимандрита Леонида и о которомъ будетъ у насъ рѣчь ниже [3]). Здѣсь же къ изложеннымъ даннымъ о болгарской Плискувѣ присовокупимъ слѣдующее. Во время Олега русская держава почти примыкала къ той области Болгаріи, гдѣ находился этотъ и сосѣдніе съ нимъ названные выше города. У лѣвой стороны нижняго Дуная жили угличи и тиверцы, съ которыми Олегъ воевалъ въ 885 г. и которые съ той поры находились подъ его властію или въ союзѣ съ нимъ, потому что въ 907 г. участвовали въ походѣ его на Грецію. При такой близости южной границы Олеговой Руси съ границею упомянутой болгарской области представляется допустимою мысль о возможности сношеній Олега съ нею, которыя въ свою очередь открывали возможность привесть оттуда жену для Игоря. Припомнимъ еще, что Святославъ привелъ изъ Болгаріи плѣнную гречанку и за ея красоту отдалъ ее въ жены Ярополку, отъ котораго она досталась Владиміру. А у Владиміра были жены болгарыня и чехиня, о которыхъ слѣдуетъ думать, что онѣ приведены были первая изъ Болгаріи, вторая

---

[1]) Ibid. T. 131, p. 541.

[2]) Ibid. T. 157 p. 464.

[3]) Ibid. T. 117 p. 854.

[4]) Въ означенномъ свидѣтельствѣ названіе Плискува переиначено въ названіе *Плиска*. Переиначеніе названія Плискува въ *Плесковъ* и на русскомъ говорѣ, конечно, вполнѣ возможно. У болгаръ говорили *Преслава*, у насъ Переяславль.

изъ Чехіи, хотя лѣтопись не отмѣчаетъ времени и обстоятельствъ, при какихъ онѣ приведены. Что могли дѣлать Святославъ и Владиміръ, то, повидимому, могъ дѣлать и Олегъ, конечно, при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Олегъ, опекунъ Игоря, могъ искать для наслѣдника престола жены *княжескаго* рода и при томъ въ такой сосѣдней странѣ, населеніе которой было родственно съ населеніемъ бывшей подъ его властію Руси.

Само собою понятно, что приведенными данными о болгарской Плискувѣ и соображеніями о возможности приведенія Ольги изъ сосѣдней и единоплеменной Болгаріи—далеко еще не рѣшается дѣло. Предстоитъ такъ или иначе опредѣлить значеніе прямыхъ свидѣтельствъ о происхожденіи Ольги, къ которымъ теперь и переходимъ.

II.

Доселѣ были извѣстны слѣдующія свидѣтельства о происхожденіи Ольги:

1) Свидѣтельство начальной лѣтописи, говорящей, что Ольга была приведена *изъ Плескова*, какъ читается въ Ипатскомъ спискѣ, или изъ *Искова*, какъ читается въ Лаврентьевскомъ спискѣ. Здѣсь возникаютъ три вопроса. Первый: есть ли послѣднее чтеніе, ясно отождествляющее Плесковъ съ Псковомъ, лишь позднѣйшій варіантъ, принадлежащій переписчику Лаврентію, писавшему въ 1377 г.? Вмѣстѣ съ достопочтеннымъ авторомъ новаго изслѣдованія о происхожденіи Ольги и мы находимъ это вполнѣ вѣроятнымъ, на основаніи тѣхъ же указаній и соображеній, какія приведены авторомъ, а также и другихъ, которыя обозначатся сами собой въ дальнѣйшемъ изложеніи. Но надо сознаться, что такой выводъ о чтеніи названія города, бывшаго родиною Ольги, почти не измѣняетъ дѣла. Съ признаніемъ за несомнѣнное, что чтеніе Плесковъ подъ 903 г. было начальнымъ чтеніемъ въ лѣтописи, возникаетъ второй вопросъ: что разумѣлъ лѣтописецъ, т. е. лѣтописецъ начала XII в., подъ тѣмъ Плесковомъ, изъ котораго, какъ онъ говоритъ подъ 903 г., приведена была Ольга? Безъ всякого сомнѣнія онъ разумѣлъ *русскій* Плесковъ, т. е. позднѣйшій Псковъ. Лѣтописецъ отлично поясняетъ самъ себя, когда, сказавъ подъ 903 г. о приведеніи Ольги изъ Плескова, затѣмъ подъ 947 г. говоритъ о Плесковѣ, какъ городѣ, находившемся въ сосѣдствѣ съ новгородскою областію, потому что говоритъ о немъ при описаніи поѣздки Ольги въ эту область, давая понять, что она

посѣтила при этомъ *Плесковъ*, гдѣ «сани ея стоятъ до сегодне» [1]). Впрочемъ общеизвѣстно, что русскій Плесковъ носитъ это свое названіе и въ начальной лѣтописи, и въ ея продолженіяхъ по обоимъ спискамъ, и въ другихъ лѣтописяхъ до XIV в., когда въ перемежку съ нимъ выступаетъ новое названіе Псковъ, которое затѣмъ и утверждается [2]). Но можетъ быть поставленъ и третій вопросъ: не могъ ли ошибиться самъ лѣтописецъ въ своемъ представленіи о русскомъ Плесковѣ, какъ родинѣ Ольги, которое усвоено отъ него и другими? Онъ писалъ въ нач. XII в., и могъ имѣть предъ собою болѣе древнюю запись о приведеніи Ольги изъ Плескова, но, не зная о болгарскомъ Плесковѣ, отождествилъ его съ русскимъ Плесковомъ, существовавшимъ *въ его время*. Но на какомъ основаніи будемъ приписывать лѣтописцу подобную ошибку? Чѣмъ исправимъ ее? Если бы мы имѣли какое либо *болѣе древнее* или по крайней мѣрѣ современное или даже только близкое ко времени лѣтописца свидѣтельство, что Ольга происходила изъ болгарской Плисковы, а не русскаго Плескова, то и тогда могъ бы быть еще вопросъ о томъ: какое изъ двухъ современныхъ свидѣтельствъ достовѣрнѣе? А какъ такого свидѣтельства не имѣемъ, то не можетъ быть и рѣчи объ устраненіи яснаго свидѣтельства начальной лѣтописи о русскомъ Плесковѣ, какъ родинѣ Ольги.

2) Тождественное значеніе съ свидѣтельствомъ начальной лѣтописи имѣетъ свидѣтельство «Проложнаго житія» Ольги XIV в., въ которомъ говорится: си блаженная Ольга, родомъ *Пльсковытыни* [3]). Вообще не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что авторъ житія назы-

---

[1]) Въ статьѣ „Откуда была родомъ св. Ольга?" замѣчается, будто выраженія „*а се сани ея въ Плесковѣ*" нѣтъ въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, что поэтому не было его и въ начальной лѣтописи. Но это случайный недосмотръ. Указанное выраженіе есть въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, какъ есть и въ другихъ лѣтописяхъ. Что касается до самыхъ этихъ саней, то вопросъ о нихъ пока неваженъ; важны намъ пока не сани, а Плесковъ 947 г., поясняющій значеніе Плескова 903 г.

[2]) *Плесковъ* часто пишется въ лѣтописи *Пльсковъ*, отсюда и образовалось сокращенное названіе Псковъ. Примѣровъ подобнаго переиначиванія древнихъ названій городовъ есть довольно. Древній *Полотескъ* переименованъ въ *Полоцкъ*, *Выдбескъ*—въ *Витебскъ* и т. под.

[3]) Новѣйшее изданіе этого житія есть изданіе г. Соболевскаго въ его трудѣ „Въ память исполнившагося 900 лѣтія со времени крещенія Руси", помѣщ. въ „Чтеніяхъ въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца" кн. II. отд. II стр. 67–68. Кіевъ 1888 г.

ваетъ Ольгу такъ по русскому, а не по болгарскому Плескову. Если бы у него существовало представленіе о болгарскомъ происхожденіи Ольги, то онъ скорѣе назвалъ бы ее *болгарыня*, какъ называетъ лѣтопись женъ Владиміра: *гречиня*, *болгарыня*, *чехиня*. Только при представленіи о русскомъ происхожденіи Ольги, авторъ житія могъ назвать ее *пльсковитянкою*, т. е. назвать по городу, а не по странѣ не по національности.

3) Слѣдующимъ послѣ лѣтописи и древняго, краткаго проложнаго житія должно быть поставлено свидѣтельство втораго, или позднѣйшаго проложнаго житія ея, съ которымъ находится въ связи еще болѣе позднее и пространное житіе ея, помѣщенное въ Макарьевской Четьи-Минеѣ и въ Степенной книгѣ. Второе проложное житіе извѣстно въ рукописи XVI в., по которой оно издано преосвященнымъ Макаріемъ [1]). Начиная рѣчью о родѣ Ольги, житіе повѣствуетъ: «святая великая княгиня Ольга родися въ Плесковской странѣ в веси, зовомыя Выбуто. Отца же имѣяше некрещенна суща, такожъ и матерь некрещену отъ языка варяжска; и отъ рода не княжеска, ни отъ вельможъ, но отъ простыхъ бяше человѣкъ. О имени же отца и матери писаніе нигдежъ изъяви». Житіе Ольги, помѣщенное въ Макарьевскихъ Четьи-Минеяхъ подъ 11 іюля, есть только болѣе распространенное повтореніе проложнаго житія. Но повторяя слово въ слово сейчасъ приведенное начало послѣдняго и въ частности то замѣчаніе, что «о имени отца и матери Ольги писаніе нигдѣ же не изъяви», минейное житіе прибавляетъ: «но токмо *въ повѣстьхъ многихъ* обноштеся о рожденіи ея, яко Выбутская весь изнесе Святую и породи». Къ замѣчанію, что Выбутская весь находилась близъ Пскова, присоединяется: граду оному тогда не сущу» [2]). Преданіе о происхожденіи Ольги изъ веси Выбутской пространно разработано въ новомъ житіи Ольги, которое помѣщено въ «Степенной книгѣ [3]), и приписывается однимъ изслѣдователями знаменитому при Грозномъ священнику Сильвестру, другими—священнику Василію, въ монашествѣ Варлааму, извѣстному своими житійными, часто баснословными, сказаніями, въ которыхъ обильно упражнялся онъ при архіеп. Макаріѣ въ Новгородѣ и Псковѣ [4]). Распространяя извѣстіе пролож-

[1]) Истор. русск.церкви. Т. I. стр. 87 и приложеніе № 5. Изд. 2-е. Спб. 1868 г.

[2]) У Погодина, Изслѣдов. по русск. ист. Т. III. стр. 90 М. 1846 г. Татищевъ. II, 373.

[3]) Ч. I. стр. 6—11.

[4]) Сильвестру приписываетъ это житіе Погодинъ, ссылаясь на то, что въ одной рукописи житіе озаглавлено: „Житіе великія княгини Ольги, списано любо-

наго и минейнаго житія о происхожденіи Ольги, авторъ новаго житія выражается, что «святую Ольгу произведе плесковская страна, иже отъ области царствія русской земли, отъ веси, именуемыя Выбутской, близъ предѣлъ Немѣчскія власти жителей, отъ языка Варяжска, отъ рода ни княжеска и ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Затѣмъ слѣдуетъ подробный, очевидно, сочиненный, но не лишенный интереса по своей нравоучительной подкладкѣ разсказъ о томъ, какъ послѣдовало первое знакомство Игоря съ Ольгою, заронившее въ молодомъ княжичѣ любовь къ ней, тогда простой дѣвушкѣ, и поведшее къ женитьбѣ его на послѣдней [1]). Въ приведенныхъ житійныхъ сказаніяхъ о происхожденіи Ольги отмѣтимъ слѣдующія стороны: а, установившееся представленіе о русской плесковской странѣ, какъ родинѣ Ольги. Безъ сомнѣнія, оно установилось на основаніи свидѣтельства начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ Плескова и даетъ видѣть, что подъ нимъ разумѣлся именно русскій Плесковъ, или Псковъ, какъ разумѣлъ переписчикъ Лаврентьевской лѣтописи, писавшій въ 1377 г. и, безъ сомнѣнія и самъ начальный лѣтописецъ XII в. б) Но замѣна Плескова находившимся близъ него селомъ Выбутино есть уже плодъ собственнаго домысла авторовъ житійныхъ сказаній, который однакоже долженъ былъ имѣть въ чемъ либо для себя опору или поводъ. Такою опорою или поводомъ могло быть мѣстное устное или письменное преданіе. И оно существовало и при томъ было довольно давнимъ и распространеннымъ: минейное житіе XVI в. выражается, что въ *повѣстьхъ многихъ* обношашеся, яко Выбутская весь изнесе святую (Ольгу) и породи». Откуда взя-

---

мудрымъ пресвитеромъ Сильвестромъ царствующаго града Москвы". (ib. III, 89; IV, 40). Василію усвояетъ это житіе преосв. Филаретъ (Житія русск. свят. Іюль. 11 день), имѣя въ виду страсть Василія къ баснословію, которымъ переполнено и это житіе.

[1]) Молодой Игорь былъ на охотѣ въ плесковской области на р. Великой. Замѣтивъ „ловъ желанный" на другой сторонѣ рѣки, онъ позвалъ стоявшаго у того берега лодочника съ лодкой и велѣлъ перевезти себя на тотъ берегъ. Плывя въ лодкѣ, князь замѣтилъ, что лодочникъ—дѣвушка и—весьма красивая. Прельстившись на нее, Игорь позволилъ себѣ нескромныя рѣчи. Дѣвушка—то была Ольга,—умнымъ и смѣлымъ отвѣтомъ пристыдила молодаго князя, грозя вмѣстѣ съ тѣмъ, что она бросится въ воду и утопится, если онъ не уймется. Игорь тотчасъ унялся и уже не могъ забыть Ольги. Когда пришла ему пора жениться и думали отыскивать невѣсту ему, Игорь вспомнилъ о плесковской дѣвушкѣ—перевозчицѣ, и послалъ за нею Олега. Приведенная съ великою честію, Ольга стала женою Игоря.

лось это преданіе, относившееся въ повѣстѣхъ многихъ, т. е. въ письменныхъ сказаніяхъ объ Ольгѣ? По всей вѣроятности, первою основою его послужили сохранившіяся въ Ник. лѣтописи двѣ записи о *Будутинѣ*, какъ селѣ Ольги, въ которое она сослала было мать Владимірову, Малушу, и которое, «умираючи завѣщала св. Богородицѣ», т. есть какой то Богородичной церкви [1]). Весьма вѣроятно, что эти записи, хотя, встрѣчающіяся уже въ поздней лѣтописи, какова Никоновская, взяты изъ какихъ либо другихъ лѣтописныхъ записей. Что касается до самаго села Выбутина, то подъ нимъ обыкновенно разумѣютъ село *Любуты*, *Выбуты*, или же село *Буденинъ*: оба села извѣстны по близости Пскова и въ позднѣйшія времена и связываются въ мѣстныхъ преданіяхъ съ именемъ Ольги [2]). Наконецъ, поощреніемъ къ перенесенію родины Ольги съ Пскова на близь лежавшее отъ него село Выбутино служила мысль, высказываемая въ минейномъ житіи, что самый городъ Псковъ еще не существовалъ во время женитьбы Игоря на Ольгѣ, и развившаяся въ связи съ мыслію, проводимою въ Степенной книгѣ, что городъ этотъ основанъ уже Ольгою, когда она была уже христіанкою. Къ домыслу о Выбутской веси, какъ родинѣ Ольги, присоединяется въ житійныхъ сказаніяхъ XVI в. другой домыселъ—о томъ, что она происходила не изъ княжескаго, ни изъ вельможескаго рода, но отъ простыхъ людей. Если первый домыселъ могъ имѣть свою опору въ преданіи о Будутинѣ, какъ селѣ Ольгиномъ, то второй есть, безъ сомнѣнія, уже просто собственный, личный домыселъ одного изъ авторовъ сказаній, усвоенный послѣ него и другими. Онъ явился, какъ естественный выводъ изъ перваго домысла: если Ольга происходила изъ села, то она и была поселянка, простая сельская дѣвушка. Такой выводъ поощрялся и тѣмъ, отмѣчаемымъ въ житіяхъ обстоятельствомъ, что объ именахъ отца и матери Ольги «нигдѣ же писаніе изъявии». Слѣдовательно, это были люди безвѣстные, простые.

4) Однако же вмѣстѣ съ этимъ утверждается, что Ольга была «варяжскаго рода». Это утвержденіе не гармонируетъ съ мыслью о простонародномъ происхожденіи Ольги, ибо варяги принадлежали у насъ не къ простонародью, а къ высшему классу. Авторы житій или забыли объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, или, что вѣроятнѣе, вынуждались къ признанію Ольги варяжкою самимъ именемъ ея, од-

[1]) П. собр. русск. лѣт. IX, 135, 154.

[2]) М. Евгенія, Исторія княж. псковскаго, стр. 10.

нозвучнымъ съ именемъ Олега, котораго считали варягомъ такъ же, какъ Рюрика и Игоря.

5) Слѣдующимъ затѣмъ свидѣтельствомъ о происхожденіи Ольги можетъ быть поставлено приводимое Татищевымъ свидѣтельство бывшаго у него въ рукахъ *раскольничьяго списка* лѣтописи, гдѣ сказано, что Ольга была приведена *изъ г. Изборска*. «И сіе право, прибавляетъ отъ себя Татищевъ, ибо Пскова тогда еще не было [1])». Возможно, что Татищевъ повторяетъ здѣсь мысль самаго составителя раскольническаго списка лѣтописи, т. е. что самъ этотъ составитель, позволявшій себѣ, подобно авторамъ житійныхъ сказаній, вносить свои домыслы въ списываемую лѣтопись, перенесъ родину Ольги, съ Плескова на Изборскъ, извѣстный еще при Рюрикѣ.

6) Бо́льшею оригинальностью отличается показаніе о родѣ Ольги такъ называемой Іоакимовой лѣтописи, оглашенной Татищевымъ. Теперь можетъ считаться установленнымъ, что эта лѣтопись, отнюдь не будучи тѣмъ, за что выдаетъ ее Татищевъ, не есть однако-же и выдумка Татищева, что сказанія, послужившія матеріаломъ для нея, были въ обращеніи у нашихъ старинныхъ книжниковъ еще въ XVI—XVII вв. Лѣтопись эта представляетъ собою одинъ изъ первыхъ опытовъ переработки нашей начальной исторіи въ своего рода славянофильскомъ направленіи съ помощью баснословія и съ подражаніемъ въ этомъ смыслѣ польскимъ лѣтописцамъ. Іоакимовская лѣтопись начинаетъ первобытную исторію славянъ и славянскихъ князей отъ ближайшихъ потомковъ Іафета. Въ числѣ ихъ она знаетъ князей Славяна и Скиѳа, изъ коихъ первый, послѣ многихъ походовъ и подвиговъ, возобладалъ на сѣверѣ, гдѣ создалъ великій городъ Славянскъ въ землѣ сѣверо-русскихъ славянъ. Въ теченіи многихъ столѣтій здѣсь владѣли сыновья, внуки и потомки Славяна. Изъ послѣднихъ наиболѣе прославился далекими походами и обширными завоеваніями Вандалъ, княжившій въ томъ же великомъ городѣ Славянскѣ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей — Избора, Владиміра, Столпосвята, изъ коихъ первый по смерти отца княжилъ въ томъ же великомъ городѣ и былъ также основателемъ Изборска. По смерти Избора и Столпосвята властвовалъ Владиміръ, потомкомъ котораго въ девятомъ поколѣніи былъ Буривой, простершій свою власть на всю Біармію до р. Кюмени въ странѣ Корельской, много воевалъ съ варягами, наконецъ побѣжденъ былъ и укрылся въ городѣ Бярмы, гдѣ и умеръ. Сынъ и преемникъ

[1]) Истор. росс. Ч. II, стр. 18 372

его Гостомыслъ много воевалъ съ варягами, покорившими и угнетавшими славянъ, русь и чудь, побѣдилъ и прогналъ варяговъ и потомъ заключилъ съ ними миръ, мудро и счастливо управлялъ страною, пользуясь любовію народа и уваженіемъ отъ сосѣднихъ странъ. У Гостомысла было четыре сына и три дочери. Сыновья одни погибли на войнахъ, другіе умерли дома. А дочери выданы въ замужество за сосѣднихъ князей. За какихъ именно князей онѣ выданы были—въ лѣтописи не показано, замѣчаетъ Татищевъ; но изъ дальнѣйшаго разсказа ея само собою видно, что старшая выдана за князя изборскаго, а средняя за князя варяжскаго. Предъ смертію Гостомыслъ имѣлъ пророчественное сновидѣніе, что послѣ него власть надъ славянами и союзными съ нимъ народами перейдетъ къ сыну средней дочери, при которомъ начнетъ разростаться могущество славяно-русской державы. По этому сновидѣнію онъ созвалъ къ себѣ старѣйшинъ отъ славянъ, руси, чуди, веси, мери, кривичей и дреговичей и посовѣтовалъ призвать князя изъ варяговъ. Этимъ княземъ и былъ Рюрикъ, сынъ средней дочери Гостомысла, пришедшій въ славянскую землю съ двумя братьями и съ родомъ своимъ....

Предъ смертію Рюрикъ, за малолѣтствомъ Игоря, передалъ управленію своему шурину варягу Олегу, князю Урманскому, который управлялъ именемъ Игоря сперва въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ. Когда Игорь выросъ, Олегъ женилъ его, взявъ ему жену *изъ Изборска*, которая была изъ *рода Гостомысла*, была именно *дочерію изборскаго князя*, женатаго на старшей изъ трехъ дочерей Гостомысла. Какъ славянка, она носила прежде славянское имя Прекраса, и названа Ольгою уже Олегомъ отъ своего имени [1]). О приведенномъ повѣствованіи Іоакимовской лѣтописи, заканчивающемся извѣстіемъ о происхожденіи Ольги, достаточно замѣтить слѣдующее: а) баснословіе о предкахъ Гостомысла есть, повидимому, издѣліе самого составителя Іоакимовской лѣтописи, кто бы онъ ни былъ. б) Но о Гостомыслѣ говорятъ такъ или иначе и другія изъ нашихъ позднихъ лѣтописей, какъ то Софійская I, Никоновская, Воскресенская, Тверская, съ тѣмъ только различіемъ, что однѣ изъ нихъ отдаляютъ существованіе его на многіе вѣка до начала русской исторіи, относя къ тому времени,

---

[1]) Татищевъ Истор. Росс. Ч. I, стр. 31–35 и 48 примѣч. 33. Сп. Ч. II, прим. 44, 58, 76. Надобно замѣтить, что въ изложеніи сказаній Іоакимовской лѣтописи у Татищева не вездѣ ясно, что онъ передаетъ словами самой лѣтописи и что прибавляетъ отъ себя, въ видѣ догадки, поясненія и т. д.

когда славяне впервые поселились на Ильменѣ и избрали себѣ старѣйшиной Гостомысла, другія пріурочиваютъ его къ началу нашей исторіи, когда онъ далъ совѣтъ союзнымъ славянофинскимъ племенамъ призвать князя изъ варяговъ. О Гостомыслѣ знаетъ и Стрыйковскій, писавшій свою польскую хронику во 2-й пол. XVI в. и пользовавшійся русскими лѣтописями, и что особенно важно, о Гостомыслѣ говоритъ и Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 г. и здѣсь ознакомившійся съ памятниками нашей письменности, въ томъ числѣ и лѣтописями [1]). Изъ этого видно, что преданіе о Гостомыслѣ было уже довольно распространеннымъ у нашихъ книжниковъ еще съ первой половинѣ XVI в. в) Не стоитъ одиноко въ Іоакимовой лѣтописи и указаніе на Изборскъ, какъ родину Ольги, указываемый, какъ ея родина, и въ раскольническомъ спискѣ лѣтописи, бывшемъ у Татищева. г) Затѣмъ все остальное, что говорится въ Іоакимовой лѣтописи о Гостомыслѣ и Ольгѣ, принадлежитъ исключительно этой лѣтописи. Только онъ знаетъ о трехъ дочеряхъ Гостомысла, въ частности и о старшей, женѣ изборскаго князя и матери Ольги. Она одна знаетъ прежнее славянское имя невѣсты Игоря—Прекрасы и то, что Олегъ переименовалъ ее въ Ольгу. Первый передатчикъ этихъ извѣстій Іоакимовой лѣтописи Татищевъ вполнѣ довѣряетъ имъ. Опираясь на извѣстія этой лѣтописи и защищая ихъ, Татищевъ опровергаетъ показанія Минеи и Степенной книги, что Ольга была поселянка изъ Выбутской веси; порицаетъ, какъ ошибку, то, что въ Степенной книгѣ собственное славянское имя Ольги Прекраса понято, какъ прилагательное *прекрасная*. Есть довѣряющіе этимъ сообщеніямъ Іоакимовой лѣтописи и между позднѣйшими нашими и притомъ очень солидными историками. Такъ, преосвященный Филаретъ (Гумилевскій) въ своемъ житіи св. Ольги, помѣщенномъ въ книгѣ «Русскіе Святые» за іюль (подъ 11 іюля) выражается: «нѣтъ причинъ не принимать того показанія Іоакимовой лѣтописи, что Ольга была изъ рода Гостомысла, славнаго умомъ и вліяніемъ своимъ на племена славянскія, того самаго, по совѣту котораго, для прекращенія между родами неурядицъ, былъ призванъ изъ вендской, славянской страны Рюрикъ—Соколъ. По той же лѣтописи, Ольга называлась Прекрасою, по красотѣ лица и души, а Ольгою назвалъ

[1]) П. Собр. Р. Л. 83; VII, 262; (X, 3. XV, I с.). Снес. Карамз. Ист. Г. Росс. Т. I, гл. 4, стр. 69 и примѣч. 274 изд. Эйнера. Бестужева-Рюмина. О составѣ русск. лѣт. Прилож. стр. 1. Спб. 1868. Лейбовича „Сводная лѣтопись", стр. 14. Спб. 1876 года.

ее по своему имени опекунъ Игоря—Олегъ, когда выдалъ ее за Игоря». Славянофильскія увлеченія историка, видимыя и на этой небольшой тирадѣ, достаточно объясняютъ для насъ довѣріе его къ показаніямъ Іоакимовой лѣтописи, также славянофильствующей, и въ этомъ направленіи переработывающей нашу начальную исторію. Но вообще наши историки, имѣя въ виду баснословія Іоакимовой лѣтописи, далеки и отъ довѣрія къ показаніямъ ея о Гостомыслѣ и Ольгѣ. Болѣе довѣрія встрѣчало лишь одно изъ этихъ показаній, касающееся замѣны Олегомъ прежняго имени жены Игоря на имя Ольги. Послѣ Татищева это показаніе Іоакимовой лѣтописи принималъ Карамзинъ, выражавшійся такъ: «имя свое Ольга приняла, кажется, отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей достойной княжнѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви [1]). Погодинъ такое мнѣніе Татищева и Карамзина объ имени Ольги призналъ несостоятельнымъ. «Эта догадка, замѣчаетъ онъ, не основана на историческомъ свидѣтельствѣ: и едвали можно грубымъ необразованнымъ людямъ X столѣтія приписать такую учтивость, которая принесла бы честь XIX столѣтію. Вѣроятнѣе заключить слѣдуетъ, что имя сіе принадлежало ей (Ольгѣ) съ самаго начала, а не принято впослѣдствіи [2]). Впрочемъ, какъ бы ни смотрѣть на тѣ частныя черты свидѣтельства Іоакимовой лѣтописи о происхожденіи Ольги, которыя составляютъ ея особенность, для насъ важна общая сторона этого свидѣтельства,—та именно, что Ольга производится изъ Руси, притомъ изъ Руси сѣверной, изъ области Плесковской или Псковской, въ которой находился и городъ Изборскъ.

Изъ представленнаго обзора бывшихъ доселѣ извѣстными сказаній о происхожденіи Ольги дается видѣть, что всѣ они *согласны въ общемъ—въ опредѣленіи рода Ольги*, т. е. въ томъ, что Ольга была родомъ *русская* и происходила именно изъ *сѣверной* Руси, изъ *Плесковской* области. Это согласіе, отмѣчаемое нашими историками [3]), указываетъ, безъ сомнѣнія, на то, что преданіе о такомъ происхожденіи Ольги было не только наиболѣе древнимъ, но и наиболѣе твердымъ и распространеннымъ, такъ что новое извѣстіе Владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи ея оказывается пока совершенно одинокимъ. Что касается до частныхъ показаній о родѣ Ольги,

[1]) И. Г. Росс. Т. I, стр. 89. Изд. Эйнерлинга.

[2]) Изслѣд. и проч. Т. III, стр. 91—92.

[3]) Въ „Исторіи Россіи“ Соловьева говорится: изъ преданій о происхожденіи Ольги можно принять за вѣрное только одно—что она была родомъ изъ сѣверныхъ областей (Руси). Т. I, прим. 204.

представляемыхъ упомянутыми позднѣйшими извѣстіями и состоящими въ томъ, что одни изъ нихъ полагаютъ родиной Ольги вмѣсто Плескова Выбутино, другія Изборскъ, одни считаютъ ее варяжкою простаго рода, другія славянкою (по матери) княжескаго рода,—то эти показанія имѣютъ для насъ въ данномъ случаѣ второстепенное значеніе. Такъ или иначе понимаемыя, они могутъ имѣть значеніе только вспомогательныхъ данныхъ для рѣшенія общаго занимающаго насъ вопроса.

III.

Послѣ обзора бывшихъ доселѣ извѣстными свидѣтельствъ и сказаній о происхожденіи Ольги, сосредоточимъ вниманіе на историографическомъ значеніи новооткрытаго Владимірскаго лѣтописца, дающаго новое свидѣтельство о происхожденіи Ольги—не русскомъ, а болгарскомъ. Конечно, мы можемъ говорить о немъ на основаніи лишь тѣхъ свѣдѣній о немъ, какія сообщены въ статьѣ достоуважаемаго о. Леонида и того отрывка изъ лѣтописца, какой приложенъ къ статьѣ. Итакъ:

1) Владимірскій лѣтописецъ писалъ *въ исходѣ XV в.*, слѣдовательно, позднѣе не только начальной лѣтописи, но и обоихъ древнихъ списковъ ея. Въ изложеніи событій онъ «слѣдуетъ указаніямъ нашей начальной лѣтописи, но замѣтно уклоняется отъ повторенія всѣхъ легендарныхъ сказаній ея, встрѣчающихся на первыхъ годахъ, а мѣстами дѣлаетъ весьма важныя и любопытныя дополненія и поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ своего источника». Къ этому замѣчанію издателя (отрывка) лѣтописца присовокупилъ, что онъ *сокращенно* передаетъ и нѣкоторыя *нелегендарныя* извѣстія начальной лѣтописи. Словомъ, новооткрытый лѣтописецъ принадлежитъ къ разряду *позднихъ сокращенныхъ лѣтописей*. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на такъ называемую *Супрасльскую* лѣтопись въ двухъ частяхъ ея, представляющихъ *сокращенную новгородскую и сокращенную кіевскую* лѣтопись [1]). Съ послѣднею онъ сходенъ и своимъ «родословцемъ» или перечнемъ князей, который во Влад. лѣтописи оканчивается сыномъ Іоанна III, Іоанномъ Младымъ, въ Супрасльской сыномъ послѣдняго Димитріемъ Но Владимірскій лѣтописецъ, судя по крайней мѣрѣ по имѣющемуся

[1]) Супрасльская лѣтопись, такъ названная по монастырю, въ которомъ она была найдена, изд. княземъ М. О. Оболенскимъ. Москва. 1836 г.

Інститут Українськ

на лицо отрывку его, обильнѣе Супрасльской лѣтописи *варіантами*, т. е. дополненіями и поясненіями къ извѣстіямъ своего источника. По отношенію къ тѣмъ извѣстіямъ *позднихъ* лѣтописей, какія не встрѣчаются въ древнихъ, существуетъ, между прочимъ, то правило критики, что, если эти извѣстія представляютъ собою *не пространныя сказанія*, а именно *краткія* извѣстія, то они могутъ быть принимаемы сравнительно съ большимъ довѣріемъ, ибо они могли быть *простыми выписками* отъ недошедшихъ до насъ *древнихъ лѣтописныхъ записей*, тогда какъ пространныя сказанія болѣе или менѣе отражаютъ на себѣ слѣды *сочиненности*. Но это правило имѣетъ настоящее приложеніе именно только при *сравнительной оцѣнкѣ* краткихъ извѣстій и пространныхъ сказаній, заключающихся въ *одной и той же лѣтописи*, лѣтописи обширной, какова напр. Никоновская. Но относительно позднихъ *сокращенныхъ* лѣтописей, въ которыхъ новыя сообщенія даются *исключительно* въ видѣ краткихъ извѣстій, вопросъ о происхожденіи ихъ, а слѣд. и степени достовѣрности ставится нѣсколько иначе: авторъ поздней сокращенной лѣтописи, работая, какъ авторъ, могъ *по своему* не только сокращать, но *и добавлять и пояснять*, хотя бы то въ видѣ самыхъ краткихъ оговорокъ, варіантовъ. Всегда ли онъ бралъ такія добавленія и поясненія изъ древнихъ источниковъ, или же бралъ ихъ изъ болѣе позднихъ, даже современныхъ ему, а мѣстами вносилъ и собственные домыслы? — Это еще вопросъ. Этотъ вопросъ приложимъ и къ Владимірскому лѣтописцу,—и тѣмъ болѣе, что онъ, какъ сказано, довольно обиленъ дополненіями, вообще варіантами, хотя и весьма краткими. Войдемъ въ ближайшее разсмотрѣніе ихъ.

2) Въ изданномъ отрывкѣ Владимірскаго лѣтописца находимъ *восемь варіантовъ*, подъ которыми разумѣемъ все то, что сообщаетъ онъ въ добавокъ къ извѣстіямъ или взамѣнъ извѣстій *начальной* лѣтописи, лежащей въ его основѣ. Укажемъ сперва на послѣдній изъ нихъ, интересный тѣмъ, что онъ сразу, ясно даетъ видѣть свой источникъ и такимъ образомъ до нѣкоторой степени вводитъ насъ въ представленіе вообще о составѣ источниковъ нашего лѣтописца. Говоря о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ и народа въ Кіевѣ, лѣтописецъ прибавляетъ: *приде изъ Цареграда митрополитъ Леонъ*. Извѣстно, что о м. Леонѣ не говоритъ начальная лѣтопись. Единственное *лѣтописное* извѣстіе о немъ, какъ *первомъ* митрополитѣ, есть извѣстіе древней *Новгородской* лѣтописи, читаемое въ позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописныхъ сводахъ, пространныхъ и краткихъ, перешедшее

во многіе позднѣйшіе списки и начальной лѣтописи, находящееся также и въ древнѣйшемъ спискѣ устава св. Владиміра, дошедшемъ также отъ Новгорода (въ спискѣ Кормчей конца XIII в.). Отсюда слѣдуетъ заключить, что Владимірскій лѣтописецъ пользовался *Новгородскою* лѣтописью. Это обстоятельство могло бы хорошо рекомендовать нашего лѣтописца, давая предполагать, что онъ, при своихъ добавленіяхъ къ извѣстіямъ начальной лѣтописи, имѣлъ въ виду и древніе источники. Но пойдемъ къ другимъ варіантамъ.

Въ начальной строкѣ лѣтописца о призваніи князей читаемъ: «Въ лѣто 63 (862) придоша *Русь*, Словены, Чудь, *Лопь*, Кривичи къ Варягамъ и сказаша себѣ у нихъ властей.» Варіантъ *Русь*, представляемая, какъ туземное племя, участвующее въ призваніи Варяговъ, принадлежитъ не исключительно новооткрытому лѣтописцу. Онъ встрѣчается въ продолженіи къ *Лѣтописцу вскорѣ* (краткому лѣтописцу) патр. Никифора, существующему въ древнемъ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ *въ Новгородѣ* и сохранившемся въ рукописи конца XIII в. [1]); встрѣчается также, въ той или другой постановкѣ, въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, въ Воскресенской лѣтописи, въ Степенной книгѣ, въ Іоакимовой лѣтописи и у Стрыйковскаго, который какъ извѣстно, пользовался русскими лѣтописями, въ частности новгородскими [2]). По всей вѣроятности, варіантъ о Руси появился первоначально въ новгородскихъ лѣтописяхъ и отсюда перешелъ въ другія. Но этотъ варіантъ, постановкою котораго поздніе лѣтописи входятъ въ противорѣчіе съ самими собою [3]), находится въ прямомъ противорѣчіи съ свидѣтельствомъ начальной лѣтописи, въ которой не Русь участвуетъ съ другими племенами въ призваніи князей, а сами эти племена посылаютъ въ варягамъ-руси — звать князей. Хотя означенный варіантъ восходитъ къ концу XIII в. (если, впрочемъ, это можетъ быть признано несомнѣннымъ), но онъ, на нашъ взглядъ, отнюдь не можетъ перевѣшивать свидѣтельства начальной лѣтописи о руссахъ, какъ варягахъ или норманнахъ, бывшихъ призванными, а не призывав-

---

[1]) П. Собр. Р. Л. 1, 251. См. Попова „Обзоръ хронографовъ“ 1, 186; 11, 15.

[2]) Указанія на этотъ варіантъ или выписки мѣстъ, гдѣ онъ встрѣчается, можно видѣть у гг. Иловайскаго (l. c.) Бестужева-Рюмина (О составѣ русск. лѣтописей до конца XIV в.; прилож. 1 стр. 1—4), Лейбовича (l. c.) 10 с. Первольфа (Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. II, стр. 433—434. Варшава. 1888 г.).

[3]) Напр. въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго сперва говорится, что племена послали за море къ Варягамъ, къ *Руси*, а вслѣдъ затѣмъ въ числѣ посылавшихъ ставятся: *Русь*, Чудь, Словене и проч. Изд. кн. Оболонскаго, М. 1851 г. стр. 3.

шими,—свидѣтельства, подкрѣпляемаго цѣлымъ рядомъ другихъ свидѣтельствъ восточныхъ и западныхъ о руссахъ, какъ норманнахъ и многими другими признаками такого именно происхожденія руссовъ [1]). Итакъ варіантъ *Русь* въ лѣтописцѣ владимірскомъ даетъ поводъ думать, что онъ не всегда былъ довольно разборчивъ или счастливъ въ пользованіи источниками, по которымъ обработывалъ свою сокращенную лѣтопись [2]).

Еще болѣе смущаетъ насъ второй варіантъ начальной строки этого лѣтописца, гдѣ въ числѣ племенъ участвующихъ въ призваніи князей ставится *Лопь*. Этой Лопи, сколько мы знаемъ, нѣтъ въ данномъ мѣстѣ ни въ одной лѣтописи, и она принадлежитъ исключительно лѣтописцу владимірскому. Какъ бы ни объяснять происхожденіе этого варіанта, но онъ, подобно варіанту Русь, способенъ возбуждать новое сомнѣніе въ историческомъ значеніи варіантовъ этого лѣтописца, располагая къ мысли, что они были или собственными домыслами лѣтописца, или же такими домыслами другого какого либо книжника, которымъ онъ пользовался.

Слѣдующій затѣмъ варіантъ касается Аскольда и Дира, которые называются здѣсь *князьями*, тогда какъ въ начальной лѣтописи говорится, что они были именно *не князья, а боярина*. Конечно, Аскольдъ

---

[1]) Ослабляя значеніе свидѣтельства начальной лѣтописи указываютъ на то, что переводный краткій лѣтописецъ патр. Никифора дошелъ къ намъ въ рукописи отъ конца XIII в., тогда какъ Ипатскій списокъ лѣтописи отъ XIV или нач. XV, а Лаврентьевскій отъ 1377 г. Но вѣдь въ этихъ спискахъ имѣемъ мы *тождественную начальную лѣтопись нач. XII в.* Защитники туземности и славянства начальной Руси тѣмъ менѣе могутъ ссылаться на поздніе новгородскіе свидѣтельства о Руси, участвовавшей въ призваніи князей, что сами же признаютъ, что отечество Руси было не на сѣверѣ, а на югѣ (Розысканія о началѣ Руси г. Иловайскаго, стр. 300—301. 231). Впрочемъ этимъ отечествомъ Руси на югѣ русской земли были, по нашему убѣжденію, сперва Черноморье, съ тѣхъ поръ какъ осѣлись здѣсь пришлые съ Скандинавскаго сѣвера руссы-норманны, а уже потомъ кіевская Русь, когда здѣсь утвердились, прибывшіе оттуда же варяго-руссы.

[2]) Здѣсь мы расходимся во взглядѣ на варіантъ *Руси* съ многоуважаемымъ ученымъ историкомъ и изслѣдователемъ г. Иловайскимъ, который придаетъ важное значеніе этому варіанту, сопоставляя его съ другими свидѣтельствами о Руси, какъ славянскомъ племени на сѣверѣ (Историко-критическіе замѣтки. Русск. Вѣстникъ 1888 г. Декабрь). Для насъ этотъ варіантъ есть слабая, а не сильная черта въ новооткрытомъ лѣтописцѣ. Перенесеніе позднѣйшими лѣтописцами Руси на сѣверъ въ составъ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи варяговъ, имѣетъ, на нашъ взглядъ, такое же значеніе, какъ отождествленіе нѣкоторыми изъ сихъ лѣтописцевъ южныхъ, особенно черноморскихъ, руссовъ съ куманами...

и Диръ могли быть названы князьями, потому что, овладѣвъ Кіевомъ, вокняжились сами въ немъ, независимо отъ Рюрика. Поэтому то они называются князьями и въ нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Тамъ не менѣе обращеніе Аскольда и Дира въ князей выражаетъ только то, какъ понимали позднѣйшіе лѣтописцы, въ томъ числѣ и владимірскій, положеніе Аскольда и Дира въ Кіевѣ, иначе сказать: оно представляетъ собою собственный домыселъ ихъ, а не извѣстіе, почерпнутое изъ древнихъ источниковъ, въ которыхъ оно не встрѣчается и которымъ противорѣчитъ. Затѣмъ, минуя пока варіантъ объ Ольгѣ, укажемъ на три остальные. Послѣ разсказа объ Олегѣ, лѣтописецъ продолжаетъ: «по немъ нача княжити Игорь и воева Деревскую землѣ, *рекше Литву*». И далѣе: «Ольга съ сыномъ своимъ мсти кровь мужа своего и князя оубіи Мала именемъ и *всю Литву* высече». Здѣсь мы видимъ замѣчательный образецъ, какъ позволяли себѣ поступать въ своемъ дѣлѣ составители сокращенныхъ лѣтописей: по своему соображенію опуская одни извѣстія въ древнихъ лѣтописяхъ, они, по своему же соображенію, вносили дополненія и поясненія къ древнимъ извѣстіямъ: ибо варіантъ *рекше Литву* и *всю Литву* высече есть уже, безъ всякаго сомнѣнія, собственный, хотя и крайне неудачный, домыселъ лѣтописца XV в., или другого автора, служившаго ему источникомъ.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ варіантъ о Святославѣ: «И начатъ княжити Святославъ нарицаемы *легкый*». Этотъ варіантъ встрѣчается и въ той части Супрасльской лѣтописи, которая называется сокращенною Кіевскою лѣтописью и писана ок. 1516 г., на которомъ она кончается. Здѣсь читаемъ: «сынъ же бысть у Игоря Святославъ *легькый* [1]). Такъ какъ упомянутая Супрасльская лѣтопись немного моложе владимірскаго лѣтописца, то варіантъ легкій о Святославѣ не могъ быть взятъ послѣднимъ изъ первой, а обоими изъ общаго источника. Всего проще онъ есть самодѣльное обращеніе какимъ либо книжникомъ въ эпитетъ выраженія начальной лѣтописи о Святославѣ: *легко* ходя, аки пардусъ (подъ 964 г.).

О Святославѣ, въ извѣстіи объ убіеніи его печенѣгами у пороговъ днѣпровскихъ, имѣется еще слѣдующій варіантъ: «Печенежски же князь именемъ *Редега* окова лобъ Святослава и написа кругъ его

---

[1]) Супр. Лѣт. стр. 127. Замѣчено уже, что эта лѣтопись сходится съ Влад. лѣтописью и своимъ родословіемъ князей, перечень которыхъ кончается сыновьями Іоанна III и сыномъ Іоанномъ Младаго Димитріемъ.

такъ: *чужихъ ища и свое погуби*». Варіантъ *Редеря* вм. *Куря* древней лѣтописи, читается въ архангелогородскомъ спискѣ, а слова надписи въ болѣе пространномъ видѣ читаются въ русскомъ лѣтописцѣ, называемомъ *Львовскою* лѣтописью, по имени ея издателя Львова (1778 г.): «и сдѣлаша чашу и оковавше златомъ лобъ его и надписаша на ней тако: *Чужаго паче силы желая, своя погуби за премногую его несытость*» [1]). Интересно, что надпись приводится и у Стрыйковскаго — такъ: *ища чужаго, свое погубляешь*. Чтеніе Стрыйковскаго тождественно съ чтеніемъ у Владимірскаго лѣтописца, которое, конечно, древнѣе распространеннаго чтенія въ Львовской лѣтописи. Возможно, что всѣ они имѣли одинъ и тотъ же источникъ и на этотъ разъ, вѣроятнѣе, уже южно или западно-русскій. Едва ли нужно говорить, что извѣстіе о надписи есть вымыселъ, построенный на читаемыхъ въ древней лѣтописи словахъ кіевлянъ къ Святославу: «*ты, княже, чужея земли ищеши, и своея ся лишивъ*».

Послѣ обзора варіантовъ Владимірскаго лѣтописца, что можно сказать объ общемъ характерѣ ихъ? Къ большому сожалѣнію, за исключеніемъ варіанта о м. Леонѣ, всѣ остальные варіанты—не такого качества, чтобы могли располагать къ особенному довѣрію къ авторской или редакторской работѣ лѣтописца. Трудно освободиться отъ мысли, что выражаемыя этими варіантами дополненія, поправки, поясненія къ извѣстіямъ начальной лѣтописи представляютъ собою болѣе догадки, домыслы самаго лѣтописца или того источника, подъ вліяніемъ котораго онъ позволялъ себя пополнять, пояснять и поправлять извѣстія древней, начальной лѣтописи. Источникъ нѣкоторыхъ изъ этихъ дополненій и поправокъ исходилъ, предположили мы, изъ Новгорода, которому вообще принадлежитъ первая честь новой передѣлки извѣстій и сказаній начальной Кіевской лѣтописи, въ томъ числѣ и сказаній объ Ольгѣ, и въ которомъ духъ вольности и независимости сказывался, повидимому, и на литературныхъ работахъ его книжниковъ. Въ другихъ варіантахъ можно предполагать вліяніе южно-западно-русскихъ книжныхъ источниковъ, хотя доискиваться болѣе точнаго разъясненія этихъ вліяній было бы едва ли выполнимою задачею.

При взглядѣ на такой характеръ варіантовъ т. е. дополненій и поясненій къ древнимъ извѣстіямъ, встрѣчаемыхъ въ лѣтописцѣ Владимірскомъ что остается сказать о томъ главномъ, занимающемъ

[1]) Лейбовича, Сводная лѣтопись стр. 65.

насъ, варіантѣ, который заключается въ словахъ: *Игоря же жени въ Болгарѣхъ, поятъ за него княжну именемъ Ольгу?*

Правила критики заставляютъ судить о немъ не по тому единственно вѣрному варіанту или дополненію, въ которомъ говорится о м. Леонѣ, а по цѣлому ряду остальныхъ варіантовъ, значеніе, отчасти и происхожденіе которыхъ было здѣсь уяснено. Иначе сказать: варіантъ о болгарскомъ происхожденіи Ольги, *по всей вѣроятности*, не взятъ изъ *древняго* источника, а есть плодъ собственнаго домысла владимірскаго лѣтописца или другаго близкаго къ его времени книжника, которымъ онъ полозовался, составляя свою сокращенную лѣтопись. *Полная одиночность* этого *поздняго* варіанта, нигдѣ не встрѣчаемаго ни до, ни послѣ владимірскаго лѣтописца, склоняетъ къ первому выводу, то есть, что варіантъ этотъ есть *именно плодъ собственнаго* домысла лѣтописца, дающаго видѣть свою способность къ подобнымъ домысламъ на другихъ варіантахъ, каковъ напримѣръ: *Деревскую землю, рекше Литву*. Необходимо однако же предположить, что лѣтописецъ имѣлъ какія либо, хотя бы то *косвенныя, основанія* для своего домысла. По всей вѣроятности, первымъ основаніемъ служилъ здѣсь тотъ памятникъ, на который уже указалъ достоуважаемый о. арх. Леонидъ въ своихъ объясненіяхъ на означаемый варіантъ и о которомъ было упомянуто выше: это—славяно-болгарскій переводъ греческой хроники Константина Манассіи съ замѣтками при немъ переводчика. Стихотворная, обильная витійствомъ, но бѣдная содержаніемъ, хроника Манассіи писана въ XII в., ок. 1144 г. Переводъ хроники сдѣланъ въ Болгаріи, а древнѣйшій, извѣстный у насъ списокъ перевода есть Синодальный (№ 38), писанный въ Болгаріи для болгарскаго царя Іоанна-Александра въ 1345 г. [1]) Замѣтки, присоединенныя болгарскимъ переводчикомъ къ своему переводу хроники, относятся къ болгарской исторіи въ связи съ византійскою. Въ ряду ихъ есть слѣдующая замѣтка, относящаяся къ войнѣ императора Василія II Болгаробойца съ Самуиломъ, царемъ болгарскимъ: «сей царь Василій

[1]) О хроникѣ Манассіи, переводѣ его, замѣткахъ къ нему и спискахъ перевода съ этими замѣтками см. Черткова „О переводѣ Манассіиной лѣтописи“ въ Русск. Историч. Сборн. т. VI, кн. 1, М. 1843 г.; А. Попова. „Обзоръ хронографовъ русской редакціи“. Вып. 1. стр. 99—179. Вып. 2. стр, 6—7. Чертковъ, говоря, что дошедшіе до насъ списки перевода не старѣе первой половины XIV в., прибавляетъ: но самый переводъ сдѣланъ, вѣроятно, въ XII столѣтіи. Ни чѣмъ не подкрѣпляется эта вѣроятность; вѣрнѣе предположеніе г. Попова, что и самый переводъ совершенъ въ первой половинѣ XIV в.

разбилъ Самуила, болгарскаго царя двукратно и взялъ города Бдинъ (Виддинъ) *Плиску*, Преславъ великій и малый и прочіе города» [1]). Хроника Манассіи въ болгарскомъ переводѣ и съ приписками болгарскаго переводчика досталась Руси, конечно, отъ Болгаріи, бывъ принесена какимъ либо, бывавшимъ въ Болгаріи, книголюбцемъ, что могло быть спустя годы и даже десятилѣтія послѣ 1345 г. [2]). Со временемъ она пріобрѣла у насъ довольно большую извѣстность, такъ что стала однимъ изъ видныхъ источниковъ, которыми пользовались для своихъ литературныхъ трудовъ составители нашихъ позднѣйшихъ лѣтописей и хронографовъ [3]). Въ частности, та приведенная нами выше замѣтка, въ которой говорится о городахъ, завоеванныхъ царемъ Василіемъ II въ Болгаріи, послужила для нихъ источникомъ, изъ котораго они могли знать о существованіи въ древней Болгаріи города *Плиски* или *Плискувы* [4]) Необходимо думать, что и нашъ владимірскій лѣтописецъ зналъ упомянутое извѣстіе о болгарской Плискѣ или Плискувѣ, что онъ нашелъ возможность сопоставить его съ извѣстіемъ начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ *Плескова*, столько однозвучнаго съ болгарскою *Плискою*, а затѣмъ истолковать это русское извѣстіе въ томъ смыслѣ, что Плесковъ здѣсь разумѣется не русскій, а болгарскій, хотя такое толкованіе шло наперекоръ начальной лѣтописи, ясно дающей видѣть, что она разумѣетъ русскій Плесковъ. Подробное толкованіе могло произойти также просто, какъ толкованіе—*Деревскую землю, рекше Литву*, хотя оно стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ начальною лѣтописью, считающею древлянъ

---

[1]) Подлинный славяно-болгарскій текстъ этой приписки приведенъ у о. архим. Леонида, помѣщенъ также въ упомянутыхъ сочиненіяхъ Черткова (стр. 118) и А. Попова (стр. 178).

[2]) Возможно, что она принесена въ Русь еще при митрополитѣ Кипріанѣ, который былъ, вѣроятнѣе, родомъ не сербъ, а болгаринъ, извѣстенъ своимъ книголюбіемъ, знакомствомъ съ произведеніями юго-славянской, болгаро-сербской письменности и наклонностію усвоять ихъ и нашей Руси.

[3]) Многочисленныя выписки изъ хронографовъ и лѣтописей, сопоставленныя съ выписями изъ Синодальнаго списка перевода Манассіиной хроники и замѣтокъ къ нему, можно видѣть въ упомянутыхъ соч. Черткова и А. Попова.

[4]) Здѣсь мы сближаемся съ мнѣніемъ по этому предмету достоуважаемаго о. архим. Леонида, который выражается такъ: „а что Плесковъ былъ древній городъ въ Болгаріи, ничего общаго съ нашимъ Псковомъ не имѣющій, они могли узнать изъ вышеуказаннаго нами славянскаго источника (переводъ лѣтописи Манассіи XIV вѣка)“. Стр. 219. Цитованная замѣтка не одинъ разъ приводится въ нашихъ хронографахъ и лѣтописяхъ.

славянскимъ, а не литовскимъ племенемъ [1]). Въ поясненіе возможности у нашего владимірскаго лѣтописца конца XV в. того вывода или домысла, какой явился у него изъ сопоставленія русскаго извѣстія о Плесковѣ и болгарскаго о Плискѣ, укажемъ на довольно аналогичный примѣръ другого вывода или домысла объ отношеніи этихъ городовъ въ связи съ отношеніемъ ихъ обоихъ къ Ольгѣ. Еще задолго до нашего времени и до открытія Владимірскаго лѣтописца и сообщаемаго имъ мнѣнія о болгарскомъ происхожденіи Ольги уже высказывалась мысль, что русскій Плесковъ получилъ названіе отъ болгарской Плиски,—и главное, что это названіе дано первому *Ольгою*, бывъ взято отъ послѣдней. М. Евгеній, въ своей «Исторіи княжества Псковскаго», излагая разныя мнѣнія о происхожденіи названія Плескова, замѣчаетъ: «другіе думаютъ, что Ольга *въ путешествіи своемъ въ Константинополь*, замѣтивъ почему нибудь болгарскій городъ Плискову «за Дунаемъ бывшую и съ прочими болгарскими городами состоявшую послѣ во владѣніи сына ея Святослава, нарекла симъ именемъ и *свой* городъ» [2]). Если подобное мнѣніе могло возникнуть при отсутствіи всякихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы Ольга видѣла болгарскую Плискову, и при наличности ясныхъ свидѣтельствъ начальной лѣтописи о русскомъ Плесковѣ, какъ существовавшемъ еще до путешествія Ольги въ Царьградъ; то что удивительнаго и въ томъ, что нашъ владимірскій лѣтописецъ, увлекаемый созвучіемъ Плескова и Плискувы, додумался поставить послѣднюю на мѣсто перваго и затѣмъ истолковать свидѣтельство начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ Плескова, какъ свидѣтельство о ея болгарскомъ происхожденіи? Упоминаемые м. Евгеніемъ представители того мнѣнія, что русскій Плесковъ, бывшій родиною Ольги, могъ получить названіе отъ болгарской Плискувы и что оно дано ему Ольгою, располагались къ такому выводу не только созвучіемъ этихъ названій, но еще и довѣріемъ *къ позднѣйшимъ сказаніямъ*, что русскій Плесковъ не суще-

[1]) Достоуважаемый авторъ „Историко-критическихъ замѣтокъ (Русск. Вѣстникъ, декабрь, 1888 г.) замѣчаетъ, что варіанты, подобные сейчасъ приведенному, свидѣтельствуютъ только *объ искаженіяхъ*, которымъ подвергалась новоотрытая Владимірская лѣтопись. Съ своей стороны мы не находимъ никакого повода признать здѣсь искаженія. Всею совокупностію своею они даютъ видѣть, что они—дѣло самаго автора данной лѣтописи. Во всякомъ случаѣ, если говорить объ искаженіяхъ, то ихъ нужно *доказать*. Иначе легко будетъ относить на счетъ искаженій, вставокъ и т. под. всякое выраженіе въ памятникѣ, не подходящее къ нашимъ предвзятымъ мнѣніямъ относительно значенія свидѣтельствъ этого памятника.

[2]) Ист. Кн. Пск. стр. 11. Кіевъ. 1831 г.

ствовалъ до замужества Ольги и что онъ основанъ Ольгою, уже христіанкою. Очень возможно, что нѣчто подобное было у нашего лѣтописца. Правда, тѣ мѣстныя новгородско-псковскія сказанія, которыя, перенося родину Ольги съ Плескова на Выбутино или Изборскъ, ссылались на то, что «града Плескова тогда не бысть», а основанъ уже Ольгою,—эти сказанія позднѣе владимірскаго лѣтописца. Но нѣкоторые изъ нихъ ссылаются уже на *предшествующія повѣсти многи*, слѣд. указываютъ на *болѣе раннее* происхожденіе подобнаго мнѣнія или преданія относительно Плескова. Возможно, что и владимірскій лѣтописецъ такъ или иначе усвоилъ себѣ мнѣніе, что русскій Плесковъ есть городъ уже позднѣйшій, основанный Ольгою, что, слѣдовательно, Плесковъ, изъ котораго она въ 903 г. была приведена въ жены Игорю, есть не русскій, а болгарскій, открытый имъ въ приписке къ хроникѣ Манассіи, что поэтому Ольга была родомъ—болгарка. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, для насъ важенъ собственно тотъ общій *наиболѣе вѣроятный* выводъ, что одиноко стоящее извѣстіе поздняго владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи Ольги есть *не извѣстіе*, почерпнутое изъ древняго источника, а *мнѣніе* самаго лѣтописца, сложившееся, всего вѣроятнѣе, подъ вліяніемъ болгарскаго извѣстія о существованіи въ Болгаріи древняго города, созвучнаго по названію Плескову начальной лѣтописи. Тѣмъ неотразимѣе становится то заключеніе, что одиночное извѣстіе владимірскаго лѣтописца далеко не можетъ перевѣсить значенія всѣхъ остальныхъ древнихъ и позднихъ извѣстій и сказаній о русскомъ происхожденіи Ольги.

Въ заключеніе настоящаго обзора и анализа извѣстій о происхожденіи Ольги остается указать еще на одно извѣстіе, также одиночное и столько же оригинальное, какъ и извѣстіе владимірскаго лѣтописца, и потому могущее служить назидательною иллюстраціею къ нему. Оно сообщается въ *краткой* лѣтописи, писанной послѣ 1606 г., надо полагать, въ Москвѣ и вошедшей въ составъ рукописнаго сборника XVII в., находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ [1]). Здѣсь, послѣ разсказа о походѣ Олега на Царьградъ, говорится: «и *посемъ* женися князь Игорь Рюриковичь во Плескове, поя себе *княжну* Олгу, *дщерь Тмутарахана, князя половецкаго*». Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это сообщеніе не есть извѣстіе, почерпнутое изъ ка-

[1]) Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Импер. Публ. Библіотеки. А. Ѳ. Бычкова Ч. I. стр. 153—154. Спб. 1882 г.

кого либо древняго источника, а собственное мнѣніе, собственное измышленіе автора краткой лѣтописи, москвича XVII в. Какъ онъ додумался отыскать отца Ольгѣ въ Тмутараканѣ, князѣ половецкомъ, а женитьбу Игоря на ней перенесть на время послѣ похода Олега на Царьградъ,—это можно оставить безъ выясненія, хотя бы такое выясненіе и казалось возможнымъ. Для нашей цѣли достаточно указать на самый фактъ смѣлаго домысла московскаго лѣтописца XVII в., представляющій собою новый примѣръ того какъ авторы *позднѣйшихъ краткихъ лѣтописей*, опуская или сокращая пространныя легендарныя сказанія древнихъ лѣтописей, въ то же время не стѣснялись привносить къ нимъ *дополненія и поправки собственнаго сочиненія*, собственнаго авторскаго творчества и передавать ихъ въ совершенно положительномъ тонѣ. Словомъ, московскій лѣтописецъ XVII в. въ своемъ сообщеніи о половецкомъ происхожденіи Ольги представляется лишь болѣе смѣлымъ подражателемъ владимірскаго лѣтописца конца XV в. въ сообщеніи послѣдняго о болгарскомъ происхожденіи ея. Несравненно выше подобныхъ лѣтописцевъ стоитъ авторитетъ начальной лѣтописи, говорящей о русскомъ происхожденіи Ольги. Но въ вопросѣ о происхожденіи Ольги есть еще и другія стороны, въ разъясненіе которыхъ необходимо войти, какъ въ видахъ большаго освѣщенія главной стороны этого вопроса, т. е. болѣе твердаго констатированія факта русскаго происхожденія ея, такъ и въ надеждѣ достигнуть нѣкотораго разъясненія начальной, загадочной судьбы этой русской *плесковитыни*, или *псковитянки*, ставшей столько знаменитою въ нашей исторіи.

И. Малышевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

38.

Надписи на сволокахъ.

Наклонность украшать жилище обнаруживается уже у народовъ дикихъ и варварскихъ. Въ Новой Зеландіи деревянныя стѣны и потолокъ хижины украшаются рѣзьбой или разрисованными спиралями и арабесками, причемъ чаще всего раскрашивается верхній конёкъ (Firstbalken) или сволокъ (*Waitz*, Anthropologie, 51). Въ древней Греціи, по словамъ Гомера, стѣны украшались пластинками изъ свѣтлаго блестящаго металла, позднѣе, съ IV в. до Р. Х., фресками (*Магаффи*, Древне-греческая жизнь, 18). У римлянъ внутреннія стѣны домовъ даже самыхъ бѣдныхъ были ярко раскрашены (*Уэлькенсъ*, Древне-римская жизнь, 40). Въ древней Руси дома украшали снаружи и внутри рѣзьбой, что съ наибольшей отчетливостью сохранилось въ великорусской сельской архитектурѣ. Съ особенной заботливостью украшались подволоки или потолки. Большею частью они украшались рѣзьбой изъ дерева и составлялись изъ отдѣльныхъ штукъ, щитовъ или рамъ. Вмѣстѣ съ деревянною рѣзьбою подволоки убирались чаще всего слюдою съ рѣзными украшеніями изъ жести. Деревянныя рѣзныя подволоки золотились и расписывались красками (*Забѣлинъ*, Бытъ рус. цар. I. 117).

Эстетическое чувство южнорускаго народа издавна требуетъ наружнаго и внутренняго украшенія дома, что выражается или рѣзьбой на балкахъ, находящихся на виду подъ крышей или на дверяхъ

[1]) См. „Кіев. Старина“ 1889 г., № 5 и 6, май и іюнь.

и окнахъ, рѣзьбой и надписью на сволокѣ внутри хаты, раскраской оконныхъ лутокъ, рамъ и ставней, рисунками на дверяхъ и на печи. Въ ряду этихъ украшеній особенно выдаются по архаичности рѣзные сволоки.

Въ „Словѣ о полку Игоревѣ.“ кн. Святославъ видитъ нехорошій сонъ, что въ его теремѣ златоверхомъ доски безъ кнѣса, т. е. безъ сволока или матицы. Если теремъ былъ златоверхій, то, вѣроятно, и сволокъ былъ не простой, а съ какими нибудь украшеніями или надписями, тѣмъ болѣе, что онъ входилъ въ народныя повѣрья. И въ настоящее время народъ вѣритъ, что если приснится, что падаетъ сволокъ или доски безъ сволока, въ домѣ кто нибудь умретъ. Въ сербской пословицѣ: „Кад падне шлеме на теме“, т. е. когда упадетъ крыша (шеломя, конекъ) на голову напр. сыну послѣ смерти отца приходится заботиться о домѣ (*Потебня*, Слово о п. Иг. 90 *Огоновскаго*, Слово о п. Иг. 80).

Сволока съ рисунками и надписями были въ козацкихъ домахъ. Въ Никополѣ въ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда двумъ запорожскимъ старшинамъ, сохранилась на сволокѣ слѣдующая надпись. „Создася домъ сей рабомъ божіимъ онфріемъ (т. е. Онуфріемъ) назаровичемъ куреннымъ васюринскимъ да куреннымъ переяславскимъ гавриломъ ігнатовичемъ 1751 года іюля 12 дня“. На самой серединѣ надпись эта раздѣлена высѣченнымъ изображеніемъ креста съ обычными при немъ деталями: копьемъ и тростью. Сволокъ имѣетъ 19 арш. длины (*Эварницкій*, Запорожье, II, 45). Въ другомъ старинномъ козацкомъ домѣ въ Никополѣ сохранился сволокъ длиной въ 8 аршинъ и толщиной въ 4 вершка съ слѣдующей надписью: „Изволеніемъ Бога Отца Іскупителя и совершеніемъ Святаго Духа Амынь созданъ домъ сей стараніемъ Максима Калниболоцкаго 1746 году іюня“ (ib. 45). Оба эти домика построены были въ с. Покровскомъ, мѣстѣ послѣдней запорожской Сѣчи, и отсюда уже перевезены въ Никополь. Въ с. Покровскомъ сохранилось четыре сволока съ надписями, уцѣлѣвшіе еще отъ прошлаго столѣтія отъ запорожскихъ хатъ. У крестьянина Корнія Забары: „Благословеніемъ Отца и поспѣшествомъ Сына и совещеніемъ святаго Духа создася сей курень васюрынскаго войска васюринскимъ обществомъ за атамана Антона Головка 1710 году мая 24 дня“. Этотъ сволокъ былъ

протянутъ черезъ весь курень; но теперь урѣзанъ и имѣетъ всего лишь 9 аршинъ. У крест. Клима Пироговскаго: „Божіи(мъ) изволеніемъ і помощью создася домъ сей а стараніемъ якима игнатова товариша куреня вішестеблевскаго 1746 года мѣсяца іюня 9“. У крест. Митрофана Чернаго: „Благословеніемъ Отца, изволеніемъ Сына и содѣйствіемъ святаго Духа аминь: создася домъ сей а коштомъ пана Василія Григорьевича знатнаго товариша куреня менскаго 1747 года мѣсяца августа 13“. Хата стояла близь запорожской церкви; въ ней, по преданію, запорожцы держали совѣты. У священника Георгія Ващинскаго; „Благословеніемъ Отца и изволеніемъ Сына и совершеніемъ святаго Духа создася домъ сей рабомъ божіимъ Григоріемъ Комишанемъ 1765 году мѣсяца мая 10“ (ib. 190, а рисунки на 44 стр.). Эти запорожскіе сволоки показываютъ, что обычай дѣлать на сволокахъ надписи о времени постройки хаты былъ весьма распространенъ въ Запорожьѣ, причемъ выработалась общая краткая форма надписи религіознаго характера.

Обычай дѣлать на сволокѣ надписи бытовалъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, въ частности въ слободской Украинѣ. Въ моемъ домѣ въ слободѣ Боромлѣ находится сволокъ съ надписью, перенесенный изъ стоявшаго на томъ же мѣстѣ маленькаго дома моихъ предковъ. Это дубовый брусъ длиной около 7 аршинъ (края вошли въ стѣну), шириной 5 вершковъ и толщиной 4 вершка. На сторонѣ, обращенной внизъ, къ полу, тянется вдоль всего бруса небольшой брусокъ съ парѣзками черезъ вершокъ; а на сторонѣ, обращенной къ дверямъ, вырѣзано: „(о име)ни твоемъ жизнъ наша утверждается и совершается во вѣки“; далѣе слѣдуетъ крестъ съ словами и. н. ц. і. ника, а за нимъ: „создася домъ сей рабомъ божіимъ семіономъ михайловичемъ сумцемъ мая 2 дня 1776 г.“. Крестъ приходится посрединѣ сволока и украшенъ бордюрной вырѣзкой.

Въ настоящее время, если не ошибаюсь, въ Малороссіи уже не встрѣчается обычаи вырѣзывать на сволокахъ надписи; но онъ сохранился еще въ Галиціи среди консервативнаго населенія гористаго Покутья. Для поддержанія потолка подкладываютъ въ хатѣ подъ него сволокъ, или поперечную балку, на которой вырѣзываютъ греческій крестъ, время построенія хаты, имя и фамилію домохозяина (*Kolberg*, I, 57).

Обычай вырѣзывать на сволокѣ (иногда на дверныхъ луткахъ) надписи говоритъ въ пользу стариннаго малоросса, выразившаго въ этомъ обычаѣ свое уваженіе къ грамотѣ, къ письму и свою наклонность къ историческому обоснованію жилища, что обнаруживаетъ стремленіе жить на основаніи прочнаго и разумнаго единенія настоящаго съ прошлымъ.

39.

Човенъ.

Човномъ называется въ Малороссіи рыбацкая лодка первобытной т. е. глубоко архаичной формы. Это длинная колода, выдолбленная въ срединѣ, съ однимъ или двумя небольшими сидѣніями, слегка заостренная въ одну сторону. Выпуклый снизу челнокъ въ высшей степени неустойчивъ, и его недаромъ называютъ душегубкой. Въ рукахъ опытнаго пловца човенъ быстро скользитъ по рѣчной поверхности въ тихую и даже бурную погоду. Какъ предметъ любопытный въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ, човенъ нашелъ мѣсто на Коломыйской этнографической выставкѣ (*Kolberg*, Рокисіе, I, 73). Въ народныхъ пѣсняхъ часто упоминаются човенъ и весельце, съ надлежащей поэтической раскраской, напр., въ галицкой пѣснѣ:

Ой немаю жъ я срибнаго човныка, ни золотого весельця:
Ой поплывъ бы я ажъ за сине море, де коханее сердце
(*Головацкій*, II, 513).

Лодка въ видѣ выдолбленнаго бревна восходитъ въ глубочайшую древность. Подобнаго рода лодки встрѣчаются внутри Африки. Англійскіе путешественники мѣтко назвали ихъ dug-out, т. е. выдолбни. Для дикарей, съ ихъ каменными топорами, приготовленіе такихъ лодокъ представляется труднымъ дѣломъ; поэтому они имѣютъ обыкновеніе прибѣгать къ помощи огня, зажигая древесный стволъ по требуемому направленію и вырубывая обгорѣвшія части дерева. Челноки однодеревки были распространены въ Европѣ въ доисторическія времена, какъ можно видѣть изъ образцовъ, находящихся въ музеяхъ и сохранившихся, благодаря торфу или песку, въ которыхъ они были найдены. Греческое названіе для лодки scaphe, равно

какъ англійскія названія корабля skiff или ship этимологически означаютъ выдолбень и служатъ лингвистическимъ остаткомъ того времени, когда лодки дѣйствительно выдалблівались изъ плотныхъ сплошныхъ древесныхъ стволовъ (*Тэйлоръ*, Антропологія, 251).

На подобіе того какъ дикіе народы Полинезіи и Африки, исходя отъ первобытнаго челна, самостоятельно дошли до постройки большихъ лодокъ, вмѣщающихъ въ себѣ по нѣсколько десятковъ гребцовъ (см. *Waitz*, Antropologie, 65; *Тэйлоръ*, 251), такъ и южноруссы уже въ глубокой древности дошли до построенія большихъ и прочныхъ рѣчныхъ и морскихъ судовъ, или козацкихъ чаекъ. Нѣкоторыя улучшенія по этой части сдѣланы на глазахъ исторіи и замѣчены были древними лѣтописцами. Такъ, въ 1151 г. „бѣ бо исхитрилъ Изяславъ лодьи дивно: бѣша бо въ нихъ гребци невидимо, токмо весла видѣти; бяхуть бо лодьи покрыты досками“... (*Аристовъ*, Промышленность др. Руси, 95).

Какъ предметъ весьма простой, украинскій челнъ почти тождественъ съ челномъ въ Польшѣ и Литвѣ, что видно, напр., на нѣманскомъ челнѣ, по его рисунку въ журналѣ „*Wisła*“, 1888, II, 30, съ рыбачьимъ челномъ западной Индіи, судя по рисунку во 2 т Естеств. ист. народ. *Гельвальда*, стр. 579 и сходенъ съ лодками другихъ странъ.

40.

Сластены, маковныки и другія простонародные „ласощи“.

Н. Я. Аристовъ въ сочиненіи о промышленности древней Руси высказалъ мнѣніе, что „пища русскаго народа въ древнюю пору была болѣе разнообразна, чѣмъ въ послѣдующую (т. е. съ XIV—XV вѣковъ), и предки наши въ этомъ отношеніи были разборчивѣе большинства своихъ потомковъ. Въ раннее время народъ питался преимущественно мясной пищей, чувствовалъ себя обезпеченнѣе и довольнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ въ послѣднее время, когда исключительно почти употреблялъ пищу растительную“ (стр. 82). Еще съ большимъ основаніемъ положеніе это можно высказать относительно малороссіянъ, преимущественно лѣвобережной Украины, пищевое до-

вольствіе которыхъ съ начала нынѣшняго вѣка замѣтно ухудшилось и уменьшилось, въ силу разныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій мѣстной жизни, уменьшенія надѣловъ, вообще малоземелья, уничтоженія лѣсовъ, упадка промысловъ и скотскихъ падежей. Еще недавно, лѣтъ 30, 40 назадъ куры были во всякомъ дворѣ, и почти во всякомъ дворѣ держали нѣсколько головъ овецъ, двѣ или три коровы, а теперь такое довольство можно найти лишь у богатыхъ крестьянъ, обладающихъ еще крѣпостной землей изъ старозаимочныхъ. Даже куръ многіе хозяева перестали держать, находя прокормленіе ихъ дорогимъ. Лѣсныхъ съѣстныхъ продуктовъ, кислицъ и грушъ, также оказывается недостаточно, при истребленіи лѣсовъ и увеличеніи населенія. Приходится ограничиваться хлѣбомъ, гречихой, пшеномъ, разными огородными овощами и лишь вспоминать про недавнюю еще старину, когда и сельчане

Тамъ лигоминки разны илы,
Буханчыкы пшенычни билы,
Кислыцы, ягоды, коржы
И всякы разны вытребенькы.

Около ста лѣтъ назадъ нѣкоторые малорусскіе города и даже села славились ласощами, Кіевъ смаженными орѣхами, Лубны сладкими кораваями, Полтава „пряжеными пундыками“, Ахтырка и Боромля—бубликами, Харьковъ сластёнами и маковниками; но затѣмъ всѣ эти ласощи стали исчезать, оставивъ послѣ себя лишь слѣды въ старинныхъ произведеніяхъ украинской литературы. Въ то время, какъ кулинарное и кондитерское искусства достигли въ высшихъ и среднихъ классахъ общества высокой степени совершенства, и ежегодно являются въ этой области новости, простонародное кулинарное искусство обезцвѣтилось и упало, ограничившись лишь обыденными простѣйшими кушаньями, съ устраненіемъ какихъ бы то ни было лигоминокъ, или ласощей, вмѣсто которыхъ въ достаточныхъ крестьянскихъ семействахъ иногда являются фабричные пряники, леденцы послѣдняго сорта, крахмальныя, слегка подсахаренныя, съ красной окраской шишки или мелкіе баранки. Эти сласти продаются на ярмаркахъ или въ сельскихъ лавчонкахъ, причемъ баранки или повѣшены подъ потолкомъ, и потому чорны отъ пыли, или складываются въ бочкахъ, гдѣ получаютъ специфическій запахъ, древес-

ный, дегтярный, рыбный. Баранки получаются изъ Харькова и изъ Сумъ, гдѣ ихъ изготовляютъ особые хлѣбопеки, изъ захожихъ съ сѣвера великоруссовъ.

Изъ старинныхъ лигоминокъ лучше другихъ сохранились въ народномъ быту маковники и сластёны; но сфера ихъ распространенія съузилась, число потребителей уменьшилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ самое производство ихъ сдѣлалось очень незначительнымъ. Въ харьковской губерніи маковники и сластёны уже рѣдко встрѣчаются, но бублики еще держатся. Маковники приготовляются такимъ образомъ: варятъ медъ, снимая пѣну; потомъ кладутъ макъ и варятъ, пока сдѣлается густъ и крѣпокъ; потомъ смачиваютъ столъ; выливаютъ это на столъ и, когда застынетъ, рѣжутъ на тонкіе четырехъ-угольные куски; иногда вкладываютъ въ маковники лѣсные орѣхи. Маковники употребляютъ, какъ лакомство (*Чубинскій*, т. VII, ч. II, с. 442). Въ „Салдацкомъ патретѣ“ Квитки ироническими чертами обрисована базарная торговля сластёными. „Тутъ и ... сластённыця съ грубкою: тильки спытай, на скилько тоби треба, сластёныхъ, такъ жыво пидныме пелену, тай зниме стару онучу, що нею горщыкъ зъ тистомъ накрытый,—щобъ, знаете, тисто на холоди не простывало, и затымъ пидъ пеленою у себе держыть; онъ пальци послыне, щобъ тисто не прыставало, та и вщепне тиста, та на сковороду у въ олію, ажъ шкварчыть! та заразъ и пряжеть, и подае, а вже оліею не скупытця, бо такъ зъ пальцивъ и тече, тильки знай обсмоктуе“. Теперь сластёны уже не приготовляются на самомъ базарѣ, а дома, и продаются холодными. На подобіе сластёнъ приготовляются „пальчыкы“— небольшіе куски пшеничнаго тѣста, пропитанные скоромнымъ масломъ. Они продаются на базарѣ, какъ лакомства, и на вкусъ хороши. Сластёны, вѣроятно, проникли въ южную Россію изъ Германіи, гдѣ въ настоящее время подобнымъ образомъ приготовляютъ на ярмаркахъ вафли. Въ 1875 г. мнѣ пришлось быть въ Гейдельбергѣ во время осенней ярмарки, и нѣмецкое приготовленіе вафлей напомнило мнѣ разсказъ Квитки о старинныхъ украинскихъ сластённицахъ: на городской площади появилась крытая повозка, въ родѣ товарнаго вагона, съ печкой въ одномъ углу. Женщина пекла вафли на виду у публики и тутъ же продавала ихъ горячими.

41.

Обрядовое яицо.

Безъ краснаго яйца и Свѣтлое Христово Воскресеніе не праздникъ. Покропитъ священникъ послѣ ранней обѣдни святой водой скромное пасхальное добро селянина и два—три яйца въ сопровожденіи двухъ—трехъ копѣекъ отправляются къ дьячку въ мѣшокъ. Похристосуется мужичекъ и красное яйцо въ руки. На святой недѣлѣ поселяне катаютъ пасхальныя яйца, бьются и мѣняются ими; обыкновеніе биться яйцами—старинное; противъ него возставало духовенство въ XVII ст., усмотрѣвшее въ немъ дѣло, противное вѣрѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне на первый день Пасхи ставятъ на столъ небольшую кадь съ зернами пшеницы и зарываютъ въ нихъ пасхальное яйцо; зерна эти употребляютъ при посѣвѣ. При посѣвѣ конопли крестьяне разбрасываютъ по полю яичную скорлупу, приговаривая: „роды, Боже, конопли билы, якъ яйца!“ Въ день Вознесенія ходятъ на поля, засѣянныя рожью и подбрасываютъ вверхъ красныя яйца съ тѣмъ, чтобы рожь также высоко поднялась, какъ высоко подкинуто яйцо. Когда на Георгія выгоняютъ скотъ въ поле, проводятъ краснымъ пасхальнымъ яйцомъ по хребту лошадей, приговаривая: „какъ яичко гладко и кругло, такъ моя лошадушка будь и гладка, и сыта“. Крашенымъ яйцомъ обносятъ стадо, чтобы его не рвали волки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ признаютъ полезнымъ обносить пасхальнымъ яйцомъ горящій домъ, чтобы пожаръ не распространился на другія постройки. Въ валковскомъ уѣздѣ, говорятъ, для этого употребляется яйцо, освящавшееся втеченіе трехъ лѣтъ.

Чествованіе краснаго яйца имѣетъ за собою глубокую древность; оно древнѣе христіанства. Язычнику яйцо представлялось символомъ солнца, которое, какъ извѣстно, составляло для него главный предметъ религіознаго поклоненія. Чествованіе краснаго яйца первоначально вызвано мыслью о весеннемъ возрожденіи солнца или, точнѣе сказать, всей творческой силы природы. Жаркое лѣтнее солнце славянину язычнику представлялось въ различныхъ образахъ: божественнаго лика или колесницы, кольца и птицы. Въ сказкахъ часто говорится о Жаръ-птицѣ. Эта знаменитая птица и есть весен-

нее и лѣтнее солнце. Одного пера ея достаточно, чтобы освѣтить большой садъ. Но какъ у всѣхъ воплощеній творческихъ силъ природы и у Жаръ-птицы есть ненавистники, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть зимній холодъ и вьюги. Чародѣй похищаетъ Жаръ-птицу, но не убиваетъ ее окончательно (убить вѣчно возрождающуюся весной творческую силу природы невозможно). Прежде чѣмъ драгоцѣнная птица потеряетъ свободу, она успѣваетъ снести яйцо. Окутанное туманами и облаками солнце представляется золотымъ яйцомъ, положеннымъ этою птицею. Жаркими своими лучами оно согрѣваетъ холодныя тучи, разгоняетъ туманы, заставляетъ облака лить дождевые потоки: поля и нивы покрываются зеленью и на землѣ водворяется царство лѣта. Въ народныхъ сказаніяхъ яйцо является источникомъ жизни и вселенной. По финскимъ преданіямъ вселенная произошла изъ яйца: солнце изъ бѣлка, мѣсяцъ изъ желтка, звѣзды изъ остатковъ бѣлка и желтка, небо изъ одной половины скорлупы, земля—изъ другой половины. Древніе персы также вѣрили въ происхожденіе вселенной изъ яйца; они прославляли яйцо въ своихъ священныхъ пѣсняхъ и его металлическія литыя изображенія держали въ храмахъ. Греческіе и римскіе философы происхожденіе вселенной вели отъ яйца (ab ovo).

Чествованіе краснаго яйца, какъ символа весенняго сильнаго и плодотворнаго солнца, пріурочено къ празднику Свѣтлаго Христова Воскресенья потому, что этотъ христіанскій праздникъ совпалъ со временемъ древняго языческаго празднованія возрожденія творческихъ силъ природы.

Пасхальныя яица отличаются по рисунку. У галицкихъ русскихъ писанки приготовляются женщинами такимъ образомъ: наводятъ воскомъ мѣста, которыя хотятъ оставить бѣлыми, и затѣмъ опускаютъ яйцо въ отваръ яблоневой коры, что даетъ яицу желтую окраску. Такъ получается тло, или основа, и затѣмъ снова наводятъ мѣстами воскъ и опускаютъ яйцо въ ту или другую краску. На этнографической выставкѣ въ Коломыѣ выставлено было болѣе 800 писанокъ изъ разныхъ селъ, Загайполя, Хомяковки, Чортовца, Гарасымова и др. Писанки изъ Текуча были сплошь окрашены въ желтый цвѣтъ посредствомъ Иванова зилья (Hypericum perforatum). Польскіе этнографы и археологи обратили вниманіе на

галицко-русскія пасхальныя писанки. Въ краковской академіи наукъ находится небольшая коллекція писанокъ. Были, оказывается, малорусскія писанки на выставкахъ въ Вѣнѣ и Парижѣ и обратили на себя вниманіе людей науки (*Kolberg*, Pokucie I, 149). Онѣ имѣютъ разныя названія, смотря по окраскѣ, „церковци“ съ изображеніемъ крестовъ греческаго стиля, „волошки“ съ мелкимъ рисункомъ мавританскаго стиля, „гвяздки“ съ изображеніемъ звѣздъ, „поповы ризы“, „дзвинъ“, „паска“, „барани роги“, „квитки“, „кучери“ и др.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что въ обряды входитъ, между прочимъ, яичница, независимо отъ обряднаго яица. Яичницу употребляютъ преимущественно на свадьбахъ. Въ Малороссіи, кажется, нѣтъ обрядовой яичницы; но въ Галиціи, именно, у лемковъ, ее приготовляютъ молодымъ на ужинъ, при чемъ здѣсь, какъ во многихъ мѣстахъ Великороссіи, яичница имѣетъ прямое отношеніе къ браку.

42.

Сыръ въ повѣрьяхъ и обрядахъ.

Извѣстно, что разсказъ Г. Ѳ. Квитки „Мертвецькый Великдень“ построенъ на томъ, что нѣкій Нечипоръ, пьянчужка крестьянинъ, наѣвшись дома варениковъ, ночью подъ первое воскресенье великаго поста забрелъ въ церковь, въ которой оказались мертвецы, справлявшіе въ эту ночь наступленіе для нихъ Свѣтлаго Воскресенія. Такъ какъ у Нечипора въ зубахъ оказалось полъ-вареника, то мертвецы потребовали, чтобы онъ раздѣлилъ его поровну на всю мертвецкую громаду. Такъ-сякъ Нечипоръ дотянулъ переговоры съ ними до третьихъ пѣтуховъ, послѣ чего мертвецы моментально исчезли. И въ этомъ разсказѣ, какъ во многихъ другихъ, Квитка стоялъ на народной почвѣ, заимствовалъ у народа основной сюжетъ разсказа и отчасти нѣкоторыя подробности. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ былъ напечатанъ небольшой сборникъ малороссійскихъ повѣрій, со словъ сельской бабки, и въ числѣ ихъ слѣдующій народный разсказъ:

„На масляницѣ, по мѣстному выраженію въ „запусты", послѣ ужина берутъ кусочекъ сыра подъ языкъ и ложатся съ нимъ спать. Если вѣдьма не подкрадется мышью къ спящему и не украдетъ сыръ, то утромъ завязываютъ его въ поясъ или рубаху и бережно хранятъ до начала заутрени св. Воскресенія. Втеченіе великаго поста вѣдьма употребляетъ всѣ способы, чтобы украсть, и почти всегда крадетъ опасный для нея сыръ. Вночь св. Воскресенія весь сонмъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ поднимается на того, кто сохранилъ сыръ. При слѣдованіи его на заутреню, вдругъ рѣка откуда то берется, высокія ворота стоятъ на дорогѣ. Какіе то невиданные звѣри бросаются на него; какія-то страшныя птицы садятся ему на голову и плечи. Человѣку показывается, что онъ очутился на кладбищѣ. Мертвецы, желтые какъ воскъ, съ саванами въ рукахъ, ужасно смотрятъ на него и кивaютъ ему пальцами. Онъ въ ужасѣ теряетъ сознаніе, и въ это время вѣдьма крадетъ у него сыръ. Но, говорятъ, былъ одинъ такой храбрый екатерининскій солдатъ, который, несмотря на всѣ ужасы этой ночи, вошелъ таки съ сыромъ въ церковь и увидѣлъ между женщинами всѣхъ сельскихъ вѣдьмъ: у каждой была на головѣ дойница".

Обрядовое употребленіе сыра на свадьбахъ обычно у поляковъ (*Kolberg*, Lud., VI, 60), лужицкихъ сербовъ (*Haupt und Smoler*, Volkslied. II, 235), въ Великой и Малой Россіи, при чемъ въ Малой Россіи преимущественно въ началѣ свадьбы, а въ Великой Россіи въ концѣ свадьбы; у лемковъ галицкихъ на другой день послѣ свадьбы (*Головацкій*, III, 396); тоже на свадьбахъ московскихъ царей XVII вѣка (*Сахаровъ*, Сказ. рус. нар., Доп., 122). Все это даетъ поводъ видѣть въ обрядовомъ употребленіи сыра остатокъ древняго жертвоприношенія, что подтверждается и древнерусскими памятниками письменности. Въ Вопрошаніи Кирика XII в. и въ Словѣ Христолюбца XIV в., а м. б. и болѣе ранняго времени, говорится о жертвоприношеніи сыра. Указаніемъ на жертвоприношеніе сыра можетъ служить одно выраженіе въ бѣлорусской купальницкой пѣснѣ: „Да тебе, Купальночка, упущу (въ домъ), зеленымъ виномъ я прійму, пшеничнымъ пивомъ упою, а бѣлымъ сыромъ накормлю" (*Безсоновъ*, Бѣлор. пѣсни, 30). Въ то время, какъ у кельтовъ и германцевъ сыръ былъ, повидимому, въ пре-

небреженіи, у славянъ онъ употреблялся съ древнѣйшихъ временъ (*Pictet*, Les origines indoeurop. II, 35). Какъ предметъ жертвоприношенія, сыръ могъ предшествовать хлѣбу, отвѣчая древнѣйшему скотоводческому быту индо-европейскихъ народовъ.

43.

Священное значеніе обѣденнаго времени

обнаруживается въ обычаѣ крестьянъ соблюдать во время обѣда тишину; громкій разговоръ и смѣхъ считаются тутъ неприличными. Нельзя также стучать ложками объ столъ, ни качать ногами. Повѣрья эти частью обусловлены древними воззрѣніями на столъ, какъ на жертвенникъ, частью повѣрьями въ полудницъ. Намекъ на повѣрье въ полудницъ можно видѣть въ словахъ Владиміра Мономаха въ его Поученіи (1096 или, по Погодину, 1099 года): „Спанье есть отъ Бога присуждено полудне, отъ чинъ бо почиваетъ и звѣрь, и птицы, и человѣци“ (*Лѣтопись*, по сп. Лавр. 238). Полудницы тожественны съ солнцевыми дѣвами сербскихъ пѣсенъ и бѣлыми женами нѣмецкихъ сагъ, которыя въ полдень показываются у колодцевъ и расчесываютъ свои длинныя косы. Въ Малороссіи полудницы, повидимому, совсѣмъ забыты; но въ сѣверной Россіи и въ Сибири объ нихъ сохранились слабыя воспоминанія. Въ архангельской губ. полудница—охранительница полей, засѣянныхъ рожью. Родители пугаютъ дѣтей: „ужо тя полудница съѣстъ!“ Безпоповцы старовѣры творятъ въ полдень молитву на изгнаніе „бѣса полуденна“. Въ южной Сибири подъ именемъ полудницы подразумѣваютъ старуху съ густыми всклокоченными волосами, одѣтую въ лохмотья; она живетъ въ банѣ или въ кустахъ крапивы и оберегаетъ огороды отъ дѣтей (*Аѳанасьевъ*, III, 137). Съ наибольшей подробностью о полудницѣ помнятъ чехи и лужицкіе сербы: въ видѣ вооруженной дѣвушки ходитъ она по полямъ и лѣсамъ. Иногда она въ полдень ходитъ по хлѣбнымъ полямъ въ видѣ женщины, одѣтой въ бѣлое или красное платье. Когда она заходитъ въ домъ, то кто нибудь умретъ. Иногда она подмѣниваетъ ребенка. У сербовъ лужицкихъ наряду съ вѣрованіемъ въ полудницъ держится

вѣрованіе въ подобныя же существа мужескаго пола, маленькія ростомъ и насмѣшливыя. Въ классической древности подобнаго рода вѣрованія относились къ греческому Пану и римскому Фавну. Въ полдень Панъ спалъ, утомленный охотой, и пастухи не смѣли играть на свирѣли, чтобы не разбудить его и не навлечь на себя его гнѣва. По словамъ персидскаго поэта Фирдуси дивы (демоны) спятъ въ полдень. Въ нѣмецкихъ разсказахъ водяныя дѣвы любятъ полдень. Дѣти въ это время боятся оставаться одни на берегу рѣки или купаться. Въ средніе вѣка существовало повѣрье, что въ полдень жизнь человѣка находится въ опасности отъ „daemon meridianus“. Въ VI стол. на счетъ его зловреднаго дѣйствія относили рядъ болѣзней, преимущественно моровую язву. Лужицкіе сербы солнечный ударъ объясняютъ дѣйствіемъ Припольницы. Въ древности послѣ-обѣденный сонъ считался вреднымъ для здоровья. Въ Вестфаліи въ полдень не приступаютъ къ посѣву (*Haberland*, въ Zeitschr. fur Völkerpsychol. 1881, XIII, 310—324).

44.

Кваша

встрѣчается въ Россіи почти повсемѣстно, преимущественно въ Малороссіи. Приготовляютъ это кушанье такимъ образомъ: кладутъ въ кадушку муку ржаную, гречневую и солодъ, размѣшиваютъ полукипяченною водою, даютъ часъ или полчаса посолодѣть, затѣмъ сильно вскипятятъ другую воду и въ ней разведутъ означенное тѣсто, болѣе или менѣе густо, какъ кто любитъ. Кадушку ставятъ въ теплое мѣсто, чтобы кваша получила кислоту, варятъ квашу въ горшкѣ и, вскипятивши, подаютъ (*Маркевичъ*, Обыч. малор. 156; Чуб. VII, II, 440). Въ настоящее время кваша встрѣчается только въ крестьянскомъ быту; но по разсказамъ старыхъ людей, лѣтъ пятьдесятъ или сто назадъ ее употребляли, какъ лакомое кушанье, и помѣщики средняго достатка. Къ квашѣ относится нѣсколько поговорокъ, напр.: „нехай же иде грекъ зъ вынами, зъ пывами та у нашу квашу“, „говорить гоже та боже, щобъ наша кваша вдалась“. Крестьянскую простоту и матеріальный достатокъ обрисовы-

ваютъ словами: „въ насъ просто: борщъ, каша, третя кваша“ (*Номисъ*, 256, 12176 и др.).

Кваша—одно изъ самыхъ архаичныхъ явленій народнаго быта. Существуетъ много несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, что древней формой хлѣбной пищи была похлебка. И въ настоящее время варварскіе народы средней Азіи, получивъ какимъ либо образомъ муку, начинаютъ ее употреблять въ пищу съ водой, не находя въ себѣ умѣнья приготовить изъ нея хлѣбы. Такъ, киргизы, кочующіе на плоскости Памира, между Бадакшаномъ и Яркандомъ, почти не знаютъ хлѣбнаго зерна, но когда получаютъ его, то растираютъ, размачиваютъ и ѣдятъ въ жидкомъ видѣ (*Борнсъ*, Путеш. въ Бухару, III, 298). Пища средне-азіатскихъ монголовъ Цзинь, по свидѣтельству китайскаго писателя Юй-веня, состояла изъ кашицы изъ полусыраго зерна (*Записки* Археол. общ. 1859, XIII, 205). Въ XVII вѣкѣ крымскіе татары, жившіе въ городахъ, умѣли готовить хлѣбъ, но степные татары употребляли вмѣсто того ячменную или гречневую кашу, приправленную конскимъ жиромъ (*Боплант*, Опис. Укр., 46). У древнихъ грековъ, преимущественно спартанцевъ, любимой пищей была хлѣбная похлебка или „маса“ (*Магаффи*, Др. греч. жизнь, 41). Въ ранній періодъ римской жизни во время обѣда и завтрака любимымъ кушаньемъ была густая хлѣбная похлебка—„pulmentum“ (*Уэлькенсъ*, 85). Какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ жидкая хлѣбная пища, первоначально обычная во всѣхъ классахъ населенія, впослѣдствіи держалась въ низшемъ, бѣднѣйшемъ классѣ народа, что обнаруживается и въ исторіи кваши, равно какъ и другихъ, встрѣчающихся у славянъ хлѣбныхъ похлебокъ. Изысканный вкусъ людей образованныхъ и богатыхъ почти совсѣмъ отвергъ старинныя формы хлѣбной похлебки, если не считать нѣкоторыхъ суповъ и кашъ, искусно приготовляемыхъ. Древнія хлѣбныя жидкія кушанья сохранились только у крестьянъ. Такимъ же архаизмомъ, какъ и кваша, отличаются *теря*—каша изъ ржаной и гречневой муки и пшепа (см. *Чубинскій*, VII, 440; *Маркевичъ*, 163; *Коржъ*, Уст. повѣст. 33), въ филологическомъ отношеніи родственная съ великорусской *тюрей*—хлѣбными сухарями, намоченными въ водѣ (см. *Даля*, Толк. слов. V, 369, 413) отъ сл. тереть, тьр-ти, дьр-ти, драти, *вив-*

сяныкъ—овсяная похлебка (*Номисъ*, 12098), *кулишъ*, хлѣбный кисель, или *гуща*—все малорусскія кушанья, далѣе бѣлорусскія варгеня или солодуха (*Этногр. сборн.*, II, 139), кислуха, колотуха, крупникъ; великорусскія толокно, дежень; польскія пенчакъ, спулка, розварка, наварка и др. (*Kolberg*, Lud., V, 135. 270; XI, 126).

45—46.

Соломаха и мамалыга

также входятъ въ число хлѣбныхъ кушаньевъ, но названія кушаньевъ, вѣроятно, и самыя кушанья, заимствованы малороссіянами, соломаха—неизвѣстно отъ какого народа тюрко-татарскаго корня, а мамалыга несомнѣнно отъ румынъ, и потому оба эти кушанья, теперь рѣдкія, представляются культурными переживаніями особаго порядка, не собственной исконной культуры, а инородной.

Соломахой у малороссовъ, саламатой у великороссовъ называется жидкая мучная каша съ солью. Въ вологодской губ. саламатой называется овсяная крупа, поджаренная на маслѣ или салѣ. Въ западной Россіи саломаха—сладкій опьяняющій напитокъ изъ водки, меда, сливъ и вишень, въ родѣ украинской варенухи. Саламата встрѣчается въ великорусскихъ народныхъ поговоркахъ (*Даль*, Толк. слов. V, 117). Наиболѣе древнимъ характеромъ отличается малорусская соломаха, представляющая разведенное соляной водой гречневое тѣсто (*Чубинскій*, VII, 441; *Маркевичъ*, 161). Въ XVII ст. козаки, отправляясь въ морской походъ, брали съ собой соломаху. Въ думѣ про Корсунскую битву (1648) упоминается „жытняя соломаха зъ туслукомъ“ (т. е. разсоломъ), какъ спеціально козацкое кушанье (*Антоновичъ и Драгомановъ*, Ист. пѣс. II, 34). Французъ Боплапъ, пробовавшій это запорожское кушанье, нашелъ его кисловатымъ и непріятнымъ на вкусъ (*Боплапъ*, Оп. Укр. 63). Повидимому, слово, а м. б. и самое кушанье саламата заимствовано отъ татаръ, у которыхъ словомъ салма называли крошеную или мятую и истертую въ рукахъ лапшу (*Даль*, V, 117).

Мамалыга или малай—старинное запорожское кушанье изъ просяной муки, разведенной водой; ѣли его въ скоромные дни съ

соленымъ сыромъ или брындзой (*Коржъ*, Уст. повѣст. 34). Слова мамалыга и брындза румынскія. У молдаванъ мамалыгой называются лепешки изъ кукурузной муки съ молокомъ или брындзою, т. е. сыромъ изъ овечьяго молока, или съ коровьимъ масломъ, или съ саломъ (*Этногр. сборн.*, V, 50). Въ однихъ мѣстахъ Малороссіи мамалыгой называютъ хлѣбную похлебку, въ другихъ хлѣбныя лепешки. Существуетъ такое повѣрье, что „якъ дивка зле вымишае лемишку або мамалію и въ ніи е мука, то набраты тои муки и насыпаты пидъ бигунъ—дивка не виддасться" (*Номисъ*, 13,400).

47.

Журъ.

Въ статьѣ „Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ", напечатанной въ Кіев. Стар. 1885 г. кн. VII, я уже говорилъ о журѣ. Здѣсь лишь добавлю кое что. Журъ—древнее хлѣбное кушанье; но зашелъ онъ въ Малороссію, повидимому, изъ Польши. Журъ—обычное кушанье польскихъ крестьянъ (*Kolbery*, Lud, III, 73; *Linde*, Słownik, VI), встрѣчается у лужицкихъ сербовъ въ значеніи кваши, Sauerteig (*Пфуль*, Словарь луж.-нѣм.), въ Бѣлоруссіи (*Даль*, I, 489), повидимому, у сербовъ и болгаръ, судя по существованію словъ джуровача—деревянная чашка, джуркалъ—палочка для размельченія крапивы. Быть можетъ, журъ происходитъ отъ нѣмецкаго слова sauer, кислый, и къ славянамъ перешелъ отъ нѣмцевъ въ давнее время. Въ настоящее время журъ распространенъ у галицкихъ русиновъ. (*Kolberg*, Pok. 52), въ Холмщинѣ (*Батюшковъ*, Холм. Русь). Въ пѣснѣ, записанной въ волынск. губ.: „у селянина борщу нема, а у мѣщанина съ перцемъ журина" (*Чубинскій*, III, 472). Въ галицкой шумкѣ упоминается журъ (*Головацкій*, II, 197). Въ лѣвобережной Украинѣ, кажется, не знаютъ жура. Въ подтвержденіе моего мнѣнія, что пѣсенный Журило—олицетвореніе жура, высказаннаго въ Кіев. Стар. 1885 г. кн. VII, укажу на олицетвореніе „киселя" (т. е. жура) на картинѣ страшнаго суда въ Лебединскомъ монастырѣ (см. Кіев. Стар. 1885, X, 367). Кисель представленъ здѣсь въ видѣ кавалера,

одѣтаго въ красный кунтушъ, завитаго, нарумяненнаго, съ закрученными усами, точь въ точь пѣсенный Журило, а рядомъ съ нимъ кваша въ видѣ молодицы, неряшливо одѣтой. Отчество Пленковичъ при Чурилѣ (=Журилѣ), думаю происходитъ отъ польскаго слова ploń—урожай, обиліе. Слово это встрѣчается и въ пѣсняхъ, напр.: въ полѣсской обжинковой: „Плёнъ несемъ, плёнъ въ его мосцинъ домъ, бодай здорова плёновала“ (*Срезневскій*, въ Маякѣ 1843, XI, 53).

48—49.

Глекъ и Кглегъ.

Любопытно, что слово глекъ, глечикъ встрѣчается только въ малорусскомъ языкѣ, и нѣтъ его въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ церковно-славянскомъ (судя по словарямъ Востокова и Миклошича), польскомъ (сл. Линде), чешскомъ (сл. Юнгмана), серболужицкомъ (сл. Пфуля), сербскомъ (сл. Караджича и Лавровскаго), великорусскомъ (сл. Даля). Для обозначенія предмета, извѣстнаго въ Малороссіи подъ названіемъ глечика, у другихъ славянъ встрѣчаются разныя слова, кувшинъ, бутыль, чотора (болг. и серб. изъ турец. яз.), фляшка (польск. изъ нѣм. яз.).

У галицкихъ русскихъ словомъ глегъ (gleg) называютъ ссѣлое молоко изъ желудка маленькаго теленка, котораго кусочекъ бросаютъ въ удой молока, чтобы оно скорѣе ссѣлось, сгледживалось. Это дѣйствіе называется глегати или гледжити молоко. У лемковъ слово глегъ произносится глягъ.

Я. Ѳ. Головацкій высказалъ мнѣніе, что слово глегъ заимствовано изъ греческаго glágos—молоко, слова, употребляемаго еще въ Иліадѣ Гомера. Это обстоятельство, по словамъ Головацкаго, указываетъ на близкія сношенія карпатскихъ горцевъ съ греками въ самой отдаленной древности, когда „словѣни сѣли суть по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска“. Тамъ, въ сосѣдствѣ Греціи, предки гуцуловъ, бойковъ и лемковъ научились глегати молоко. Оттуда вынесли они слова колиба (навѣсъ, шалашъ), боске (кормъ), боско (пасти) и называютъ до сихъ поръ свои ша-

лаши колибами, свои горныя пажити—Бескиды, пасти на горахъ—бескидовати (*Головацкій*, Нар. пѣсни галиц. Руси, I, 700, Примѣч.).

Проф. А. А. Потебня сомнѣвается въ древности заимствованія слова кглегъ малороссіянами отъ грековъ, такъ какъ въ случаѣ древности такого заимствованія *жг* перешло бы въ *г*. „Заимствованія съ греческаго, замѣчаетъ при этомъ г. Потебня, конечно, посредственныя, встрѣчаются и относительно новыя, напр., черноморское агтелъ—кошара для овецъ (agele—стадо), отъ румынскихъ чабановъ XVIII в." (*Потебня*, Рецензія на сборн. Головацкаго, 16).

Принимая во вниманіе широкое распространеніе словъ глекъ и клегъ, хотя и въ разномъ значеніи, словъ несомнѣнно заимствованныхъ изъ греческаго языка, наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе Головацкаго о давности заимствованія, обусловленнаго близкимъ нѣкогда сосѣдствомъ славянъ съ византійской имперіей и тѣснымъ съ нею культурнымъ общеніемъ.

Слова глекъ и кглегъ могли проникнуть въ Малороссію въ разное время и разными путями, при чемъ одно изъ нихъ, именно глекъ, вѣроятно, древнѣе другаго. У древнихъ грековъ существовало много горшковъ, кувшиновъ, вазъ, самыхъ разнообразныхъ формъ и разныхъ названій. Общія ихъ свойства были красота и удобство. Особые сосуды были для воды, вина, молока, масла. Можетъ быть, и въ самой Греціи или въ крымскихъ греческихъ колоніяхъ были своего рода глечики, которые и перешли къ древнимъ русскимъ, какъ вещь удобная и красивая, съ сохраненіемъ своего названія, и въ такомъ видѣ сохранились у крестьянъ до настоящаго времени. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками ни одного крупнаго сочиненія по греческой керамикѣ и въ частности по Vasenkunde, для справокъ и доказательствъ, и потому приходится ограничиться однимъ предположеніемъ. Могу только замѣтить, что во всѣхъ 4 томахъ превосходнаго изданія „Antiquités etrusques, grecques et romaines du cabinet de M. Hamilton" (1767) находятся вазы и кувшины, весьма сходные съ южнорусскими глечиками.

50.

Куманецъ.

Куманцомъ въ харьковской губерніи называютъ изящной формы кувшинъ работы мѣстныхъ гончарей. Куманцы въ Харьковѣ продаются на базарахъ, наряду съ другой глиняной посудой, а въ села ихъ привозятъ лишь на ярмарки, такъ какъ здѣсь на нихъ небольшой спросъ, по ихъ сравнительной дороговизнѣ (отъ 25 до 50 коп.). Куманцы по внѣшнему виду настолько оригинальны, что сразу бросаются въ глаза. Это высокіе и плоскіе кувшины, съ широкимъ отверстіемъ въ серединѣ и съ крышечкой наверху. Жидкость, влитая въ горлышко, размѣщается въ боковыхъ закругленіяхъ, имѣющихъ форму кольца. На ручкѣ или на крышкѣ иногда налѣпливается фантастическій звѣрь. Кувшины такой формы извѣстны были древнимъ грекамъ и римлянамъ, судя по „Древностямъ“ Гамильтона. Самое слово куманецъ, повидимому, греческаго происхожденія, на что указываютъ древне-греческія слова ку́ма—волна, отпрыскъ, молодой ростокъ, въ архитектурѣ выпуклости и углубленія, кума́йно—волнуюсь, вздымаюсь, кума̀сь—беременная. То или другое значеніе этихъ словъ характеристично и для украинскаго куманца, по его широкой бокастой фигурѣ.

Если слово куманецъ и самый кувшинъ съ этимъ названіемъ заимствованы малороссами отъ грековъ, то такое заимствованіе произошло въ древнее время, такъ какъ уже въ XVII вѣкѣ слово это пріурочивалось иногда къ церковнымъ кружкамъ. Такъ, въ Покровской церкви Никополя находятся двѣ очень древнія серебряныя кружки, добытыя запорожцами отъ какого то крымскаго хана. Одна изъ нихъ называется куманъ большой, другая куманъ меньшой.

Мы не нашли въ словаряхъ указаній на татарское происхожденіе слова куманецъ; трудно предположить, чтобы грубый татаринъ могъ интересоваться такимъ въ своемъ родѣ художественнымъ предметомъ, какъ куманецъ. Тутъ приходится искать болѣе культурный этнографическій источникъ, древне-классическій или собственный русскій.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Кіевское городское управленіе въ 1786 г.

(по протоколамъ засѣданій городской думы).

(*Окончаніе*).

III.

Городскіе расходы и повинности въ 1786 году.—Борьба съ Днѣпромъ.—Мосты и перевозы.—Почтовый дворъ.—Квартирная и постойная повинности.—Содержаніе и ремонтъ Андреевской церкви.—Ремонтъ городскихъ зданій.—Хлѣбный магазинъ.—Мостовыя и водоснабженіе.—Городская богадѣльня.—Городской оркестръ.—Личныя повинности горожанъ.—Данныя о положеніи разночинцевъ, торговаго и ремесленнаго сословій.

По городовому положенію 1785 года, шестигласной думѣ не было предоставлено самостоятельности въ дѣлѣ городскихъ расходовъ, а такъ какъ въ то время еще не вошло въ обычай составлять общія расходныя смѣты на годъ впередъ, то, на практикѣ, непосредственное и вліятельнѣйшее руководство въ этомъ случаѣ принадлежало не городской общинѣ, а мѣстной администраціи. Отъ губернатора зависѣло предписать думѣ тотъ или иной расходъ или отнести на городской счетъ выполненіе извѣстной повинности, хотя бы она имѣла общегосударственное значеніе; съ другой стороны, самые мелочные расходы по внутреннему городскому хозяйству и управленію не могли производиться безъ разрѣшенія губернатора. Благодаря такому порядку отношеній, ни шестигласная, ни общая городская дума не имѣла возможности хотя бы приблизительно соразмѣрить городскіе расходы съ доходами и ввести какія либо серьезныя улучшенія въ финансовомъ хозяйствѣ города,—думы могли собственно лишь представлять

[1]) См. „Кіевская Старина“ №№ 5 и 6, май и іюнь.

по начальству о городскихъ нуждахъ, и затѣмъ имъ оставалось въ точности исполнить начальственныя предписанія.

Въ протоколахъ засѣданій кіевской городской думы 1786 года нѣсколько разъ встрѣчаются жалобы на безвыходное положеніе, въ которое поставлено городское финансовое хозяйство благодаря такой путаницѣ отношеній. Со введеніемъ намѣстничества въ 1782 году на городъ возложено было много новыхъ повинностей и расходовъ, выполненіе которыхъ, по мнѣнію думы, было не по силамъ населенія. Согласно указу сената отъ 31 іюля 1766 года, Кіеву велѣно было отпускать ежегодно отъ казны по 1210 р. 12 к. на постройку и содержаніе хлѣбнаго магазина, укрѣпленіе береговъ Днѣпра и другія нужды, но съ 1782 года выдача этого пособія прекращена вслѣдствіе заключенія кіевской казенной палаты, что при ея завѣдываніи городскихъ обыкновенныхъ доходовъ достаточно для выполненія повинностей. Заключеніе это крайне ошибочно, по мнѣнію думы. Нынѣ на городъ возложено множество расходовъ: содержаніе и починка Андреевской церкви, постройка и ремонтъ городскихъ домовъ и лавокъ, починка магистратскихъ погребовъ, башни и вежи, городскаго хлѣбнаго магазина и шпикнера, изготовленіе пожарныхъ инструментовъ во всѣ части города, закупка хлѣба въ магазинъ, прокладка канавы на р. Почайнѣ и въ другихъ мѣстахъ, мощеніе мостовыхъ, содержаніе почты, выкупъ имѣній разночинцевъ для очищенія города отъ несвойственности, содержаніе канцелярій думы и городоваго магистрата, сторожей, смотрителей разнаго рода, разсыльныхъ, оркестра, починка и отопленіе полковыхъ лазаретовъ. Раньше отпускалось пособіе отъ казны на расходы, имѣвшіе значеніе главнымъ образомъ для Кіево-Подола, «по нынѣшнимъ же обстоятельствамъ не точію въ Кіево-Подолѣ на все вышеписанное издержку чинить повелѣваютъ, но во всѣхъ трехъ сего города частяхъ, да сверхъ того небываліе расходы, какъ то на устроеніе колодцовъ немалымъ количествомъ и на здѣланіе пожарныхъ инструментовъ и заливныхъ трубъ» (прот. 20 іюня). Губернаторомъ Ширковымъ повелѣно «какъ въ здѣшнемъ городѣ Кіево-Подолѣ и предмѣстьяхъ его разныя питейныхъ домовъ и городскихъ лавокъ починки и вновь постройки, такъ и въ верхнемъ городѣ Кіевѣ и въ Печерскомъ форштатѣ колодцы привесть въ надлежащую исправность, равно и огнегасительные инструменты во всѣ полицейскія части и кварталы города вновь подѣлать, такожъ вдобавокъ ассигнованныхъ изъ казны денегъ на содержаніе днѣпровскаго моста и перевозныхъ судовъ велѣно употребить изъ доходовъ городскихъ, а особливо и вся

нынѣшняя репарція Андреевской церкви по тѣмъ же предписаніямъ, равно и укрѣпленіе берега р. Днѣпра возложено на сію думу, на что все немалое количество слѣдуетъ употребить изъ городскихъ доходовъ суммы, въ которой, въ разсужденіи большаго количества, можетъ послѣдовать недостатокъ» (прот. 9 апрѣля). Если такого недостатка не послѣдовало уже въ 1786 году, то лишь благодаря тому, что въ городской кассѣ были значительныя свободныя средства, оставшіяся отъ прежнихъ лѣтъ,—безъ этого городская дума была бы поставлена въ самое критическое положеніе.

Судя по протоколамъ, куда заносились всѣ, даже самые ничтожные расходы, въ 1786 году изъ городской кассы выдано на покрытіе городскихъ повинностей и другихъ обязательныхъ расходовъ 31,844 р. 15¼ коп. и такимъ образомъ, какъ видимъ, текущихъ доходовъ города дѣйствительно оказывалось недостаточно для удовлетворенія городскихъ потребностей въ томъ видѣ и размѣрѣ, какъ онѣ опредѣлены были штатами и предписаніями губернатора Ширкова. Въ виду такого несоотвѣтствія доходовъ съ расходами и во вниманіе къ ходатайствамъ думы, по представленію Ширкова казна возвратила городу 4,000 руб. сер., израсходованныхъ на постройку моста и казеннаго перевоза чрезъ Днѣпръ противъ Кіево-Подола,—сборы съ моста и перевоза поступали въ казну,—и 1,200 руб., употребленныхъ на изготовленіе пожарныхъ трубъ послѣ неудачной операціи съ Завелемъ Гершковичемъ. Благодаря этому, финансовый годъ былъ заключенъ безъ значительнаго дефицита.

Въ приведенномъ выше перечнѣ думы указаны всѣ главнѣйшія статьи расхода городскихъ средствъ въ 1786 году, исключая расхода въ 1,100 руб. на изготовленіе столбовъ для публикацій и 900 руб. будокъ для ночныхъ сторожей и рогатокъ для загораживанья переулковъ въ ночное время, о чемъ было предложено думѣ управою благочинія въ концѣ іюля мѣсяца. Мы сведемъ здѣсь заключающіяся въ протоколахъ данныя о выполненіи главнѣйшихъ городскихъ повинностей и расходовъ въ 1786 году, данныя, уже по самому свойству источника, откуда онѣ почерпнуты, достаточно скудныя и крайне разрозненныя.

Періодическія измѣненія русла р. Днѣпра у Кіева, какъ извѣстно, доставляли немало хлопотъ и расходовъ кіевлянамъ уже съ давняго времени, и всякому понятно, что серьезное регулированье теченія днѣпровскихъ водъ вдоль города требуетъ огромныхъ затратъ, для города непосильныхъ. Между тѣмъ, особенно для Кіева прежняго

времени, вопросъ этотъ имѣлъ жизненное значеніе, такъ какъ вся торгово-промышленная дѣятельность горожанъ сосредоточена была на ныи. Подолѣ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка задача заключалась въ томъ, чтобы ослабить жестокость напора водъ на подольскій берегъ, направивъ силу теченія въ рукавъ Десны, т. наз. Черторой. Въ протоколахъ 1786 года встрѣчаемъ рядъ указаній на произведенныя Днѣпромъ опустошенія на Подолѣ. Въ февралѣ унесены водою городскіе шинки; къ началу марта оказалась подмытою городская пивоварня, снесены столбы и вода грозила унести все безъ остатка и затопить колодецъ. Дума постановила донести объ этомъ Ширкову для надлежащихъ предписаній архитектору. 17 марта въ протоколѣ записано грустное наблюденіе, что «по перемѣнившемуся теченію рѣки Днѣпра отъ стремленія оной происходящаго есть поврежденіе городу Подолу, а обывателямъ близъ рѣки живущимъ чрезъ песеніе съ мѣста на мѣсто и чрезъ вверженіе въ рѣку ихъ домовъ слѣдуетъ убытокъ и разореніе», ибо «многіе здѣшные мѣщаня, имѣя домы свои унесенныя быстриною рѣки днепра, скитаются по чужимъ домамъ за неимѣніемъ мѣста, гдѣбъ могли поселиться» (прот. 20 октября), Вслѣдствіе предложенія Ширкова принять мѣры противъ напора водъ, дума 17 марта опредѣлила: 1) вызвать охотниковъ укрѣплять берегъ; 2) просить денежнаго пособія отъ казны, такъ какъ необходимо для урегулированія теченія ставить каменную стѣну и направить теченіе въ рѣку Черторой; 3) отобрать прожекты отъ охотниковъ; 4) пострадавшимъ отъ обваловъ мѣщанамъ отводить для поселенія городскія земли; 5) проежающимъ за границу здѣшнимъ купцамъ прытвержать, дабы оны втамошныхъ мѣстахъ старались сыскать знающихъ въ семъ дѣлѣ силу людей и желающихъ взять укрѣпленіе берега на свое попеченіе». Черезъ десять дней дума въ полномъ составѣ производила осмотръ береговыхъ обваловъ съ рекомендованнымъ Ширковымъ могилевскимъ евреемъ Завелемъ Гершковичемъ, но конечно безъ всякой пользы для дѣла. Въ концѣ апрѣля новыя жалобы на страшныя разоренія отъ рѣки; такъ какъ на сей разъ пострадала квартира ген.-майора Бухгольца, то дума произвела новый осмотръ для составленія смѣты по ремонту поврежденій. Въ сентябрѣ вода грозитъ обвалами городскому пивному и медоваренному заводу. Несмотря на всѣ эти несчастія, по мнѣнію думы, городъ въ борьбѣ съ рѣкою долженъ избѣгать капитальныхъ затратъ,—для укрѣпленія же берега слѣдуетъ теперь же или зимою «бить сваи стоя на льду» (прот. 19 сентября). Но не дождалась дума льда и къ 31 октябрю Днѣпромъ унесло городскую

медоварню и пивоваренные заводы. Дума, заслушавъ докладъ объ этомъ заранѣе угадываемомъ несчастіи постановила впредъ «поступать по опыту и готовиться». Такимъ образомъ, въ 1786 году расходы Кіева по урегулированію днѣпровскихъ водъ ограничились ремонтомъ квартиры генер.-майора Бухгольца.

Переправа черезъ Днѣпръ въ 1786 году совершалась на т. наз. водоплавныхъ дубахъ, паромахъ и по мосту. Всѣ перевозы находились въ казенномъ завѣдываніи, но постройка моста и покупка дубовъ произведены были на городскія средства, при чемъ на казенный мостъ издержано съ 1784 года всего 4,000 руб. которые по представленію Ширкова велѣно было возвратить городу; содержаніе и ремонтъ казеннаго перевоза противъ Неводницкой пристани стоили въ 1786 г. слишкомъ 1,000 руб., при чемъ за шесть водоплавныхъ дубовъ заплочено 102 руб., за два парома—690 руб., за байдакъ для перевоза 200 руб. и израсходовано на содержаніе и ремонтъ Неводницкаго перевоза 67 руб. 50 коп. Въ февралѣ дума ходатайствовала о разрѣшеніи городу устроить свой перевозъ для извлеченія дохода въ городскую казну, но отвѣта на это ходатайство не послѣдовало. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ виду предстоявшаго посѣщенія имп. Екатерины II, противъ Неводницкой пристани настланъ былъ съ большою поспѣшностью деревянный мостъ на льду, на работѣ ежедневно находилось около 100 человѣкъ съ платою по 50 коп. въ день.

Содержаніе почтоваго двора въ 1786 году обошлось городу въ 2,573 р. 98¼ коп. и слѣд. составляло повинность весьма тяжелую и убыточную для Кіева. По случаю пріѣзда царицы, къ 40 лошадямъ прикуплено было думою еще 20. Сѣно на почтовый дворъ доставлялось съ городскихъ сѣнокосовъ и главный расходъ по двору представляла покупка овса (1,180 руб.), затѣмъ т. наз. мелочные расходы (310 руб. 90 коп.), жалованье 10 почтарямъ (204 р. 75 к.), почтовому писарю (40 руб.). Почтовыя лошади покупались за 20—25 руб. Въ мартѣ мѣсяцѣ городская дума въ полномъ составѣ производила осмотръ негодныхъ почтовыхъ лошадей для замѣны ихъ новыми, но насколько былъ строгъ контроль за прочими расходами по почтовому двору, трудно сказать; не лишено однако интереса, что деньги на мелочные расходы отпускались обыкновенно по непосредственнымъ предложеніямъ губернатора.

Кромѣ постойной повинности, ложившейся на горожанъ непосредственно, на городѣ лежала обязанность давать квартиры въ натурѣ военнымъ начальникамъ, имѣвшимъ пребываніе въ Кіевѣ, горо-

довому архитектору, помѣщеніе для управы благочинія и городническаго правленія, устроить и отапливать лазаретъ для Днѣпровскаго фузиллернаго полка; городъ же выстроилъ на свои средства новый острогъ взамѣнъ стараго, который былъ сломанъ въ маѣ мѣсяцѣ. Зданіе магистрата, гдѣ помѣщались городскія присутственныя мѣста, какъ то дума, магистратъ, сиротскій и словесный суды, скарбовая комната, и засѣдали различныя коммиссіи, ремонтировалась и отапливалась также на городскія средства. Въ іюнѣ мѣсяцѣ думѣ предписано было устроить особый баракъ для пожарныхъ инструментовъ; въ этомъ же году ремонтировались и достраивались съѣзжія избы во всѣхъ трехъ полицейскихъ частяхъ города. Постройка лазаретнаго полковаго сарая, ремонтъ и отопленіе полковаго лазарета, ремонтъ и достройка съѣзжихъ избъ, ремонтъ квартиры ген.-майора Бухгольца обошлись городу въ 1,100 руб. слишкомъ. Кромѣ того для облегченія отъ постоевъ жителей Куреневщины пріобрѣтены были здѣсь думою двѣ старыя хаты съ амбарчикомъ и коморою, а для городоваго архитектора купленъ особый домъ. Не лишена интереса замѣтка въ протоколѣ отъ 16 іюля, что лазаретъ фузиллернаго полка, впослѣдствіи ремонтированный на городскія средства, пришелъ въ крайнюю ветхость, въ стѣнахъ дыры, крыша негодится, «такъ что отъ бываемыхъ дождей въ оныхъ покояхъ бываетъ по стѣнамъ и посреди немалая течь, отчего больніе крайне претерпѣваютъ нужду», а въ кухнѣ нѣтъ возможности развести огонь.

Весьма тягостную для городскаго управленія повинность составляло содержаніе зданія и причта Андреевской церкви, первоначально числившейся въ дворцовомъ вѣдомствѣ, затѣмъ неожиданно переданной въ вѣдѣніе кіевскаго магистрата. Послѣдній втеченіи 18 лѣтъ уклонялся отъ новой статьи расхода, накопляя груды переписокъ съ разными вѣдомствами; послѣ учрежденія думы сопротивленію уже не было мѣста, и втеченіи 1786 года на ремонтъ церкви выдано по предложенію Ширкова изъ городской казны около 4,000 руб. и жалованья причту 434 руб. 28 коп. Какъ видно изъ протоколовъ, расходъ этотъ производился думой съ крайней неохотой, и тѣмъ болѣе, что протопопъ Андреевской церкви Коменскій находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ церковными старостами, которымъ не желалъ давать отчета въ доходахъ и расходахъ бывшей придворной церкви. Съ ремонтомъ послѣдней спѣшили въ виду близкаго пріѣзда царицы, но окончена была работа лишь въ слѣдующемъ году (по словамъ Описанія Закревскаго, I, 184, всего издержано было городомъ на ремонтъ церкви

6,763 рубля). Въ 1786 году ремонтъ производился польскимъ каменьщикомъ Фабіаномъ Прумпаромъ изъ Острога по контракту, заключенному Ширковымъ безъ участія городской думы, которая не могла поэтому имѣть и надлежащаго контроля за ходомъ работъ и правильностью расходовъ по ремонту. Отмѣтимъ здѣсь, что за изготовленіе четырехъ евангелистовъ въ церкви мастерамъ Кудашевскому и Мармуровскому уплачено думою 60 рублей.

Еще значительнѣе былъ расходъ по ремонту магистрата и нѣкоторыхъ другихъ городскихъ зданій,—въ протоколахъ находимъ отмѣтки объ израсходованіи на этотъ предметъ не менѣе 6,700 рублей. Особенно много денегъ поглотила починка магистратской башни, въ виду ея орнаментальнаго значенія. На ремонтъ городскихъ шинковъ и лавокъ израсходовано въ 1786 г. по предписаніямъ Ширкова около 1,800 рублей. При выдачѣ денегъ на руки мѣщанамъ, которымъ поручался, въ видѣ обязательной повинности, надзоръ за ремонтомъ, дума строжайше наказывала подробно заносить всѣ расходы въ особыя тетради, которыя представлять въ думу для обревизованія, и расходовать деньги съ величайшей экономіей, подъ угрозою тяжкой отвѣтственности. Сравнительно незначительнымъ оказывается расходъ по содержанію канцелярій городской думы и городоваго магистрата,—онъ не превышалъ 1,000 рублей, при чемъ собственно на канцелярію думы расходовалось не болѣе 160 рублей въ годъ.

Въ 1786 году впервые назначено постоянное жалованье кіевскому городовому архитектору—150 рублей въ годъ; кромѣ того, архитекторъ пользовался квартирой отъ города. Судя по протоколамъ, на архитектора возлагались даже такія обязанности, какъ составленіе предположеній по регулированію днѣпровскаго русла.

Въ Кіевѣ имѣлось обширное каменное зданіе для хлѣбнаго запаснаго магазина, крытое желѣзомъ и выстроенное еще бывшимъ магистратомъ съ денежнымъ пособіемъ отъ казны, но состояніе хлѣбныхъ запасовъ въ 1786 г. оказывается весьма печальнымъ. По отчетамъ магистрата еще въ 1775 г. продано было изъ магазина 1,000 кулей ржаной муки, въ 1776 и 1777 г. прикуплено 2,000 четвертей ржи по 50 коп. четверть, въ 1780 г. продано 1,000 по 1 р. 5 к. и оставалось въ наличности 1000 четвертей, объ израсходованіи которыхъ дума потребовала справку отъ Балабухи и бургомистра Гудимы. По отчету оказалось, что изъ магазина продано приходившей въ порчу ржи на 1,810 руб., отдано заимообразно 548 четвертей и оставалось въ наличности всего 340 четвертей. Взамѣнъ ссуженныхъ

548 четвертей подлежало съ надлаточными взысканію 616½ четв., но взысканіе ссуды подвигалось туго, такъ какъ должники уклонялись отъ возврата хлѣба. Все дѣло было поставлено на практикѣ, какъ кажется, неудовлетворительно; по крайней мѣрѣ въ протоколѣ отъ 17 августа отмѣчено, что ссуды изъ магазина получили «большею частію люде чиновніе». Въ виду предстоявшаго въ 1787 г. наплыва народа въ Кіевъ, губернаторъ 28 сентября предписалъ думѣ закупить и имѣть въ наличности въ магазинѣ не менѣе 5,000 четв. ржи. Дума ассигновала на первый разъ 1,000 руб., кромѣ 1,810, уже бывшихъ въ магазинѣ ранѣе, но пріобрѣсть 5,000 четв. хлѣба оказалось не такъ легко. Въ Кіевѣ хлѣбопашцевъ не было, въ хлѣбѣ ощущался недостатокъ, такъ какъ много его требовалось на винокурни; быть можетъ, не безъ вліянія на дороговизну хлѣба былъ и ожидаемый пріѣздъ царицы съ многочисленной свитой. Мы уже знаемъ, что въ 1776 и 1777 г. четверть ржи шла по 50 коп., въ 1780 г. по 1. р. 5 коп. Еще въ сентябрѣ 1786 г. цѣны на хлѣбъ были сравнительно не высоки, но поднимались съ каждымъ днемъ; 12 октября дума уже соглашалась пріобрѣсть хлѣбъ хотя бы по 2 руб. за четверть и 28 октября цѣна на рожь была дѣйствительно такова, но 2 ноября рожь шла уже по 2 р. 10 к. и 2 р. 20 к. четверть; къ 4 декабря пришлось покупать въ Кіевѣ рожь уже по 2 р. 70 коп. четверть, но оказалось возможнымъ пріобрѣсть лишь 225 четвертей, а остальное пришлось пріобрѣсть въ польскомъ мѣстечкѣ Голованевскѣ (нынѣ м. балтскаго уѣзда подольск. губ.) у арендатора Лейбы, и то не болѣе 2,000 корцевъ или 1,125 четв. по 1 р. 60 к. корецъ или 2 р. 80 коп. четверть, съ доставкою. За Днѣпромъ ржи нельзя было пріобрѣсть дешевле 3 рублей за четверть. Такимъ образомъ распоряженіе Ширкова о пріобрѣтеніи 5,000 четв. хлѣба въ городской магазинъ было исполнено лишь отчасти, несмотря на изданный 4 декабря запретъ прасоламъ продавать хлѣбъ на винокурни, подъ угрозой конфискаціи. Ни базарные смотрителя, ни общая полиція, ни подписки, отбираемыя у прасоловъ, не могли помочь бѣдѣ, и дороговизна продолжалась.— Въ 1786 году на ремонтъ хлѣбнаго магазина издержано думою 450 руб. сер.

Немаловажное мѣсто въ финансовомъ хозяйствѣ города занималъ расходъ по замощенію городскихъ улицъ и площадей, устройству палисадниковъ, колодцевъ, фонтановъ, будокъ для ночныхъ сторожей, прокладкѣ водостоковъ и водопроводныхъ трубъ. По смѣтѣ, составленной въ 1784 году, на замощеніе улицъ предположено ас-

сигновать 5,272 р. 20 к., но собственно въ 1786 году на эту и другія перечисленныя выше статьи издержано почти 5,000 рублей, включая сюда и жалованье двумъ смотрителямъ «водоточныхъ трубъ и фонтальныхъ колодцевъ», не превышавшее впрочемъ 80 рублей въ годъ. Особенно значителенъ былъ расходъ по устройству новыхъ и ремонту старыхъ колодцевъ, какъ «фонтальныхъ», такъ и обыкновенныхъ, пришедшихъ наравнѣ съ водосточными трубами въ великую ветхость и гнилость. Такъ, устройство четырехъ колодцевъ на одномъ Печерскѣ обошлось думѣ въ 1,000 рублей. Подземныя трубы были деревянныя, требовали безпрестанно ремонта и переданы были онѣ вмѣстѣ съ колодцами въ руки думы въ самомъ жалкомъ состояніи. Для надзора за ремонтомъ этихъ сооруженій назначена была особая коммиссія изъ четырехъ мѣщанъ, крайне тяготившихся своею обязанностью и всячески уклонявшихся отъ выполненія ея, такъ что дума должна была объявлять членамъ выговоры, а однажды въ подобнаго рода случаѣ даже предала мѣщ. Пергота суду.—Очистка городскихъ улицъ отъ сора и нечистотъ лежала на обязанности полиціи и производилась лишь въ важнѣйшихъ пунктахъ, но напримѣръ, предъ тріумфальными рождественскими воротами, казеннымъ шелковымъ садомъ, банковой конторой, Соборно-успенской церковью улицы не очищались ни полиціей, ни городскимъ управленіемъ, и можно себѣ легко вообразить все благообразіе города въ этихъ мѣстностяхъ, замощенныхъ изрѣдка фашинами, усыпанныхъ грудами пыли или тонущихъ въ невылазной грязи, смотря по погодѣ. Еще въ апрѣлѣ городничій Кругловъ предлагалъ думѣ купить на городской счетъ 12 паръ воловъ для удобнѣйшей очистки городскихъ улицъ, но дума рѣшительно отклонила это предложеніе, въ видахъ экономіи, и потому, что такой расходъ не предписанъ закономъ. При такихъ условіяхъ санитарное положеніе города Кіево-Подола, должно думать, было хуже даже современнаго намъ (incredibile dictu!). Вредные отбросы мѣстныхъ кожевенныхъ заводовъ свободно попадали въ колодцы, отравляя жителей, а мясницкія бойни, подлѣ Духовской и Борисоглѣбской церквей на Подолѣ распространяли вокругъ ужасающій смрадъ, и хотя состоялось еще въ 1785 году постановленіе о переводѣ боенъ на окраину, но въ іюлѣ 1786 г. дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи.—На Крещатикѣ въ 1786 году производилась планировка и засыпка какой то горы и предположено было на будущій годъ обсадить эту улицу или, точнѣе сказать, дорогу деревьями; со стороны Плосскаго и Оболони устраивались палисады для неизвѣстной цѣли,

в на Помойникѣ каналъ, повидимому, для городской мельницы. О столбахъ для объявленій и рогаткахъ уже упомянуто выше. Замѣтимъ здѣсь, что дума разложила расходъ по изготовленію столбовъ и будокъ для сторожей въ большей части на обывателей, но духовенство и разночинцы рѣшительно отказались внесть причитавшіяся съ нихъ на этотъ предметъ деньги. По положенію, для каждаго квартала слѣдовало изготовить по одному столбу, три будки и три рогатки. Дума сильно тяготилась этимъ новымъ расходомъ.

Кромѣ лазарета фузиллернаго полка, въ городѣ существовала еще своя богадѣльня, въ которой находили убѣжище обоего пола нищіе и неимущіе больные. Содержалась богадѣльня на счетъ доброхотныхъ подаяній, въ ея же пользу выдѣлены были городомъ проценты съ Никишевскаго выморочнаго капитала. Ранѣе при богадѣльнѣ имѣлась особая церковь, настоятель которой получалъ 25 руб. годоваго жалованья, но въ 1786 г. самая богадѣльня едва могла существовать, такъ какъ «по причинѣ нынѣшней дорогой цѣнѣ хлѣбу и протчимъ съѣстнымъ припасамъ, доброхотные датели здѣшные мѣщане подаянія свои онымъ больнымъ въ препитаніе гораздо поумалили». Въ январѣ при богадѣльнѣ содержалось больныхъ 26 мужска и 46 женска пола. Смотритель богадѣльни, какъ кажется, не получалъ жалованья. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ кассѣ этого учрежденія имѣлось въ наличности всего 46 рублей, и это несмотря на сборъ пожертвованій при Андреевской церкви.

Школьное дѣло города находилось въ вѣдомствѣ приказа общественнаго призрѣнія и потому не нашло отраженія въ протоколахъ думы. Въ этомъ отношеніи можно лишь отмѣтить, что при городскомъ оркестрѣ состояло въ обученіи шесть сиротъ мальчиковъ, вся затрата на которыхъ со стороны думы простиралась въ 1786 г. до 4 руб. 80 коп. Положеніе ихъ въ оркестрѣ едва ли было очень благопріятное, такъ какъ городскіе музыканты извѣстны были своею склонностью къ пьянству и драчливости. На самый оркестръ расходы города были не велики. Капельмейстеръ, польскій выходецъ Яковъ Станкевичъ, получалъ въ годъ 45 руб. жалованья, музыканты вмѣстѣ съ городскими сторожами 380 руб. въ годъ. Изъ инструментовъ оркестра въ протоколѣ упоминаются трубы, волторны, гобои, кларнеты, литавры и басъ. Починка этихъ инструментовъ производилась почему то на счетъ питейнаго дохода и сопряжена была съ большими трудностями, за неимѣніемъ подходящихъ мастеровъ, «касательно же покупки оныхъ вновь, то о томъ проежающимъ въ Полшу здѣшнимъ куп-

цамъ» постановлено «дать отъ сей думы приказаніе, дабы отъ нихъ таковые трубы и волторны тамо безъ излишней передачи были куплены», и если окажутся годными, то затѣмъ уплатить за нихъ изъ питейнаго дохода.

Личныя повинности кіевскихъ мѣщанъ въ 1786 году состояли въ исполненіи различныхъ порученій думы по надзору за городскими сооруженіями, какъ напр. постройкой днѣпровскаго моста, вырытіемъ колодцевъ разнаго рода, постройкой мостовыхъ, срытіемъ городскихъ зданій и т. п. Выполненіе этихъ повинностей было безвозмезднымъ, но существовали при этомъ и платныя должности двухъ смотрителей городской казны съ жалованьемъ 30 руб. въ годъ, смотрителей трубъ и колодцевъ съ жалованьемъ въ 20 рублей, смотрителя городскихъ часовъ, т. е. попросту городоваго часоваго мастера, съ жалованьемъ въ 35 рублей. Въ случаяхъ нужды ремесленнымъ управамъ предписывалось озаботиться поставкой того или инаго матеріала или работы, какъ напр. рыбальской и плотницкой управамъ въ виду ожидаемаго пріѣзда царицы, но услуги ремесленниковъ оплачивались думою по обычнымъ цѣнамъ. Въ протоколѣ отъ 16 мая есть отмѣтка, что мѣщ. Сердюковъ былъ освобожденъ отъ обязанности доставлять дрова на домъ полковника Нилуса, «по своему одиночеству и разоренію», но дума предварительно запросила на это согласіе Ширкова; въ апрѣлѣ другой мѣщанинъ былъ по старости уволенъ отъ должности смотрителя магистратскихъ построекъ, но за самовольное уклоненіе отъ выполненія возложенныхъ думою повинностей или отлучку въ такихъ случаяхъ изъ города безъ разрѣшенія думы послѣдняя объявляла виновнымъ выговоры и даже предавала ихъ суду, какъ это было съ мѣщанами Билецкимъ и Перготомъ.

Мы опускаемъ многія другія подробности, характеризующія городское хозяйство Кіева въ 1786 году, въ виду ихъ крайней разрозненности и безсвязности, и желающихъ ближе ознакомится съ вопросомъ отсылаемъ къ подлинному источнику предлагаемыхъ замѣтокъ. Но уже изъ приведенныхъ выше данныхъ можно видѣть, насколько незначительную и зависимую роль играла дума и городское общество въ хозяйственномъ распорядкѣ города. Весьма возможно, что предоставленная самой себѣ, дума не произвела бы тѣхъ капитальныхъ затратъ, которыя были ей предписаны въ 1786 году начальствомъ, но постоянное мелочное вмѣшательство администраціи въ хозяйственную жизнь городской общины не давало никакого простора для самодѣятельности послѣдней и отнимало всякую возможность по-

ставить дѣло городскаго благоустройства на почву прочную, жизненную, не навязанную со стороны, какъ это и было прилично для матери городовъ русскихъ. Достаточно жалкое впечатлѣніе получаешь при чтеніи думскихъ протоколовъ 1786 года, и единственная характерная черта въ дѣятельности думы—это стремленіе къ экономіи въ городскихъ расходахъ quand même и провѣркѣ старыхъ запутанныхъ счетовъ; сколько можно судить по протоколамъ, въ этомъ отношеніи дума служила истиннымъ выразителемъ стремленія городскихъ обывателей, но и здѣсь намѣреніямъ и желаніямъ ея были поставлены самые тѣсные предѣлы.

Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько данныхъ о положеніи торговаго и ремесленнаго сословія въ Кіевѣ 1786 года, случайно проникшихъ въ протоколы, но не лишенныхъ извѣстнаго интереса.

Указомъ отъ 26 окт. 1781 г. о введеніи намѣстничества была предоставлена полная свобода «козакамъ и всякаго званія вѣдомства казеннаго людямъ, если они пожелаютъ имѣть мѣщанскіе промыслы или ремесла, по городамъ записываться въ мѣщанское общество, а имѣющимъ капиталы—и въ купечество», какъ объ этомъ выражено было въ манифестѣ отъ 17 марта 1775 г. (Ср. Шафонскаго Черниг. нам., топогр. описаніе въ изд. Судіенка, Кіевъ, 1851 г.). Для упорядоченія сословныхъ городскихъ отношеній въ Кіевѣ въ 1786 г. дѣйствовала постоянная коммиссія по сочиненію обывательской книги, но результаты ея дѣятельности еще не выяснились въ это время, и коренное мѣщанское общество по прежнему стояло особнякомъ, не успѣвъ включить въ себя всѣхъ жившихъ въ городѣ разночинцевъ и партикулярныхъ людей, занимавшихся промыслами разнаго рода. Разъясненіе этого вопроса было тѣмъ необходимѣе, что разночинцы кіевскіе владѣли въ городской чертѣ на правѣ собственности или только фактическаго владѣнія немалымъ количествомъ земель, дворовъ, хуторовъ, которые покупались ими у мѣщанъ. Уже въ январѣ Ширковъ предложилъ было думѣ заключить контракты съ разночинцами, владѣвшими домами и хуторами на городской землѣ, на четыре года или «сколько дума разсудитъ, ища умноженія городскихъ доходовъ». По справкамъ оказалось, что переходъ земель въ руки разночинцевъ продолжался безостановочно, но точныхъ свѣдѣній объ этомъ въ думѣ все таки не было. Разночинцы занимались различными торговыми промыслами и не спѣшили вписываться въ обывательскую книгу, съ цѣлью уклониться отъ несенія связанныхъ съ этимъ городскихъ налоговъ и повинностей. Такъ напр., въ іюнѣ мѣстное купечество горько

жаловалась думѣ на трехъ калужскихъ купцовъ, торговавшихъ въ розницу на Кіево-Подолѣ. Дума постановила опечатать калужскую лавку и потребовать переноса товара на квартиры, иначе конфисковать его по силѣ королевскихъ привилегій, утвержденныхъ всероссійскими монархами,—конечно, все это съ разрѣшенія Ширкова. Мелочные торговцы съѣстными припасами предъявляли такія же жалобы на конкурренцію солдатскихъ женъ, торговавшихъ на полочкахъ, что при городской богодѣльнѣ. Иногородный купецъ Масловъ съ приказчикомъ Жидковымъ производилъ розничный торгъ въ самомъ гостиномъ дворѣ въ снятой имъ у мѣстнаго купца лавкѣ; на Печерскѣ торговалъ какой то пріѣзжій изъ Польши еврей; крестьяне калужскаго дворянина Демидова, Ѳедоръ и Василій Горбуновы, вели недозволенную торговлю полосовымъ желѣзомъ; бунчуковые товарищи Гудима, Загоровскій и Масловичъ и Братскій монастырь вели торговлю питьями черезъ купца Лакерду; въ Каменномъ затонѣ иногородные купцы Цвѣтковъ, Павловъ и др. вели недозволенный торгъ виноградными винами и другими напитками, «въ крайнюю обыду торгующихъ тѣми же напиткамы здѣшныхъ купцовъ и мѣщанъ»; нѣкій отставной корнетъ Литвиновъ не только дѣлалъ подрывъ мѣстнымъ извощикамъ, но при этомъ еще наносилъ имъ побои, на что извощики горько жаловались думѣ; печерскіе мѣщане неоднократно жаловались на конкурренцію самозванныхъ торговцевъ изъ отставныхъ сержантовъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ, а эти въ свою очередь просили защиты у Ширкова, дабы они «вовсе не лишены были пропитанія».

Несмотря на всѣ жалобы, запреты, штрафы и распоряженія по полиціи, недозволенная торговля продолжалась и разночинцы грозили «ярмарочнаго смотрителя бить и бороду вырвать». Дума въ борьбѣ съ разночинцами-торговцами большею частью обращалась къ губернатору и въ управу благочинія, дѣлала постановленія объ оштрафованіи виновныхъ, о конфискаціи у нихъ товаровъ, отбирала паспорта и брала подписки о томъ, что впредь они не станутъ торговать въ розницу, но всѣ эти мѣры въ рѣдкихъ случаяхъ имѣли успѣхъ. 10 іюня, напр., Ширковъ распорядился выслать изъ города еврея Вульфа Изаковича, производившаго тайный торгъ заграничнымъ сукномъ и плисомъ, но когда дума донесла, что распоряженіе не исполнено и торгъ продолжается, и просила товаръ конфисковать, Ширковъ измѣнилъ взглядъ и велѣлъ оставить Вульфа въ покоѣ, такъ какъ онъ пріѣхалъ на ярмарку. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ разночинцы обращаются въ думу за разрѣшеніемъ права торговли и еще рѣже дума

удовлетворяла ходатайства, и во всякомъ случаѣ разночинцамъ право такое предоставлялось не иначе, какъ за двойную плату.—Къ концу года составлены были списки разночинцамъ, проживавшимъ въ Кіево-Подолѣ и Печерскомъ форштадтѣ и къ октябрю эти послѣдніе были уже внесены въ обывательскую книгу, но вслѣдъ за этимъ оказалось, что записка была неполная, и снова пришлось сообщать въ управу благочинія о воспрещеніи недозволеннаго торга въ форштадтѣ.

Живость и многочисленность жалобъ мѣстнаго купечества и мѣщанства на конкурренцію разночинцевъ и иногородныхъ торговцевъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что современная торговля въ Кіевѣ находилась въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ городская дума, въ виду возбужденнаго ею ходатайства о займѣ городскому обществу 200,000 рублей, доносила въ намѣстническое правленіе, что «здѣшніе купцы и мѣщане до состоянія высочайшей грамоты положенія о городахъ торговали многіе въ Шлезію, Польшу, Цесарію, Валахію и Молдавію, а нынѣ точію съ ныхъ имѣющіе право внѣ имперіи россійской торговать во тѣ мѣста торгъ производятъ, фабрикъ не имѣли, а имѣть оніе по способности мѣста желають, имѣли же и нынѣ имѣютъ заводы шолковіе, конфетчическіе, вареніемъ сухихъ и сирыхъ фруктовъ, кожевніе, свѣчніе, мылніе, колоколніе; котіолніе, кирпичніе, канатніе, красилніе, кушачніе, шерстяніе, шнурочніе, коверніе и винокуренные; тѣ ихъ товары продаются частію въ Полше, а частію въ семъ же городѣ Кіевѣ и другихъ россійскихъ городахъ, доставляемы же ихъ товары были до учрежденія новаго о таможняхъ порядка водою въ полскій городъ Чернобыль, а нынѣ землею въ вышеписанніе иностранные земли, въ россійскіе же города, гдѣ какъ по способности, рѣкою Днѣпромъ, въ Городище, Кременчугъ и Херсонъ, а землею въ разніе получали товары и нынѣ получаютъ въ Шлезіи, Полшы и Цесаріи шолковіе, сукна, прѣсній медъ, смолу и чистій діоготъ, а такъ же водою разніе лѣсніе припасы, а съ Молдавіи и Валахіи монастырскіе и волоскіе вина, чернослівъ и орѣхъ грецкіе, доставая оніе товары иногда мѣною, а иногда покупкою на вырученные за свои товары денги». Въ протоколѣ отъ 15 іюня отмѣчено свѣдѣніе, что иногородные купцы доставляли кромѣ того въ Кіевъ желѣзо рѣкою Днѣпромъ и Рушомъ (?).

Гораздо болѣе сплоченнымъ и прочно организованнымъ представляется ремесленное сословіе города Кіева, насколько объ этомъ можно судить по розрозненнымъ даннымъ думскихъ протоколовъ 1786 года. Здѣсь встрѣчаемъ упоминаніе о 14 ремесленныхъ упра-

вахъ, старшины которыхъ принимали участіе въ засѣданіяхъ общей городской думы. Жалобы на недозволенное занятіе ремесломъ разночинцевъ и другихъ «партачей» поступали отъ ремесленниковъ гораздо рѣже, нежели отъ купцовъ и мѣщанъ, занимавшихся торговлей. Ремесленныя управы сами наблюдали за охраною цеховыхъ правъ, и уже въ февралѣ подданные Кіево-Печерской лавры жаловались въ думу на привлеченіе ихъ кравецкими начальниками въ свой цехъ и насильственное отобраніе при этомъ инструментовъ и матеріаловъ. Лавра поставила принципіальный вопросъ, имѣютъ ли ея подданные право заниматься ремеслами безъ приписки къ цеху. Дума отвѣчала, что цехи больше подчинены ратушѣ, она же лишь разрѣшаетъ споры цеховъ и гильдій между собою, не касаясь судебныхъ дѣлъ, почему все дѣло было направлено въ магистратъ. Въ апрѣлѣ Ширковъ предписалъ городничему составить «о всѣхъ приходящихъ сюда съ разныхъ мѣстъ разнаго званія людяхъ и безъ вѣдома думы портное и другое ремесла производящихъ именную вѣдомость», которая должна быть представлена въ думу «для поступленія съ оными по закону». Получивъ списокъ, дума 6 мая опредѣлила потребовать тѣхъ мастеровъ въ думу и записать ихъ порознь, буде пожелаютъ, въ четвертую часть градской обывательской книги и отправить затѣмъ каждаго въ подлежащую управу для приписки къ цеху; всѣмъ прочимъ воспретить ремесло и объ этомъ сообщить городничему для наблюденія. Поступавшіе затѣмъ жалобы ремесленныхъ управъ, какъ напр. иконописной и мясницкой, на конкурренцію «партачей» дума направляетъ уже въ магистратъ, считая эти вопросы уже выходящими изъ компетенціи городскаго управленія. Туда же, по всей вѣроятности, отправлено было и ходатайство старшины рыбальской управы Петра Надточія о разрѣшеніи цеху свободной ловли рыбы въ Днѣпрѣ и затонахъ отъ устья Ирпеня по рѣку Кривецъ, согласно привилегіи короля Сигизмунда III, на которую именно сослался въ этомъ случаѣ рыбальскій старшина. Подъ 6 мая записано ходатайство ремесленной «управы всего мелочнаго общества о свободномъ тому обществу по прежнему въ польскіе и заднѣпрскіе мѣста съ города имѣть выѣздъ для покупки мѣлочи и протчихъ съѣстныхъ припасовъ къ продовольствію себя и всего здѣшнаго гражданства нужнаго». Дума вошла по этому поводу къ Ширкову съ ходатайствомъ о разрѣшеніи просимаго управою свободнаго проѣзда безъ прописки въ паспортахъ «касательно до купечества недозволительныхъ термѣновъ (sic), ибо какъ и сія дума... свое мнѣніе держитъ, что таковая здѣшнихъ обывателей съѣст-

ныхъ припасовъ и другихъ къ майстерству приличныхъ матерьяловъ и вещей покупка и въ сей городъ привозка ни въ какой либо подрывъ купечеству, но единственно къ общей нуждѣ и пищѣ служить можетъ». 19 іюня просимое разрѣшеніе было дано Ширковымъ «не для купеческаго промыслу, но для покупки мелочныхъ матерьяловъ къ ремесламъ принадлежащихъ».

Всѣ кіевскіе цехи входили въ думу съ общими представленіями о своихъ нуждахъ и обидахъ. Такъ, 15 октября шестигласная дума обще съ ремесленнымъ главою Иваномъ Косачинскимъ слушала прошеніе всѣхъ ремесленныхъ управъ, гдѣ «по обстоятельствамъ де происходящаго обществу время отъ времени отягощенія» доводилось до свѣдѣнія думы о слѣдующихъ нуждахъ: 1) до открытія управы благочинія ремесленники нанимали каждый съ своего двора помѣсячно или отъ одного десятка, въ которомъ числилось по 15 и болѣе дворовъ, по одному человѣку въ десятскіе на цѣлый годъ; теперь же нанимаютъ они для караула сторожей не по прежнему, но отъ 10, 6 и 7 дворовъ человѣка съ немалыми издержками; неизвѣстно почему полиція требуетъ съ каждаго дома по конвойному для конвоированья арестантовъ; это уже излишнее требованіе, ибо сторожа, которыхъ больше чѣмъ нужно, «занимаются по большей части квартальными надзирателями и поручиками въ повседневные партикулярные ихъ услуги». 2) Цеховые дома, гдѣ почти ежедневно бываютъ цеховыя собранія, берутся подъ постои и опять требуются для этого сторожа. 3) Многіе неприписанные къ обществу отставные военные нижніе чины и ихъ жены ведутъ мелочную торговлю овощами и съѣстными припасами. 4) Къ управамъ, къ немалому ихъ затрудненію, причисляются люди мастерства неработающіе и оному неучившіеся,—такихъ слѣдовало бы причислять въ неремесленныя управы, какъ то рыболовную или торгующихъ мелочью, что прежде была сотня крамарская. 5) Полицейскіе чины разнаго рода, получая жалованье и не нанимая квартиръ, занимаютъ таковыя въ домахъ ремесленниковъ, наравнѣ съ военными, отчего въ квартирахъ недостатокъ и всѣмъ ремесленникамъ притѣсненіе. 6) Управа благочинія неподлежаще вступается въ разборъ ремесленныхъ дѣлъ, которыя единственно принадлежатъ ремесленнымъ управамъ по принадлежности, а чрезъ то дѣлается симъ управамъ «помѣшательство». Дума постановила снестись съ управой благочинія объ устраненіи причинъ справедливыхъ жалобъ ремесленниковъ, исключая выраженной въ 4-мъ пунктѣ,

которая подлежала разсмотрѣнію магистрата, куда просители и были направлены думою.

Лишь однажды встрѣчаемъ въ протоколахъ извлеченіе о поступленіи въ городскую казну штрафа съ ремесленника въ 2 руб. сер. «за непорядочные поступки при всей братіи» (прот. 2 сент.). Кромѣ того, каждый цехъ обязанъ былъ вносить ежегодно по 5 рублей на содержаніе кладбищенской церкви.

Въ изложеніи нашемъ мы старались по возможности подлинными выраженіями протоколовъ характеризовать дѣятельность городскаго управленія въ 1786 году, но ввести здѣсь весь богатый матеріалъ, заключающійся въ этихъ протоколахъ, конечно, было бы утомительно и нелегко, по его крайней разбросанности и отрывочности. Замѣтимъ лишь для интересующихся этимъ вопросомъ, что въ протоколахъ можно найти довольно много свѣдѣній для исторіи современныхъ кіевскихъ цѣнъ.

Н. Молчановскій.

Русалка.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ).

Десь ты мене, моя маты,
Въ барвинку купала,
Купаючы проклынала,
Щобъ доли не мала.

Народная пѣсня.

I.

„Не родысь уродлывымъ (то есть красивымъ), родысь счаслывымъ“, говорятъ наши земляки.

Въ чемъ же состоитъ счастье? что̀ оно такое? Всѣ его ищутъ, но находятъ немногіе. На вопросъ исканія счастья земляки наши отвѣчаютъ мистически:

— Треба набигты тропы.

Какъ же попасть на эту счастливую „тропу́?“ Никто не скажетъ. По народной философіи, она пролегаетъ и черезъ богатые дома, и черезъ самыя мизерныя жилища; попадаютъ на нее даже нищіе, бездомные и безродные люди. Кто съ такими людьми сошелся, и тотъ пользуется ихъ счастьемъ. Богатство тутъ ни при чемъ. Но дѣло въ томъ, что „набигши тропы, треба ии держа̀тысь“.

Въ прекрасный лѣтній день громада села Кукориковщины была встревожена происшествіемъ чрезвычайнымъ. Изъ жита, которое начало *половѣть* или *красува̀тысь*, вышла „русалочка“.

Такъ называли всѣ въ одно слово маленькую, совсѣмъ голую дѣвочку.

Русалки у насъ—это умершія дѣти, преждевременно родившіяся, недоноски, выкидыши, которыхъ *маты звѣрила*. Ихъ обыкновенно хоронятъ подъ порогомъ въ хатѣ, и поэтому то они во время Мертвецкаго Великодня кричатъ:

Насъ маты породыла,
Нехрищеныхъ хоронила,
Пидъ порогомъ положыла...

Хоронятъ этихъ дѣтей и подъ *перелазомъ*. То и другое дѣлается съ христіанскою мыслью: чтобы шагающіе черезъ некрещенныхъ этимъ самимъ какъ бы дѣлали надъ ними знакъ святаго креста.

Такихъ дѣтей горюющія матери поминаютъ на четвертый день Зеленой недѣли, и потому называется она *Русальною*, а четвертокъ—*Русальнымъ четвергомъ*. Въ этотъ Русальный четвергъ носятъ въ мисочкѣ *медъ* (соты) на перекрестокъ дорогъ; а нѣкоторыя угощаютъ сосѣдскихъ дѣтей *варѣниками, пампушкáми* и проч. „Сёгодни, говорятъ они, *свято: Русáльни Пóмынкы*“.

Все это дѣлается съ мыслью успокоенія тѣней, которымъ царство Христово закрыто. Русалки мстятъ людямъ за *неддносъ*, за то, что ихъ *мáты звѣрила*, что онѣ—„изверги рода человѣческаго“, какъ это сохранилось и въ великорусской поговоркѣ; а мстятъ онѣ, неуспокоенныя добрыми матерями, каждому, кого захватятъ одного въ лѣсу, въ житѣ или въ рѣчной заросли, которую онѣ любятъ особенно. Русалки защекочутъ неосторожнаго, а то и въ воду затащатъ.

Впрочемъ, подсмотрѣть ихъ дѣтскія игры можно. Однажды я выразила желаніе видѣть русалокъ, и мнѣ отвѣчали:

— Устаньте ранесенько та й пійдить на перехрѣстя: тамъ воны не шкодлúви“. (Вѣроятно, и здѣсь подобіе святаго креста успокаиваетъ тѣни некрещенныхъ).

— Но я не слышу, чтобы кто нибудь изъ нашихъ людей видалъ ихъ, сказала я. Это, можетъ быть, въ старину показывались русалки людямъ?

— Ни, ни, паніечко! отвѣчали вѣрующія въ русалокъ.—У насъ одынъ чоловикъ жыве къ полю коло жыта, дакъ и теперъ бачывъ

ихъ рано въ ранци. А хто вынесе на перехрестя меду, дакъ медъ поиденый, и ступенци по писочку знаты; русалочкы потупалы.

И вотъ одно изъ такихъ таинственныхъ существъ явилось міру среди бѣла дня. Было чего встревожиться кукуриковцамъ!

По народной пословицѣ: „Що баби, те й громади“ (но не наоборотъ, какъ бы казалось намъ), степенные люди, по старосвѣтски *громадскіе мужи*, вполнѣ раздѣляютъ вѣрованія своихъ бабъ и либеральничать не дерзаютъ, какъ бы свидѣтельствуя, что женщина—хранительница и проповѣдница вѣрованій вообще. Вышедшую изъ жита „русалочку“ приняли они съ нѣкоторымъ ужасомъ и долго не рѣшались заговорить съ нею, такъ какъ извѣстно, что всякую нечистую силу не слѣдуетъ вопрошать или заговоривать съ ней, пока она молчитъ.

Сцена въ сельскомъ сенатѣ была бы для меня весьма интересна, но все, что́ мнѣ о ней извѣстно, передано только виновницей этой сцены, которую знала я въ видѣ взрослой уже дѣвушки—поденщицы. Вотъ какъ разсказывала мнѣ о себѣ псевдорусалка.

— Зъ малку ось якъ я себе зазнаю. Стою пидъ селомъ, коло *цáрыны*, въ жыти. Собакы мене кругомъ оступылы, а посли й люде. Що́ ты? видкиля ты? А я й сама не знаю, де я взялась. Росла десь, якъ той бурьянъ... Чы мене зъ неба спущено, чы я зъ земли выросла, чы зъ птаха перевернулась у людыну, не знаю, такы й зовсимъ не знаю... наче я рикъ, чы що, спала, и мене сонну перенесено; и мисце не те, и никого не згадаю; ничого не зазнаю; никому не кажу *тато*, або *мамо*. Чы мени дано такого зилля забутно́го, чы що?

— Малесенька, а вже вмила й балакаты трохы. Людей, людей зибралось коло царыны кругъ мене! Наче якого звира лáвою обгорнулы мене. И довго стояла громада та гомонила коло мене. Усе село зибралося.

— Я пидтомылась, выдно, по жыту блудячы, и боюсь ихъ, и рученята простягаю и до людей и до собакъ: истонькы хочу. Воны про мене щось помижъ себе гу́торять. Нихто мене не бере въ свою чередy: бояцця мене.

— Я почала плакаты. Якась дивка зирвала квитку съ головы, кынула мени на забавку. Я вхопыла и взила. Уси поторóплы. Гу-гу-гу! загулы якъ тіи шмели, и такъ лàвою, не повертаючысь спыною до мене, далеко одійшлы и ростеклысь по хатахъ, и собакы те жъ зъ нымы. Осталась я одна, одна.

— Памятаю, що якась пташка прилетила и сила передо мною на шляху. Якъ теперъ, то я думаю, що, може, то моя й маты. Я до неи ловыты,—вона пурхъ. Я за нею,—вона й пурхне. Що я наблыжусь, вона зновъ пурхне, и видманыла видъ села.

— Тамъ дывлюсь—жытà колосіють, волошкы блакытніютъ. Такъ уже теперъ мовъ уви сни мени ввиджаецця.

— Памятаю, квитокъ багацько, багацько! Я давай збираты ихъ, да тамъ и заснула, да мабуть, чы не на другый уже день прокынулась. Отъ вамъ и все.

— Прокынувшысь, давай плакаты, наче въ риднои матери... А въ мене тильки небо та жыто, та ще округъ мене багато въялыхъ квиточокъ жмуттямъ лежыть, да вовчыхъ жылъ, куколю, волошокъ, що зъ вечора, выдно, рвала.

— Зновъ я плачу, бьюсь у жыти, наче въ води, плутаюсь, падаю. Упаду та й лежу. Нихто не рятуе. Никогисенькому мене не треба. Лежу я, лежу, та й встану непрохана. Нихто дытыны не рятуе, не пестыть.

— Огъ такымъ побытомъ и пробылась я на якусь поляну, ажъ тамъ людей цила мгла. Я вырнула зъ жыта та й стою. Боязько мени, бо тоди воны мене вси покынулы.

Здѣсь я остановила разскащицу:

— *Покынулы* тебя, можетъ быть, на время, пошли въ расправу, чтобъ посовѣтоваться о тебѣ, а ты и убѣжала, да еще какъ видно, въ противоположную сторону.

— Хто вже ёго знае, якъ воно було? Памъятаю тилько, що воны все пучкою на мене, да якъ закрычять! Я зновъ у жыто, упала та й лежу. Серце тилькы тёхъ, тёхъ, тёхъ!

— Посли зновъ далеко пробылась ажъ на другый бикъ. Вызырнула, зновъ ихъ бачу. Воны вси не мене зновъ пучкою, та давай хрестыцця; а диты съ крыкомъ уростичъ! Я зновъ заховалась, ажъ валюся: исты хочу. Молоде колосся зъ жыта зрываю,

жую. Посли вже прыйшло два чоловикы, сталы по жыту ходыты, и мене выпукалы. Я видъ ныхъ прудко втикала и падала, а воны такы мене зловылы и однеслы у росправу. Тоди кажуть: „Се нехрещена дытына“, однакъ нагодувалы мене, тилько все таки страхались.

II.

— Седила я тамъ у росправи днивъ зъ пъять. Нихто до мене не прыкидаетцця ни батькомъ, ни матерью. Нихто мене не бере. Ни родыны, ни доброи людыны. А якъ бы оце теперъ булы посли мене яки спадкы, де бъ та й родына набралась! Русалкою мене взываютъ. „Се нехрещена дытына. Русалка та й русалка“. А я такы, выдно, була хрещена, бо посли у жыти знайшлы мою и сорочку и поясокъ: выдно, я сама іи зъ себе скынула зъ нудьгы да зъ жару.

На это я замѣтила: „Русалку, некрещенную, боялись тебя брать. Это понятно. А какъ увидѣли, что ты была въ человѣческихъ рукахъ, то и перестали бояться нездѣшней силы. Кто надѣлъ на тебя сорочечку, тотъ не держалъ бы некрещенной дѣвочки; ты, видно, заблудилась въ житѣ, какъ въ дремучемъ лѣсу. Тебя, конечно, хватились, искали, да ты очутилась дальше людскаго голосу“.

— Да такъ же, отвѣчала разскащица. Ажъ ось дывлюсь,— дыбле старенькый дидъ. Драночка на ёму и на о́пашъ латана свытына. Думалы, старець.

— А то не старець прыйшовъ, то прыйшла по мене вся моя родына. Безридный дидусь, чуженыця, прыйшовъ и прыйнявъ мене до себе за дытыну. Не було въ ёго ни хаты, ничого, тилько сорочка драночка на хребти да на о́пашъ латана свытына.

— А не знаешь ли, спросила я: отчего *дидусь чуженыця* такъ обѣднѣлъ? Какъ среди нашего народа, богатаго хлѣбомъ и скотиною, человѣкъ дожилъ до старости въ такой нищетѣ?

— Богъ ёго святый знае, отвѣчала Русалка. Другаго имени не слышала она себѣ. Вопросовъ общежитія не понимала она и, равнодушная къ моему любопытству, продолжала:

— Винъ усе вартовымъ бувъ, пры садовыни, або пры баштанахъ. Бувало, хочъ поросятко на орчыку держыть, щобъ ёму охотнищъ було на свити жы́ты, щобъ щось до ёго озывалось, щобъ ёго сподивалось; а винъ ёго чухае, жалуе, и воно передъ нымъ якъ цуценятко перекыдаецця, хвостыкъ у ёго бублычкомъ: бо добре годувавъ. Дидъ ему й солимкы свиженькои пидстылае. Та колы та душа до поросяты такъ оберталась, то якъ уже винъ до мене прыхылявсь! Перомъ ёму земля!

— Отъ забравъ винъ мене. Я ёму не забаромъ за помичъ стала: яблука збирала, а тамъ дали й макъ рижу, и квасольку лущу. У будци, було, изъ имъ сплю.

— Какъ же звалъ тебя дидусь? разспрашивала я. Вѣдь онъ тебя не водилъ къ священнику, не крестилъ?

— Ни, ни! та винъ про те й байдуже, що мене русалкою звалы. Допытувавсь у мене, якъ мене маты звала, а я й матеры не памъятаю, наче й не було ій въ мене. Дакъ дидусь тоди: „Ты моя комашечко! Така жъ сырота, якъ и я на свити. Комашечкою, золотою оленкою пустывъ тебе Господь на сонечко, якъ и мене колысь, та й любо намъ на Божому свити. Ты прыповзла въ мои рукы оленкою“... Та було й зве такъ: Оленко! Оленочко! до я й бижу до нёго, мовъ те поросятко, якъ на ёго скаже „паць! паць!“ або вацюкне, або плямкае.

— У дидуся, такъ якъ и въ мене, никого не було; самъ соби й сорочкы полощe, и мою у ночи выпере и повисыть, уранци скачае и надине: бо перемины ще въ мене довго не було; а въ дидуся була перемина: бо въ ёго, опричъ латанои свытыны, була й торбына. Тамъ лежала, якъ винъ казавъ, про смерть чыста сорочка, а друга на хребтыни; билышъ ничого не було. Люде наче послыплы: нихто ничого не подавъ старенькому. Не подавъ,— що се я кажу? Росказувавъ дидусь, що ёму хотила якась побожна людына праты сорочкы, дакъ винъ и не схотивъ: „У тебе, каже, е кому праты“. А була то вбога удова, що заробиткамы ажъ четверо дитокъ годувала. А разъ хтось прынисъ дидусеви недоношеный жупанъ, дакъ винъ и не принявъ рады Хрыста. Каже: „е люде бидниши за мене. Мого вику не багацько зосталось. Я такы й жалкувала про той жупанокъ. Кажу ёму: вашъ

у латкахъ. А винъ мени видказавъ: Хрыстосъ любыть латаныхъ.

— Тіею свытыною, було, въ двохъ и вкрываемось. А торбынку пидъ головы: бо тамъ и хлиба окраець бувъ нашъ, дакъ щобъ чужый собака не заволикъ, або що. Я дуже мала тоди була, ничого ще не тямыла, а люде мени де-що про мене росказувалы, дакъ я по тому наче помацькы й соби згадую, да це й вамъ, спасыби, що балакаете зо мною, росказую. Не швыдко потимъ оглянулысь и люде на насъ, и драночокъ мени назносылы, а дидусеви, бувало, хочъ и дають, ничого не визьме, и не попросыть ни въ кого ничогисенького: якось наче боявся людей. Мовчущій бувъ такый, тилько зо мною да съ поросяткомъ розмовляе; не такъ розмовляе, якъ озываецця до насъ ласкавымъ голосомъ: бо я ничого зъ его розмовы не памъятаю; такъ наче витерець шелесне въ лысти, така его була прыемна й тыха мова. Описля вже почала я памъятаты, що винъ гуторыть, та й почала роспытуваты про всячыну.

„Литуемо, було, у будци, ажъ покиль прыиде на рябому кони осень [1]), а на зиму хто небудь залучыть мого дидуся, скотыну пораты, виревкы плесты; дровъ уже дакъ и не врубае. А я було пирьечко деру, хату пидмету, а потимъ и пряду, дакъ и на мене шматокъ хлиба йде.

III.

„Пидросла, почала людямъ и геть одпрядаты за хлибъ. Дидусеви давалы на зиму хазяйську одежу, щобъ не мерзъ коло товару, и мене, сыроту, чымъ небудь старенькымъ прыкрывалы, а литечко само про насъ пиклувалось; и такъ на свити мени здавалось гарно! Не бажала бъ я въ Бога кращои доли, колы бъ увесь викъ такъ ни про що зимою не дбаты, а литомъ зъ дидусемъ у будци жыты. Далеби! Щаслыве то було времячко!

„Тилько въ мене бувъ одынъ звычай препаганый: любыла ласуватысь. Найбильшъ того й бажалось, на що бувъ запретъ.

[1]) Пока погода сдѣлается перемѣнчивою: одинъ день ясный, а другой дождливый.

Зо всихъ гладышокъ чысто було вершкы позъидаю, наче той китъ. Якъ було дидусь мене благае, и хазяйка и хазяинъ угрущають и Богомъ и лозыною. Гляды—й не втерплю: то сметанку зъ глечыка, то крашанкы, хочъ из-спидъ куркы, дакъ заберу. И ничого не догляну. Зъ моихъ очей усе можна забраты: собакы, и то помитылы мене, яка я вдаха. Держу въ рукахъ хлибъ, або тараньку чыщу на юшку,—дывысь, уже рябко й понисъ, а я вже тоди ни въ тыхъ, ни въ сихъ, якъ собака въ човни.

„Зъ одніеи хаты насъ за се и середъ зимы выгналы; и то дидусь не покынувъ мене. Чымъ дужче зледачію, тымъ бильшъ винъ за мене берецця, наче й самъ бувъ колысь такивськый.

„Наставъ мени десятый рикъ; я помичныця ему, хочъ и злыденна. Юшку, кулишъ вару коло будкы. Я й цуру́палкивъ назбираю, бараболи начыщу, горшкы побаню, на колкы повишаю, повысушую на сонечку, юшку саломъ затушкую; колы и яблукъ напечемо, губъ напряжемо, потапцивъ изробымо, да й жывемо; после вечеры поседымо трохы, погомонымо. Я така вже рада!

„Старенькый бувъ, жаль мени его, и слухаюсь було его лучче: бо вже порозумнищала. Оце було мени Оччи нашу́ вчить, Богородыци, такъ було поспиль и прокажу, не мину й слова. „Голубко, каже, моя Оленко! веселышъ кинець мого вику. Никому не потрибный, тилько тоби здався“...

— Якый ты старенькый! було кажу дидусеви.

А винъ одказуе було усмихаючысь: „Та й знадобывся тоби, молоденькій! Се мени, каже, одыноцтво та убожество такъ викъ скоротыло. Якъ бы не воно, я бъ ище и молодый бувъ; ще бъ на твоему весилли й борщу догоры горщокъ пе́рекынувъ“.

Було часто, по-пидъ яблунямы плентаючысь зъ торбыною, мымрыть (уже гласу не було):

Ой хто лыха не знае,
Нехай въ мене спытае...

Я й роспытую иноди про ёго лыхо, якъ винъ побывавсь у свити з-малку. Мовчыть. А про инше, що говорытыме зо мною, то й до поросяты озвецця: наче й воно слово ёго розуміе.

„Оце посли вечеры гомонымо, гомонымо, соловейка слухаемо, та й полягаемо спаты. Такъ зирно, та гарно!

Мени не треба було луччого щастя, ни въ хрещыка зъ дитьмы бигаты, ни въ перепелкы. Було мени вказуе, якъ зирочка покотыцця, або вкаже, де на неби стоить Визъ, Волосожаръ, Квочка. Я було й пытаю: „Якъ же то Квочка? чы рябенька соби курипочка, чы биленька?“ А винъ каже: Ото зорява купочка. Ото вона.—А я було кажу: „На що жъ Богови Квочка?—А дидусь мени: И Богъ радуецця на неби всякымъ творывомъ своимъ, такъ якъ людына на земли. Бачъ, спиваютъ за вовною бабы:

Горе мени въ свити жыты!
Що мени робыты?
Посаджу я курипочку,
Щобъ вывела диты...

Утиха чоловикови съ квочки на земли, а въ Бога Квочка краща.—„Ото вона така искрява?“ було пытаю. А винъ мени: „Не показуй на зори и на мисяць пучкою, на Боже сяево: гришка вказуваты! Укусы себе за пучечку, щобъ чого не сталось.—Я й укушу, та й зновъ не втерплю: такъ небо те хотилось мени знаты видъ мого дидуся!...

„Росказуе, було, мени и про сонце и про мисяць, та дуже мала ще була, не все памъятаю. Се, каже, було, не ввесь ище свитъ Божый, де мы съ тобою жывемо. Онъ бачышъ по-за зорямы ще зори та й ще, та й ще вызырають! То все праведни душы въ Бога жывуть. Нема имъ личбы, а Богъ усяку зироньку на имя знае и памятае: се я въ церкви чувъ, якъ пипъ казавъ про небеса Господни.

„Жалуе було мене дидусь: Ты каже, звеселыла мою немичъ, голубко моя Оленко! Ты сырота и я сырота: добре намъ.

„А я до ёго ще й бильшъ прыщулюся.

— Якъ пидростешъ, то терпы усе, що на тропку спиткаецця. Жыты мижъ людьмы важко! Скажы *лыхо* та й мовчы тыхо! Бувай, мовъ те пташя сторожке. Люде люблять щаслывыхъ, а такыхъ, якъ мы, цураюцця, не люблять. Може, чула есы: сыроту спиткай, да й прыкопай. Такъ воно й е: бояцця, щобъ сырота хлиба не вбавыла.

— Разъ я спытала: Чы й вы, дидусю, булы русалкомъ? чы въ васъ маты була?—Похнюпывсь дидъ и ничого не видказавъ, наче не дочувъ, а въ друге я вже й не поспытала. Прочытаемъ

Очченашу, помолымось и за батька, й за матиръ... Дидусь, було велыть, хочъ я й не памъятала никого. Було кажу: „я не знаю,' яки воны; може зъ зилля чы зъ птаха я народылась?—Такъ грихъ, доню, казаты, молысь! Бачъ, яке воны мени щастя зробылы на старисть! Тебе бъ у мене и не було, колыбъ не було батька—матеры.

— Я ихъ не хочу, дидусю! Я зъ вамы жытыму, якъ прыйдуть, дакъ я на саму выщу грушу зберуся, та й жытыму. Я ихъ не хочу. Дидусь мовчыть.

„Дакъ ото якъ устанемо, пыльненько за дило беремося. Я такы була берка до роботы. Я вже ёму було й сорочку сполощу, людямъ помагаю зъ весны картоплю садыты, а въ осени выбираты, гычъ, бадилля очыщаты зъ огородивъ. Симъ було вже й полотна на сорочку зароблю.

„А дидъ поросятко продавъ на чуже село. Каже: на плидъ. А тутъ не схотивъ, ато, каже, якъ будуть ёго колоты, дакъ щобъ хочъ изъ очей; щобъ душа не чула.

„Отъ за ти грошы, що за порося взявъ, мени на юпочку набравъ, соби желётку справывъ изъ пійстры, отъ наше тило й не свитыцця.

Дидусь усе було прыказуе: робы, небоже, той Богъ поможе. Лежачого хлиба нигде нема. А иноди каже: пидъ лежачый каминь вода не бижыть.

„Винъ, старенькый, часомъ у дощъ любывъ полежаты. Я ёму морщынкы розгладжую на лоби, чубъ ёго сывый, бровы сыви рясни. Якъ теперъ спогадаю, дакъ винъ мени ввиджаецця, наче святе щось.

„Ёго й паны не цуралысь. На сели якыйсь панъ жывъ, не зъ нашыхъ; такый бувъ соби суворый, и пославъ до ёго хазяинъ дида за чымсь. Отъ прыйшовъ дидусь до того пана. Той панъ и не злый, та вже така панська вдача чудна, усе такъ, щобъ загриматы. Ще дидусь и на поригъ не ступывъ, ще й не поздоровкався, а той уже на ёго й гукае: Ну, что?...

— Бувайте здорови, пане! одказавъ дидусь.—Ты зачёмъ?—Постійте бо, пане; бувайте здорови зъ середою.—Ну, что?—Нуте бо, па-

ночку! кажите: здрастуй, спасыби.—Ну, чортъ съ тобой, садись. садись.—Не кажить бо такъ, а кажить: Богъ зъ тобою".

„Що жъ бы вы думалы? Полюбывъ той жорсткій панъ дидуся. Посадывъ сылою на стольци, почавъ медомъ ёго шануваты пивнымъ: бо горилкы дидусь не вжывавъ зъ роду. Хотивъ ёму щось и подаруваты, та дидусь ничогисинького не взявъ. Дакъ панъ ажъ за ворота самъ провивъ ёго видъ собакъ, да все хвалыть: „Вотъ онъ, старичокъ Божій! хорошъ, дѣдушка, хорошъ ты! Полюбился мнѣ. Приходи еще ко мнѣ, дѣдушка, медку попить". Да дидусь николы не пійшовъ безъ посылки, а тилько було каже, що й паны бувають гарни, тилько ихъ нихто звычаю не навчыть.

А чого винъ туды до пана ходывъ, не знаю: посылано ёго.

„Ище згадала про дидуся: що бъ винъ мени ни росказувавъ, а все було увагу зверне на те, що якый грихъ чепаты що чуже. Лучче свое латане, нижъ чуже хапане. Що й на тимъ свити Господь такыхъ обійде.

„Теперъ мени те все такъ, якъ во сни ввиджаецця. Свята, може, й справди людына була; а я сёго тоди й не знала!

IV.

— Одного разу мы такъ залюбкы нагомонилысь! Винъ каже: Якъ мени тебе, Оленко, жаль! якъ умру, хто тебе такъ пестытыме?

Зъ симъ и поснулы.

— Прокынулась я на зори, а проты нашой будкы недалечко слыва була рясна. Дывлюсь, щось берецця на неи и трусыть. Прыглежусь, ажъ то хазяйськый рябко. Я до ёго, схопывшысь. Винъ почавъ до мене лащытысь, хвостомъ виляе, ставъ перевертацця. Я соби повалылась на трави коло ёго, почала пустоваты. Хазяйка вже й корову выгнала до череды и веде теля у вышнякъ за матузку.

— А де, каже, дидъ? Нехай теля припнѣ у вышняку, де лучча трава. Мени треба швыдче до господы: дытына зайшлась.

— У будци, кажу.

— Вона хоче йты до будкы. Я кынулась напередъ.—Дидусю! диду! кажу, хазяйка клычуть!

— Не збуджу: спыть ищѐ; разбудить ёго вы сами, титочко; я не розбуджу.

Острахъ мене взявъ: що дидусь, було, мене що дня будыть, а теперъ я не добуджусь. Отъ вона лапнула ёго за рукы, за ногы, винъ уже й холодный. Уже Богу й душу оддавъ.

— Боже жъ мій! Свите мій! якымы жъ я гиркымы заплакала! Справди такъ було, якъ спивають: котылыся, якъ горохъ. Се жъ свиту кинець, думаю! Якъ теперъ свитъ стоятыме? Якъ теперъ усе безъ ёго буде? Мабуть, и по матери такъ не плàчуть, якъ я плакала по дидусѐви. Саме стала розумнищаты. Дывлюсь, ажъ на ёму й сорочка драночка билесенька, дарма, що була ще тилько пя́тюнка. Бувъ на останній дорози, и мени не сказавъ. Заразъ узялы й поховалы ёго.

— Була якъ мызынокъ, и зосталася зновъ одна, якъ гичечка, якъ чóвнычекъ у мори: туды́ хыть! туды хыть! и не знаешъ, де опынысся. Боже! якъ же мени дывытысь? Що у кого пытаты? Боже, свите! то жъ усе за мене дидусь мыслывъ. Мени було легко жыты. Що жъ то значыть Богъ? чому дидусь мени про ёго не ростовкмачывъ? Знаю тилько, що Винъ добрый, що Винъ Отецъ нашъ, иже еси на небеси. Пошла бъ до Его, попросыла бъ, упала бъ, щобъ Ви́нъ оддавъ мени дидуся. Кажуть, що Богу душу оддавъ. На що жъ дидусь оддавъ душу Богу? Чому жъ винъ мени не оддавъ своей душы? ай казавъ, що мене любыть. Сказано, мала була, то зъ горя чого не передумала.

— Лазыла й на березу, на саму выщу, заглядала на небо, за хмары,—нема, нема дидуся! Увесь ридъ разомъ утеряла!

— Було посли почую, що люде одмирàлы. Чому въ насъ не одмирають! Я пишла бъ роспытала про свого дидуся.

— Да хыба жъ дидусь зовсимъ оддавъ свою душу? Якъ се винъ мени забувъ росказати, чы зовсимъ люде душу Богу оддають, чы на якыйсь часъ?

— А може, винъ и на часъ оддавъ. Може, винъ ще й прыйде.

— Якъ же мени у будци самій жыты? Гляну на свыту ёго и жаль мене було визьме.

А все такы никуды не хочу йты, седжу въ будци. Хазяйка було кличе въ хату,—не йду, й въ вечери седжу въ будци. А мени чогось стало страшно. Я закуталась зъ головою и не счулась якъ заснула. Другого дня хозяйка заглянула, а я чыщу на юшку.

— Що ты робышъ, моя голубко?

— Такъ вирненько якось до душы сказала. Я цилисенькый день не йла, и никому на очы не потыкалась.

— Я вже й борщу и юшкы понаварувала, каже хазяйка: На що жъ ты чыстышъ?

— Се, титко, я дидусеви чыщу на юшку. Винъ забувсь изъ вечора мени сказаты, що душу Богу оддасть. Чы надовго, чы на часокъ оддавъ; може, винъ хутко й прыйде.

— Иды за мною, годи сумуваты, хазяйка каже: я тебе буду жаловаты; да ажъ схлыпнула, чы по дидусеви, чы про мене, сыроту.

— Понурылась, мовчу.

— Ходимо жъ, ходимъ! да за руку и сыломиць потягла. Дала мени исты. На душу не йде. Трошкы чогось иззъила, та й не хочецця.

— Лягай же спаты, каже хазяйка.

— Я свытою вкрылась дорогесенькою и лягла. Давала хазяйка й рядно, да ни! хочъ бы й ковдру: то не дидусеве.

— Я опричъ хазяйки и хазяина, никого и не знала, да и то колы не колы ихъ бачыла або говорыла.

— Де мени теперъ подитысь? У мого дидуся було не одижно, та вьижно.... Встаемо весело, за дило бересся весело, лягаешъ спаты весело, здорово; соловейко заспивае, свиже повитрье заколыше.

— Було, не кажу хазяйци, про що я думаю; не одкрываю усiеи правды людямъ. Люде люблять людей веселыхъ, щаслывыхъ, якъ мовлявъ дидусь, а такыхъ, якъ мы, бояцця, наче смерты.

— Пiйду, бувало, та злизу на березу тай дывлюсь на небо и хмары. А може винъ мени махне зъ неба рукою. Та й журюсь було, чому се теперъ Богъ не ходыть по земли? а колись ходывъ якъ росказувавъ дидусь, я пишла бъ зъ Богомъ до дидуся. Таке було дурне. А разъ думаю: може, й дидусь бувъ святый..! И здався винъ мени тоди въ сяеви; наче сяево сяе видъ нёго, якъ у церкви помалёване по святыхъ. Сказано, дытына!

V.

— Зоставила мене хазяйка зовсимъ у себе, прыстановыла до дытыны.

— Покы ще я дуже тужыла за дидусемъ, то такъ якъ и люде була, ничого не зачипала: а тилько видпустыло, стала смыкаты хазяйске то се, то те.

— Хай бы голодна була. Хазяины у меня добрящи булы и роботящи. Воны булы не прости, а полупанкы. Оце самъ и въ поле изъ робитныкамы, и на синожать, и такъ по силь та по рыбу було паровыць дви спорядыть, а вона дома до всёго рукъ прыкладае. Оце було, якъ робоча пора, то й подушóкъ не стелють, щобъ не заспаты, и пивня пидъ пичъ...

— Якъ бы жъ то я шанувалась! Якъ бы онъ то мени дидусь розумъ свій праведный покынувъ у спàдокъ, якъ бы онъ то знавъ, де знайдешъ, де загубышъ! якъ бы жъ то знавъ чоловикъ, якъ набигти тропы своеи!...

— Хазяйка моя, було, якъ вырядыцця до церквы, дакъ и заздристь людей бере. Вывяжецця шовковою хусткою, надине хорошый синій старосвицькый халатъ и съ позументами хрестомъ на кульшахъ, кунтушемъ звався; и вся одежына на ій такъ гарно прыпаде! То було й шепчуцця люде: Прыстало, кажутъ, якъ свыни въ дощъ. Сама все робыть, наче й наймычка, а цо якъ выряджаецця, мовъ попадя, або настояща пани! Знайте мене багатырку! А инши кажуть: Де воно все въ ныхъ берецця, мовъ зъ рукава сыплецця? Вона сама не разъ таке чула. А воны разъ у разъ обое робылы. Було и въ ныхъ самымъ и про людей усёго доволи. Дай Боже даваты, а не прохаты, було мовляе. Прыйде зъ церквы да й сміецця: хтось людямъ не велыть рано вставаты, та дила пильнуваты. А то й клычешъ на роботу, дакъ и не доклычесся; просышъ! перекажить, кому треба заробитку, и тому не перекажуть.

— Два рокы побывалысь воны зо мною, та й вырядылы мене зъ довгою рукою пидъ церкву. Не шануесся, иды жъ, небого, мижъ чужи люде. Воны тебе вывчять добра. Мы тебе на спомынъ про дида держалы. Теперъ сама на шляхъ утрапышъ. Зъ

такого куколю не буде добра. Мабуть и маты въ тебе така була, що ридну дытыну въ жыти згубыла, русалкою зробыла.—А про мене вси зналы, якъ я русалкою по жытàхъ блукала, та й имя мени не було на сели иншого, икъ Русалка. Се тылько дидусь мене Оленкою звавъ, а то вси, и смыючись, и сердючысь: Русалко! иды гуляты до дитей! Або: щобъ тебе чорты вхопылы, Русалко ты проклята!

— Оце жъ и хазяины мои гиркымъ словомъ вытурылы мене зъ господы.

Пійшла я ходыты зъ хаты въ хату. Бо дуже довги рукы мала... усе спотыныгà й потягну що небудь, а спидъ очей у мене хто хочъ беры, я не бороню, и свое усе посію, де хустку, де пидбривныкъ, де сапу; де щó роблю, тамъ и покыну. Про завтрашній день не дбàю. Така вже вдалась, нестелѐпа, роззява.

— Було, дидусь покойнычокъ мени каже, нехай царствуе: „Не рушъ! то чуже“. Я й одвыкла вже була чуже займаты. А теперъ, здаецця, не було хаты въ сели, де бъ я не перебула наймычкою! Не держять мене. Хаты на мене не кыдай. Люде було торочять: „Що жъ? вона у будци выросла, дакъ и хазяйства не тямыть доглядаты, а иноди виддухопе́лять добре, щобъ доглядала. А я тамъ, у будци, святи дила, святи речы чула й бачыла, а така вдалась ледача. Дай сама стала така леме́ховата. Ходжу ухвоськана, пустылась берега зовсимъ по смерты дида.... Може, се я того така, люде кажуть, що я русалка, нехрещена бъ то; да я жъ, выдно, хрещена була: бо й плàттечко знайшлы въ жыти, якъ дожалысь. Не вважалы на се, а було прыспивують мени не то дитвора, тай молодыци:

Мене маты родыла, Я возьму чеперынку.
До хреста не носила Та зарижу дытынку.

— Я й не разумію, що то за чеперынки, и яку дытынку хто нею заризавъ, а дуже гирке мени було се слово! Справди, наче ризалы мене по серцю безъ ножа симъ приспывомъ.

— А инши було провадять и таке: мабуть, увесь ридъ ін, вси бабы и прабабы съ пращурамы и пращурка́мы булы таки ледачи, що по свиту валаса́лысь та кралы.

— Оце жъ гналы мене всимъ селомъ, изъ хаты въ хату, що никуды мени и йты.

— Тоди давай я думаты гадаты, що мени робыты у сёму шырокому, та бездомному свити! Куды йты? Згадала прымовку: иды, рынде, де инде: тамъ тебе люде не знатымуть и рындею не зватымуть... Пійду, думаю, въ таке село, де не зватымуть мене Русалкою. Скажу, що я на имя Оленка, на призвыще Дидусивна... И пійшла.

— Иду, ажъ такый гай прехорошый! Я й заспивала:

О гаю жъ мій, гаю
Та густый, не прогляну!

Мени тоди люде такъ уси опротывилы. Дывлюся на высоченну сосну. Витерь нею гойдае, а я зъ жалю спиваю:

Не хылыся, сосно, Не хылыся, вильхо,
Бо й такъ мени тошно! Бо й такъ мини гирко!

Спиваю та й думаю: покы снагы моеи стане, доты терпитыму, и жытыму въ гаяхъ. Сила я на трави, седила, седила, та й задрымала.

— Якъ бы наперед той розумъ, що теперъ, мени бъ и простуваты зновъ до своеи хазяйкы. А вже жъ я й хлиба скилько у неи переила! Ни! подалась на чуже село. Стала зъ першои хаты найматысь, той же таланъ... А де—яки потимъ сталы мене и пизнаваты. Чы не жыла ты, небого, у того? або въ того? Ге, ге! яка вона Дидусивна! Се Русалка, а не Оленка! нехрещена Русалка; нема въ неи й имя хрещеного... Оттакъ мене на глузы пидіймають! Нудьга мене бере, соромъ давыть мене. Зійду съ сёго краю! думаю соби, та якъ пійшла, якъ пійшла, то верстовъ за пивъсотни опынылась. Та не йду шляхомъ, або стежкамы, а все манивцямы. Все по надъ ричкою, иноди черезъ затоны й брыдьма, наче справди русалка. Добралась до села. Тутъ десяцьки, соцьки, войты до мене прысталы, що я зъ другого повиту, а наперу въ мене нема. Нехай громада стане въ ради: треба попытатысь, що зъ дивчыною робыты? Боже жъ мій! и малою люде не зналы, що зо мною робыты, и теперь морóчяцця! Тоди я въ жыти, а теперъ у свити, мовъ у густому, непроглядному гаю заблудылась... Усе жъ такы тоби безъ бумагы йты не вильно,

каже громада. Хто тебе одпустывъ таку молоденьку? Гляды, чы не вкрала ты чого? Такъ и вразылы мене въ серце.—Здаетця, ты холóднои не мынешъ, небóго... Заходывся коло мене той велыкій чоловикъ, громада, мовъ я чію душу загубыла. Почалы мене роспытуваты про все, про все, у кого жыла и якъ? А одынъ каже: ты жъ моя землячка; а самъ съ того села. Не бійся, ничóго тоби не буде. Лагодыцця туды мій сусида ихаты до своеи дочкы, накажу, щобъ выслано тоби бумагу, що ты тутъ у наймахъ. Я знаю и хазяивъ твоихъ, знаю все прo тебе, и моргнувъ якось вусы́ма такъ, наче ножемъ у серце вразывъ... Да, спасыби, не сказавъ, що я на имя не Оленка, на призвище не Дидусивна, а имя й призвище мое Русалка.

— Ну, зъ початку всяке до мене ласкаве, ввичлыве, а потимъ я сама своею вдачею соби зашкодыла. Мене й лають, мене й бьютъ, и мени одчуваюцця речи дидусевы: „стережысь, було каже, чужого добра, якъ вогню; переступы, а не визьмы. Лучче свое латане, нижъ чуже хватане“. Бида сыроти безъ тыхого прыхылля! Жене мене хвыля безъ упыну. А де жъ берегъ? думаю соби. Схне мое серце...

— Узявъ мене до себе соцькій, покы бумагу вышлють. Всылу пять мисяцивъ пробула въ ныхъ... Зновъ пійшла по людяхъ. Де пролитую, де прозимую; луна усюды ходыть видлякомъ про мене: пагана. Я и плачу и дида згадую, а тамъ забудусь та й запущу руку. А тымъ часомъ розійшлысь и тутъ чуткы, що я не хрыщена Русалка, тымъ и закону мени нема, тымъ я й краду. Сказано: хороша слава сягае далеко, а пагана—ще дальшъ.

— Уже писнаццятый рикъ мени, а я що попыхачъ той!.. Ни до кого не прыхыляюсь, такъ валасаюся. Дубъ мій батько, лыпа моя маты, береза моя сестра, явиръ мій братикъ. Русалка я на свити, та й годи. Може, думаю, й справди мене не хрещено. Може бъ мени пійты до попа охрестытысь? Дакъ люде жъ кажуть, що тилько малыхъ ще, безгришныхъ душъ хрыстять. А выростешъ, мовлявъ, набересся грихивъ, то вже въ тебе Хрыстосъ не ввійде. Тымъ примовка й про жыдивъ перехрыстивъ: жыда охресты, та й голову видотны. Такъ и мени; думаю соби, хрыстытысь теперъ зась! Не ввійде Хрыстосъ у мою ледачу душу,

думаю та й плачу. Адже жъ и дидусь не вселився въ мене съ своимы добрымы словамы. Онъ панъ той не зъ нашыхъ, и языкъ у нёго лубъяный, мовлялы, а винъ и того звычаю навчывъ. Тай думаю соби про дидусеве обличче ясне, и молюсь ёго жъ такы молытвою, що навчылась у будци: *прыйды и вселыся въ ны, и очысты ны отъ всякія скверны...* Ни, думаю, мене вже нихто не очыстыть. И Богъ, и люде одъ мене одвернулысь, мене хыба у печи на сухаръ ссушыты та на муку въ ступи стовкты, тоди бъ зъ мене що добре вылипывъ...

VI.

— Ажъ ось давъ мени Богъ прытулытысь до 'дноеи вдовы убогои. Роблю все; вона не дуже и допевняецця моеи праци, то натомыцця, то загаецця. Старенька вже соби. У неи була маленька дочка и сынъ жонатый. Тилькы сынъ окроме жывъ и йшовъ на-суперекы матери. Маты ёго було каже: лучче самій пробуваты, якъ наругу одъ дитей прыйматы. Шматка хлиба не ввобъешъ у горло, такъ невистка козыруе, щобъ сынового хлиба маты не переила. И сынъ, и невистка було ій усе то за молоко, що десь дилось, то за пшоно, що не добре втовкла, борошна доладу не насіяла, лають, а вона ще бидна и не добачала: бо выплакала стари очы черезъ дитей.

— Разъ, каже, сила исты, попоилы борщу, потимъ почалы исты кашу молошну. Каша у ихъ була що разу хороша, ни цятыночкы воды, а на сей разъ молоко ссилось. Вона й каже невистци: отъ якъ бы оце я коло дійлыва ходыла, до ты бъ сказала, що я щось изробыла, що каша ссилась. А невистка такъ и скыпила и зачервонилась, ажъ пидскочыла на полу.

— Дакъ я видьма? Та давай іи лаяты, ганыты, усякъ іи проклынаты.

— Дивчынка побачывшы, що матери зневага, обиждають,—высолопыла проты невисткы языка, стоя на полу.

Невистка дивчыну такъ и вхопыла за патлы и поставыла на доливци. Маты помацькы схопыла за плечы обируч невистку, обороняючы свою дытыну, а сынъ соби за матиръ, и Боже що

тамъ склалось!.. То вже кинець свиту, якъ сынъ на матиръ руку здійме. Да посли давай зъ ін хребта усю шустѣлыну здійматы. И се, каже, наше, и се наше.

— И все это справедливо, что тебѣ разсказывала старушка? прервала я въ волненіи разскащицу.

— А чомъ же ни? отвѣчала она спокойнымъ вопросомъ.

По своимъ наблюденіямъ я знаю, какъ часто простолюдины способны къ преувеличеніямъ и хорошаго, и дурнаго. У нихъ, въ пылу разсказа, муха весьма часто превращается въ слона. Чтобы поставить мою Русалку на реальную почву, я стала ей проповѣдывать, какъ нашъ народъ набоженъ, коснулась даже факта, что изъ русскихъ мы прежде всѣхъ познали христіанство, что мы за него стояли противъ иновѣрцевъ и напастниковъ; наконецъ, привела ей кобзарскіе стихи:

Отцева й матчына молытва
Зо дна моря выймае,
Одъ грихивъ смертяныхъ душу вызволяе,
На поли й на мори на помичъ помагае.

— Моя паніечко! отвѣчала Русалка. Може колысь такъ и було, а теперъ, бачъ, кобзарь спивае:

Та вже кинець свиту,
Кинець приближывся:
Хочъ рыдного брата
Теперъ стережыся.
Изъ нымъ на судъ статы.
Правды ни зыскаты,
Тилько панивъ златомъ,
Срибломъ насыщаты.

На это я возразила, что и теперь народъ проповѣдуетъ свою вѣру христіанскую, какъ въ старину, и пѣснями, и сказаніями. Значитъ, весьма трудно вѣрить, чтобы въ такомъ благочестивомъ народѣ могли быть такіе жестокосердые люди. Я привела Русалкѣ, между прочимъ, стихи колядки:

Ой дай, сынку,
Райскіи ключы,
Видомкнуты
Рай и пекло,
Выпустыты
Гришныи душы,
Одну жъ душу
Та й не выпустыты:
Отця й матиръ налаяла,
Не налаяла,
А подумала.

Но все мое стояніе за народъ Русалка смыла потокомъ своего фактическаго краснорѣчія. Про бѣдную вдову она говорила съ такимъ энтузіазмомъ, какъ будто это была родная сестра

дидуся, и разсказала мнѣ слѣдующее происшествіе, запечатлѣвшееся въ моей памяти отъ слова до слова.

— Не доведы мене Господы ни бачыты, ни чуты таке, яке я чула видъ моеи любои старенькои вдовы! Вона справди *выплакала* очы, живучы въ тій проклятущій хати съ сыномъ, лютымъ зміемъ, и невисткою, гадюкою. Ослипла, такы зовсимъ ослипла бабусенька нещаслыва. Що робыты? Мусыла Богови праведному корытысь. Такъ, мовляла мени, сподивалась, що за сю слипоту у Бога ій готуецця той свитъ невечирній, про котрый чувала, стоячы въ бабынци. До Божого дому стала ще частишъ ходыты, выкрадаючысь одъ дитей, такъ якъ дити видъ матерокъ на вечорныци крадькома ходять. Ну, Божи словеса, росказуе було мени, покреплялы ій, и поралась вона помацькы, и все такъ робыла, наче помолодшала. Невистка було каже: се вона слипою себе вдае.—Не доведы, допю, тебе Господь, було видкаже, слипоту мою вдаваты! та й пораецця всюды за выдющу. Що жъ бы вы думала, паніечко, невистка? Взяла ще бильшъ зло проты слипои свекрухы. Хотила съ свита згубыты. Наварыла зъ гадыною юшкы та й каже, идучы съ чоловикомъ у поле жаты: о то жъ, мамо, у синяхъ на полыци, якъ схочете исты, юшка зъ вьюнамы стоить.

Пійшлы воны въ поле, забралы серпы, торбы, да й рушылы. Заманулось исти старенькій. Пійшла вона слипуючы доставаты юшку, да й вывернула соби якось на очы. Що жъ? Сотворывъ Господь за ій правду надъ нею чудо свое. Видъ тіеи гадючои юшкы зробылась выдющою, вывернувшы нехотя на свои очы. Побачыла вареныхъ у юсци гадюкъ своимы очыма. Стеменно сама мени се росказувала. Подывылась та й впала на вколишкы передъ образомъ.

Иде зъ поля невистка зъ сыномъ, ажъ маты пораецця коло печы: вечерю имъ варыть! То було тилько корову подоить, на ступи товче, ленъ бье, макъ риже, а до печы не дотыркаецця, а теперъ вечерю дитямъ варыть и Бога хвалыть. Свынямъ уже зилля понарывала, кабанови крапывы насикла, сказано—выдюща повернулась!

Такъ и зомлилы обое: бо й чоловика видьма жинка зробыла злюкою, и винъ сподивався побачыты матиръ мертвою въ хати. Простяглысь передъ нею обое: просты, мамо! Якъ Богъ, такъ и ты!

Ну, маты ихъ простыла, ни словомъ ихъ не докорыла, та вже взялась за розумъ: продала, яку мала, шустелыну, шуплатте лишне, скотынку, та й покынула имъ свою матерызну, городъ и хату. За ту жъ бо матерызну ій и тиснылы, щобъ скорійшъ изъ свиту зійшла, тоди бъ сыроту, мовлявъ, прыкопалы тай панувалы.

Стала вона зъ малою дочкою у людяхъ жыты. Сталы ій люде зодягаты, платыты и шановаты: бо того стояла. За нею й скотына плодыцця, за нею й дробына водыцця. У кого яловка, а въ неи й двома бычкамы разъ корова отелылась; у кого свынка трое поросятъ знайшла, а у еи и десятеро й бильшъ одвалыть, що й двиръ тоби увесь закрасыть!

Отъ я пидъ той часъ до ихъ и прыблудылась: вона, та бабуся, и прыняла мене въ сусиде вже въ чужій хати, наче семъянына: бо въ сусидяхъ сама жыла и помогала скотыну доглядаты. А сынъ зъ невисткою такъ зъ того часу збиднилы, що й хата рака стала.

Ну, трудно стало старенькій по людяхъ жыты. Бо на свойму господарстви, може бъ, и заснула, а тутъ по пять разъ у ночи схоплюецця, чы не отелылась на морози коривка. Сама себе вбывала, щобъ догодыты чужій хати. За два чы за три рокы прыробыла собы грошенятъ и спорудыла соби хатку на нывци за селомъ. Матерызна въ неи зосталась нывка. Хатка стояла пидъ селомъ коло розлогои старои вербы, мовъ картынка. Выдно съ хатыны такъ далеко въ поле, на галье и на гай, наче ввесь свитъ до вдовынои хатыны тягне.

— Мени добре въ бабуси жыты, наче въ риднои сестры дидусевои. Слава тоби Господы, вже мени дваццятый пійшовъ и люде хороши до мене лыцяюцця, та бабуся не велыть рано замижъ выхоплюватысь.—Не хапайсь, доню, съ козамы на торгъ. Ще того дива надывысся, якъ и я надывылась, выскочывшы молоденькою. Знаю, почимъ кившъ лыха! Добре намъ, паніечко

моя, зъ удовою жывецця. Набигла такы я тропы, теперъ ии держатымусь и старенькои слухатымусь, якъ риднои матеры.

Насъ тройко тыхомырныхъ у хати. Вси вкупи робымо. Воны мене жалують. Стеся, дочка ии, мене полюбыла и я ии, и такъ якось мое серце прыхылылось до нещаслывои матеры! И сусиде мени вси здалысь якось лучче. Тутъ уже й Русалкою мене не звуть: старои боящця обиждаты. Надъ нею Господь зробывъ чудо свое.

Такъ и я стала людыною, спасыби Господеви та дидусеви, що за мене на неби молыцця. Зовуть меня Оленкою Дидусивною. И порозумнищала жъ такы, не передъ вамы, паніечко, хвалючысь: хочъ не була замижемъ, а взнала й я незгиршъ старенькои моеи, по чимъ на свити кившъ лыха".

Такова исторія бѣдной дѣвочки Русалки. Живетъ она въ ближайшемъ ко мнѣ селѣ; но прослыла я, къ моему особенному удовольствію, *прыступною* и *балакучою* паніею, такъ что и Русалкѣ моей захотѣлось меня видѣть. Она безъ приглашенія (что случается весьма рѣдко) явилась ко мнѣ на работу, и съ того времени мы съ нею друзья. Когда она разсказывала про своего *дидуся* и про свою *бабусю*, какъ называла бѣдную вдовицу, черты ея выразительнаго красиваго лица воспламенялись огнемъ глубоко чувствующей души. Она мнѣ казалась очаровательною: я видѣла въ ней безсознательнаго поэта.

VII.

Интересовала меня исторія сельской бѣдности, отчасти добровольной. Тихія добродѣтели, безъ блеска и публичности, плѣняли меня. Я полюбила Русалку и всячески старалась поддержать установившуюся между нами короткость. Послѣ задушевной исповѣди, казалось мнѣ, и сама Русалка должна была бы искать свиданія со мною Но, къ моему горю и удивленію, она больше не появлялась на заработкахъ, которыми, повидимому, осталась очень довольна.

Проходитъ мѣсяцъ, нѣтъ моей любимицы Русалки. Стала я дѣлать разныя предположенія: что бы это значило? Мнѣ при-

ходила на мысль ея задумчивость, ея подозрѣнія о своемъ некрещеніи, о своемъ русализмѣ. Въ ея разсказѣ мелькало суевѣрное толкованіе недостатковъ своихъ тѣмъ, что, можетъ быть, она въ самомъ дѣлѣ осталась некрещенною. Не случилось ли съ ней какой бѣды въ особенномъ, ей только свойственномъ родѣ?

Прошло еще мѣсяца два-три,—моя Русалка не показывалась. А дала слово помочь мнѣ дѣлать картофельный крахмалъ и *класти варыво*. Миновалъ и праздникъ Покрова, столь важный для *дорослыхъ* дивчатъ. Безъ нея совершали наши зрѣлыя красавицы свою поэтически сложенную молитву ко Пресвятой, Пречистой и Преблагословенной: „Святая Покривонько, покрый мени голивоньку; землю вялымъ листочкомъ, голову червонымъ платочкомъ, землю вялою квиткою, голову билою намиткою".

Пришли, наконецъ, и Рождественскіе празденства: *колядкы, щедривкы*. Въ числѣ моихъ веселыхъ посѣтительницъ не было той, которая сообщила мнѣ такъ много невѣдомаго изъ жизни сельскихъ бѣдняковъ и бѣдняжекъ.

Разспрашивала я селянъ о ней; но мнѣ отвѣчали равнодушно, какъ о самой незначительной личности:

— „Хто іи знае? Вона на другимъ кутку жыве, дакъ ничого й не знаемо".

Приходитъ ко мнѣ съ поздравленіемъ звѣзда, напоминающая трехъ царей-волхвовъ. Поютъ мнѣ школьники древнюю дьячковскую пѣсню:

Шедше тріе Цары — Ироду же ихъ прыгласывъ,
Ко Хрысту со дары. — Куды идете? спросывъ...[1])

Наконецъ появились и питомцы новыхъ сельскихъ школъ, пѣвчіе, въ числѣ которыхъ было нѣсколько дѣвочекъ. Не сказали мнѣ о моей Русалкѣ и эти вѣстники будущаго просвѣщенія селянъ.

---

[1]) Замѣчательно, какъ дьячковскій языкъ не принимался учениками его. Сопровождавшіе поздравительную звѣзду гости мои повторяли послѣдніе стихи такъ:

И ласы-прыласы,
Куды идете? спросывъ.

На мой вопросъ: что это за слова: *ласы-прыласы?* мнѣ отвѣчали, что Ирод угощалъ трехъ царей *ласощамы*, чтобъ выпытать у нихъ, гдѣ родился Христосъ.

Но вотъ весна. Вотъ я слышу голосъ козацкой старины изъ устъ сельскихъ красавицъ:

Ой весна красна, ой весна красна
Та й изъ стрихъ вода капле:
Ой уже жъ тоби, та козаченьку,
Та й мандривочка пахне.

Можетъ быть, и Русалка, думаю себѣ, подъ вліяніемъ весны, двинется съ мѣста, чтобъ насладиться зрѣлищемъ лѣсковъ, левадъ и луговинъ, русальныхъ пріютовъ. А мой хуторъ отдѣлялся отъ ея села именно русальными сценами природы. Она любила ихъ, эти русальныя сцены, любила украшать свою голову дубровными ландышами. Вѣнокъ изъ *кунваліи*, какъ звала она по малорусски ландыши, чрезвычайно какъ шелъ къ ея тонкимъ чертамъ, немного блѣдному, задумчивому лицу и полнымъ затаенной страсти глазамъ. Можетъ быть, прійдетъ она ко мнѣ снова на работу, на дружескую бесѣду. Но приходили ко мнѣ всѣ давнія и новыя знакомки; одной только Русалки не было. Спрашиваю, не знаютъ ли о ней чего? Въ отвѣтъ на мои освѣдомленія, мнѣ отвѣчаютъ какъ то странно: „Хто іи знае, чому вона не ходыть? Вона, паніечко, *такъ соби*; усе думае; чы зъ велыкого розуму, чы що... Хочъ у хрещыка гуляе, хочъ у лебедына бига, усе не довго. Такъ у неи очы якось и затуманяцця. Чудна, одно слово, чудна!“.

На эти загадочныя слова я потребовала объясненія, но вмѣсто него послѣдовало затемненіе. Дѣвушки таинственно и лаконически объявили мнѣ: „Мы іи боимось“.

Долго я допытывалась, почему онѣ боятся такой красивой, такой краснорѣчивой и милой подруги.

— Та вона то й промовна й проре́чыста, и ричъ у неи красна, якъ вы, бувайте здорови, кажете, высказалась мнѣ старшая поденщица, та въ неи щось у въ очахъ не людське свитыцця.

— Якъ не людське? спросила ее, дивясь.

— У людей такого погляду не бувае, отвѣчала мнѣ смѣлая поденщица.—Або ій на роду щось таке напысано, або—не дай Маты Божа — може вона й доси русалкуе, да такъ десь и динецця.

— Э, воны таки си русалкы! озвалась младшая. Мою матирь зъ другого села взято, зъ Ракондовкы, такъ маты росказувала

разъ—да не мени, а тайкома видъ мене, баби, а баба мени росказала, а маты не хотила мене лякаты. Що вмерла въ Ракоидивци дивчына якъ разъ у русальный четверъ, а въ русальный четверъ хто вмре безъ прычастія, дакъ и стане русалкою. Отъ умерла, поховалы іи въ садочку; а іи маты да пожалувала на смерть червонои плахты-червчаткы, що самого шовку червцю пійшло тросточокъ съ пьять, та й поховала въ морозовій спидныци. Поховала; ажъ разъ рано въ ранци, саме въ русальный четверъ, побигла менча дочка по воду, ажъ вона биля крыныци стоить пидъ вербою.—„Катрусю! се ты?“ И не злякалась якось русалкы, злякалась, та не вельмы: бо сестра.—Я, каже.—„Чого жъ се ты прыйшла?“ Сама не знае, що говорыть. „Дай, каже, мени моеи червчаточкы хочъ годокъ поносыты. Я й прынесу черезъ годъ.“ Побигла дивчына, достала въ скрыни плахту, оддала. Та незнать де й дилась; наче росою взялась попидъ вербою. А сонечко вже сходыло, роса блыщала. Якъ на те жъ маты полизла чогось у скрыню, ажъ червчаточкы нема. Тоди дочка й каже, що оттакъ и такъ. „Чому жъ ты мене не клыкнула? Моя Катрусю, моя ты дытыноньку! хочъ бы разочокъ я на тебе глянула!“—„Не тужить, мамо, каже дивчына: вона черезъ годъ прыйде“. Дожыдають уже того четверга, такъ дожыдають! та никому не кажуть, щобъ не сполохнуты русалкы. Наставъ русальный четверъ. Маты ще вдосвита побигла до крыныци. Нема никого. Сила вона пидъ вербою, плаче. Колы жъ сонечко почало сходыть; и роса такъ якось червонымы искрамы ссяе! Дывыцця—передъ нею Катруся, и червона плахтына на ній, да такъ ухвоськана! Що вже тамъ було, Господь ихъ знае; тилько русалка—ни словечка. Маты іи обнимае, голосыть надъ нею, роспытуе про той свитъ,—вона мовчыть. Прывела въ хату, посадыла пидъ богамы на покути,—мовчыть. Не исть, не пъе и ни до кого ничого. Прызывалы й попа, и пипъ ничого не врадывъ. Била, якѣ стина, седыть пидъ богамы и ни слова. Тилько якъ выймуть хлибъ съ печы, та прымочять, и пійде пара, вона ту пару вдыхае, и такъ наче трошкы почервоніють губы й щокы, а очы заблыщять, якъ та роса на сонечку“.

— Эге, перебила одна изъ моихъ собесѣдницъ: русалкы парою съ хлиба жывуть. Тымъ у русальный четверъ нихто й не пече хлиба. У насъ одна забулась та й напекла хлиба, а сама, прымочывшы хлибъ, и пійшла съ хаты. Вертаецця, а дытыны въ колысоцци й нема. Сюды—туды, де дытына? Зырне пидъ пичъ, ажъ воно тамъ залоскóтане.

— Ну, ся була смырна, продолжала разскащица. Проседила такъ цилый годъ, а на русальный четверъ ій й не стало: тилько червона плахитка зисталась пидъ богамы на покути.

При такомъ вѣрованіи, унаслѣдованомъ отъ временъ дохристіанскихъ, немудрено, что подруги моей Русалки истолковывали чѣмъ то „не людськымъ“ и самое краснорѣчіе, которымъ она была награждена отъ природы вмѣстѣ съ какой то особенною, невиданною въ нашихъ селахъ красотою, вмѣстѣ съ ея нервною раздражительностью и замѣтнымъ для всѣхъ отчужденіемъ.

Долго я освѣдомлялась о ней напрасно. Наконецъ не скоро, почти черезъ годъ, вижу въ церкви вдову, у которой жила моя Русалка. Освѣдомляюсь о ней. Та почти со слезами говоритъ: „Пишла замижъ, добродійко! Отъ правду кажуть: нехай ти плачуть, що замижъ идуть: сама себе сыломиць звинчала. Нихто ій не сылувавъ. Чудна вона стала якась. Усе гадае, що вона нехрещена, до такъ ій на дорóзи лыхо й стоить. Ще тилько тры недили, якъ и весилле видгулялы оплакане“.

Въ такое короткое время судьба дѣвушки измѣнилась къ худшему. „Обызвалась Доля, да по тимъ боци моря“, какъ поютъ наши селяне, олицетворяя таинственную, иногда злорадную судьбу. Хотя моя Русалка и говорила, что *набила тропы*, но я думала, что набѣжать тропы ей предстоитъ еще въ будущемъ, именно въ замужествѣ, съ которымъ начинается прямая, рѣдко, впрочемъ, счастливая жизнь нашей сельской женщины.

Иногда встрѣтишь молодицу съ дѣвочкой и спрашиваешь въ разговорѣ: „Который тоби годъ, молодычко?“—„Дванаццятый“. „Якъ дванаццятый! А доцци твоій который?“—„Одинаццятый“.

Такъ наши женщины дѣвичество свое считаютъ скорѣе какимъ то неяснымъ и мечтательнымъ русализмомъ, нежели дѣйствительною жизнью, съ ея, увы! слишкомъ извѣстными горестями.

Старушка вдова была скупа на слово. Ей тяжело было говорить, въ чемъ именно состояли причина плача бѣдной невѣсты, и какъ это *сыломиць* она себя обвѣнчала. Въ бабинцѣ, гдѣ я неожиданно натолкнулась на нее при выходѣ изъ церкви, было много людей, которымъ не годилось то знать, что она могла бы разсказать мнѣ.

Моя Русалка вышла замужъ въ томъ же селѣ, но на такомъ далекомъ куткѣ, на *Пидгàяхъ*, что оттуда поденщицы ко мнѣ не ходятъ.

Сперва я хотѣла ѣхать къ старушкѣ; но это было бы по-барски—пріѣхать изъ одного любопытства. Надобно мнѣ найти благовидную причину для свиданья съ нею. Я объявила, что мнѣ нужна готовая хата для переноски. Указываютъ мнѣ и такую и такую. Я пользуюсь молвой о моемъ спросѣ, который въ селахъ составляетъ всеобще—извѣстное событіе; но вмѣсто того кутка, въ которомъ красовалась веселая хатка прозрѣвшей старушки, попадаю какъ то въ противоположный кутокъ. Здѣсь повстрѣчала меня съ полными ведрами молодица—народная примѣта удачи въ предпринятомъ дѣлѣ, и на мой вопросъ о бабѣ Зуйчихѣ (такъ звали старуху) сказала; „Ой-ой-ой! та се жъ Шидгàи! а вона живе на Курйповци“. Я знала прозвище Русалкина мужа, и черезъ минуту была уже у нея, у своей дорогой собесѣдницы, Оленки Дидусивны.

Пріѣхать къ ней изъ участія къ ея судьбѣ—значило бы потерять всѣ шансы на откровенность. Откровенность у насъ—дѣло случайное и какъ бы непроизвольное. Боятся наши люди не только любопытства, но и самой доброты, если она высказывается въ словахъ, а не въ поступкахъ; боятся, наконецъ, всего, что́ выходитъ изъ узкой колеи простонароднаго быта. Въ этомъ отзывается невѣдомая намъ исторія ихъ былаго. Я прозаически объявила, что ищу хаты, и что для этого заѣхала *до знакомои людыны*.

Вмѣсто блѣдныхъ щекъ и заплаканыхъ глазъ, увидѣла я Русалку румяною и совершенно спокойною молодицею. Она мнѣ обрадовалась, но выразила радость не по нашему.

— Якъ вы змарнилы, паніечко! Мабуть, вы вже скоро вмретѐ.

Эти слова перевела я мысленно на нашъ языкъ любви и отвѣчала, что истомилась, разыскивая хату, которая мнѣ очень нужна.

— Чы не думаете до кухни—вона въ васъ тисновàта—прыстроить прыкухѐнокъ? Борóнь васъ Боже, тоди вже певно вмретѐ.

Я успокоила Русалку, сказавши, что старымъ людямъ пристройку дѣлать не годится, и она готова была вести меня къ хорошей хатѣ, которая продавалась дешево переселенцами *на степы*. Но я притворилась усталою и почти больною отъ моихъ поисковъ, обѣщала пріѣхать въ другое время, и между нами незамѣтно завязался снова интимный разговоръ. Кстати, я застала молодую хозяйку одну. Мужъ и его дѣти были въ полѣ, сѣяли ячмень.

Русалка высказывала мнѣ свои порывы прибѣжать ко мнѣ, и паляницы пекла собственно для этого (безъ святаго хлѣба визитовъ не дѣлаютъ) „да снаги, паніечко, не ставало. Трудно жыты було, трудно! Усе вамъ роскажу, чы не буде якои полегкости души“.

Тутъ ея лицо перемѣнилось такъ рѣзко, какъ у актрисы, выступившей передъ публику. Печаль, глубокая, отчаянная печаль (которой она пріучила себя никому не показывать) выступила на немъ поразительно.

— Може й справди мене нехрещену загублено въ жыти, начала она. Тымъ и тяжко мени въ сёму билому свити. Шырокый, мовлялы, да нема де дитысь. Отъ слухайте, моя матинко, моя лебидонько! Почну казаты ще зъ веселого часу. Сядайте о тутъ на полу (на подмосткахъ для спанья), я постелю вамъ чысте ряденце.

— Охъ, та й тяжко жъ мени спомынаты про мое щасте, паніечко моя! Мабуть, чы не важче, нижъ про нещасте. Бо въ нещасте сама я вбрила и вплыла, нихто не пидмывавъ мене, а щасте втекло хутко, мовъ та пташка, що крылечкамы стрепенула, въ темни лу́ги полынула. Слухайте жъ бо такы, не роните доброи слёзы, не вважайте на мене, що я, дурна, плачу.

Наконецъ Русалка моя отерла слезы, овладѣла своимъ чувствомъ и начала говорить о себѣ тономъ, если можно такъ выразиться, трагически радостнымъ.

VIII.

— Литомъ одного тыхого да гарнаго дня якось у мене було такъ тыхо на сердци. Се бувало ридко. Тогди я чогось була засумила. А то а ни хвили на души, мовъ на сонному гладенькому ставку, и такъ чогось солодко на души! Сама не знаю, чого мени такъ любо. Летила бъ кудысь, у якійсь вырей, чы що, або зъ земли на небо.

Ухопыла юпчыну и ранисинько погнала овечàтъ у череду. И видра въ мене на плечахъ. Одигнавшы вивци, я тилько що за звидъ, ажъ дывлюсь, коло мене паровыця такыхъ гарныхъ воливъ зупынылась! Я й пизнала, чыя паровыця! сусида нашъ кудысь далеко издывъ, и ото прыбувъ. Такый поважный и одягный. Ставъ одчыняты ворота у свій двиръ.

Волы не стоять, рвуцця до дому: ради! Ярмомъ учепылысь. Я поналывала видра, поставила, та за волы! Увела ихъ дядькови въ двиръ, поклонылась и пишла. А винъ скынувъ на мене тилько очы, наче прыкмету положывъ. Подякувавъ мени, и такъ ласкàво на мене подывывсь. Скилько я старого бачыла, то винъ такъ николы не додывлявся до мене. Наче ёму зо мною жыты. Я хотила зачыныты ще й ворота: згадала дидуся свого, якъ винъ мене навчавъ поважаты старенькыхъ. А винъ каже: „пожды; небого! ще козакъ за мною иде“. Зъ симъ и пишовъ у хату, у хати у ныхъ никого не було. Заранне пошлы матóкъ тягаты: опизнылысь помочыты. Ажъ иде той козакъ. Я ще такого хорошого на вроду й не бачыла. Пишовъ винъ зъ дому, не такый бувъ. Ажъ тутъ и батько вернувсь изъ хаты и каже сынови: нема никого дома.

Батько волы пороспрягъ, а сынъ постановывъ ихъ середъ двора, до яселъ. Я тилько що рушыла зъ коромысломъ, а козакъ и передо мною: дайте, будте ласкави, воды напытыся.

— Я загорилàсь, мовчкы повернула видра! Винъ ставъ пыты, да й каже: неначе въ гаю: нема людей. Я ще й бильшъ запалылась одъ сорому: бо зъ нымъ не поздоровкалась и не сказала доброго здоровя пывшы: мовъ нима. Про це жъ винъ и натякнувъ. Ставъ пыты, а батько крычыть: „Васылю! на тще серце“!.. Той

шапку мени знявъ и такъ подывився, наче що мени подарувавъ. А батько ще зупывывъ мене: „чы не знаешъ, небого, куды наши пошлы“?

— Конопель, кажу, пишлы тягаты.

— И наймычка пишла?

— И іи, кажу, забралы, щобъ швыдче...

Та зъ симъ пидбигцемъ изъ видрамы до дому. Я увійшла въ хату, взялась за дило,—все въ мене въ рукахъ горило! Я те поробыла въ день, що було бъ мени й на два дни. То була беркà, а то ще й краще.

— Роспалылысь у мене щокы; серце загомонило, сама не знаю, що зо мною рббыцця! А винъ усе передъ моимы очыма вывджуецця. Може я вже ёго люблю!... Я така вбога и безталанна дивчына покыдька, чужый попыхачъ; а винъ—Боже! якымъ поглядомъ мене охрестывъ! мовъ короливну.

Мени наче свитъ пошыршавъ. Вернулись хазяйки додому.

Дывицця на мене удова та й каже: „чого се ты такъ роспалылась? Щобъ ще лыхоманкы не було“. А я мовчу та думаю: чого воны обое такъ подывылысь на мене?... И видъ сіи думкы однои наче твердище по земли ступаю и на людей смилывище дывлюсь: и я щось таке на свити! думаю я.

— Ранкомъ треба мени йты по воду. Мени чогось соромъ, чы що. У мене такого почуття ще николы не бувало! Мени здаецця, що й винъ выйде. „Ходимо, Стесю, по воду“, кажу я. Удова засміялась. „Що се ты? сама не втрàпышъ? Чы козака боисся?“

— Такъ мени симъ и вцилыла въ серце. А въ мене й такъ щокы палають.

— Гарный, каже, катъ ёго батька не взявъ! Гляды, щобъ не звивъ зъ ума, якъ про того Тумý спивають:

Козакъ Тума зведе зъ ума;
Не буде й женытысь;
Де найбильше челядонкы,
Тамъ буде хвалытысь.

— И я, каже, зàмолоду не усупротывылась проты чорныхъ очей. Де той и розумъ дився? Такъ чары на тебе й наведе

(та й сама такъ зачервонилась, якъ и я). Колысь, може, мене згадаешъ. Иды, Стесю, зъ Оленкою, охотнище буде.

Пишлы мы вдвохъ, а стара сусида, Васылева маты, саме пàзолкы зъ хаты выносыла, та й дывыцця, де бъ той попилъ выкынуты: бо скотыни шкодыть, и людямъ, якъ хто ступыть на пàзолкы.

— Добры-день, кажу, титко.

— Добры-день, видказала, небóго. Стала Стесю клы́каты въ хату. „Иды, каже, матери рыбкы передамъ“.

Стеся пишла, а я за журавля, щобъ вытягты воды.

А Васыль уже, залыгавшы, й веде волы до водопíйла.

— Постойте, каже, я напою волы, а тоди й вамъ вытягну.

— Вы жъ мене загаете. Я першъ соби вытягну. А сама и на мисти не встою.

— Да погуляйте жъ трохы! мы жъ сусиде зъ вамы. Дома не бувъ, то васъ и не бачывъ. Миряе мене очыма, а я ажъ одвернулась: мени такъ соромно! Я зовсимъ людей не знаю; а то мовъ сонце сяе передо мною.

Граецця зъ журавлемъ, гойдае та мене гае. Я кажу: „порожни понесу!“.

— Не сердьтесь бо, моя... та й ставъ тягты воду, бо моя хазяйка—бабуся выглянула зъ синей... Покы жъ то волы напоивъ! Ажъ тоди й мени воды вытягъ.

Я такъ и побигла, не подякувавшы.

Бо що жъ мени зъ багатыремъ ривняцця!

Ой чы зíйдусь, чы не зíйдусь,
Не поривняемось:
Ты въ жупани, а я въ свыти,
Не повинчаемось.

Думаю се, а серце вже й видказуе за нёго:

Я жупаны поскыдаю,
А свыты добуду
Такы тобы, серденятко,
Дружыною буду!

Колы бъ же то! охъ, колыбъ же то!

Тутъ моя Русалка схватилась за серце и крикнула „мовчы“! такъ трагически, что мнѣ стало за нее страшно.

Снова обратилась она въ самообладающую разскащицу. Только лицо ея было блѣдно и губы вздрагивали.

— А де жъ Стеся? каже бабуся, моя хазяйка. Стесю згубыла. Кажу якъ було.

— Бижы жъ прыведы, а то вона й рыбу погубыть.

Не хотилось и йты до ихъ у хату, такъ не хотилось! Я тилькы черезъ поригъ до ихъ ступыла, Стесю за руку, да й видтиль. Засміялысь стари.—Ну, и дивка! Недóторка, яка соромляжа!

IX.

А ихъ наймычка усю правду мени було й порóсказуе.

— Маты Васылева було каже про мене: гарна дивка, ганьбоваты ни за яку роботу не можна, але жъ поголоска про неи пагана! удача іи стыдкà!

Батько Васыливъ озвавсь:—То колысь було! А теперъ послухай, щò про неи кàже удова! Скилькы вже годъ воны вкупи! Вже жъ удова до неи прыдывылась.

А Васыль сыдячы усмихався и мовчавъ. А потимъ старый росказувавъ, що помитывъ мене й перше, та каже: я въ цимъ дили знаю сылу. До пары нашому Васылеви, до пары!

Батько зъ сыномъ ходывъ на заробиткы та й мыркувавъ, щобъ, повернувшысь соби невисткы шукаты. Тамъ и волы соби старый купывъ и рыбы набравъ. Таки вси ради, що вже повертались до дому. И мàлы сына оженыты та й оженыты заразъ! Шукаймо невисткы!

— А я тоби скажу, каже старый до старои, що намъ ниде бильшъ невисткы шукаты. Я мовъ скарбъ якый знайшовъ, якъ побачывъ Оленку Дидусивну, вернувшысь...

— У Васыля, каже мини наймычка, и ýшкы засміялысь.

— Я й дида того знаю, каже старый, и поголоску про неи знаю: то пусте. Кому яке дило до того, якы мы булы малымы? Знай себе, та й буде зъ тебе. Беркà и здибна дивчына до всёго. а поглядъ у неи такый, що и вмираты шкода, побачывшы его.

— Якъ звыкне собака литомъ за возомъ, то й зимою за саньмы, одказала стара.

— Дытына ще, сказавъ батько, та й почавъ молытысь Богу, засвитывшы на божничку свичечку. Богобоязный чоловикъ: не ляже спаты, не засвитывшы передъ богамы свичкы, дарма що було часомъ втомыцця.

Я якъ згадаю, що ти матерыны речы про мене та й Васыль чувъ, такъ и окотыть мене то морозомъ, то жаромъ. О, щобъ я не дождала була по тому жыти бытысь! Си крадижкы въ мене черезъ русальство мое сталысь! думаю соби. Теперъ, думаю, винъ на мене й не гляне. А якъ же мени по воду ходыты? Свитоньку! де мени дитысь.

— А стара, каже мини наймычка, и на богы байдуже: чы перехрыстылась, чы й ни, вже й исть ёго, мовъ та иржа залызо,

— Та що це? каже: хыба нашъ Васыль послидýщый?

— И вона не послидуща! видкаже було батько, лягаючи на лави пидъ божникъ головою.

А та зновъ стара порощыть: оце, першу, яку здыбавъ волоцюгу наймычку, за нёго й тыче!.

А служебка ихъ усе мени й доносыть... Горе мени, думаю, теперь винъ на мене й не гляне!

— Бачылы мы хазяйскыхъ дочокъ! видкаже було старый жинци. Воны тылько лàси, а до роботы мляви.

Мени цилу ничъ не спалось, якъ перечула я про сю розмову. Проплакала я до самого свиту! уже трети пивни спивають, а въ мене й очы не склепалысь. Винъ теперъ на мене й не гляне! Каялась я и повынялась и дидуся згадувала: чомъ винъ мени рукъ довгыхъ не поперебывавъ? Боже! якъ я плакала гирко! Колы хочете, панiечко, знаты, дакъ и въ недузи трохы пролежала. Боюсь, щобъ зъ нимъ и не постричатысь. Бо, якъ згадаю, що винъ мени не ривня, такъ и сердце струхне. А винъ, Богъ ёго знае чого, знай мымо удовынои хàты вештаецця. Серце мое болыть и спывае:

Ой не ходы, багатыру,
Коло мого тыну!

А сама прымила бъ выскочыла та ёго слидочокъ цилувала. Бачу ёго,—рвусь пополамъ; не бачу,—вызыраю.

Ой не выдко ёго хаты,
Тилько выдко грушу:
Туды мою порывае
Рано й вечиръ душу.

„Уже не дарма сказано, що писня правда. Теперъ мени вона въ писняхъ видкрылась и засвитылась“.

„То Стесю мени треба, то щó на двóри робыцця, а мени хочъ бы ёго слидъ побачыты. Бидне мое серце!“

„Якъ я его вперве тоди побачыла, який веселый день бувъ! Сонечко мое ясненьке! Яке ты мени щастте казало! а теперъ ты захмарылось; теперъ вищуешь те, що сычы въ пущи. Не будемо въ пари, не будемо!“

Тутъ моя разскащица впала въ умоизступленіе. Она забыла, гдѣ она, съ кѣмъ она. Ее, очевидно, поглотила та минута, которую она переживала, минута сомнѣнія и отчаянья, минута вѣрнаго предчувствія. Упавъ грудью на столъ и склонясь глазами въ свои ладони, она какъ бы окаменѣла. Я боялась нарушить молчаніе. Наконецъ слышу что то похожее на бредъ:

„Ой Боже, Боже!
Що та любовъ зможе?

„Я его слидочокъ лыстьечкомъ прыкрывала, слизьмы те листьечко зрошала“.

Наконецъ, она поднялась и продолжала свое повѣствованіе такимъ голосомъ, какимъ—такъ я тогда думала—мученицы любви на небесахъ бесѣдуютъ одна съ другою.

„Бачылысь мы не разъ и не два. Я була боязька: багатыръ!... А винъ мени було каже, що я горда, що я зàзнана“.

„Я горда й зазнана? Справди?... А може! хто жъ мени давъ таке почуття? Одынъ его поглядъ: я почула себе людыною“.

„Мени здавалось, що нихто никого такъ не кохавъ, якъ я ёго! бо любощивъ своихъ ни на кому було позбутысь. Усе дома було седжу; тилько удову стареньку та Стесю маленьку й знала“.

„А тымъ часомъ маты Василева, якъ стала, якъ стала коиты свою волю, да й заслала одъ Васыля старосты до багатыркы, що заздалегидь прысватала. Батько суперечывся, довго стоявъ

на своимъ первимъ слови, а вона все ёго пидкопуе, наче водою пидмывае, тымы воламы да коровамы, тымы статкамы да маетками. Замовкъ старый: бо розжывався туго, та й не вельмы розжывся; а теперъ, думае, буде за що зачепыты руки. „Ще я на сыли почуваюсь; удвохъ изъ Васылемъ доробымось такы й мы до худобы". Оттаке вже почавъ говорыты; а наймычка все мени переказуе, не знаючы, що безъ ножа й безъ талиркы мое серце крае".

„Маты й батько посылають Васыля на розглядыны. Не схотивъ".

„Дали вже маты: збырайся, Васылю, на ярмарокъ: що небудь и къ весиллю купыты.—Не схотивъ, не поихавъ".

„Батько ажъ загомонивъ тогди на ёго! „Та чы довго ты гавы тутъ ловытымешъ? Не той теперъ часъ прыйшовъ. Мы вже й ногы видтопталы, ходывшы до свата. Все село про се знае. Чы ты насъ надумавсь осоромыты?"

„Маты и на розгляды издила сама. А батько мовчкы ныдивъ, и выдно було, що вдавався въ тугу. Того весилля не дуже бажавъ, да якось корывся своій жинци, и потуру не дававъ Васылеви, щобъ ще гиршъ зъ того чого не выйшло".

„Чудно, каже було моя хазяйка удова, що якъ сей Васыль дила зовсимъ опустывся! Ни про що не дбае... Усе щобъ стари за ёго робылы. Воны сами и на ярмарокъ издылы. Наймычка и небога тутъ рвуцця, а винъ стоить, изхылывшысь на лису, да, якъ той мовлявъ, гракы ловыть".

„Оце жъ мы зъ нею вперше чуемо, що батько ёму такъ докирлыво вымовывъ. Перше було имъ Васыль каже: вы вже, татусю, свое одробылы, годи вамъ поратысь. Мени стыдъ, якъ бы я самъ двохъ паръ воливъ не попоравъ.—Та и попорае, и повычыщае всюды; двиръ вычыстыть, вымете, хочъ котысь. Теперъ ёго й не пизнаты. Ни до чóго й рукъ не прыложыть".

„Про це все удова знай мени торочыть, щобъ у мене вывидаты ума: чы не выявыла мени чого наймычка, або часомъ іи невистка злюка? Я ничогисинько не знала. Що дня зійдемося було зъ Васылемъ, сумуемо. Мовчазный ставъ. Сумъ, що дальшъ, и мою душу обляга бильше. Не жартуе Васыль зо мною и мало що мени каже".

„Разъ пытае въ мене: чы пійдешъ завтра до церквы?

— Безпременно пійду.

— Не йды, колы любышъ!

— А ты хыба дома будешъ?

— Мени *треба* йты, насупывшись, якъ чорна хмара, видказавъ Васыль. „Мени треба!“ да ажъ затремтывъ. (А мени все те не вдогадъ). „Мени прысягаты треба“.

— Хыба що, якъ ты прысягатымешъ, а я тамъ буду?

„Винъ замовкъ“.

„Здалась така чудна мени ся розмова. Пора, кажу, йты вже до дому. Бабуся моя, мабуть, уже й спаты лягае“.

„Винъ мене дуже мицно обнявъ и мицно поциловавъ трейчы, въ сылу выпручалась“.

X.

„Рано-ранисинько я пичъ вытопыла, паляныць напекла, убралась, надила хустку, заквитчалась и побигла чымъ дужъ по воду: бо забулась изъ вечора наносыты, такъ винъ мене скаламутывъ. Покы ще корову уранци прогнала до череды, а на те й байдуже, що воды обмаль, та Стеся нагадала“.

„Бижу зъ видрами, щобъ не опизнытысь до службы, а тутъ бабусына невистка злюка назустричъ, изъ порожнимы!“...

— Здорова, Оленко!

— Магай би.

— Се такъ убралась на весилле?

— На яке весилле?

А тымъ часомъ зовсимъ я наблыжалась уже до Васылевои хаты. Ворота навстижъ, молодыци и наймычка, зъ позасукованымы чохлами, туды й сюды снуютъ, у хати чуты такый гоминъ, що ажъ стелю спирае.

— Якъ на яке? видказуе невистка злюка.—На Васылеве. Сусида та й не знаешъ!

„Я такъ и брязнула видрамы объ землю, и квитки зъ себе позрывала. А вона ще й шутку́е:

— Собака впавъ! [1]) Що це ты спиткнулась?

„Позбирала я видра швыденько, вытягла воды, а одно шубовтнулось у колодязь! Тоди я за друге та й подалась до синешнихъ своихъ дверей; одбигла й коромесла. Сама якъ переступыла поригъ, такъ и впала, застогнала".

„Догадалась порадныця моя бабуся. Кынулась изъ хаты до мене.—Доненьку моя, голубонько моя! не показуй сёго людямъ. Що жъ? я все те знала. Да й наймыцци не звелила тоби казаты...

„Та се кажучы, и прычыныла синешни двери.

„Мои жъ очы не всыхалы... Годи й до церквы. Того жъ то винъ видмовлявъ! Чы то боявся, щобъ я не врекла, чы що? Думаю, не додумаюсь, якый то вчора бувъ до мене гарный! Що жъ? винъ не мий, не мій! плакала, свита Божого не бачыла".

„Пидвелась, прочыныла дверы, щобъ зглянуты на Васылеве подвирье. Може то люде помыляюцця. Дывлюсь, прыдывляюсь, бо за пухлымы очыма й не бачу... Чы мало жъ то я часу тутъ у синяхъ пролежала? А проты мене молода йде зъ дружкàмы,— и не стенéцця! иде, якъ пава плыве. Йде до блызькóи сусиды, до моеи бабуси въ хату".

„Чую спивають, дружкы:

Ой рядочкомъ, дружечкы, рядочкомъ — Рутою мятою обвыла,
Да попидъ вышневымъ садочкомъ! — Хрещатымъ барвиночкомъ обтыкала,
Ой повела Любочка, повела, — За собою дружечокъ поклыкала.

„Я вхопылась за серце".

„А бабуся зза спыны каже: може то й не вона. Бо та не плыла бъ такою павóю: не охотылась иты за Васыля. Се якась инша молода княгыня. Мени наче одхлынуло. А може й такъ! Я ще разъ прыдывлятысь. Очы мои зупынылись на старшій дружці, на небози Васылевого батька... Вона, вона! Се Васылеве весилле! Я побигла въ хату, забылась у кутокъ".

Чую, зновъ пидъ окномъ:

Ой летилы бжилочкы по ярыни, — Да й прышлы гоны до хаты.
Да ходылы дружечкы по сторони — Стала дивочка прохаты.

Молода ввійшла въ хату зъ старшою дружкою. „Просыть батько й маты на хлибъ, на силь и на весилле",—та й заципыло

[1]) Это все равно, что у насъ vive l'adresse.

ій сказаты: *и я прошу,* и заплакала бъ, може, та переломыла себе середъ людей. Уси зглянулысь".

„Чы легше мени, чы важче було, що й вона оддалась не охотою, сыломиць звинчано? Не знаю: бо серце на двое було розризане,—не жыло вже, не чуло, не тямыло".

— Хай вамъ Богъ помагàе, диточкы! видказала бабуся и поноштувала.—„Молода сумна", каже мени описля: „тилько до губъ довела чарку та й выйшла мовчкы, мовъ боицця зарыдаты".

„Пыталы гости й про мене, дакъ бабуся одказала, що я пишла на той кутокъ, на си бъ то нещаслыви Пидгàи".

„Бабуся ходыла на весилле, близкà сусида, а я й не пишла, одмовылась, що я слаба. Що жъ про те весилле росказують! Сыломиць обохъ спарувалы. Слава така була, що Васыль зъ батькомъ перви чумакы на всю околыцю, и грошей навезли зъ Донщыны безличъ. На се й польстылысь; а вона иншого покохала, та боялась прызнатысь, а той боявсь до багатырки лыцятысь. Тилько зійдуцця, посумують у двохъ, та й годи".

„Васыль бувъ на себе не похожый, росказувалы мени. У хати наче туга давыть усякого. Чогось наче темно, наче душно, наче тисно дыхаты. Ни чарка, ни музыка, ни що не розважало людей! Що жъ изъ того весилля выйшло? Кажуть люде: иде староста благословляцця до батька та до матери, молодыхъ дитей на посàдъ за стилъ завесты: тилькы що одклонывся и поблагословывся, а батько и маты одказали: „Богъ благословыть! Нехай Богъ дае нашымъ дитямъ щàсте й долю"! Староста туды сюды зыркъ, а молодои й нема. Де, де? Побигла до тыну, послиднимъ словомъ перекынуцця зъ тымъ, що кохалась! Упала на ёго плече и прыкыпила, залылась гиркымы слизьмы. Староста молоду за руку да й на посàдъ! А сыва шàпка подалась у подовжъ ýлыцы, колываючысь".

„Росказуючы се мыни, бабуся моя ажъ сплакнула. Якъ мени, паніечко, се було слухаты и потымъ на свиты житы".

Скинчылося весилле.

„Я довго видъ обохъ молодыхъ ховалась... Нужу свитомъ. Усе було роблю або пизно у вечери, або рано на зори, щобъ людей не бачыты. У серцю моему якъ пожежа пройшла".

„Потимъ згодомъ стала ходыты и до коровы, и на горо́дъ, и по воду, и разъ изійшлысь до колодязя зъ жинкою Васылевою мовчкы.—Мочкы розійшлысь. Дывымось одна на 'дну, такъ наче въ воду вбрелы, та й не выбредемо, и боимо́сь одна 'дниеи, щобъ не прытопы́ла".

„Пройшло тыжнивъ зо два. Мы зійшлысь изновъ, я вклонылася ій; вона мени. Сталы говорыты; вона на мене не сердылась. Рада була бъ, якъ бы я ій на дорози стала. Була зитхае, проклынае свое жытте. Якъ бы, думаю, поминялась изо мною! Воны мижъ собою й не лаюцця,а тилько жылы такъ, якъ ремезы, що зъ двома дупламы гнизда. Дарма, що вкупи ночували, а тилько одно туды, а друге туды, головамы навпаки́. И якъ наче знано: й хата була въ ихъ старосвицька зъ двома рундучкамы. Винъ седыть що вечера икъ воротямъ, на рундучку, де колодязь, а вона по той бикъ, що на горо́ды выходыть. Бо хочъ черезъ тыны та черезъ городы того журавля побачыть, де ій несуженый воду тяга́е. Тамъ ій душа й серце; а *сей* мене пыльнуе".

„Жаль було бере усякого. Яки жъ, кажуть, люде обое прехороши! никому не можна ганьбы даты,—картына! та не любляцця й кришкы! Ны́діють обое".

„А зо мною що робыцця?

„Бабуся! було кажу, зарижте, убыйте мене. Якъ выйде Васыль на рундучокъ да стане на свистилку граты, щось сумне, сумне... волоссе на голови пидіймаецця, а ій було чуты ыноди, на другому рундуци спивае:

Сама не знаю, чомъ доленькы не маю.
Прокляла маты малою дытыною:
Съ кымъ любылась, не стала дружыною.
Съ кымъ не зналася, зъ тымъ повинчалася.

„Да такъ наслухаесся, ажъ серце стысне не тилькы свое горе, да й чужа печаль".

„Я було сумую, сумую, у синяхъ сыдючы!... Вона наче мою долю выспивуе. Батько й маты Васылеви засмучени совмѣняцця по хати, очы попухлы, радосты и помочы, нема видъ дитей. ни пидмогы на стариість. Якъ бы не наймычка, то може бъ достачы не було и въ хлиби, уси опустылы рукы, и молоди, и стари.

А то вона и нагадае, що теперъ витеръ хорошый, млыво гарне. Отъ старый и налаштуе паровыцю та й поидуть до витряка".

„А Васыль тилько човгае по двору, да свое подвирье миряе. А зъ двору ридко, ридко... Все стереже мене".

„А я тежъ опустылась берега. Де було першъ чысто, гарно, теперъ смиття по колина. Було, пійду по воду,—де винъ и визьмецця, наче зъ земли выросте! Стоить передо мною, якъ смерть блидый! Не хотивъ батькови й матери на суперѐки йты...

— Оленко! я вмираю за тобою! Серце мое незабутее, не нуды мене, хочъ не ховайся видъ мене! дай мени хочъ на тебе надывытысь.

„Въ моему серци заворушылось щось таке негарне, погане, чого я попереду николы не постерегала: я розсердылась на ёго, розлютовалась. И ставъ винъ мени супротывный, якъ ворогъ лютый. Я ажъ крыкнула на его:

— Одчепысь! Не горнысь до мене! Не завдавай моему серцю жалю! Колы вмираешъ за мною, то чомъ мене не взявъ? На що взявъ иншу? Ты не дочка въ свого батька, а сынъ, якъ бы ты схотивъ, тебе бъ маты не прыневолыла. Ты загубывъ мій викъ; не топчы стежкы за моимъ слидомъ! Геть.

„Я зненавыдыла его въ той часъ, була готова задушыты его своимы рукамы".

„Я такъ и рванусь видъ ёго. Думаю, може бъ винъ и жинку полюбывъ, якъ бы мене не було на очахъ! Хай уже я буду одповидня, безталанна душа. Я почула, що мое серце вже й прохололо, перестало ненавыдиты его"...

„Да якъ же мени зійты зъ сёго села? де мени знайты той захыстъ? Мени жъ такъ гарно у бабуси; та якъ же мени прожыты, щобъ и ёго не чуты, щобъ не бачыты, якъ винъ мовъ квитка мае по двору? Дражныть винъ мене писнямы та бровамы. Писни ёго—ликы мои,—и ликы, й отрута. Хочу вмерты—не прымае мене сыра земля! Благаю Бога, щобъ винъ мене урозумывъ, якымы зыллями бидне серце мое остудыты. Увесь поригъ було золлю дрибнымы слизамы, довидуючысь у свого серця, чымъ подолиты свое горе. Якъ не бачу его, то люблю его; якъ угляжу, то ненавыжу его".

„Винъ мени що дальшъ, то все бильшъ проступку не дае, а я втикаю, ховаюсь одъ его, и вона вже стала помичаты. Мовчазна зробылась, ни пары зъ устъ, ни слова теплого, ни докирлывого. Тилько иноди не втерпыть и розиллецця гиркымы словамы: що вона не зазнае свого дивоцтва; що воно ій тилькы майнуло передъ очыма; що лучче бъ ій було засохнуты въ пупочку, така вона щаслыва!“

„Затрясецця було, зачервоніецця, якъ оце мени каже. А всяке ій слово такъ, якъ те кресыво, объ мое серце й креше“.

„Постановыла я соби покынуты удову бабусю. Перейду до кого иншого въ наймы далеко, далеко... Напытала у людей мисце й перейшла на другый кутокъ села. Се не здывовало бабусю. У неи душа чутка, вона зрозумила серцемъ, що довше мени тутъ зоставатысь не можна... Стеся дуже плакала и бабуся... да не впыняла“.

„Чы легко мени було видъ ныхъ виддалятысь? Се все ривно, що жывому крузъ землю провалытысь. Винъ мени и въ день, и въ ночи ухыджаецця. Було якъ тинь мене преслидуе. Було прыйде до того двору, де я служила, зляже на лису, постоить, подывыцця мóвчкы, серце мое розибъе—и пійде. Що мени робыты? Ходжу якъ божевильна. Чымало часу уплыло. Я жыву въ наймахъ и его не бачу, та й почала его трохы забуваты. Не такъ ясно свитяцця вже передо мною его чорни очы, а ти чорни бровы вже прывыджуюцця мини, мовъ въ тумани. Наче хмары вкрылы его пышный выдъ, наче туманъ полигъ надъ его красою, якъ полягае и закрывае зеленый лугъ литнёи добы ранкомъ. Тыхише стало на серци. Я вже й не знала, чы люблю его, чы ненавыжу. Якось стала я, немовъ деревяна. Стало мени про усе байдуже на свити. А тоди саме почавъ чеплятысь до мене москаль Задёренко. Ходыть та й ходыть до мене“...

„Пійду, думаю, замижъ! Равно запсованый викъ. Винъ мене тоди покыне, и станемо якось буты на свити—хочъ не жыты, дакъ буты. А такъ—се гирше лютои смерти. Усимъ тоди лучче буде. Винъ перестане до мене тоди ходыты; мабуть, що треба йты, треба йты. Рвецця було такъ мое серце, рвецця та й заспивае:

Вылиталы орлы
З—за крутои горы,
Вылиталы—буркоталы,
Роскошивъ шукалы.

Охъ и скилько не литаты,
Треба внизъ спустыцця
Ой у поли дви дороги,—
Треба розійтыся!

Воно мени спивае, а я такъ и впаду, щобъ ёго прыдушыты. Каменемъ бы зробылась, та ба!“

„Ну, що жъ, моя паніечко, що́ мени ще вамъ сказаты? Такъ мени на роду́ написано. Мабуть мене маты въ барвинку купала, купаючы проклынала, щобъ доли не мала, а потимъ и втопыла въ тому жытяному мори мижъ русало́къ“.

„Ну, що жъ ище? Отъ що: молодому не довго знайты чоловика. Хочъ и не до любови, ни до розмовы, а мушу“.

„Увязавсь та учепывсь до мене Задёренко. Москалемъ винъ бувъ.—Подаю хусткы! Нехай, думаю, хочъ воны пожывуть укупи, якъ одружусь! Буду хазайкою, то не пидступыцця. Лышенько мое, не доля моя! Якъ же мени ихъ на весилле прохаты? Якъ же мени о той поригъ переступаты? Що жъ, якъ прыйду, да тамъ и скинчусь?—Такъ сама соби погадаю, а потимъ видпочыну ’дъ своего горя. Тоди зновъ щось мени шепче: треба буты хазяйкою, тоди другый ладъ буде“.

„Думы розбывають мою голову. Вечоріе: думаю, пійду,—нехай бабуся замовыть Задёренку“.

„Побигла я городамы, перелазамы, щобъ не зустритыся зъ нымъ: розигналася, чепляюся то за соняшнычыння, то заплутаюсь у гарбузинни, то скачу картоплыщемъ, заплутаюсь у гычъ, упаду и знаю: не будь сёго лы́ха насерднёго, то й не впала бъ, а то ногы не несуть. Розигнавшысь, бижу, бижу, выхремъ мене несе; а дали тыць! що се таке? Се винъ передо мною, винъ! Усюды ёго знайдешъ, всюды зустринешъ. „Оленко! не жаль тоби мене, покынула та й байдуже! А я все той, якый бувъ. Иду горо́дамы за долотомъ до Шкандыбайла, буццимъ то мени того й треба, та й чую серцемъ, що тебе зустрину. Яки мы обое нещаслыви!“ Цы́луе мене, обнимае. Я нима. Духъ мени спирае“.

„Ни, думаю: не выдушышъ изъ мене речы! Знайду соби ыншого, наче втоплю себе. Ты мени не важышъ ничого. Ось я соби выскепаю чоловика! Да прожогомъ видъ нёго“.

„Хытаюся. Въ сылу втраплю на стежку. Винъ отдаликъ ледви човгавъ за мною. А я такъ и влетила до бабуси въ хату. А серце мое кыдаецця, кыдаецця! Боже жъ мій! Це жъ воно прокыдается! Це жъ воно ожывае! На що винъ стривожывъ его? Що мини робыты, що початы?“

XI.

„Увійшла я въ хату, мовъ несамовыта... Стеся й бабуся такъ зрадилы, такъ и прыкипилы до мене.—Чого се ты такъ роспалылась? Собака чы вовкъ налякавъ?

Кажу, чого прыйшла: „натякнить Задёренку, бубусю, що вже иду за нёго“. Да ажъ не здышусь.

— Чого жъ ты такъ засапалась?

Я мовчу: не здышусь.

— Не сподиватысь тоби вже, моя голубко, щастя-доли! Хоча й ёму ганьбы не даю. Славы про ёго худои нема. Тилько дуже старый проты тебе, а не пъяныця и чепурно хату свою держыть изъ малою дивчыною та хлопъямъ. Достаткивъ нема, ну да ты працювыта. Винъ и сёгодни хотивъ зайты до мене, видерце бравъ набываты: такъ обыцявся занесты. Оце добре, що ты сама про ёго замовыла, а то вже винъ проточывъ мени голову: еднайте, та й еднайте Олепку. Я ім не обиждатыму.

„Мени речей одъ бабуси ніякыхъ билышъ и не треба було... Мени вже щобъ весилля граты. Швыдче выходжу зъ хаты, щобъ до-дому бигты по-узъ ихъ двиръ; а Васыль уже на воротяхъ вартуе. На сылу вырвалась: Не диждусь я завтришнёго вечора; прыйдуть старосты; я вся въ огни. Хусткамы и рушныкамы надилыла мене бабуся, лучче бъ у яму опустыла“.

„Диждала я вечора. Обдилыла й старостивъ. У суботу дивчата выпы гильця, дружокъ водыла, зайшлы и до бабуси и—до ихъ“...

„Я була якъ съ каменю тесана и Васыль стоявъ, якъ укопаный. Увійшла я зъ старшою дружкою въ хату, тай стою. Усе заверетенылось у мене въ очахъ. По моій дружци, по моихъ квиткахъ, рушныку позналы, що се молода ввійшла. Не

мовлять мои губы ничого, скилько не сылковалась, скилько попидъ рукы не штовхала мене моя старша дружка".

„Стала Васылёва маты частуваты; чарка трясецця въ мене въ руци; усе й выхлюпалось. Маты Васылева другу налыла, частуе, радіе, що одружылася, а я радію, що мене видъ ихъ двору ще дали вынесе".

„Батько Васыливъ вхопывся за голову, якъ мы ввійшлы. Мабуть, чы не заткнувъ и вуха,—такъ казалы.

„Зъ симъ мы выйшлы зъ хаты.

„Жинка Васылева боржій выскочыла зъ хаты та й сховалась у комору. Якъ я выходыла зъ хаты, захыталась и вхопылась за одвирокъ, переступыла поригъ. Старша дружка въ синяхъ ухопыла зъ видра корець и пырснула мени въ вичи погожои воды. Наймычка, моя подруга, протерла мени очи рукавомъ, и холоднои мняты лысточокъ вырвала зъ головы и всунула мени въ ротъ. Якъ бы не вона, бехнулась бы передъ усима. Безъ неи и въ хати не було бъ ладу. Усе вона порядкувала. А то все поторопило".

„Хто жъ сподивавсь и сёго весилля! и сама моя подруга наймычка ничого такого не сподивалась. Занапастыла я чоловика. Пишла не по любови; того тако жъ занапастыла!"

„Оттакый, паніечко, нашъ заквитчаный викъ. Кого любыла, съ тымъ розійшлася, а съ кымъ не зналась, съ тымъ повинчалась. Та нехай соби жывуть, якъ имъ Господь поможе. Жывемо, якъ бачыте, й мы сякъ такъ съ чоловикомъ. Така моя доля! Може, мене справди маты проклынала, щобъ я доли не мала. Може, черезъ мене вона и гриха й горя набралась".

Такова была новая исповѣдь моей Русалки... Бѣдная! Ей представилось, будто я близка къ смерти; но сама она была гораздо ближе. Въ своей рѣшимости выдержать роль самоотверженной любви, она подавляла свою романическую природу не долго. Спустя недѣлю послѣ нашего свиданія узнала я, что съ нею случилось такъ, какъ поютъ въ пѣснѣ:

Ой пійду я, пійду
Не берегомъ, лугомъ,
Чы не зустринуся
Зъ несуженымъ другомъ.

Здоровъ, здоровъ, луже,
Несуженый друже,
Ой якъ мы зъ тобою
Любылыся дуже!

Она, избѣгавшая свиданія съ несуженымъ другомъ, она, вырвавшаяся изъ его объятій въ тяжкія узы брака, сама отправилась къ нему, отправилась безъ всякой скрытности. Любовь вспыхнула въ ея страстной натурѣ неожиданно, съ новою силою и охватила ее пламенемъ. Безуміе любви преодолѣло несчастную. Съ распустившимися косами, въ вѣнкѣ изъ ландышей, бѣжала она при первомъ свѣтѣ росистаго утра, когда ея бывшія подруги спѣшили—кто съ ведрами за водой, кто съ овцами и коровами въ „череду“. Онъ встрѣтилъ ее у того самаго колодезя, гдѣ первый взглядъ рѣшилъ судьбу обоихъ. Онъ какъ будто ждалъ ее, какъ будто зналъ, что она придетъ, зналъ, зачѣмъ она придетъ, и приготовился къ встрѣчѣ. Дѣло было вечеромъ, при закатѣ солнца. Онъ встрѣтилъ свою несуженую съ распростертыми объятіями *прилюдно*. Безъ сопротивленія отдалась Русалка бѣшенымъ поцѣлуямъ сумасшедшаго. Задыхаясь въ дикомъ восторгѣ своемъ, онъ спросилъ: „хто первый?“—„Я!“ отвѣчала она радостно на вопросъ. „Ни, я! ты мене й тамъ не покынешъ!“ вскричалъ онъ, и прежде чѣмъ свидѣтели сцены смекнули дѣломъ, онъ былъ уже на днѣ колодезя. Она вскочила на срубъ; но ее остановили. Она рвалась изъ рукъ своихъ спасителей; въ борьбѣ съ ними, кровь хлынула у нея изъ горла, и моей Русалки не стало.

Такъ молва сообщила мнѣ горестную вѣсть. Да, это была *русалка,* существо слишкомъ нѣжное, слишкомъ чуткое и страстное для обыкновенной жизни. Я втайнѣ тосковала о ней и ландыши сдѣлались моими любимыми цвѣтами. Она живо представлялась моему воображенію въ вѣнкѣ изъ ландышей.

Прошелъ годъ. Насталъ памятный для меня вѣчно день ея смерти. Рано утромъ я пошла что называется въ *рóсу*. Люблю я наши хуторскія левады подъ крупною росой, струящейся въ огнѣ восходящаго солнца. Роскошно ростущіе въ пустынѣ ландыши благоухали, и не стыжусь въ этомъ признаться—на меня нашелъ страхъ увидѣть среди нихъ мою усопшую Русалку. Но скоро страхъ уступилъ мѣсто фантазіи: какія нѣжныя, легкія, непричастныя міру существа эти русалки! Ни трава не гнется подъ ихъ ногами, ни роса не осыплется. Но эти нѣжныя су-

щества мстительны. Онѣ мстятъ людямъ за грубость ихъ чувствъ и понятій...

Такъ размышляла я, свивая вѣнокъ въ память моей Русалки. Съ этимъ вѣнкомъ отправилась я въ городъ къ моей родственницѣ, любительницѣ дубравныхъ цвѣтовъ. Былъ день воскресный. Въ нашемъ городкѣ по воскресеньямъ собирается базаръ, густой какъ ярмарка. Я пробиралась пѣшкомъ, бережно неся свѣжій вѣнокъ изъ ландышей. Вдругъ слышу плачъ, въ видѣ причитанья по мертвому. Передо мной стояла Русалкина *бабуся* и плакала навзрыдъ: „О моя жъ ты голубонько, мое ты ридне серденько! Я жъ тебе бачыла въ кунваліи останнёи твоеи годыны! О, та якъ же гирко мени, якъ тяжко на сю кунвалію дывытысь!“...

Народъ насъ обступилъ, можно сказать, благоговѣйно. Почти всѣ знали Русалку. Нѣкоторые набожно крестились, посылая ей желаніе царства небеснаго и вѣчнаго покоя; а одинъ тихій и грустный голосъ проговорилъ у меня надъ ухомъ:

Ой пійду жъ я утоплюся,
Або обь каминь розибьюся,
Нехай люде добри знають,
Якъ съ кохання помирають!

Ганна Барвинокъ.

КОЛОНИЗАЦІЯ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ

И ПЕРВЫЕ ШАГИ ЕГО ПО ПУТИ КУЛЬТУРЫ [1]).

(*Окончаніе*).

ГЛАВА 4-я.

Иностранная колонизація въ XVIII-мъ и 1-й четверти XIX в.

Сербская колонизація въ царствованіе Елизаветы Петровны; ея ходъ, дѣятели и общая оцѣнка.—Вызовъ иностранныхъ колонистовъ въ царствованіе Екатерины II-й.—Манифестъ Императора Александра I-го.—Славянская колонизація въ царствованіе Екатерины II-й, Павла и Александра I-го.—Нѣмецкая колонизація въ тѣ же царствованія,—меннонитовъ и другихъ нѣмецкихъ выходцевъ; судьба шведской колоніи.—Появленіе нѣкоторыхъ представителей романскаго племени.—Переселеніе грековъ.—Выходъ армянъ.—Переходъ молдаванъ.—Переселеніе евреевъ и основаніе еврейскихъ земледѣльческихъ колоній.—Цыгане.—Общія соображенія.

Колонизація Новороссіи отличается одною характерною особенностью: въ ней чрезвычайно важную роль играютъ иностранные колонисты. Лица, стоявшіе во главѣ мѣстнаго управленія (Потемкинъ, Зубовъ, Ришелье), стремились къ быстрому заселенію этого пустыннаго края и употребляли для достиженія своей цѣли всевозможныя средства. Понятное дѣло, что они не могли не остановиться на мысли вызывать различными льготами иностранныхъ поселенцевъ. Россія въ то время не обладала большимъ излишкомъ населенія; при *естественномъ* движеніи одного русскаго населеніе къ югу, колонизаціонный процессъ значительно бы замедлился. Съ другой стороны можно было надѣяться, что иностранцы внесутъ въ новый край болѣе высокую, современную культуру матеріальную и умственную и

[1]) См. Кіевск. Старина" 1889 г., №№ 5 и 6, май и іюнь.

благотворно воздѣйствуютъ на туземное и пришлое населеніе. Таковы были важнѣйшіе мотивы для поощренія иноземной колонизаціи. Политическія обстоятельства Европы и Россіи въ то время не только не препятствовали, но даже способствовали такой эмиграціи европейцевъ въ предѣлы южной Россіи. Началась эта колонизація по иниціативѣ правительства, которое вызывало колонистовъ и заботилось объ ихъ устройствѣ. Но внутреннія черты этого устройства опредѣлялись не только указами правительства, но и ихъ бытовыми нормами, выработанными на прежнихъ мѣстахъ жительства; въ этомъ отношеніи иностраннымъ поселенцамъ была предоставлена почти полная свобода, гарантированная при томъ имъ призывными грамотами, т. е. какъ бы своего рода формальными условіями. Этому общему положенію не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что многіе переселенцы, подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ условій, измѣнили кое въ чемъ прежній складъ жизни, а нѣкоторые (славяне) обрусѣли и потеряли свои этнографическія особенности. Вызовъ иностранныхъ (а именно славянскихъ) колонистовъ въ южную Русь начался еще со времени Петра Вел.; въ царствованіе Елизаветы Петровны это переселеніе приняло большіе размѣры; во главѣ переселенцевъ стоялъ полк. Хорватъ, (явившійся раньше всѣхъ), Шевичъ и Прерадовичъ; они основали двѣ провинціи—Новосербію (въ сѣв. части херсонской губ.) и Славяносербію (въ сѣв.-восточной части екатеринославской губ.). Впрочемъ нужно сказать, что въ провинціяхъ этихъ жили далеко не одни только сербы, черногорцы и кроаты, а и молдаване, болгары, великороссы-старообрядцы, малороссіяне, поляки, входившіе въ составъ гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ и состоявшіе подъ начальствомъ вышеназванныхъ командировъ [1]).

Центральными пунктами новыхъ провинцій были Новомиргородъ и крѣпость св. Елисаветы въ Новосербіи, Бахмутъ и Бѣлевская крѣпость въ Славяносербіи. Это были военно-земледѣльческія поселенія, дѣлившіяся на полки, роты, селенія и шанцы; число собственно сербовъ было не велико: въ 1770 г. ихъ было всего около 1,000 ч. т. е. менѣе $^1/_{25}$ общаго числа населенія двухъ провинцій. Какія же льготы были предоставлены Хорвату и всѣмъ славянскимъ выходцамъ? Ясное понятіе объ этомъ даетъ жалованная грамота Хорвату *1752* г.

Новымъ поселенцамъ отводятся въ вѣчное и потомственное владѣніе удобныя земли и кромѣ того дается денежное жалованье и

[1]) А. А. Скальковскаго. Хронолог. обозрѣніе, I, 15—45; его же Опытъ стат. описанія Новороссійскаго края, I, 223—225.

предоставляются безпошлинные промыслы и торговля; не говоримъ о другихъ менѣе важныхъ льготахъ и преимуществахъ. Хорвату было позволено, между прочимъ, построить для защиты границъ крѣпость св. Елисаветы; но постройкою крѣпости для сербовъ занимались малороссійскіе козаки и регулярныя войска [1]), которые несли также здѣсь и пограничную службу. Уже изъ этихъ фактовъ видно, что льготы славянскимъ поселенцамъ были очень велики, а число ихъ было весьма незначительно. Но если мы отъ оффиціальныхъ документальныхъ данныхъ обратимся къ частнымъ свидѣтельствамъ и заглянемъ въ закулисную сторону дѣла, то увидимъ въ истинномъ свѣтѣ этихъ переселенцевъ и узнаемъ настоящіе мотивы переселенія. Послушаемъ, что намъ разскажетъ объ этомъ Симеонъ Ст. Пишчевичъ, самъ сербскій выходецъ и колонизаторъ Новороссійскаго края. Мотивомъ къ выходу въ Россію послужило для Пишчевича желаніе видѣть свѣтъ и свое счастіе далѣе пробовать [2]); важную роль играло и то обстоятельство, что его, какъ и другихъ, немедленно произвели въ слѣдующій чинъ. Иными руководилъ исключительно матеріальный разсчетъ. Хорватъ нарочно выѣхалъ раньше другихъ, чтобы получить, въ качествѣ инициатора эмиграціи, побольше выгодъ (и онъ достигъ своей цѣли). Иные, наконецъ, не останавливались даже передъ обманомъ; таковъ былъ, напр., черногорскій воевода Василій Петровичъ. Это былъ, по словамъ Пишчевича, одинъ изъ тѣхъ авантюристовъ, которые часто наѣзжали въ Россію за милостыней и искали случая обогатиться. Онъ выдалъ себя за полновластнаго владыку въ Черногоріи, и въ проектѣ, поданномъ въ сенатъ, объявилъ, что если будутъ отпущены на путевые расходы деньги, то онъ приведетъ изъ Черной Горы нѣсколько тысячъ переселенцевъ. Проектъ былъ принятъ въ сенатѣ и конфирмованъ Владыка поѣхалъ къ себѣ въ Черногорію, но тамъ успѣха не имѣлъ: большинство упрекало его за данныя обѣщанія; смущенный неудачею, онъ началъ приглашать своихъ свойственниковъ и нѣкоторыхъ вдовыхъ поповъ, позволяя имъ обрить бороды, производя ихъ въ офицерскіе чины и награждая деньгами, а главъ оппозиціи привлекая на свою сторону обѣщаніями генеральскихъ чиновъ; но, несмотря на всѣ эти средства, черногорцевъ отправилось мало, а подъ видомъ ихъ поѣхали тѣ пред-

[1]) А. А. Скальковскаго. Хронол. обозр. I, 23.

[2]) Извѣстіе о похожденіи Симеона Стефановича Пишчевича. М. 1884, стр. 91; предупреждаю читателя, что въ дальнѣйшихъ выпискахъ я не буду наблюдать правописанія подлиннаго текста Пишчевича.

ставители разныхъ національностей, среди которыхъ были настоящіе разбойники, которыхъ и провести въ Россію было не легко, такъ какъ они и на пути буйствовали и пьянствовали. Лица, присланные Пишчевичу изъ Тріеста, «были все воръ наголо и пьяницы прегоркіе, наволочь то такая была, что хуже сыскать нигдѣ не можно; между ними были оружейные лѣсовые настоящіе разбойники и гдѣ только чего на ночлѣгахъ и проѣздомъ чрезъ жилища и въ корчмахъ захватютъ и сорвать могутъ, то ужь было ихъ». Спрашивается, могли ли быть хорошими колонизаторами такіе переселенцы? Допустить, что подобныя лица представляли исключительное явленіе, едва ли возможно, потому что о буйствахъ сербовъ и въ предѣлахъ Россіи мы имѣемъ многочисленные факты въ документахъ; о нихъ же свидѣтельствуетъ и самъ Пишчевичъ. Въ полкъ Пишчевича, напр., набирались по большей части дезертиры, съ которыми ему было очень трудно управляться: «все было строптиво, развращено, пьяно и всякій день происходили между ними и обывателями драки и ссоры и такое то сборище людей было, которое по нѣсколько разъ изъ одного государства въ другое переходили и служили и потомъ уходили, а на послѣдокъ дошли въ Россію и ко мнѣ въ команду. Такъ какъ ихъ нечѣмъ было продовольствовать, продолжаетъ далѣе Пишчевичъ, то я долженъ былъ брать все необходимое отъ обывателей, хотя и съ обѣщаніемъ платы, но не безъ притѣсненій для нихъ; между тѣмъ среди команды были постоянныя ссоры, драки; нерѣдко пускались въ ходъ ножи: въ такихъ случаяхъ поселяне со страху разбѣгались изъ своихъ жилищъ, а другіе запирались въ своихъ домахъ» [1]). И это понятно: покинувъ старую родину, они не успѣли еще установить органической связи съ новой. Въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ были и внутренніе порядки или, правильнѣе говоря, безпорядки, которые господствовали въ гусарскихъ полкахъ въ Россіи; ихъ чрезвычайно рельефно изображаетъ въ своихъ запискахъ С. Пишчевичъ» [2]). Соглашаемся, что среди поселенцевъ могли быть люди честные и не буйные. Но насколько они были подготовлены къ своимъ новымъ обязанностямъ? Имъ нужно было приспособляться къ новымъ условіямъ жизни и это требовало съ ихъ стороны не мало труда и усилій. Имъ предстояло въ одно и то же время быть и воинами, какими большинство ихъ было и раньше, и земледѣльцами—они

[1]) Извѣстіе о похожденіи, 416—417.

[2]) Ibidem, 449—450.

должны были распахать пожалованныя имъ земли, завести хозяйство, построить дома, деревни и т. п. Насколько хорошо они несли пограничную службу, мы къ сожалѣнію сказать не можемъ; замѣтимъ только, что едва ли въ этомъ отношеніи они могли равняться съ козаками, изучившими степь и нравы ея обитателей—татаръ. Мы не говоримъ уже о томъ, что съ 50-хъ годовъ XVIII вѣка пограничная служба сдѣлалась уже далеко не такой трудной, какою она была въ 1-й половинѣ XVIII, а въ особенности въ XVII в. Еще труднѣе было сербскимъ гусарамъ завести на новыхъ мѣстахъ жительства селенія и нивы. Положеніе ихъ на первыхъ порахъ было очень и очень затруднительное. Любопытныя данныя въ этомъ отношеніи сообщаетъ Пишчевичъ. Выѣхали мы, говоритъ онъ, на чистую и глухую степь (возлѣ которой былъ впрочемъ и лѣсъ) и тутъ то восчувствовали всѣ, а особенно тѣ, которые начали селиться по Лугани, что̀ значитъ нужда и жизнь, исполненная лишеній: негдѣ преклониться; не знаешь, за что браться, съ чего начинать; въ особенности плохо приходилось тѣмъ, которые, подобно мнѣ, никогда раньше не занимались хозяйствомъ. Сначала я жилъ съ семьей въ небольшой палаткѣ, потомъ съ 4 слугами устроилъ себѣ изъ хвороста сарай, покрывши его травою и по возможности укрѣпивши на случай бури. Но вдругъ ночью пошелъ сильный дождь, отъ котораго крыша начала протекать и вода ручьемъ полилась внутрь. Я съ женою и маленькими дѣтьми промокли такъ, какъ будто бы въ водѣ выкупались. Между тѣмъ буря усилилась еще больше. Кровлю мою совсѣмъ повалило и я едва успѣлъ выскочить оттуда съ женою и дѣтьми, а моя резиденція упала и мы всѣ остались подъ открытымъ небомъ въ бурю и дождь, не имѣя гдѣ преклонить главы. Шалаши моихъ слугъ также поопрокидывала буря, но они прибѣжали на помощь ко мнѣ и стали разбивать мнѣ палатку; однако, пока они это успѣли сдѣлать, мы промокли и продрогли едва не до смерти; наше платье и постель остались въ рухнувшемъ сараѣ и тамъ страшно намокли, а мы должны были провести всю ночь безъ одежды, плача и проклиная свою участь. По утру, какъ прошла буря, взошло и пригрѣло солнышко, вышли мы изъ палатки и я велѣлъ развести большой огонь, чтобы просушиться; посмотрѣлъ я тутъ на свою бывшую резиденцію и досадно мнѣ стало за двойной убытокъ, причиненный бурей, 1-е за потерю жилья, а 2-е за потерю постели и разной утвари. Разобравъ упавшій сарайчикъ и велѣвши купить нѣсколько необходимыхъ инструментовъ и нарубить лѣса, я принялся за постройку новаго, болѣе крѣпкаго са-

райчика, а также землянки съ покоями и небольшою кухонькою съ чуланчикомъ, гдѣ разсчитывалъ провести зиму. Къ счастью нашелся добрый человѣкъ, однодворецъ изъ слободы Новой Айдары, который 1-й осмѣлился къ намъ пріѣхать (остальные по дикости боялись это дѣлать) и продалъ мнѣ на сносъ домъ, обѣщая перевезти его на своихъ подводахъ. Домикъ дѣйствительно перевезли; я его покрылъ очеретомъ; остановка была только за печью и окнами, но они впослѣдствіи были устроены. Землянка же служила мнѣ для слугъ и караульныхъ. «У всѣхъ насъ поселенцовъ (привожу разсказъ Пишчевича собственными его словами) вообще на той пустынѣ была тогда въ 1-е лѣто жызнь точно такая, какъ у тѣхъ инзулановъ, кои по несчастыямъ разбытіемъ кораблей занесены морскими волнами на пустые острова и пыталысь зеліемъ, кореныемъ, ловлею рибы, птицъ и звѣрей, такъ то и мы тогда, что вышли на пустую степь и землю такую, гдѣ отъ созданыя свѣта никакихъ жилищъ не было, а достать нигдѣ ни за какія деньги ничего не можно, а кто чего имѣтъ хотѣлъ, тотъ долженъ былъ за несколко дней посылать далеко и изыскиватъ и покупатъ дорогою ценою. Огородовъ и зелены какой на пищу первой годъ ни у ково не было и покудова тѣмъ завелысь, должны были дикимъ чеснокомъ, лукомъ (родъ травы такой на поляхъ естъ) и другою травою, способною къ варенью, пособлятъ себя, а простой народъ только однѣмы сухарямы и такою дикою травою и водою да овощъ, когда кто чего на поляхъ ягоды илы что другое найдетъ, питалысь, а болѣе ничего не имѣлы; я многихъ видѣлъ сперва въ жалостномъ состояніи, а особливо тѣ, кои по Луганы рѣки селылысь, тѣ претерпѣлы нужду болѣе, нежель другіе, ибо по той реке лесу ничево нѣтъ, а чистая и голоя степъ, для чего въ постройке домовъ видѣлы нужду велику и за лесомъ ѣздить далеко принуждены были. Напитковъ у всѣхъ вообще и болшаго и малаго никакихъ не было окроме води, а естли у каво простая горелка случица, ето ужъ трактаментъ великъ почитался (дѣлалы опосля квасъ изъ сухарей да изъ дикихъ яблокъ и терновыхъ ягодъ кислую воду). Ѣздылъ я иногда наведоватца и къ другимъ соседамъ своимъ и смотрѣлъ, каково оны строятца и чѣмъ заводятъ себя, но вездѣ находылъ плачъ и рыданіе; у каво еще денгы водилысь, тотъ хотя съ нуждою потребное доставалъ и далеко посилалъ и дорого платылъ, однако еще тѣмъ могъ пособытъ себя. А кто запасныхъ денегъ не имѣлъ, а толко полагался на одно окладное жалованые (а раціевъ и порціевъ ужо не было), тотъ въ превеликой бедносты состоялъ, ибо

то жалованые на мундиръ и на другую къ службе исправность какъ расчислыть, то и не оставалосъ ничево на другую свою къ поселенію надобностъ, а особливо у каво семья и въ домѣ много душъ было, тотъ съ тѣмъ жалованыемъ никогда на конецъ не могъ выходытъ и тако естли одынъ другому не пособытъ и у ково что есть хоть мало что запаснаго не дастъ въ заемъ илы по свойству не подаруетъ, то тотъ не имущій доходылъ до крайности [1])».

Пишчевичъ чистосердечно говоритъ о себѣ, что только нужда научила его хозяйничать [2]). И нужно думать, что такихъ, какъ онъ, было не мало; не забудемъ, что онъ, въ качествѣ офицера, находился въ привилегированномъ состояніи; каково же было положеніе простыхъ рядовыхъ солдатъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они пришли въ Россію безъ всякихъ средствъ, и понятно, какъ трудно было имъ въ одно и то же время и обзаводиться хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ, и исполнять воинскую службу.

Дѣлая общую оцѣнку сербской колонизаціи, мы должны сознаться, что она не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагали. Императрица Екатерина II-я въ своемъ указѣ 18 іюня 1763 г. оффиціально засвидѣтельствовала о неудовлетворительномъ состояніи Новосербіи, заселенной Хорватомъ [3]); успѣху дѣла не мало вредилъ неспокойный характеръ этого послѣдняго; онъ постоянно ссорился и съ другими выходцами, и съ духовенствомъ [4]). Втеченіе 10 лѣтъ (съ 1752 по 1762 г.) было истрачено на сербскую колонизацію до 700,000 р. [5]) (по нынѣшнему курсу болѣе 2,500,000 р.). Настоящихъ сербовъ при томъ у Хорвата, Шевича и Деперадовича было немного; видное мѣсто среди поселенцевъ Новосербіи и Славяносербіи занимали молдаване, болгары и т. п. Этимъ можно объяснить быстрое обрусѣніе или, правильнѣе говоря, омалорусиванье этихъ славянскихъ выходцевъ. Академикъ Гюльденштедтъ говоритъ, что волохи и молдаване, обитавшіе въ предѣлахъ Новосербіи, по образу жизни совсѣмъ подходятъ къ малороссамъ: у нихъ такія же жилища, такая же одежда, какъ у малороссіянъ; для работъ земледѣльческихъ употребляютъ не

---

[1]) Извѣстіе о похожденіи, стр. 185—190.

[2]) Ibidem, 191.

[3]) Зап. Од. Общ., VIII, 268.

[4]) См. объ этомъ ст. архим. Арсенія „Сафроній Добрашевичъ, архим. Новой Сербіи. „Кіевская Старина“ 1884 г., октябрь, 276—304.

[5]) Зап. Од. Общ., III, 88.

лошадей, а быковъ, не сохи, а плуги [1]). Изъ описанія елисаветградской провинціи, составленнаго тѣмъ же Гюльденштедтомъ, видно, что составъ населенія ея въ 1773—1774 г. былъ самый разнообразный: греки, сербы, болгары, молдаване и волохи, малороссіяне—гетманцы и запорожцы, великоруссы—раскольники и православные, выходцы изъ Польши и бѣглые изъ центральной Россіи; солдаты и т. п.; въ одномъ и томъ же селеніи жили представители различныхъ народностей. Значительная часть селеній, бывшихъ въ его время шанцами и ротами, возникла еще до образованія Новосербіи и была обязана своимъ происхожденіемъ малорусской колонизаціи; такова была кр. Табурище, шанцъ Крыловъ (Новогеоргіевскъ), Нестеровка, монастырь Уховка, шанцъ Новомиргородскій (прежде Трейсачи)—важнѣйшее послѣ Елисаветграда поселеніе; Петроостровскій и Архангелогородскій шанцы и др. Большая часть этихъ пунктовъ въ это время представляла изъ себя еще военныя поселенія; 1,421,000 дес. земли было раздѣлено на 70 округовъ, изъ коихъ 52 предназначено для военныхъ селеній, 2 для городовъ и 16 для иностранныхъ колонистовъ, русскихъ выходцевъ изъ Польши и старыхъ обитателей края; каждый округъ дѣлится на 25 жребіевъ, каждый жребій на 24 участка, а каждый участокъ содержалъ отъ 26 до 30 дес. земли. Греки и раскольники дали толчокъ къ развитію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ торговой, промышленной и ремесленной дѣятельности (напримѣръ, въ Елисаветградѣ, гдѣ была греческая община, а раскольники составляли $^1/_2$ всѣхъ жителей) [2]). Послѣ всего сказаннаго намъ сдѣлалось ясно, что Новосербія была только отчасти заселена сербами, которые, очутившись среди другихъ родственныхъ народностей, быстро потеряли свою національность; этому, конечно, больше всего способствовали браки: большая часть этихъ выходцевъ являлась безъ семействъ и женилась на малороссіянкахъ; тоже самое нужно сказать и относительно Славяносербіи.

Съ воцареніемъ имп. Екатерины II-й открывается новая эра въ исторіи иностранной колонизаціи Новороссійскаго края. Она издала два манифеста въ 1762 и 1763 гг., изъ которыхъ первый отличался слишкомъ общимъ характеромъ и потому практическихъ результатовъ не имѣлъ [3]); это побудило императрицу издать 2-й манифестъ, въ которомъ заключаются уже совершенно опредѣленныя обѣщанія разныхъ

[1]) Reisen durch Russland, II, 174.

[2]) Reisen durch Russland, II, 120, 124—177.

[3]) П. С. Зак., т. XVI, № 11720.

льготъ и преимуществъ. «Мы, вѣдая пространство земель нашей имперіи, такъ начинаетъ свой манифестъ императрица, между прочимъ усматриваемъ наивыгоднѣйшихъ къ населенію и обитанію рода человѣческаго полезнѣйшихъ мѣстъ, до сего еще праздно остающихся, не малое число, изъ которыхъ многія въ нѣдрахъ своихъ скрываютъ неисчерпаемое богатство разныхъ металловъ; а какъ лѣсовъ, рѣкъ, озеръ и къ коммерціи подлежащихъ морей довольно, то и къ размноженію многихъ мануфактуръ, фабрикъ и прочихъ заводовъ способность великая». Такимъ образомъ, государыня призывала иностранцевъ главнымъ образомъ для развитія нашихъ промысловъ и торговли. Важнѣйшія льготы, предоставленныя новымъ поселенцамъ, были слѣдующія: деньги на путевые расходы они могли получать отъ русскихъ резидентовъ за границей и затѣмъ селиться въ Россіи или въ городахъ, или отдѣльными колоніями; имъ предоставлялась свобода вѣроисповѣданія; они освобождались на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей (поселившіеся колоніями на 30 лѣтъ); имъ отводились на полгода даровыя квартиры; выдавалась безпроцентная ссуда съ погашеніемъ ея черезъ 10 лѣтъ втеченіе 3-хъ лѣтъ; поселившимся колоніями предоставлялась собственная юрисдикція; всѣ могли безпошлинно ввезти съ собою имущество и на 300 р. товаровъ; всѣ освобождались отъ военной и гражданской службы, а если бы кто пожелалъ поступить въ солдаты, то сверхъ обычнаго жалованья, долженъ былъ получить 30 руб.; если бы кто нибудь завелъ такую фабрику, которой раньше не было въ Россіи, то могъ втеченіе 10 лѣтъ продавать безпошлинно производимые имъ товары; въ колоніяхъ могли быть заведены безпошлинныя ярмарки и торги; этими льготами могли пользоваться впродолженіе льготнаго періода и дѣти иностранцевъ въ случаѣ смерти ихъ отцовъ; если кто пожелаетъ, то можетъ вернуться назадъ, отдавши казнѣ $^1/_5$ или $^1/_{10}$ своего имущества; земли подъ поселеніе указывались въ тобольской, астрах., оренбур. и бѣлгородской губ. [1]). Манифестъ этотъ, какъ показываютъ дальнѣйшіе факты, имѣлъ важное практическое значеніе: хотя въ немъ ничего не говорится собственно о Новороссіи, но на основаніи его селились иностранцы и тамъ вплоть до воцаренія имп. Александра I-го. Въ тотъ же день, когда изданъ былъ этотъ указъ, учреждена была и канцелярія опекунства иностранцевъ[2]), которой дана была особая инструкція[3]).

[1]) П. С. Зак., т. XVI, № 11880.

[2]) П. С. Зак., т. XVI, № 11879.

[3]) П. С. Зак., т. XVI, № 11881.

Въ царствованіе императора Павла Петровича (въ 1800 г.) была издана новая инструкція конторѣ опекунства иностранныхъ поселенцевъ, составленная экспедиціей государственнаго хозяйства; въ ней опредѣляются обязанности конторы по части администраціи. Она была вызвана обстоятельною ревизіей колоній, произведенною извѣстнымъ Контеніусомъ; онъ констатировалъ разные непорядки и упущенія, привелъ въ порядокъ запутанные счеты и представилъ историческій очеркъ нѣмецкой колонизаціи въ Новороссіи, которымъ мы впослѣдствіи и воспользуемся. Съ воцареніемъ императора Александра I-го иностранная колонизація въ предѣлахъ Новороссійскаго края начинаетъ вестись на иныхъ условіяхъ. Уже въ указѣ 1802 г. на имя новороссійскаго военнаго губернатора (о водвореніи иностранцевъ) дѣлаются облегченія для поступленія ихъ въ земледѣльцы [1]). Но съ полною опредѣленностью взгляды и намѣренія правительства выразились въ манифестѣ отъ 20 февр. 1804 г. [2]). По манифесту 1763 г., говорится тамъ, принимали всѣхъ иностранцевъ безъ разбора и потому вышло много плохихъ и бѣдныхъ хозяевъ; да и теперь среди выходцевъ не мало ненужныхъ ремесленниковъ, дряхлыхъ, больныхъ, слабыхъ и одинокихъ. Екатерина II-я рѣшилась на вызовъ иностранцевъ въ виду заселенія пустыхъ земель. Но теперь, вслѣдствіе размноженія населенія въ центральныхъ губерніяхъ, необходимо уже приберечь земли на югѣ и для своихъ подданныхъ, такъ какъ пустыхъ пространствъ тамъ осталось уже немного; поэтому слѣдуетъ принимать только такихъ иностранцевъ, которые по своимъ занятіямъ могутъ служить хорошимъ примѣромъ для крестьянъ; для нихъ нужно отвести особыя земли—казенныя или купленныя у помѣщиковъ; это должны быть семейные и зажиточные хозяева, занимающіеся земледѣліемъ, разведеніемъ винограда или шелковичныхъ червей, скотоводствомъ и сельскими ремеслами (сапожничествомъ, кузнечнымъ дѣломъ, ткачествомъ, портняжествомъ и т. п.); другихъ ремесленниковъ не принимать, исключая небольшаго числа тѣхъ, которые понадобятся въ города. Въ виду этого не слѣдуетъ вызывать колонистовъ посредствомъ подговоровъ или посылки особыхъ эмиссаровъ; желающіе добровольно переселиться должны являться къ резидентамъ и представлять имъ свидѣтельства отъ магистратовъ о своемъ хорошемъ поведеніи; переселять нужно сразу по 20, 30 семействъ, но изъ Герма-

[1]) П. С. Зак., т. XXVII, № 20259.
[2]) П. С. Зак., т. XXVIII, № 21163.

ніи не слѣдовало выводить втеченіе года болѣе 200 семействъ, потому что только такое число можно было хорошо устроить на мѣстѣ; ссудъ резиденты не должны были выдавать, а только нанять подводы; желавшіе переселиться обязаны были представить наличными деньгами или въ товарахъ капиталъ въ 300 гульденовъ, такъ какъ замѣчено, что устройство недостаточныхъ колонистовъ идетъ медленно и неудовлетворительно; всякій могъ ввезти съ собою на 300 р. товаровъ (сверхъ имущества). Выходцамъ предоставлялись слѣдующія права: свобода вѣроисповѣданія, освобожденіе на 10 лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей; по прошествіи же этого времени они должны уплачивать въ первые 10 лѣтъ отъ 15 до 20 коп. за десятину, а потомъ столько, сколько казенные поселяне; по истеченіи льготнаго періода они обязаны будутъ нести тѣ же повинности, что и русскіе подданные, искючая постойной повинности, военной и гражданской службы, отъ которыхъ они освобождались навсегда; уплата ссуды имъ разсрочивалась на 10 лѣтъ; всѣмъ колонистамъ отводится безденежно по 60 десятинъ земли на семью; со времени прибытія ихъ въ Россію до водворенія на мѣстѣ имъ выдавались кормовыя деньги, а отъ водворенія до первой жатвы безпроцентная ссуда; на постройку дома, покупку скота и вообще на хозяйственное обзаведеніе каждый получалъ по 300 р. ссуды, а иногда и болѣе того; всякій могъ заниматься промыслами, торговлею и ремеслами, записываться въ цехи и гильдіи; если кто захотѣлъ бы вернуться назадъ на родину, то обязанъ возвратить ссуду и 3-хъ годичную подать.

И вотъ на этихъ основаніяхъ предложено было поселить иностранцевъ въ разныхъ мѣстахъ Новороссіи и въ Крыму. Прежде всего рѣшили отводить имъ земли вблизи гаваней и портовъ, чтобы они имѣли возможность сбывать свои продукты за границу; земледѣльцевъ хотѣли селить на р. Молочныхъ Водахъ по сосѣдству съ меноннитами, меноннитовъ здѣсь же и на бывшихъ ногайскихъ земляхъ, болгаръ возлѣ болгарскихъ колоній, ремесленниковъ—въ городахъ [1]).

На основаніи этихъ манифестовъ и совершалась иностранная колонизація въ Новороссіи въ царствованіе Екатерины II-й, Павла Петровича и Александра I-го. Мы обратимся теперь къ фактическому обозрѣнію этой колонизаціи и укажемъ главнѣйшіе виды ея. Наиболѣе древнею иностранною колонизаціею оказывается, какъ мы

[1]) П. С. Зак., т. XXVIII, № 21177.

уже знаемъ, сербская или, вообще говоря, *славянская*. Въ царствованіе Екатерины II й получило широкое развитіе болгарское колонизаціонное движеніе. Подъ вліяніемъ манифестовъ 1762 и 1763 г. явилось въ Россію въ 1764—1769 г. довольно значительное число болгаръ; въ 1773 г. одна партія ихъ поселилась близь Ольвіополя на р. Синюхѣ, а другіе направились въ новые города—Тирасполь, Новые Дубоссары, Григоріополь и Одессу; въ началѣ XIX в. ихъ переселилось еще больше; въ 1821 г. ихъ было въ херсонской губ. 5,863 д. об. п., въ таврической [1]), 2,712 (но больше всего въ Бессарабіи). Болгарскія колоніи имѣли важное вліяніе на развитіе мѣстной земледѣльческой культуры [2]). Къ славянскимъ колонистамъ нужно причислить и поляковъ; нѣкоторые изъ нихъ поселились съ торговыми цѣлями въ новыхъ городахъ—Херсонѣ, Одессѣ, другіе были завербованы въ бугскій козачій и гусарскіе полки; наконецъ, польскіе магнаты, получивъ отъ русскаго правительства большіе поземельные участки въ Новороссіи, переводили туда изъ Польши крѣпостныхъ крестьянъ; но вообще говоря, число польскихъ выходцевъ было не велико [3]).

Едва ли не самое важное мѣсто въ исторіи иностранной колонизаціи [4]) принадлежитъ *нѣмцамъ*, а среди нихъ выдѣляются меннониты, придерживающіеся анабаптистскаго ученія. Они выѣхали изъ Пруссіи (изъ окрестностей Данцига) въ началѣ 1789 г. въ числѣ 228 сем. и заключили черезъ своихъ депутатовъ спеціальный договоръ съ правительствомъ. На основаніи этого договора они получили слѣдующія привилегіи: свободу вѣроисповѣданія, 10-ти лѣтнюю льготу отъ всякихъ податей, освобожденіе отъ подводъ, работъ, постоевъ и воинской службы, подводы до мѣста назначенія, извѣстную сумму на путевые расходы, кормовыя деньги и ссуду въ размѣрѣ 500 р. на семью, сѣмена для посѣва, право заводить фабрики, заниматься тор-

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новор. краѣ. Од. 1848, стр. 34—35.

[2]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, стр. 227—228.

[3]) А. А. Скальковскаго. Опытъ стат. оп., I, 247—250.

[4]) Довольно обстоятельныя извѣстія о нѣмецкой колонизаціи въ Россіи можно найти въ извѣстномъ соч. г. Клауса „Наши колоніи“, 1869 г.; впрочемъ, авторъ гл. обр. интересуется ихъ настоящимъ положеніемъ, а о прошломъ говоритъ мало. У А. А. Скальковскаго мы находимъ списокъ всѣхъ иностранныхъ колоній съ обозначеніемъ времени и мѣста ихъ основанія (Хронологическое обозрѣніе, I, 327—330).

говлей, вступать въ гильдіи и цехи, по 65 дес. земли съ обязательствомъ уплачивать за нее по истеченіи льготнаго періода по 15 коп. за десятину и, наконецъ, лѣсъ на постройки. Земли имъ были отведены въ нын. екатерин. губ. на правомъ берегу Днѣпра съ островомъ Хортицей, гдѣ они основали 8 деревень; съ 1793 по 1796 г. 118 другихъ семействъ поселилось на тѣхъ же условіяхъ частью среди прежнихъ выходцевъ, а частью на новыхъ мѣстахъ (Шенвизъ въ павлоград. уѣздѣ, Кронсгартенъ въ новомосковскомъ уѣздѣ). Но не смотря на эти льготы, положеніе меннонитовъ на первыхъ порахъ было очень затруднительное, главнымъ образомъ вслѣдствіе особенностей климата и почвы новой мѣстности. Сомнѣвались даже въ благополучномъ исходѣ начатаго дѣла. Вотъ что говорилъ въ своемъ отчетѣ Контеніусъ: «меннониты почти всѣ вообще въ домашней жизни порядочны и опрятны, въ нравственной трезвы и честны, а въ домоводствѣ прилежны и старательны; но живущіе въ Хортицахъ за всѣмъ трудолюбіемъ своимъ едва ли могутъ прійти когда либо въ хорошее состояніе. Кряжъ сего урочища состоитъ по большей части въ высокихъ мѣстахъ, на коихъ по сухости земли, по недостатку влажности и по бездождію, травы выгораютъ, хлѣбъ растетъ худо и часто пахарь обработываетъ и засѣваетъ поле напрасно, такъ что отъ земледѣлія не только не получаетъ никакихъ выгодъ, но весьма рѣдкій можетъ продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ цѣлый годъ; одно скотоводство приноситъ имъ нѣкоторую пользу; сею частью сельскаго хозяйства они весьма занимаются, приводя съ собою достаточное число иностранной породы лошадей и рогатаго скота, но по недостатку въ пастьбахъ и сѣна не могутъ и оного распространить по своему желанію и обычаю, лишаясь при томъ въ жестокія зимы и знатной части того, что въ состояніи нынѣ держать». Къ этому присоединялись еще тѣснота помѣщеній и медленное поступленіе казенной субсидіи. Въ виду всего этого Контеніусъ предложилъ предоставить меннонитамъ слѣдующія еще льготы: переселить часть ихъ изъ Хортицы въ другое мѣсто; увеличить на 5 или 10 лѣтъ срокъ льготнаго періода; не требовать съ нихъ возврата денегъ, издержанныхъ на путевые расходы; взыскиваемую съ нихъ ссуду употреблять на нужды же новороссійской колонизаціи. Это предложеніе было принято. Такимъ образомъ, меннониты получили совершенно исключительныя привилегіи. Правительство сдѣлало для нихъ все, чего они только желали: ихъ переселеніе въ Россію было обставлено всѣми удобствами; они получили такія льготы, о которыхъ не могли и меч-

тать русскіе переселенцы — эти обиженные представители господствующей народности. Имъ не приходилось уже вести борьбы съ татарами; они могли спокойно предаться исключительно мирнымъ занятіямъ—земледѣлію, скотоводству и т. п. Но несмотря на всѣ эти благопріятныя условія, менонниты на первыхъ порахъ не могли достигнуть прочнаго матеріальнаго благосостоянія. Причина этого коренилась въ естественныхъ условіяхъ и особенностяхъ мѣстности— гл. образомъ въ климатѣ Новороссійскаго края. Кромѣ менноннитовъ въ Россію переселялись и другіе нѣмецкіе выходцы; таковы были іозефстальскіе колонисты, ямбургскіе и данцигскіе; первые основали отдѣльную колонію Іозефсталь и получили прекрасныя земли и пастбища; но такъ какъ большая часть ихъ на родинѣ у себя занималась ремеслами, а не земледѣліемъ, то и здѣсь они устроились очень плохо и нуждались въ новыхъ льготахъ; имъ прибавили земли, увеличили число льготныхъ лѣтъ, ремесленниковъ переселили въ города и т. п. Переселенцы изъ Данцига также устроились очень плохо; изъ 910 д. ихъ обоего пола Контеніусъ нашелъ въ разныхъ мѣстахъ только 208; остальные или поумирали, или разбрелись неизвѣстно куда; въ Херсонѣ только 3 семейства имѣли собственные дома, другіе жили у хозяевъ—ремесленниковъ или снискивали себѣ пропитаніе поденною работою, иные же вовсе не имѣли правильныхъ заработковъ и жили въ большой бѣдности; 21 семейство (изъ 41 души) основали колонію въ елисаветградскомъ уѣздѣ, но собирали достаточное количество хлѣба только въ дождливыя лѣта, а во время засухъ не получали и сѣмянъ; умирало у нихъ болѣе, чѣмъ рождалось. Всѣмъ имъ возвратъ ссуды былъ отсроченъ на 30 лѣтъ; они освобождались отъ всякихъ казенныхъ податей и переселялись въ другое мѣсто; ремесленники изъ колоній исключались. Не лучше устроились и ямбургскіе колонисты, пришедшіе въ Россію въ 1793 г. въ количествѣ 273 душъ обоего пола; сначала ихъ разселили среди жителей Старыхъ Койдаковъ, но тамъ они испытывали большіе недостатки; тогда ихъ переселили на новое мѣсто, но и тамъ ихъ положеніе не улучшилось; земледѣліемъ занимались не всѣ. И имъ была дана отсрочка въ возвратѣ ссуды.

Къ германской народности нужно причислять и шведскихъ колонистовъ; это были частью крестьяне, а частью военно-плѣнные; первые были переведены въ 1787 г. съ острова Даго въ числѣ 904 д. и основали въ херсонскомъ уѣздѣ «Шведскую колонію», въ которой при Контеніусѣ оказалось только 148 д. (22 семейства); остальные

умерли отъ перемѣны климата, плохой пищи и др. недостатковъ. Въ 1790 г. было прислано 31 плѣнныхъ шведовъ, изъ коихъ осталось 9 чел. Къ земледѣлію шведы оказались весьма рачительными; но имъ очень вредили засухи и суслики; кромѣ земледѣлія, они занимались скотоводствомъ и рыболовствомъ. Имъ также, по представленію Контеніуса, были сдѣланы значительныя облегченія: съ нихъ рѣшились не брать подушнаго оклада, а ссуду взыскивать только за наличное число [1]).

Благодаря сильной поддержкѣ русскаго правительства, нѣмецкія колоніи успѣли укрѣпиться на новой и не всегда для нихъ благопріятной почвѣ. Въ 1845 г. всѣхъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ Новороссіи было 95700 д. обоего пола [2]). Самою удачною нужно признать колонизацію меннонитовъ, такъ какъ ихъ колоніи находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Важную роль въ этомъ дѣлѣ играли два обстоятельства: 1-е, что они были образцовыми сельскими хозяевами и у себя дома на родинѣ, 2-е, что переселились только зажиточные семейные люди съ имуществомъ и даже скотомъ.

Такова судьба германскихъ поселеній въ Новороссіи. Что же касается *романской* колонизаціи, то она была ничтожна: одно селеніе швейцарцевъ на Днѣстровскомъ лиманѣ, горсть итальянцевъ, нѣсколько французскихъ коммерсантовъ (въ родѣ, напримѣръ, Антуана или Рувье)—вотъ и все! Планъ дюка де-Ришелье объ основаніи военныхъ поселеній изъ французскихъ эмигрантовъ, какъ извѣстно, не осуществился [3]).

Гораздо важнѣе была *греческая* колонизація, которая находится въ тѣсной связи съ политическими обстоятельствами того времени. По Кучукъ-Кайнарджинскому миру Крымъ, какъ извѣстно, былъ признанъ независимымъ, а вскорѣ затѣмъ (въ 1779 г.) изъ него выселилось много христіанскихъ греческихъ и армянскихъ семействъ (грековъ—20000 чел.). На основаніи жалованной грамоты, имъ была отведена для поселенія земля въ азовской губ. по рр. Солоной, Калміусу и по побережью Азовскаго моря [4]). Жалованная грамота предоставляла имъ значительныя льготы—исключительное право рыб-

---

[1]) П. С. Зак., т. XXVI, № 19372, ук. 6 апр. 1800 г.

[2]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, 264.

[3]) См. планъ организаціи этихъ колоній въ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. LIV. 102—205.

[4]) Подробности объ отводѣ имъ земли см. въ Зап. Од. Общ., т. IV, стр. 359—362.

ной ловли, казенные дома, ссуду на хозяйственное обзаведеніе и свободу отъ военной службы. Часть ихъ погибла еще на пути отъ болѣзней и лишеній, а оставшіеся основали городъ Маріуполь и 20 селеній въ окрестностяхъ его [1]). Кромѣ этихъ крымскихъ грековъ, подвергшихся значительному вліянію татаръ, въ Одессѣ и по сосѣдству съ нею поселилось не мало выходцевъ изъ Архипелага, удалившись оттуда во время извѣстной архипелажской экспедиціи; это такъ называемый греческій дивизіонъ. Греки въ Одессѣ пользовались значительными льготами и, можно сказать, положили основаніе одесской торговлѣ; въ 1797 г. ихъ тамъ оказалось 1000 чел. обоего пола [2]). Въ Елисаветградѣ греки составили особое братство, пользовавшееся важными привилегіями и державшее въ своихъ рукахъ мѣстную торговлю [3]). Въ гг. Таганрогѣ, Керчи и Ениколѣ поселились албанцы, которые также отличались зажиточностью [4]).

Вмѣстѣ съ греками стали переселяться въ Новороссію *армяне*. Въ 1779 г. они вышли изъ Кафы въ числѣ 651 д. и поселились въ кр. св. Димитрія Ростовскаго, а затѣмъ въ 4-хъ верстахъ оттуда основали городъ Нахичевань; въ 1780 г. возлѣ той же крѣпости поселилось 603 человѣка, вышедшихъ изъ Крыма подъ предводительствомъ еп. Азарича и арх. Симеона и 1,892 чел., выселившихся изъ Карасубазара [5]). Армянскій городъ Нахичевань развивался гораздо быстрѣе Ростова, онъ былъ основанъ, какъ мы видѣли, въ 1780 г., а въ началѣ 80-хъ годовъ въ немъ было уже 1,040 д. русскихъ купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ и 4,121 д. армянъ, нѣсколько фабрикъ, заводовъ и много каменныхъ домовъ [6]). Ростовъ нач. XIX ст. показался одному путешественнику небольшимъ городомъ, въ которомъ не было ничего замѣчательнаго: жители его занимались рыболовствомъ и торговлей; на оборотъ армянскій Нахичевань «знатнѣе и правильнѣе расположенъ и богаче Ростова. Армяне производятъ торговлю на Дону; мы тамъ видѣли много магазиновъ съ различными товарами, а особливо съ шелковыми матеріями и мѣдными издѣлі-

---

[1]) См. статью еп. Гавріила „Переселеніе грековъ изъ Крыма въ азовскую губ.“ (Зап. Од. Общ., I, 197—204).

[2]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, 281—283.

[3]) О греч. братствѣ и его устройствѣ см. любопытную статью г. Ястребова „Греки въ Елисаветградѣ“ (Кіев. Стар. 1884, апрѣль, 673—684).

[4]) Зап. Од. Общ., VIII, 209—210, X, 274—276.

[5]) См. Сборникъ событій въ Новор. краѣ. (Зап. Од. Общ., VII, 305).

[6]) Зап. Об. Общ., III, 297.

ями [1])». Другая часть армянъ вышла изъ Кавказа и изъ за Днѣстра и основала г. Григоріополь; вышедшіе изъ Измаила, Бендеръ и др. городовъ армяне просили себѣ многихъ льготъ—и Каховскій считалъ возможнымъ удовлетворить ихъ просьбу [2]). Сама императрица заботилась о судьбѣ этихъ армянъ; губернатору Каховскому она писала, чтобы «не только всѣ перешедшіе въ предѣлы наши сохранены были, но и чтобы находящіеся заграницей ихъ единоземцы, видя ихъ благоденствующихъ, къ нимъ присоединились [3])».

Видное мѣсто среди иностранныхъ колонистовъ занимаютъ *молдаване*. Начало ихъ переселенія относится еще къ царствованію имп. Елисаветы Петровны; они въ большомъ количествѣ вошли въ составъ Новосербіи, а за чертою ея образовали, вмѣстѣ съ русскими выходцами, новослободское козачье военно-земледѣльческое поселеніе. О значительномъ присутствіи молдавскаго элемента въ населеніи елисаветградской пров. свидѣтельствуетъ и Гюльденштедтъ. Онъ же дѣлаетъ характеристику ихъ въ этнографическомъ отношеніи. Другая партія молдаванъ въ к. XVIII и нач. XIX ст. основала города и селенія по р. Днѣстру—Овидіополь, Новые Дубоссары, Тирасполь и др. Тогда же 26 чел. молдавскихъ бояръ и чиновниковъ получили въ тираспольскомъ и ананьевскомъ уѣздахъ до 260,000 десятинъ земли и основали 20 деревень и нѣсколько хуторовъ [4]). Каждый изъ нихъ получилъ по нѣсколько тысячъ десятинъ (отъ 4 до 24 т.); такъ, бригадиру Катаржи было дано 24000 дес., на которыхъ онъ устроилъ 2 деревни съ 779 д. обоего пола, кол. сов. Гаюсу 22,425 д., на которыхъ онъ завелъ 3 деревни съ 763 д. обоего пола, полк. Кесоглу—14,090 д., на которыхъ онъ основалъ одну деревню съ 90 д. Нѣкоторые впрочемъ пожалованныхъ имъ земель не заселили (напримѣръ братья Грамматины). Злоупотребляя расположеніемъ русскаго правительства, одинъ изъ молдавскихъ бояръ Стурдза высказалъ слишкомъ неумѣренныя требованія: выпрашивалъ для себя 9 селеній, гдѣ жило 11,000 д. муж. пола и было 46,000 д. земли; искательство его нашло себѣ поддержку у извѣстнаго секретаря кн. Потемкина Попова, но противъ него выступилъ—и это дѣлаетъ ему большую честь—губ. Ка-

---

[1]) Письма о Крымѣ, 218, 220.

[2]) Зап. Од. Общ., XII, 403—405.

[3]) Зап. Од. Общ., II, 660.

[4]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, 255, 2-е приложеніе къ „Хрон. обозр." II-й томъ.

ховскій [1]). Свои деревни молдавскіе чиновники заселяли по большей части русскими крестьянами; но, помимо этого, они успѣли укрѣпить за собою 1,000 чел. свободныхъ своихъ земляковъ, что заставило русское правительство издать особый ограничительный указъ, или такъ называемое «положеніе объ обязательныхъ поселянахъ»; они признавались лично свободными; помѣщикъ могъ распоряжаться только землею, на которой они жили и которая была его собственностью; за эту землю они обязаны были, по молдавскому обычаю, уплачивать десятину отъ земледѣльческихъ продуктовъ и скотоводства, отрабатывать 12 дней въ году барщины и оказывать помощь въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (при уборкѣ виноградниковъ) [2]). Спасло ли это «положеніе» молдавскихъ выходцевъ отъ крѣпостной зависимости, сказать положительно не можемъ; правдоподобнѣе, впрочемъ, что нѣтъ; у молдаванъ—помѣщиковъ были и русскіе крестьяне, которые съ теченіемъ времени сдѣлались ихъ крѣпостными; ихъ состояніе не могло не отражаться на состояніи крестьянъ—молдаванъ. Съ другой стороны молдаване крестьяне не могли не селиться на земляхъ русскихъ помѣщиковъ на такихъ же основаніяхъ, какъ и русскіе крестьяне. Такимъ образомъ, одна часть молдаванъ вошла въ составъ свободнаго земледѣльческаго класса (бывшіе военные поселяне), другая—помѣщичьяго землевладѣльческаго, третья—несвободнаго крѣпостнаго. И тѣ, и другіе, и третьи скоро обрусѣли и обмалорусились, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, если они жили смѣшанно съ русскимъ населеніемъ.

Еврейская колонизація также сдѣлала замѣтные успѣхи въ Новороссійскомъ краѣ. Переселеніе сюда евреевъ талмудистовъ изъ западной Россіи и Польши началось въ 1769 г. на основаніи формальнаго разрѣшенія, уничтожившаго силу прежняго запрещенія 1762 г. Изъ пунктовъ 1777 г. видно [3]), на какихъ условіяхъ принимали евреевъ, вышедшихъ изъ Польши на жительство въ нѣкоторыя мѣста новороссійской губ. Они должны были сами построить себѣ жилища, школы, но имѣли право держать винокурни и броварни; льгота отъ постоевъ и другихъ повинностей имъ давалась всего на годъ (исключая казенныхъ податей); казенныя подати должны уплачивать или съ капиталовъ (по копейкѣ съ рубля), или съ души (по

---

[1]) Зап. Од. Общ., XII, 379—380.

[2]) П. С. Зак., т. XXVIII, № 21,458, указ. отъ 20 сент. 1804 г.

[3]) Д. И. Эварницкаго, Сборникъ мат. для ист. запор. коз. Спб. 1888, 222—225.

2 р. въ годъ); подобно иностраннымъ колонистамъ, они могли привезти съ собою товаровъ на 300 р.; пошлина за горячее вино имъ отсрочивалась на одинъ годъ; имъ разрѣшалось нанимать себѣ русскихъ работниковъ, свободно исповѣдывать свою вѣру и т. п. Правительство разсчитывало на выходъ ремесленниковъ или купцовъ и потому селило ихъ въ городахъ и мѣстечкахъ. И несмотря на то, что льготы, предоставленныя имъ этими пунктами, были невелики, разселеніе ихъ въ городахъ шло не безъ успѣха: правительство оставляло имъ кагальное устройство и предоставляло ихъ, такъ сказать, самимъ себѣ. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ устройствомъ пресловутыхъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній. Начало ихъ относится только въ 1807 г., когда первая партія еврейскихъ переселенцевъ образовала въ херсонскомъ уѣздѣ колоніи—Бобровый кутъ, Сейдеминуху, Добрую и Израилевку. Движеніе евреевъ въ Новороссію было вызвано положеніемъ о нихъ 1804 г., по которому они въ мѣстахъ своей осѣдлости должны были переходить для промысловъ и торговли изъ деревень въ города. На устройство этихъ колоній правительство израсходовало громадныя суммы (съ 1807 по октябрь 1812 г. на нихъ было истрачено 345,459 р. 82 коп.; главный расходъ падалъ на постройку домовъ). Но результаты получались плачевные: земледѣліе у евреевъ развивалось очень плохо, а сами они стремились въ города и желали заниматься тѣмъ, чѣмъ занимались у себя на родинѣ—мелкою торговлею, ремеслами, маклерствомъ и т. п. Интересенъ отзывъ о еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ современника—очевидца А. С. Пишчевича: «подъ ихъ (евреевъ-хлѣбопашцевъ) деревни отведено много земли. На первую зиму ихъ много умерло. Обрабатываютъ они хлѣбъ худо. Видѣть, какъ они пашутъ, есть смѣху достойно. Возлѣ воловъ, въ плуги запряженныхъ, стоитъ жидовъ куча, всякій кричитъ, всякій понуждаетъ. Воловья тихость съ жидовскою опрометчивостью не сходна. Плугъ тронется съ мѣста и кидается во всѣ стороны поверхъ земли. Жиды, не вѣдая дать оному настоящаго направленія, чтобы придать ему тяжесть, садятся на плугъ, опрокидываются. Оканчивается все это тѣмъ, что приходитъ нѣсколько жидовокъ, имѣя каждая по чулку въ рукѣ, и какими нибудь домашними клюзами займутъ всю честную «бесѣду» разговоромъ. Воловъ въ это время никому и въ голову непридетъ выпречь, и такъ день пройдетъ. Изъ ихъ селеній выйдутъ современемъ родъ мѣстечекъ, въ которыхъ есть всякіе мастеровые; могутъ они жить разными оборотами, отдавать свою землю въ наймы, но хлѣбопаш-

цами не будутъ никогда [1])». Этотъ отзывъ подтверждается и оффиціальными данными, заключающимися въ капитальномъ сочиненіи г. Никитина [2]). Авторъ его прослѣдилъ во всѣхъ подробностяхъ судьбу еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Новороссіи, и намъ остается только указать на это изслѣдованіе. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что автора его скорѣе можно назвать юдофиломъ, чѣмъ юдофобомъ: онъ всячески старается оправдать евреевъ отъ возводимыхъ на нихъ обвиненій. И что же? Общее впечатлѣніе получается не въ пользу колоній. Неудачною представляется сама мысль обратить во что бы то ни стало мелкихъ торгашей и ремесленниковъ въ земледѣльцевъ; все это дѣло производитъ впечатлѣніе какого то искусственнаго ненужнаго эксперимента, отъ котораго страдали и испытуемые и экспериментаторы. Положеніе евреевъ колонистовъ было въ высшей степени печальное. Приходили они на мѣсто «въ самомъ бѣднѣйшемъ положеніи; рѣдкій изъ нихъ имѣлъ самое нужное одѣяніе, у большей же части оно состояло изъ однихъ лоскутьевъ, а при помощи кормовыхъ по 5 коп. въ сутки—они чувствовали свое положеніе не много лучше». Отъ непривычнаго климата и дурной воды среди нихъ развивались повальныя болѣзни, которыя еще болѣе изнуряли ихъ и дѣлали совершенно неспособными къ непривычному для нихъ земледѣльческому труду. «Жестокіе морозы, писалъ одинъ изъ ревизоровъ, сильнѣйшіе вѣтры, вьюги и глубокіе снѣга завалили въ колоніяхъ избы по крыши. Промежутки колоній до того занесены снѣгомъ, что съ крайнимъ трудомъ сообщеніе между собою имѣть могутъ. Всѣ колонисты жалуются на безкормицу, скотъ околѣваетъ, а люди холодаютъ и голодаютъ.... Жиды въ ужасномъ положеніи и единогласно, съ пролитіемъ слезъ, умоляютъ отвратить ихъ отъ гибели въ худыхъ развалившихся избахъ, безъ крышъ, безъ всякаго пропитанія и топлива, коего за безмѣрными снѣгами и достать негдѣ, они изнемогаютъ отъ холода и голода среди степи!» Лифановъ и Девельдѣевъ нашли «всѣ колоніи въ бѣднѣйшемъ состояніи, а большую часть евреевъ едиными лохмотьями покрытыхъ, босыми или нагими [3])». Правда, не одни евреи были въ этомъ виноваты, но что они оказались неспособными преодолѣть разнообразныя затрудненія, съ которыми приходилось считаться *всѣмъ* колонистамъ Новороссійскаго края, это, мнѣ кажется, опровергнуть мудрено.

[1]) Замѣч. А. Пишчевича на Новорос. край (Кіев. Стар. 1884, январь, 129—130).

[2]) В. Н. Никитина. Евреи земледѣльцы. 1807—1887 г. Спб. 1887 г.

[3]) В. Н. Никитина. Евреи земледѣльцы, стр. 25, 75, 85.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще и о *цыганахъ*, которые вели кочевой образъ жизни и дополняли собою пеструю картину народонаселенія Новороссіи.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о числѣ всѣхъ этихъ *нерусскихъ* поселенцевъ въ к. 1-й четв. XIX в. сравнительно съ общею цифрою народонаселенія края. Во всякомъ случаѣ можно положительно утверждать, что нерусскихъ поселенцевъ было здѣсь гораздо меньше, чѣмъ русскихъ. На первомъ планѣ, по числу колонистовъ, нужно поставить славянъ, нѣмцевъ, евреевъ; всѣхъ жителей въ 161 колоніи въ 1822—1823 г. было 52,262 д. обоего пола; евреевъ въ 1844 г. было 46,312 чел., а въ к. 1-й четверти XIX в. гораздо меньше; затѣмъ идутъ греки, молдаване, армяне и др. Общее же число жителей двухъ губерній—херсон. и екатер. въ это время значительно превышало 1,000,000 д. обоего пола. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что Новороссійскій край могъ бы быть заселенъ и однимъ русскимъ народомъ; только колонизаціонный процессъ затянулся бы на болѣе продолжительное время; русское племя (какъ великоруссы, такъ и малоруссы) доказало на дѣлѣ цѣлымъ рядомъ фактовъ свою способность къ дѣлу колонизаціи и при томъ въ самыхъ разнообразныхъ по своимъ естественнымъ условіямъ мѣстностяхъ. Къ сожалѣнію, довольно трудно сдѣлать сравнительную оцѣнку колонизаторскихъ способностей русскихъ людей и иностранцевъ. Иностранные поселенцы, вообще говоря, были поставлены въ болѣе благопріятныя условія жизни на новыхъ мѣстахъ, чѣмъ русскіе колонисты. Правительство всѣмъ имъ оказывало такую помощь и поддержку, о какой не могли и мечтать представители господствующей національности. Мы видѣли, какія громадныя льготы получили меннониты и вообще нѣмцы, какъ много разныхъ привилегій дано было сербскимъ и вообще славянскимъ выходцамъ, при какихъ благопріятныхъ условіяхъ происходило поселеніе армянъ, молдаванъ и грековъ, сколько усилій и затратъ было сдѣлано для устройства еврейскихъ земледѣльческихъ колоній; эти льготы въ одинаковой степени относились какъ къ городскимъ, такъ и къ сельскимъ поселенцамъ и при томъ онѣ не всегда стояли въ соотвѣтствіи съ тою пользою, которой могло ожидать правительство отъ извѣстной группы переселенцевъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить молдавскихъ бояръ; для нихъ Новороссія оказывалась какимъ то золотымъ дномъ; она давала имъ значительныя богатства, а отъ нихъ взамѣнъ не получала почти ничего. Вообще въ XVIII-мъ вѣкѣ обращали слишкомъ

мало вниманія на цѣнность того продукта, который доставляла намъ западная Европа въ видѣ своихъ колонистовъ; заботились только о скорѣйшемъ заселеніи этихъ пустынь, что вызывалось отчасти значительными земельными пріобрѣтеніями того времени. И эта цѣль достигалась. Въ 1768 году общее число жителей въ Новороссіи равнялось 100,000 человѣкъ, въ 1797 г. превысило 850,000, въ 1822—1823 годахъ—1,500,000 душ. обоего пола, т. е. въ первыя 28 лѣтъ увеличилось въ 8½ разъ, а въ послѣдующіе 25 лѣтъ меньше чѣмъ въ 2 раза. Къ сожалѣнію, эти цифры не даютъ намъ возможности сдѣлать вывода о процентномъ возрастаніи населенія путемъ одной колонизаціи и естественнаго прироста жителей, во 1-хъ потому, что сюда вошли обыватели присоединенныхъ областей (Запорожья, Крыма, Ногайской и Очаковской земель), а во 2-хъ потому, что предѣлы территоріи Новороссійскаго края постоянно измѣнялись подъ вліяніемъ различныхъ административныхъ реформъ (то сокращались, то расширялись). Какъ бы то ни было, если мы даже примемъ во вниманіе указанное выше обстоятельство (увеличеніе числа жителей отъ присоединенія новыхъ областей), то и тогда должны будемъ сказать, что заселеніе края прошло особенно быстро въ XVIII в. Заботясь исключительно о количественномъ возрастаніи иностранныхъ колонистовъ и не обращая почти никакого вниманія на ихъ подготовку и способности къ дѣлу колонизаціи, правительство естественно должно было испытывать разочарованія и неудачи. Такъ вышло, какъ мы видѣли, со славянскимъ переселенческимъ движеніемъ; такъ было отчасти и съ другими иностранными выходцами екатерининскаго времени. Неудивительно поэтому, что правительство имп. Александра I-го рѣшилось оставить прежнюю систему (тѣмъ болѣе, что въ ней теперь не было уже никакой надобности) и принимать (а не вызывать) только такихъ иностранцевъ, въ которыхъ нуждался край, которые могли быть полезны ему въ культурномъ отношеніи. Конечно, и здѣсь ожиданія правительства не всегда исполнялись, но дѣло было все таки поставлено на вѣрный путь.

Въ слѣдующей, заключительной и послѣдней главѣ мы разсмотримъ, изъ какихъ стихій сложилась нынѣшняя культура Новороссійскаго края, что привнесъ въ нее каждый изъ тѣхъ этнографическихъ элементовъ, которые вошли въ составъ мѣстнаго населенія.

ГЛАВА 5-я.

Зачатки мѣстной культуры.

Историческія данныя о матеріальной культурѣ.—Земледѣліе.—Садоводство Огородничество.—Скотоводство.—Рыболовство. Добыча соли и каменнаго угля.—Торговля.—Движеніе умственной культуры.—Роль русскаго населенія и иностранцевъ.—Роль правительства и характеристика его главнѣйшихъ дѣятелей.

Уже въ предшествующемъ изложеніи, посвященномъ исторіи заселенія края, мы касались и культурной дѣятельности колонистовъ. Теперь мы займемся этимъ вопросомъ нѣсколько болѣе подробно, чтобы составить себѣ понятіе какъ объ общемъ движеніи культуры, такъ и о роли въ ней различныхъ народностей, заселившихъ Новороссійскій край. Изъ своего обозрѣнія мы вовсе исключаемъ характеристику культурнаго состоянія турецко-татарскаго населенія, потому что оно представляетъ изъ себя не колонистовъ, а туземцевъ [1]). Приведемъ сначала цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ разнымъ видамъ матеріальной культуры, скажемъ нѣсколько словъ объ умственномъ состояніи общества и тогда уже сдѣлаемъ общія заключенія.

Земледѣліе въ Новороссійскомъ краѣ въ началѣ XIX в. достигло громадныхъ размѣровъ и край этотъ изъ дикой пустыни превратился въ житницу Россіи, какою онъ остается и доселѣ. Конечно, это совершилось не вдругъ, а постепенно, не безъ борьбы и усилій. Кромѣ татаръ, нужно было вести упорную борьбу и съ мѣстной природой, характеръ которой въ общихъ чертахъ намъ уже извѣстенъ; въ такомъ именно положеніи были запорожцы; представляя изъ себя отрасль земледѣльческаго народа, они естественно не хотѣли бы чуждаться сельско-хозяйственныхъ занятій; но мѣстныя условія жизни должны были на время заглушить ихъ стремленіе къ мирнымъ занятіямъ пахаря или, какъ иронически выражались они, «гречкосія». Впрочемъ, въ пол. XVIII в. въ самомъ Запорожьѣ замѣтенъ уже поворотъ къ новымъ формамъ и условіямъ жизни и быта; въ запорожскихъ паланкахъ, находившихся въ сѣверной части владѣній войска возлѣ рр.

---

[1]) Турецко-татарское населеніе г. Кинбурна и др. мѣстъ, уступленныхъ Россіи, имѣло своеобразную культуру: занималось скотоводствомъ, земледѣліемъ, огородничествомъ, садоводствомъ, собирало соль и возило её на продажу въ Очаковъ, устраивало водопроводы; изъ фруктовыхъ деревьевъ оно разводило миндаль, яблоки, груши, вишни, шепталу, абрикосы, орѣхи, шелковицу, розы, айву и виноградъ (см. „Топ оп.“ въ Зап. Од. Общ., т. 7-й).

Самары и Орели (въ самарской, кодацкой, орельской и протовчанской) занимались уже земледѣліемъ: сѣяли преимущественно просо, овесъ, гречиху, ячмень и горохъ, а также озимую рожь и пшеницу; рожь, пшеница и ячмень родились у нихъ самъ десять, а просо самъ 30; держали запорожцы и небольшія бахчи и сѣяли тамъ, хотя въ небольшомъ количествѣ, арбузы, дыни, рѣдьку, капусту, свеклу, горохъ, пшеничку и лукъ [1]).

Болѣе позднимъ поселенцамъ Новороссійскаго края приходилось уже вести борьбу только съ одной природой; но эта борьба была не легкая. Любопытныя свѣдѣнія о затрудненіяхъ, которыя испытывали первые поселенцы отъ неблагопріятныхъ естественныхъ условій края, сообщаетъ современникъ кн. Потемкина свящ. Маркіановъ; важнѣйшія препятствія, заставлявшія иногда переселенцевъ возвращаться назадъ, были слѣдующія: вредныя испаренія плавень, мошки и комары, овражки, или суслики; сюда нужно присоединить еще цѣлый рядъ другихъ не менѣе важныхъ неудобствъ: трудность вспахивать твердую степную цѣлину, частыя засухи и, какъ слѣдствіе ихъ, неурожаи, недостаточное количество или недоброкачественность воды, вызывавшую у людей и животныхъ разныя болѣзни, зимнія вьюги, мятели и холода, нерѣдко истреблявшіе растительность, а въ особенности скотъ, недостатокъ топлива, заразительныя болѣзни, въ родѣ знаменитой чумы 1812 г. и т. п. Нужна была привычка къ перенесенію всѣхъ этихъ невзгодъ, чтобы онѣ на первыхъ же порахъ не убили энергіи въ поселенцахъ и не заставили ихъ пожалѣть о покинутой родинѣ.

Конечно, большое значеніе имѣла здѣсь та поддержка, которую оказывало правительство новымъ поселенцамъ; быть можетъ, и колоніи меноннитовъ не достигли бы такихъ блистательныхъ результатовъ въ сферѣ своей сельско-хозяйственной дѣятельности, еслибы онѣ не получили такой щедрой помощи отъ казны, какую онѣ, какъ мы видѣли, получили. Земледѣльческое процвѣтаніе колоній зависѣло отъ трехъ главнѣйшихъ факторовъ: мѣстныхъ условій, матеріальнаго достатка для пріобрѣтенія орудій производства и др. первоначальныхъ расходовъ и, наконецъ, опытности, искусства, энергіи и добросовѣстности самихъ колонистовъ. И при оцѣнкѣ достигнутыхъ результатовъ необходимо принимать во вниманіе всѣ эти обстоятельства.

---

[1]) Скальковскаго - Исторія Новой Сѣчи, I, 179—180; Зап. Од. Общ., т. 7-й стр. 185.

Меннониты, какъ мы видѣли, находились въ очень благопріятныхъ условіяхъ: сами имѣли средства, получили ссуду, вели хозяйство по раціональному способу, но и они изнемогали въ борьбѣ съ условіями мѣстной природы (климата, почвы и т. п.); колоніи другихъ нѣмецкихъ выходцевъ также потребовали энергической поддержки правительства и на первыхъ порахъ развивались довольно плохо. Но сильнѣе и рѣзче всего сказалось вліяніе мѣстныхъ неблагопріятныхъ условій на еврейскихъ колонистахъ: они явились, такъ сказать, совсѣмъ безоружными на борьбу съ природой Новороссійскаго края; вчерашніе торгаши и мелкіе ремесленники должны были обратиться въ земледѣльцевъ въ плодородномъ, но дикомъ, пустынномъ краѣ, подверженномъ лѣтнимъ засухамъ и зимнимъ мятелямъ, повальнымъ болѣзнямъ отъ недостатка и недоброкачественности воды и нашествію вредныхъ насѣкомыхъ. Не мѣшаетъ также вспомнить, какія испытанія должны были вынести сербскіе выходцы. Наиболѣе приспособились къ условіямъ мѣстной жизни малороссійскіе поселенцы, въ особенности тѣ, которые имѣли близкое отношеніе къ бывшимъ запорожцамъ. Неудивительно поэтому, что господствующимъ типомъ хозяйства являлся малороссійскій, а затѣмъ уже слѣдовали молдавскій, татарскій и раціональный. Характеристическими чертами малороссійскаго хозяйства были плугъ, волъ и возъ, обширное скотоводство безъ загоновъ и слабое развитіе огородничества; молдавское хозяйство стояло не выше малороссійскаго: у нихъ очень хорошо только шло овцеводство и коневодство; но хозяйство болгаръ и отчасти великоруссовъ—раскольниковъ должно быть поставлено выше того и другаго: здѣсь рядомъ съ земледѣліемъ процвѣтало садоводство, винодѣліе и огородничество; наконецъ, самую высшую степень занимаетъ хозяйство меннонитовъ и нѣмцевъ (въ особенности первыхъ); у нихъ не волы, а лошади; скотъ улучшенныхъ породъ; земледѣльческія орудія заграничныя; почва обрабатывается отлично, иногда даже удобряется [1]). Къ сожалѣнію, ни практика раціональнаго хозяйства, существовавшаго у нѣмцевъ, ни теоретическіе совѣты разныхъ администраторовъ, ни земледѣльческія школы, проектированныя Потемкинымъ близъ Николаева и въ Екатеринославѣ (при университетѣ), не могли замѣтно повліять на господствующую систему сельскаго хозяйства и ввести въ нее необходимыя улучшенія; университетъ въ Екатеринославѣ, какъ извѣстно, не осуществился, а меннониты представ-

[1]) А. А. Скальковскаго. Опытъ., II, 23, 14, 18—19, 21.

ляли изъ себя замкнутую корпорацію, мало вліявшую на своихъ сосѣдей; слѣдовательно, надежды, возлагавшіяся на культурную миссію меноннитовъ, далеко не оправдались. Тѣмъ не менѣе, вообще говоря, уже въ началѣ XIX ст. Новороссійскій край сдѣлался житницей Россіи. Въ 1803 г. въ екатеринославской губ. было посѣяно 418,195 чет. озимаго и яроваго хлѣба, уродилось 1,565,856 ч., а осталось за посѣвомъ и продовольствіемъ на продажу 446,468 ч.; въ 1804 г. посѣяно 413,047 ч., собрано 2,387,708 ч., осталось 1,079,017 ч. Нельзя не поразиться здѣсь сильными колебаніями урожая; еще болѣе сильныя колебанія были въ херсонской губ. Тамъ земледѣліе шло особенно успѣшно въ мѣстахъ, прилегающихъ къ подольской, кіев. и екатер. губ., а въ нижнемъ теченіи Буга, Ингула, Днѣпра, а особенно по берегамъ Чернаго моря до Днѣстра было очень много сухихъ и песчаныхъ безплодныхъ пространствъ. Урожаи были въ высшей степени измѣнчивы: иногда бывали значительные остатки, а иногда настоящій недородъ; такъ, въ 1803 г. посѣяно было всякаго хлѣба 261,425 ч., уродилось 554,318, на продовольствіе не доставало 265,031 ч., въ 1804 г. посѣяно 205,497, собрано 1,430,634 ч., осталось за посѣвомъ и продовольствіемъ 644,207 ч. [1]).

Едва ли не важнѣйшій недостатокъ Новороссійскаго края заключается въ скудости лѣсовъ. Такимъ образомъ, явилась необходимость съ одной стороны принять мѣры противъ истребленія существовавшихъ еще лѣсовъ, съ другой позаботиться объ искусственномъ насажденіи новыхъ; необходимо было также приложить старанія къ разведенію садовъ. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ запорожцамъ. «Въ архивѣ послѣднихъ годовъ запорожскаго быта, говоритъ г. Скальковскій, находимъ множество благоразумныхъ распоряженій, а слѣдственно стараній, коша о сохраненіи лѣсовъ, байраковъ, плавень и садовъ, разведеніи деревьевъ плодовитыхъ *(родючого дерева)* и огородовъ». И дѣйствительно, изъ приводимыхъ имъ документовъ видно, что на истребленіе лѣсовъ, садовъ, служившихъ къ общественной пользѣ, запорожцы смотрѣли, какъ на тяжкое преступленіе: «*не стра-*

[1]) Зябловскаго. Землеописаніе рос. имп., V, 305, 339—340. Вѣроятно, частые неурожаи привели А. Ст. Пишчевича къ странной мысли о необходимости пріостановить колонизацію Новороссійскаго края въ нач. XIX ст., потому что въ немъ, по климатическимъ условіямъ, не можетъ процвѣтать земледѣліе, а только одно скотоводство; но это послѣднее требуетъ простора; „большое же число людей на сей степи только будетъ тяготить народъ, а пользы никакой не принесетъ (Кіев. Старина, 1884, январь, 123, 129).

шась истязанія Божія за искорененіе онаго дерева, въ пользу общую ежегодно дающаго плодъ, безразсудно вырубили»...., говорится въ ордерѣ писарю и есаулу кодацкой паланки [1]). Два нынѣшнихъ екатеринославскихъ сада (Потемкинскій и городской) были первоначально разведены запорожцемъ Лазаремъ Глобою [2]). Со времени прочнаго заселенія края заботы о насажденіи лѣсовъ и садовъ, естественно, еще болѣе усились.

Видную роль въ этомъ дѣлѣ играли Мельгуновъ (правитель Новосербіи), Потемкинъ, Ришелье, французскій ботаникъ Десметъ и ген. Инзовъ. 1-й развелъ садъ въ кр. св. Елисаветы и въ другихъ мѣстностяхъ Новой Сербіи; объ этихъ садахъ говоритъ акад. Гюльденштедтъ; въ елисаветградскомъ саду, по его словамъ, были аллеи изъ вишневыхъ деревьевъ, много винограду, волошскіе орѣхи и т. п.; въ крюковскомъ саду было 1000 вишневыхъ деревьевъ, виноградъ, сливы, яблони, грушевыя деревья и т. д. [3]). Потемкинъ устроилъ 2 сада въ Херсонѣ, купилъ 2 сада въ Екатеринославѣ у Глобы, при чемъ въ одинъ изъ нихъ перевелъ свою великолѣпную оранжерею, и, наконецъ, поручилъ французскому садовнику Я. Фабру устроить дачу на Бугѣ при впаденіи въ него р. Ингула. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ садовъ, по смерти Потемкина, заглохли; такова была судьба одного изъ херсонскихъ садовъ; екатеринославскій его садъ также былъ заброшенъ, а оранжерея продана съ публичнаго торга [4]); многіе садки и лѣски, заведенные въ качествѣ декорацій на «екатерининскомъ пути», исчезли очень скоро послѣ проѣзда императрицы. Печальна была судьба и николаевскаго сада, заведеннаго въ потемкинское время. «Въ саду, разведенномъ за 10 лѣтъ передъ симъ, говоритъ путешественникъ Измайловъ, гдѣ расточены были всѣ богатства природы, куда выписывали лучшія растенія изъ чужихъ краевъ, гдѣ труды и искусство насадили, можетъ быть, произведенія 4-хъ странъ свѣта, въ семъ саду не осталось нынѣ ни одного деревца: нѣкоторыя сожжены, другія порублены. Рука времени не такъ разрушительна, какъ рука человѣка» [5]). Дюкъ де Ришелье много сдѣ-

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Ист. новой Сѣчи, I, 190—191.

[2]) Устное повѣств. Н. Л. Коржа, 57.

[3]) Reisen durch Russland, II, 178, 190.

[4]) Екат. юб. листокъ, № 21, 204—206.

[5]) Путеш. въ полуденную Россію, II, 107—108. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что книга Измайлова изобилуетъ реторикой и бѣдна фактами; вѣроятно, и здѣсь онъ нѣсколько преувеличиваетъ.

лалъ не только для одесскихъ, но и херсонскихъ и екатеринославскихъ садовъ. Десметъ устроилъ ботаническій садъ въ Одессѣ на голой степи. Ген. Инзовъ способствовалъ разведенію садовъ въ иностранныхъ колоніяхъ. Виноградники и тутовыя плантаціи были разведены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края (мы не говоримъ, конечно, о Крымѣ), но дѣло это успѣшно не пошло; правительство употребляло различныя мѣры къ разведенію тутовыхъ деревьевъ, затрачивало средства, но результаты были незначительные. Кромѣ казенныхъ садовъ, были еще частные; таковы, напр., были знаменитые тираспольскіе сады, расположенные въ плодороднѣйшей днѣстровской долинѣ, и мн. др. Своими великолѣпными огородами славились раскольники (въ Елисаветградѣ, Тирасполѣ, Дубоссарахъ и другихъ мѣстахъ херс. губ.)[1]. Табаководство также представляло изъ себя одинъ изъ древнихъ промысловъ (имъ занимались еще запорожцы).

Скотоводство было древнѣе земледѣлія въ Новороссіи, ибо какъ нельзя лучше было приспособлено къ условіямъ мѣстной природы; оно составляло главное занятіе туземныхъ татаръ и запорожцевъ; стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота и табуны лошадей составляли главное богатство Запорожья; лошади запорожскія славились и за предѣлами Коша; въ особенности процвѣтало скотоводство въ зимовникахъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ и авторъ «Топогр. опис.». Скотъ лѣто и зиму былъ у нихъ на подножномъ корму; пастухи же, или такъ называемые чабаны (иначе табунщики, скотари) имѣли у себя, подобно ногайцамъ, на случай холода и непогоды коши; такъ назывались палатки, обитыя войлокомъ и стоящія на 2-хъ колесахъ; въ кошѣ была *кабыця*, т. е. очагъ, гдѣ варилась пища для людей и собакъ и гдѣ можно было обогрѣться и обсушиться[2]. О размѣрахъ скотоводства можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Во время нападенія татаръ въ 1769 г. у кошеваго атамана былъ отогнанъ табунъ въ 600 лошадей, у полковника Колпака - 1,200 овецъ, 127 лошадей и 300 головъ рогатаго скота, у козака Ѳ. Рудя—5010 овецъ и 6 воловъ, у козака Ѳ. Горюхи—2,000 овецъ и 6 лошадей, у козака Обрама 200 лошадей и 50 воловъ, у писаря Глобы—4.000 овецъ, 10 лошадей и 130 воловъ и т. п.; всего было захвачено та-

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 103—119, 122—124, 154—160, 193—198, 305 - 306.

[2]) Устное повѣствованіе Н. І. Коржа, стр. 33.

тарами болѣе 100,000 овецъ и 10,000 лошадей [1]). Съ появленіемъ новыхъ русскихъ и иностранныхъ поселенцевъ, съ умиротвореніемъ края, размѣры скотоводства значительно увеличились. Въ нач. XIX ст. въ Новороссіи числилось б. $2^1/_2$ мил. головъ скота. Но страшнымъ тормазомъ для развитія этого промысла являлись суровыя зимы и чума. Въ страшную морозную зиму 1812 г. погибло 1,250,352 штуки скота, т. е. половина всего наличнаго числа (878,968 овецъ, 230,059 головъ рогатаго скота, 140,455 штукъ лошадей, 209 буйволовъ и 661 верблюдъ [2]). Мы повѣримъ этому извѣстію, если вспомнимъ, что скотъ въ Новороссійскомъ краѣ держали круглый годъ на подножномъ корму: только зимою загоняли его въ камыши, а весною выгоняли на степь [3]). Въ XIX в. начались довольно успѣшно опыты разведенія тонкорунныхъ овецъ, по иниціативѣ министра Кочубея; впервые начали заниматься этимъ промысломъ въ широкихъ размѣрахъ иностранцы Рувье и Миллеръ, которымъ оказана была значительная помощь отъ казны. Въ 1823 году въ херсон. губ. было уже 199,280 мериносовъ, въ екатериносл.—114,980, въ таврич.—112,000; результатомъ этого было усиленіе торговли шерстью; въ разведеніи мериносовъ и вообще улучшенныхъ породъ скота принимали видное участіе меноннниты [4]). Что касается охоты и звѣроловства, то онѣ особенно процвѣтали у запорожцевъ, которые охотились за лисицами, волками, зайцами, дикими конями, сугаками, дикими козами и выдрами, съ капканами, собаками и ружьями [5]). Рыболовство было также древне, какъ и звѣроловство. Рѣки Новороссійскаго края, какъ мы видѣли, изобиловали рыбою, и запорожцы ловили ее въ громадномъ количествѣ. Ежегодно войско бросало лясы (жребій) на всѣ свои рыбныя ловли; обитатели 4-хъ паланокъ (калміусской, бугогардовой, прогноинской и ингульской) почти исключительно занимались рыбной ловлей [6]); пойманную рыбу они солили или вялили (а соль добывали въ кинбурнскихъ озерахъ) и развозили по городамъ и деревнямъ Малороссіи и Польши [7]). Рыбный промыселъ игралъ важную роль и въ болѣе позднюю пору жизни Новороссійскаго края и достигъ,

---

[1]) А. А. Скальковскаго. Ист. Нов. Сѣчи, I, 184.

[2]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 340.

[3]) Зябловскаго. Землеописаніе рос. имп., V, 341.

[4]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 353—364.

[5]) Зап. Од. Об. VII, 186.

[6]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 405.

[7]) Зап. Од. Общ., VII, 186.

конечно, тогда еще бо́льшаго развитія, чѣмъ въ эпоху самостоятельности Запорожья.

Изъ промысловъ, относящихся къ міру ископаемыхъ, слѣдуетъ указать на добычу соли и каменнаго угля. Болѣе всего изобиловалъ солью Крымъ, и такимъ образомъ, съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи въ нашемъ распоряженіи очутился источникъ значительныхъ богатствъ; въ 1823 году, напримѣръ, крымской соли было продано на 5,000,000 рублей ас. Запорожцы, какъ мы видѣли, добывали соль въ прогноях. Сначала козаки изюмскаго полка, а потомъ казна и частныя лица эксплуатировали для той же цѣли Бахмутскіе соляные промыслы, но добыча соли здѣсь была не особенно велика и обходилась довольно дорого. Собирали соль и въ Хаджибейскомъ лиманѣ. Въ концѣ XVIII в. было найдено столь необходимое при безлѣсіи края минеральное топливо. Каменный уголь былъ открытъ уже въ 1790 г. и Потемкинъ велѣлъ доставить въ Николаевъ 100,000 пуд. для казенныхъ кузницъ и на продажу частнымъ лицамъ [1]); впослѣдствіи уголь нашли въ многихъ мѣстностяхъ нын. екатер. губ. и земли войска донскаго. Минеральныя богатства Криваго Рога прозрѣвалъ уже акад. Зуевъ, проѣзжавшій по этимъ мѣстамъ въ 1782 г. [2]) Въ 1790 г. здѣсь добывали аспидъ, котораго адмиралтейскіе мастеровые и турки, посланные кн. Потемкинымъ, наломали за одинъ разъ и вывезли 130 возовъ, и разныя краски, которыхъ набрали 70 возовъ [3]). Потемкинъ принималъ уже мѣры къ устройству здѣсь чугунно-литейнаго завода [4]) Такой заводъ былъ основанъ въ 1795 г. въ Лугани [5]).

Такъ постепенно развивалась промышленность Новороссійскаго края, а въ связи съ нею расширялась и торговля. Первые зачатки ея мы видимъ въ Запорожьѣ. Кошъ велъ и внутреннюю, и заграничную, и сухопутную, и морскую торговлю. Въ Сѣчь, находившуюся на р. Подпольной, приходило ежегодно по 5—10 турецкихъ кораблей съ «бакаліей и виномъ» (кромѣ крымскихъ и очаковскихъ). По словамъ Пейсоннеля, украинскіе и запорожскіе козаки спускались по Днѣпру къ Очакову, гдѣ продавали баранье сало, кожи, табакъ, ве-

---

[1]) Морской Сборникъ, 1855, ноябрь, 167.

[2]) Путешественныя записки, 269.

[3]) Морской Сборникъ, 1855, ноябрь, 167.

[4]) Екатеринославскій юбил. листокъ, № 6, стр. 51; къ сожалѣнію, мы не могли достать брошюры инженера Штриппельмана и не нашли въ „М. Сб.“ статьи инж. Сѣмечкина, на которую ссылается авторъ замѣтки г. Шрейдеръ.

[5]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 508—515.

ревки, русскія полотна, дрова, точильные камни, сушеную рыбу, рыбный клей, а вывозили отсюда вина, соль, сушеные фрукты, масло, ладонъ, персидскій ситецъ, сафьянъ и др. товары [1]). Сухопутную заграничную торговлю запорожцы вели съ Крымомъ и Польшей, а внутреннюю съ Малороссіей, Слободской Украиной, и Новосербіей [2]). Важнымъ тормазомъ для торговли Запорожья съ Малороссіей являлись внутреннія таможни (въ Переволочной и Кременчугѣ), которыя, впрочемъ, въ 1755 г. были уничтожены. Въ это время, по приблизительному (вѣроятно уменьшенному) разсчету самихъ запорожцевъ, ежегодно изъ Малороссіи въ Сѣчь привозилось 10,000 четвертей ржи, 1,000 ч. пшеницы, 5,000 ч. пшена, 500 бочекъ горѣлки, 200 бочекъ солоду, 1,000 ведеръ прѣснаго меду, 4,000 пудовъ нитокъ на рыболовныя снасти, 20,000 аршинъ полотна, 20,000 арш. хрящу, 4,000 штучекъ китайки на кафтаны, 4,000 арш. сукна, 2,000 арш. разныхъ матерій, не считая овецъ, шкуръ, пороху, свинцу, пуль; изъ Сѣчи же въ Малую Россію отвозилось 1,500 возовъ рыбы, 2,000 возовъ соли, 4000 возовъ мягкой рухляди волчьихъ и лисьихъ шкуръ, 1,000 лошадей, 1,000 головъ рогатаго скота и до 1,000 пудовъ свинаго сала [3]).

Но понятное дѣло, что размѣры новороссійской торговли должны были значительно увеличиться съ пріобрѣтеніемъ побережья Чернаго моря и постройкою новыхъ городовъ. Не имѣя возможности долго останавливаться на этомъ сложномъ вопросѣ, мы приведемъ только нѣсколько цифровыхъ данныхъ, которыя лучше всякихъ разсужденій охарактеризуютъ намъ степень развитія торговой дѣятельности въ Новороссіи. Въ теченіе одного 1782 г. изъ черноморскихъ портовъ моремъ и сухимъ путемъ было привезено въ Константинополь товаровъ на 337,398 р. 12 коп.,—главными предметами привоза были желѣзо, масло, пушной товаръ, паюсная икра, табакъ, веревки, кожи. Вывезено изъ Константинополя въ южную Россію на 190,561 р. $22^3/_4$ коп., главными предметами вывоза были вина, изюмъ, бумажная пряжа, шелковые товары; слѣдовательно, отпущено было товаровъ изъ Россіи на 146,836 р. $89^1/_4$ к. болѣе, чѣмъ получено [4]). Съ присоединеніемъ къ Россіи Крыма (въ 1783 г.) черноморская торговля стала развиваться съ поразительною быстротою. Въ Таган-

---

[1]) Traité sur le commerce de la mer Noire, I, 297—298.

[2]) Подробности см. у А. А. Скальковскаго. Ист. Нов. Сѣчи, I, 212—244.

[3]) А. А. Андріевскаго. Мат. для ист. южнор. края, 310—312.

[4]) Сборн. антр. и этногр. ст., изд. Дашковымъ, I, прим. II.

рогѣ цѣнность привозныхъ иностранныхъ товаровъ съ 1782 по 1805 г. возрасла съ 69,000 до 2,440,000 р., вывозныхъ съ 225,000 до 2,272,000; главными предметами вывоза были продукты мѣстной промышленности [1]). Въ 1794 г. въ Очаковъ привезено было товаровъ на 244,340 р., вывезено на 209,321 р., изъ Херсона—на 148,433 р., изъ Николаева на 106,532 р., привезено сухимъ путемъ изъ заграницы на 989,504 р., вывезено на 1,054,663 р. Одного хлѣба изъ портовъ очаковскаго, херсонскаго, николаевскаго и таганрогскаго отпущено было 244,099 четвертей и 211,548 п. Въ 1804 г. изъ одной Одессы, которая заняла первенствующее положеніе, было вывезено болѣе $^1/_2$ мил. четвертей пшеницы цѣною въ 3 мил. рублей. Въ 1805 г. торговые обороты Одессы возрасли до $5^1/_2$ мил. руб., за нею слѣдуетъ Таганрогъ съ оборотомъ также въ $5^1/_2$ мил., а за ними уже довольно низко должны быть поставлены Керчь, Ениколь, Херсонъ, Маріуполь и Николаевъ. Кульминаціоннаго пункта торговые обороты достигли въ 1817 году; въ Одессѣ они равнялись 60 мил., въ Таганрогѣ 17 мил.; послѣ этого они значительно сократились и въ 1822 г. въ 4-хъ важнѣйшихъ портахъ (съ Одессой включительно) равнялись 31 мил. р. Главнымъ предметомъ торговли служилъ хлѣбъ, потомъ шерсть и вообще продукты мѣстной промышленности [2]).

Въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи (хотя б. м. далеко неполномъ) съ матеріальною культурой развилось и просвѣщеніе въ Новороссійскомъ краѣ. Даже въ Запорожьѣ мы находимъ уже нѣкоторое число «письменныхъ», т. е. грамотныхъ людей и школу. Послѣ паденія Сѣчи, въ разныхъ селеніяхъ екат. губ., заселенныхъ малороссіянами, существовали школы, подходящія къ обычному типу народныхъ школъ въ Малороссіи XVIII в. [3]). Потемкинъ, какъ извѣстно, проектировалъ устройство университета съ академіей художествъ въ Екатеринославѣ и медико-хирургическаго училища въ Симферополѣ; но эти проекты не осуществились и въ царствованіе Екатерины II-й были открыты въ Новороссіи только народныя училища. Гораздо успѣшнѣе пошло дѣло образованія въ царствованіе имп. Александра I-го. Въ Екатеринославѣ, Херсонѣ, Таганрогѣ, Симферополѣ были открыты гимназіи, въ Николаевѣ штурманское флотское и артиллерійское училища, въ Одессѣ

---

[1]) Зябловскаго. Землеописаніе V, 324—325.

[2]) Всѣ эти цифры мы заимствовали изъ 1-го и 2-го тома „Хронол. обозр." А. А. Скальковскаго.

[3]) См. объ этомъ въ „Ист. Нов. Сѣчи" А. А. Скальковскаго и въ „Мат." преосв. Ѳеодосія.

мужской институтъ, обращенный въ 1817 г. въ Ришельевскій лицей, женскій институтъ, коммерческое училище; въ другихъ городахъ и селеніяхъ были заведены уѣздныя и городскія училища, въ Екатеринославѣ духовная семинарія; значительныя библіотеки находимъ въ Одессѣ (при лицеѣ), въ Николаевѣ (съ 1803 г., вѣдомства черноморскаго флота), въ Севастополѣ; типографіи—въ Николаевѣ (съ 1798 г.), въ Одессѣ (съ 1814 г.), собранія древностей въ Керчи и Николаевѣ (хранилось при черноморскомъ гидрографическомъ депо и было передано въ музей Одесскаго общества), первую газету въ Одессѣ (Messager de la Russie meridionale [1]).

Давая общую оцѣнку результатовъ культурной дѣятельности народностей, заселившихъ Новороссійскій край, мы должны будемъ помнить, что дѣятельность эта начала свободно развиваться только со времени полнаго умиротворенія края, т. е. съ покоренія Крыма; въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ XVIII в. надъ нею висѣла еще гроза татарскихъ набѣговъ, а въ 1-й половинѣ XVIII в. и въ особенности въ XVI—XVII ст., въ запорожскій періодъ исторіи степей, здѣсь почти вся энергія русскаго поселенца—козака должна была уходить на оборону края, а не на развитіе мѣстной культуры, но несмотря на крайне неблагопріятныя условія военнаго быта, и въ Запорожьѣ мы замѣтили зачатки земледѣльческой, промышленной, торговой и даже умственной дѣятельности, и эти зачатки, конечно, заслуживаютъ полнаго вниманія, несмотря на ихъ скромные размѣры. Такимъ образомъ, неправъ былъ въ своемъ отзывѣ о запорожцахъ А. Пишчевичъ, который говорилъ, что они никакой пользы государству не приносили; неправъ былъ и Ришелье, который заявлялъ, что цивилизація у запорожцевъ не сдѣлала никакихъ успѣховъ и что они сами старались уничтожить ее у сосѣдей своими набѣгами и разбойническими нападеніями [2]); неправъ былъ и потомокъ молдавскаго выходца—боярина Стурдза, который въ засѣданіи сельско-хозяйственнаго общества говорилъ: «мы ничего не наслѣдовали въ этой юной странѣ отъ своихъ предковъ, кромѣ затоптанной кочевьями степной земли, и на ней все должны создать: готовя тѣнь, и плодъ, и воду, пріютъ для потомства» [3]). Интересно, что всѣ эти 3 лица не русскіе, а иностранцы.

---

[1]) Ляликова. Ист. и стат. взглядъ на успѣхи умств. образованія въ Новор. краѣ (Зап. Од. Общ. II, 330—356).

[2]) Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., LIV, p. 307.

[3]) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 98—99.

Съ завоеваніемъ Крыма, открывается новая эра въ культурной жизни Новороссійскаго края; отселѣ уже приходится вести борьбу не съ татариномъ, а съ дѣвственной природой края; нужно было обратить пустыню въ пахатное поле, развести лѣса и сады, завести въ широкихъ размѣрахъ скотоводство, проникнуть въ нѣдра земли и извлекать оттуда богатства, воспользоваться вновь пріобрѣтеннымъ побережьемъ Чернаго и Азовскаго морей и организовать на твердыхъ началахъ привозную и отпускную торговлю и, наконецъ, насадить здѣсь сѣмена просвѣщенія и образованія. И все это было достигнуто соединенными усиліями народа и государства, русскихъ людей и иностранныхъ поселенцевъ! Не мало было сдѣлано иностранными выходцами, изъ которыхъ многіе стояли на болѣе высокой степени культурнаго развитія, чѣмъ русскіе поселенцы. Нельзя умолчать о томъ, что они сдѣлали для развитія земледѣлія, скотоводства и въ особенности торговли; эта послѣдняя, можно сказать, всецѣло находилась въ рукахъ грековъ, армянъ, евреевъ; а торговля (въ особенности заграничная) создала силу, богатство и значеніе новороссійскихъ городовъ; слѣдовательно, никоимъ образомъ нельзя отрицать вліянія иностранныхъ переселенцевъ на быстрый ростъ городскихъ торговыхъ центровъ. Гораздо менѣе замѣтно ихъ вліяніе на сельскій бытъ, хотя бы даже въ области того же земледѣлія и скотоводства. Сами они, безспорно, были лучшими сельскими хозяевами, чѣмъ окружающее ихъ русское населеніе, но, благодаря ихъ замкнутости, корпоративному устройству, степень культурнаго вліянія на остальную массу поселенцевъ не могла быть велика. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что уже въ пол. XIX ст. изъ 3½ мил. жителей Новороссіи только 102,300 чел. занимались земледѣліемъ по раціональному способу, а по малороссійскому 2,300,000 чел. Такимъ образомъ, иностранные поселенцы сдѣлали много и для заселенія Новороссійскаго края, и для развитія въ немъ культуры, но, какъ намъ кажется, меньше, чѣмъ русское населеніе. Это послѣднее было поставлено въ несравненно менѣе выгодныя условія, чѣмъ иноземцы: ему приходилось еще бороться съ татарами; оно получало гораздо меньше всякихъ льготъ, чѣмъ иностранные переселенцы; о немъ мало заботились, и нерѣдко оставляли его на произволъ судьбы въ борьбѣ со всевозможными препятствіями, оно, наконецъ, должно было становиться по большей части въ зависимыя соціально-экономическія отношенія къ сравнительно небольшой группѣ владѣльцевъ—помѣщиковъ, которымъ покровительствовало правительство; а въ городахъ ему трудно было

конкуррировать съ богатымъ, опытнымъ и поставленнымъ въ привилегированное положеніе нерусскимъ купечествомъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, русскій элементъ, во 1-хъ, представлялъ изъ себя господствующую группу въ населеніи по своей численности, а во 2-хъ игралъ очень важную роль и въ созиданіи мѣстной культуры (какъ матеріальной, такъ и умственной). Мы уже могли убѣдиться въ этомъ на одномъ весьма важномъ примѣрѣ—преобладающимъ способомъ земледѣлія былъ не иностранный, а русскій; то же самое нужно сказать относительно скотоводства, игравшаго такую же видную роль въ экономической жизни, какъ и земледѣліе, и другихъ сельскихъ промысловъ; да и въ городскомъ быту нельзя игнорировать русской стихіи: мы видѣли, что раскольники принимали не менѣе видное участіе въ торговлѣ Елисаветграда, чѣмъ греки; да и вообще русскимъ (великорусскимъ и малорусскимъ) поселенцамъ не чужда была торговля 2-й руки и разныя ремесла; въ нѣкоторыхъ городахъ (напримѣръ, Екатеринославѣ) иностранцевъ было очень мало. Говоря все это, мы нисколько не отрицаемъ громаднаго значенія иностранныхъ выходцевъ въ жизни края. Мы думаемъ даже, что необычайно быстрое развитіе мѣстной культуры объясняется, между прочимъ, разнообразіемъ этнографическаго состава населенія Новороссійскаго края; одна народность развивала одну сторону культуры, другая—другую. Такъ, по словамъ неизвѣстнаго автора «Опис. городовъ и уѣздовъ азов. губ.»[1]), великорусскіе однодворцы и крестьяне обнаруживали особенную склонность къ земледѣлію, малороссіяне, занимаясь земледѣліемъ, особенно любили скотоводство; армяне—промыслы и торговлю, греки—разныя мастерства, садоводство и хлѣбопашество и, прибавимъ отъ себя, въ городахъ торговлю. И опытъ показалъ, что съ этими свойствами и привычками представителей разныхъ народностей необходимо было считаться.

Всѣ заботы правительства о развитіи нѣмецкихъ земледѣльческихъ колоній, въ составъ которыхъ вошли бывшіе ремесленники, не привели ни къ чему; всѣ старанія властей обратить евреевъ-промышленниковъ въ хорошихъ земледѣльцевъ пропали даромъ.

Здѣсь мы подошли къ вопросу о роли государства въ дѣлѣ колонизаціи Новороссійскаго края. Она была очень велика, какъ это мы могли видѣть изъ всего предшествующаго изложенія. Оно прежде всего постаралось обезопасить этотъ край, возникшій на самыхъ та-

[1]) Зап. Од. Общ., III, 305.

тарскихъ кочевьяхъ и подвергавшійся постояннымъ нападеніямъ степняковъ. Съ этой цѣлью оно, какъ мы видѣли, устраивало крѣпости и цѣлыя укрѣпленныя линіи, поселяло въ нихъ военные контингенты, заводило военный флотъ, созидало дорого стоившіе порты и адмиралтейства, основывало съ торговыми и промышленными цѣлями города, присылало для ихъ постройки рабочихъ людей, ставило во главѣ дѣла, въ качествѣ руководителей колонизаціи, своихъ довѣренныхъ людей, вызывало иностранцевъ, затрачивало на ихъ устройство громадныя суммы, раздавало земли частнымъ владѣльцамъ-помѣщикамъ и отводило ихъ государственнымъ крестьянамъ и, наконецъ, принимало цѣлый рядъ мѣръ къ насажденію и развитію въ новомъ краѣ матеріальной и умственной культуры. И это понятно. Сами представители верховной власти въ лицѣ Екатерины II и Александра I-го смотрѣли на заселеніе Новороссіи, какъ на дѣло громадной государственной важности и не щадили средствъ для его благополучнаго окончанія; мало того: сами лично интересовались имъ и направляли нерѣдко его ходъ въ ту или иную сторону; это ясно видно изъ переписки Екатерины II съ Потемкинымъ и имп. Александра I-го съ Ришелье. Лица, стоявшіе во главѣ колонизаціи, были очень близки къ трону, пользовались громадными полномочіями и облечены были полнымъ довѣріемъ власти. Мало того, это не были простые исполнители, а люди иниціативы, примѣнявшіе на дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ свои собственные проекты. Такимъ, несомнѣнно, дѣятелемъ былъ кн. Потемкинъ, такими отчасти были Зубовъ и Ришелье. Дѣятельность кн. Потемкина, какъ колонизатора Новороссіи, пытались оцѣнивать уже современники. Эта дѣятельность возбуждала слѣпое благоговѣніе у однихъ, сильную критику у другихъ (въ особенности у иностранцевъ). Кто зависѣлъ отъ него (а такихъ было громадное большинство), тотъ у него заискивалъ, льстилъ ему. Образцомъ подобной лести можетъ служить письмо къ нему его сотрудника Фалѣева, написанное по поводу пожалованія свѣтлѣйшему великолѣпнаго имѣнія у Святогорскаго монастыря (харьк. губ.): «думаю весь тотъ край, писалъ Фалѣевъ, благополучнымъ себя почтетъ, что Святогорская дача пожалована вамъ, тѣмъ паче что всѣ тамошніе обыватели, между которыми и я, по милости вашей, въ ономъ помѣщикъ, подъ тѣнью вашего покрова и защиты блаженствовать будутъ. Сей край подлинно, который въ забвеніи и незнаніи по сію пору былъ... теперь воскреснетъ и лестнымъ учинится для всякаго» [1]). И Потемкинъ, какъ мы

[1]) Зап. Од. Общ., IX, 252.

видѣли въ дѣлѣ доктора Самойловича, не любилъ критики. Но такой критикѣ подвергали его дѣятельность иностранцы, не довольствовавшіеся осмотромъ одной показной стороны, которою такъ любилъ щеголять свѣтлѣйшій, а обращавшіе вниманіе и на промахи, недостатки, слабыя стороны ея. Такъ поступали имп. Іосифъ, де Линь и Сегюръ. Имп. Іосифъ II-й говорилъ Сегюру, что всѣ тѣ сооруженія, которыя онъ видѣлъ въ Новороссійскомъ краѣ, могли быть исполнены только въ рабской странѣ, гдѣ ни во что ставятся жизнь и труды человѣческіе, гдѣ въ болотахъ строятся дороги, гавани, крѣпости и дворцы, гдѣ въ пустыняхъ разводятся лѣса безъ платы или за ничтожную плату полуголоднымъ рабочимъ. Если мы обратимся къ современнымъ изслѣдованіямъ, то въ однихъ увидимъ гл. образомъ панегирикъ, а въ другихъ и попытку разносторонней критической оцѣнки. Къ числу первыхъ мы причисляемъ статью Щебальскаго [1]) и редакціи «Русской Старины» [2]); къ числу вторыхъ монографію проф. Брикнера. Проф. Брикнеръ о Потемкинѣ говоритъ такъ: «результаты всей этой дѣятельности не соотвѣтствовали надеждамъ и намѣреніямъ Потемкина. Желая превратить южную Россію въ богатый край, покрытый садами, изобилующій городами, селами, отличающійся производительностью, густымъ населеніемъ и пр., князь не могъ достигнуть этой цѣли. Изъ огромнаго числа дѣловыхъ бумагъ и писемъ канцеляріи Потемкина видно, какъ многосторонняя и неусыпна была его дѣятельность по управленію южной Россіей; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней очевидны лихорадочность, поспѣшность, самообольщеніе, хвастовство и стремленіе къ чрезмѣрно высокимъ цѣлямъ. Приглашеніе колонистовъ, закладка городовъ, разведеніе лѣсовъ, виноградниковъ, шелководства, учрежденіе школъ, фабрикъ, типографій, корабельныхъ верфей—все это предпринималось чрезвычайно размашисто, въ большихъ размѣрахъ, при чемъ Потемкинъ не щадилъ ни денегъ, ни труда, ни людей. Но, къ сожалѣнію, многое было начато и брошено; другое съ самаго начала оставалось на бумагѣ; осуществилась лишь самая ничтожная часть смѣлыхъ проектовъ» [3]) Въ этихъ словахъ вѣрно изображены слабыя стороны дѣятельности свѣтлѣйшаго князя Тавриды. Мы бы сюда присоединили еще одну черту, которая, впрочемъ, въ одинаковой степени относится и къ другимъ дѣятелямъ—Зубову и въ особенности Ри-

---

[1]) Сборникъ антропол. и этногр. статей о Россіи, изд. Дашковымъ, I, 130—143.

[2]) „Русская Старина“ 1875 г., т. XII, XIII, XIV.

[3]) Новь, 1887 г., № 4. стр. 207.

шелье; это—покровительство высшему слою, составлявшему привилегированное меньшинство, и принесеніе ему въ жертву интересовъ большинства. Такъ созидалось на новой почвѣ крѣпостное право, а между тѣмъ иностранные переселенцы, только потому что они были иностранцами, получили и сохранили за собою множество привилегій. Мы нисколько не считаемъ вредными этихъ привилегій; наоборотъ, мы думаемъ, что онѣ то главнымъ образомъ и создали матеріальное благосостояніе иностранныхъ колоній. Мы только думаемъ, что льготы должны были быть распредѣлены болѣе правильно и равномѣрно по степени полезности, приносимой той или другой народностью, тѣмъ или инымъ общественнымъ слоемъ. Но это была болѣзнь екатерининскаго вѣка, которая досталась въ наслѣдіе и александровской эпохѣ. Знаменитый, просвѣщенный дѣятель времени имп. Александра I-го, гражданинъ французской имперіи, дюкъ де-Ришелье также энергически отстаивалъ интересы крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ—и относился въ высшей степени отрицательно къ низшему классу общества (б. запорожцамъ), хотя и пользовался для цѣлей колонизаціи безпаспортными и бродягами.

О заслугахъ свѣтлѣйшаго князя и другихъ дѣятелей намъ говорить не приходится: онѣ, во 1-хъ, всѣмъ извѣстны, а во 2-хъ, выяснены до нѣкоторой степени и въ настоящемъ этюдѣ. То, что мы сказали выше о роли государства, относится и къ Потемкину, ибо во всемъ этомъ была его иниціатива и дѣятельность. Его ошибки именно потому и многочисленны, что его дѣятельность была необыкновенно обширна, разнообразна и интенсивна. Пл. Зубовъ, по сравненію съ нимъ, по меньшей мѣрѣ неудачникъ: у него были потемкинскіе недостатки, но не было потемкинскихъ дарованій. На строеніе города Вознесенска онъ испросилъ у императрицы круглую сумму до 3,000,000 руб., и это только для того, чтобы построить «свой» городъ, который бы затмилъ Екатеринославъ, Херсонъ, Николаевъ, основанные кн. Потемкинымъ. Дѣятельность Ришелье говоритъ сама за себя: ему исключительно Одесса обязана быстрымъ экономическимъ ростомъ и благоустройствомъ. Заслуживаютъ также добраго слова второстепенные и третьестепенные дѣятели—Каховскій, Синельниковъ, Фалѣевъ, Контеніусъ, полк. Колпакъ и мн. др. Не всѣ они оказали одинаковыя услуги: одни сдѣлали больше, другіе меньше; не будемъ слишкомъ строги къ тѣмъ, которые думали сдѣлать очень много, а въ результатѣ вышло мало. Не мало было сдѣлано удачнаго, полезнаго, жизненнаго, много также неудачнаго, необдуманнаго, иногда вреднаго; одни

руководствовались идеей общественнаго блага, другіе просто исполняли свой долгъ, третьи стремились къ славѣ, четвертые не чужды были и корыстныхъ побужденій. Но результаты общихъ усилій были очень существенны: путемъ оружія и мирнаго наступательнаго колонизаціоннаго движенія пріобрѣтены и заселены были новороссійскія степи и въ нихъ насаждена значительная матеріальная и умственная культура.

Д. И. Багалѣй.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Иванъ Михайловичъ и его семейство. Кондиція.

Въ 1838 году, предъ началомъ учебнаго года, въ августѣ, инспекторъ прислалъ за мною сторожа Степана, смѣнившаго покойнаго Парамона, и предложилъ мнѣ на выборъ двѣ кондиціи: одну у знакомаго уже намъ курскаго помѣщика, а другую у ближайшаго къ городу пана Ивана Михайловича. Я, конечно, выбралъ послѣднюю. Баринъ пріѣхалъ въ Новгородокъ пока одинъ, безъ дѣтей. Хотя условливаться на счетъ кондиціи, не видѣвъ своихъ будущихъ учениковъ, было нѣсколько рискованно, но опасаясь вовсе остаться безъ мѣста, я долженъ былъ съ нимъ покончить. Пока еще не началось ученье, я поѣхалъ съ своимъ новымъ патрономъ въ деревню знакомиться съ его семействомъ.

По родственнымъ отношеніямъ къ О. М. Судіенку, Иванъ Михайловичъ примыкалъ когда то къ разряду аристократовъ. Какъ большая часть нашихъ свѣтскихъ людей, получивъ весьма поверхностное образованіе гдѣ то въ шкловскомъ благородномъ пансіонѣ, онъ провелъ молодость въ Петербургѣ, въ аристократическихъ кружкахъ, группировавшихся подлѣ большихъ пановъ: гр. Ильи Андреевича Безбородка, Гудовича, Кочубея и др. Получивъ въ наслѣдство богатое имѣніе въ 600 душъ, Иванъ Михайловичъ не хотѣлъ ни въ чемъ отстать отъ этихъ вельможъ и зажилъ такъ, какъ будто у него было не 600, а 6 тысячъ душъ. Благодаря тѣмъ же родственнымъ связямъ, онъ пользовался обширнымъ креди-

[1]) См. „Кіевская Старина“ №№ 5 и 6, май и іюнь.

томъ и могъ бы очень долго наслаждаться всѣми земными благами и умереть въ своемъ Сенинѣ, не испытавъ никакихъ лишеній, хотя бы долги его превышали вдвое стоимость всего имѣнія, если бы у него не было пагубной страсти къ карточной игрѣ. Она то его и доканала. Въ одно прескверное утро Иванъ Михайловичъ проснулся яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего! Едва онъ поднялся съ постели, какъ лакей доложилъ ему о пріѣздѣ одного изъ ближайшихъ сосѣдей. Не успѣлъ гость спросить хозяина о здоровьѣ, какъ Иванъ Михайловичъ остановилъ его на первой же фразѣ.

— А знаешь ли, любезный другъ, новость? Вѣдь я вчера продалъ свой Сенинъ и какъ выгодно, вообрази: двѣсти тысячъ получилъ!

— Я слышалъ, многоуважаемый Иванъ Михайловичъ, вы меня извините... что вы не продали, а такъ сказать... гость замялся.

— Фи, какой ты, братецъ, чудакъ: развѣ это не все равно, что продалъ? Я пропонтировалъ 200 тыс. и какъ благородный человѣкъ обязанъ былъ выложить деньги, не правда ли? а? Нѣтъ, я нахожу, что имѣніе продано очень выгодно: вѣдь на Сенинѣ слоемъ были долги.

Какъ бы тамъ ни было: проданъ ли Сенинъ или пропонтированъ, а Иванъ Михайловичъ очутился въ критическихъ обстоятельствахъ. Барскій домъ, со всѣми принадлежностями комфорта, перешелъ во владѣніе другаго счастливца. Пришлось опять тереться подлѣ вельможъ и жить на ихъ счетъ. Но баринъ не унывалъ, оставшись такимъ же веселымъ бонмотистомъ, какимъ его знали прежде; такъ же загибалъ углы бубновому тузу и такъ же жестоко продувался, какъ и прежде. Наконецъ, лѣта взяли свое; неугомонная натура умаялась и потребовала отдыха. Осипъ Михайловичъ Судіенко, обладатель Очкина и иныхъ селъ, подарилъ Ивану Михайловичу хуторъ Боровичи съ 25 душами крестьянъ, въ трехъ верстахъ отъ Кривоносовки, принадлежавшей родной сестрѣ его, женщинѣ болѣзненной и при томъ бездѣтной. Дождавшись ея смерти, братецъ завладѣлъ Кривоносовкой, хотя и остался жить въ своемъ хуторѣ, подъ соломенною крышей деревенскаго дома, своеобразной архитектуры, съ разными пристройками и закоулками; въ наслѣдованномъ же послѣ сестры домѣ посадилъ своего первенца Павлушу, въ качествѣ управляющаго. Прежній великосвѣтскій баринъ,

окруженный многочисленнымъ семействомъ, погрязъ въ своемъ излюбленномъ болотѣ, выѣзжая лишь по временамъ въ уѣздный городъ побаловаться картишками. Такъ, и въ послѣдній свой пріѣздъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, помимо пріисканія для дѣтей репетитора и квартиры, онъ разсчитывалъ также и на игру; но къ великому своему огорченію, въ городѣ не нашелъ ни одного изъ своихъ обычныхъ партнеровъ. Когда я пришелъ къ нему на другой день послѣ нашего уговора, Иванъ Михайловичъ былъ не въ духѣ и объявилъ мнѣ, что сейчасъ ѣдетъ домой.

— Этакой поганый городишко—не съ кѣмъ и время провести по людски!—говорилъ онъ съ досадой.

Дѣло въ томъ, что каждый разъ, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, въ то же самое время туда отправлялся цѣлый транспортъ съ разными деревенскими продуктами. Вырученныя отъ продажи деньги полностью вручались барину, который въ тотъ же вечеръ созывалъ гостей и спускалъ въ карты все до чиста, возвращаясь въ хуторъ съ пустымъ бумажникомъ. Въ этотъ пріѣздъ деньги какъ то уцѣлѣли и потому онъ былъ не въ духѣ: такая была ужъ у него натура. Передъ самымъ выѣздомъ изъ города, въ квартиру пришли кредиторы; но баринъ ни одному не заплатилъ ни копѣйки, отдѣлавшись однѣми шуточками.

— Нема, братику, грошей: подожди—отдамъ! говорилъ онъ каждому изъ нихъ, ласково трепля по плечу.

Переправившись черезъ два парома на Деснѣ и Выти, мы по глубокому песку добрались до лѣсу. Не успѣли подъ тѣнью сосенъ проѣхать и версту, какъ на встрѣчу намъ какой то господинъ въ усахъ, въ пестромъ архалукѣ, съ трубкой въ зубахъ и съ болтавшимся на пуговицѣ кисетомъ.

— Ба, ба, ба! Иванъ Михайловичъ! что такъ рано изъ города? забасилъ усатый господинъ: а я спѣшу, думалъ еще застать васъ.

— Самъ, братецъ, виноватъ: отчего вчера не пріѣхалъ?

— Да воротитесь, куда вамъ спѣшить?

Возвратиться въ городъ Иванъ Михайловичъ, однакожъ, не пожелалъ, а сразиться съ пріятелемъ сильно подшибало. Что жъ тутъ дѣлать? Послѣ небольшаго раздумья, баринъ вышелъ изъ коляски, велѣлъ своему лакею Бѣлкѣ разостлать подъ сосною коверъ,

усѣлся на немъ и заложилъ банчикъ. Усатый господинъ былъ въ восторгѣ отъ такой изобрѣтательности Ивана Михайловича и, закуривши трубку, началъ ставить карты да въ какіе нибудь полчаса и забралъ въ карманъ порядочную кучку ассигнацій и серебра, да и поѣхалъ своей дорогой, а мы поѣхали своей.

Проигравъ всѣ свои деньги, баринъ мой какъ будто повеселѣлъ. Всю дорогу разсказывалъ смѣшные анекдоты и напѣвалъ французскіе куплеты. Изрѣдка только, какъ бы вскользь, бросалъ на вѣтеръ нѣсколько ядовитыхъ замѣчаній на счетъ господина въ усахъ, котораго, по его словамъ, все имущество заключалось въ парѣ саврасыхъ лошадей, да въ пѣнковой трубкѣ.

— Я, говоритъ, отдалъ ему свои деньги на бѣдность, все равно что нищему. Для него это деньги, а для кривоносовскаго пана, братецъ ты мой, ces sont de poustiaky! какъ говаривалъ добрѣйшій пріятель мой графъ Илья Андреевичъ Безбородко.

На пути намъ попадались на встрѣчу жалкія лачуги, съ закоптѣлыми отъ дыма крышами и ихъ обитатели крестьяне, съ изнуренными лицами, въ рваной одеждѣ. Проѣхали мы и памятное для меня село Биринъ и самую Кривоносовку. Тутъ Иванъ Михайловичъ, подобно Ноздреву, сталъ показывать мнѣ свои владѣнія, раскинутыя на громадныя пространства, насколько могъ охватить глазъ—съ полями, лѣсами и сѣнокосами.

Попадавшіеся на встрѣчу крестьяне, завидѣвъ издали хорошо знакомую коляску, останавливались, скидали шапки и кланялись въ поясъ. По своей словоохотливости, баринъ ни одного не пропускалъ безъ того, чтобы не предложить какого нибудь вопроса, называя каждаго по именамъ, при чемъ, однакожъ, кучеръ Емельянъ и лакей Бѣлка постоянно поправляли ошибку барина, если онъ называлъ Ивана Сидоромъ, а Петра Лукой. Баринъ, подобно Суворову, любилъ быстрые отвѣты, на что наши малороссы, по своей флегматичности, вовсе не способны и за что помѣщикъ сердился и даже бранился. Но вотъ, наконецъ, и резиденція Ивана Михайловича, хуторъ Боровичи, прелестный уголокъ, со всѣми принадлежностями деревенской природы: съ трехъ сторонъ его огибалъ лѣсъ, а съ четвертой тянулись поля, а тамъ за полями, до самой Десны, зеленѣли луга, сверкали озера. Возлѣ самаго дома, справа, большой

проточный прудъ, съ двумя мельницами. „Рай тай годи!“ сказалъ бы покойный Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Пока на кухнѣ готовился обѣдъ, баринъ началъ знакомить меня съ моими будущими учениками—Андрюшей и Яшей, изъ которыхъ первый, по его словамъ, долженствовалъ сдѣлаться поэтомъ, а второй—пастухомъ, на томъ де основаніи, что одинъ зналъ на память пропасть стихивъ (преимущественно одъ Ломоносова и Державина), а другой—вѣчно возился съ козломъ на скотномъ дворѣ. Третій сынъ Алеша, по мнѣнію папаши, глядѣлъ въ Наполеоны, потому что постоянно дрался, лазилъ по заборамъ и взбирался на самыя высокія деревья.

— А ну, Андрюша, валяй! обратился онъ къ старшему сыну, валяй: „Мастеръ въ живописи первый“!

Тотъ и началъ валять, кивая въ тактъ головою:

Мастелъ въ зивописи пелвый,
Пелвый въ нашей столонѣ и проч.

Родитель, зажмуривъ отъ удовольствія глаза, какъ котъ, у котораго чешутъ за ушами, выбивалъ ногою тактъ по стопамъ.

— А ну, „Фелицу!“ А ну, „на смерть Мещерскаго“ и т. д.

Перебравъ такимъ образомъ весь репертуаръ пьесъ, извѣстныхъ Андрюшѣ, баринъ пустился въ критическія сужденія о поэзіи вообще и о величайшемъ поэтѣ Державинѣ въ особенности, котораго онъ будто бы зналъ лично. Видно было, что его литературные вкусы остались неизмѣнными съ конца XVIII столѣтія. Такою же отсталостію отличались и его взгляды на воспитаніе дѣтей. Литературно-педагогическая бесѣда наша была прервана появленіемъ Бѣлки, возгласившаго торжественно: „кушать подано!“

Войдя въ столовую, я узрѣлъ умилительную картину семейнаго счастія. Богъ благословилъ Ивана Михайловича, за его добродѣтели, многочисленнымъ семействомъ: къ столу явилось штукъ 8 дѣтворы, а сколько осталось въ дѣтской—это для меня было тайной. У суповой чашки сидѣла приземистая, совершенно расплывшаяся отъ жиру дама, въ огромномъ чепцѣ, съ краснымъ лицомъ и зеленоватыми глазами.

— Вотъ тебѣ, Гапочка, учитель Михайло Корнѣевичъ! обратился баринъ къ дамѣ, а мнѣ сказалъ:

— Это, братецъ, моя Агафья Григорьевна!

Въ концѣ стола, посреди мелюзги, помѣстился рыжій Павлуша, мужчина лѣтъ 30-ти, глухой какъ дерево, косноязычный и съ единственнымъ зрячимъ глазомъ. По справкамъ оказалось, что это также сынъ Ивана Михайловича, отъ другой, еще сенинской метрессы. Павлуша, какъ я сказалъ, былъ управляющимъ кривоносовскаго имѣнія, а другой братъ его, говорятъ, весьма умный и красивый юноша, отданъ родителемъ въ солдаты за крутой нравъ и грубость, нанесенную Гапочкѣ, которая, завладѣвъ сердцемъ Ивана Михайловича и вступивъ во всѣ права барской барыни, слишкомъ зазналась и никому не давала спуску. Вся дворня, помня недавнее ея ничтожество, когда она была простой Гапкой, дѣвчонкой въ пестрядинномъ платьишкѣ, никакъ не могла помириться съ мыслію, что эта самая замарашка ни съ того ни съ сего стала всемогущей барыней. И чѣмъ она приглянулась своему помѣщику? За что онъ ее полюбилъ? На этотъ вопросъ едва ли въ состояніи былъ отвѣчать и самъ баринъ. Полюбилась сатана пуще яснаго сокола! говоритъ пословица. Оставшись въ первобытномъ состояніи полнѣйшаго невѣжества, безграмотная и ограниченная, Гапочка не отличалась ни однимъ, сколько-нибудь привлекательнымъ качествомъ, но Иванъ Михайловичъ былъ ею доволенъ—это его дѣло, о вкусахъ не спорятъ. Родной братъ Гапочки, кучеръ Емельянъ, красивый и здоровый парень, съ окладистой бородой, вздумалъ было вразумлять сестрицу обходиться съ людьми почеловѣчнѣе, но попробовавъ на конюшнѣ березовыхъ, махнулъ на все рукой и сталъ пить горькую молча: ничего молъ съ ней не подѣлаешь, потому—сила.

За столомъ дѣти вели себя отвратительно. Каждая выходка котораго нибудь изъ нихъ сопровождалась замѣчаніемъ то отца, то матери, особенно же отличался будущій Наполеонъ: ему все сходило съ рукъ. Но всѣ эти маленькія шалости были только прелюдіей къ тому вокальному концерту, какой задали они по выходѣ изъ столовой. Отъ непривычки у меня въ ушахъ затрещало. Между тѣмъ родители только ухмылялись отъ удовольствія.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я конца обѣда, чтобы поскорѣе вырваться на вольный воздухъ изъ этого омута: меня тянуло въ лѣсъ, въ поле, къ пруду; но увы! гость—невольникъ, говоритъ пословица.

Найдя во мнѣ смиреннаго слушателя безконечныхъ разсказовъ о своихъ похожденіяхъ по великосвѣтскимъ салонамъ, Иванъ Михайловичъ не отпускалъ меня отъ себя ни на шагъ. Послѣ обѣда онъ потащилъ меня въ кабинетъ, завалился въ вольтеровское кресло и въ ожиданіи кофе началъ новую повѣсть о воздушномъ путешествіи въ 1800 году знаменитаго Гарнэрена, съ которымъ на монгольфьерѣ, какъ извѣстно изъ „Русск. Стар.“, „поднялся до облаковъ генералъ Львовъ—просить боговъ объ отпускѣ долговъ“. Казалось бы, о такомъ хоть бы и чрезвычайномъ событіи нечего и распространяться слишкомъ; но надобно знать особую манеру И. М—ча—длить разсказъ до безконечности. У него, какъ у стараго суворовскаго воина, при воспоминаніи о прошломъ, повторялась въ душѣ вся минувшая жизнь; возобновлялись въ памяти давно забытыя имена, образы, лица, событія.

Ihr bringt mit euch die Bilder froher Tage,—
Und manche liebe Schatten steigen auf. (Göhhs.)

Воспроизводя, по ассоціаціи идей, въ разсказѣ своемъ нѣкоторымъ образомъ цѣлую эпопею минувшаго, разскащикъ мой не обладалъ, однакожъ, въ должной степени эпическимъ спокойствіемъ: по временамъ рѣчь его то вдавалась въ лиризмъ, то внезапно принимала драматическую форму—и баринъ изъ эпика становился настоящимъ актеромъ, принимая на себя роли встрѣтившихся въ разсказѣ лицъ, подражая даже ихъ голосу и тѣлодвиженіямъ. Прежде всего онъ обыкновенно излагалъ curriculum vitae каждаго такаго лица, потомъ заставлялъ его говорить и дѣйствовать ео ipso, такъ что чѣмъ больше увлекался мой баринъ разными, занимательными лишь для него одного эпизодами, тѣмъ все дальше и дальше отклонялся отъ главной темы своего разсказа; а потому Гарнэренъ во время вечерняго чаю не только не вернулся изъ своего воздушнаго плаванія, но даже еще не тронулся съ мѣста. Послѣ чаю, для моціона передъ ужиномъ, мы отправились на прогулку черезъ плотину въ лѣсъ. Такъ бы, кажется, и побѣжалъ туда въ темную глубь исполинскихъ сосенъ, растянулся бы на душистой травкѣ или бросился бы подъ мельничное колесо, подставивъ свой хребетъ подъ шумящій каскадъ освѣжительной, ярко-сверкающей при свѣтѣ заходящаго солнца воды... Но гость неволь-

никъ: я долженъ былъ сопровождать тяжеловѣснаго помѣщика и слушать вовсе неинтересные для меня анекдоты о его „добрыхъ пріятеляхъ"—графѣ Б., генералѣ Д., сенаторѣ Г. и т. д. Обращался баринъ съ своимъ домашнимъ учителемъ слишкомъ ужъ безцеремонно, вставляя въ свою рѣчь слова: любезный другъ, братецъ ты мой и другіе ласкательныя выраженія.

„Да ты, братецъ ты мой, подумалъ я, замучишь меня своими глупыми исторіями. Дешево жъ я продалъ свою свободу"...

Не безъ ужаса представлялъ я себѣ жизнь въ одной комнатѣ съ безпокойными мальчуганами, которымъ придется посвятить большую часть своего времени, а оно мнѣ будетъ такъ дорого въ два послѣдніе года гимназическаго курса. Потомъ, вмѣсто того, чтобы послѣ такой каторжной работы отдохнуть въ деревнѣ, я обязанъ буду слушать нескончаемые разсказы стараго болтуна. Нѣтъ, это невозможно. Я постараюсь со временемъ поставить себя въ положеніе болѣе независимое, иначе все погибнетъ за какіе нибудь сто рублей асс. въ годъ.

Сказаніе о путешестіи Гарнерэна такъ и осталось въ тотъ день неоконченнымъ. Когда мы уходили спать, то знаменитый воздухоплаватель только что собирался сѣсть въ лодку. Нѣтъ, думаю себѣ, дудки! Пусть его летитъ, а я—слуга покорный! Вставши съ зарею, я схватилъ ружье и былъ таковъ. Вернулся лишь къ завтраку. Мнѣ сказали, что баринъ уже два раза меня спрашивалъ. Иду въ кабинетъ. Мой помѣщикъ сидитъ надъ аспидной доской и что то пишетъ. Не говоря ни слова, онъ съ какою то таинственностію указалъ мнѣ лѣвой рукой кресло, продолжая писать; потомъ, минутъ черезъ десять, обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

— А знаешь ли, любезный другъ, М. К—чъ, чѣмъ я занимался въ твое отсутствіе? Ты вѣрно думаешь: да чѣмъ же тебѣ заниматься, глупый ты человѣкъ, Ив. М—чъ? Да и къ чему тебѣ, богатому кривопосовскому пану, чѣмъ нибудь дѣльнымъ заниматься? Нѣтъ, мой другъ, думая такъ, ты крѣпко ошибаешься. Ты еще не знаешь Ивана Михайловича. Ты и вообразить не въ состояніи, что бы могло выйти изъ этого самаго Ивана Михайловича, если бы онъ только захотѣлъ этого самъ. Да, вотъ... не больше какъ въ часъ,

сидя на этомъ самомъ стулѣ, я написалъ прелестное стихотвореніе, такъ, шутя, потому что это мнѣ ничего не стоило. Слушай же!

Тутъ онъ выпрямился и, указывая торжественно рукой за окно на пустопорожнее мѣсто, гдѣ ходили тогда индюшки, выбивая ногой тактъ, продекламировалъ такое четверостишіе:

На самомъ мѣстѣ томъ
Хочу построить домъ,
Домъ, невысокій стѣнами,
За то богатый вкусными пирогами.

— А? что? каково? Бѣлка, Бѣлка! позови Андрюшу!

И новый поэтъ безъ зазрѣнія совѣсти началъ хвалиться передъ сыномъ глупыми стихами, оговорившись, что это не болѣе, какъ экспромптъ.

— Слава Богу, подумалъ я, баринъ, кажется, забылъ про Гарнерэна.

— A propos! вскрикнулъ баринъ: вѣдь я тебѣ вчера, братецъ ты мой, не докончилъ своего разсказа, остановившись на самомъ интересномъ мѣстѣ. И пошелъ, и пошелъ!...

Такъ какъ на другой день мы должны были отправиться въ городъ, то знаменитый аэронавтъ поспѣшилъ окончить свое путешествіе за ужиномъ. И генералъ Львовъ „на землю спустился, но съ долгами не расплатился“.

Агафья Григорьевна еще съ вечера отправила въ городъ цѣлый обозъ провизіи съ импровизированнымъ поваромъ Максимомъ, который при покойницѣ кривоносовской барынѣ чистилъ на кухнѣ кострюли. Старшему сыну Андрюшѣ дана подробная инструкція, по скольку чего выдавать на обѣдъ и на ужинъ, да присматривать хорошенько за Максимомъ, чтобы не воровалъ провизіи. Такому распоряженію Гапочки я очень обрадовался, такъ какъ экономическая часть была мнѣ совершенно чужда.

Квартиру намъ наняли у квартальнаго Тимощенка, возлѣ шопы. Осмотрѣвши свое новое жилище, я не совсѣмъ остался имъ доволенъ, потому что мнѣ приходилось жить въ одной комнатѣ съ своими учениками, которыхъ кровати отдѣлялись отъ моей только ширмами. Но увидѣвши въ окно бѣлокурую головку съ румянцемъ во всю щеку, я примирился съ этими неудобствами. Каждый репе-

титоръ, моихъ лѣтъ, готовъ перенесть всевозможныя невыгоды изъ за такого румянца. Головка, мелькнувшая въ окнѣ, принадлежала свояченицѣ квартальнаго Анютѣ, дѣвушкѣ шустрой, жаждавшей любви и поцѣлуевъ. А такъ какъ я тоже до мозга костей проникнутъ былъ романическими поползновеніями, ища въ то время утѣшенія послѣ разлуки съ кузиной, то мы скоро сошлись... въ какомъ то мрачномъ подземельѣ, куда привела меня довѣренная моей Дульцинеи, горничная Дуняша, крѣпостная Кости Ушинскаго. Какъ ни сильно я былъ увлеченъ этой взбалмошной барышней, но не на столько, однакожъ, чтобы совершенно потерять разсудокъ. Я убѣжалъ изъ подземелья, какъ Іосифъ отъ жены Пентефрія, сопровождаемый бѣшенымъ хохотомъ услужливой дуэньи, которой мое цѣломудріе по меньшей мѣрѣ показалось глупостью.

Это ночное приключеніе совершенно охладило мою страсть. Я потерялъ всякое уваженіе къ вѣтренницѣ, служившей еще недавно сюжетомъ для моихъ стихотвореній, въ которыхъ она сравнивалась то съ воздушной нимфой, то съ очаровательной феей. Теперь обнаружилось, что моя богиня не походитъ ни на одно изъ этихъ эфирныхъ созданій; за непомѣрнымъ увлеченіемъ послѣдовало полнѣйшее разочарованіе...

„Мало тебѣ стиховъ и поцѣлуевъ, нахальная полуночница, подумалъ я: такъ ищи себѣ другаго, подъ стать твоимъ инстинктамъ!“—Другой не заставилъ себя долго ждать: онъ явился въ особѣ секретаря дворянской опеки, вовсе не походившаго на цѣломудреннаго Іосифа. „Се вже такый, що не побижыть!“ выразилась о немъ Дуняша.

Такъ кончился мой глупый романъ, и я былъ очень доволенъ, что онъ окончился именно такъ, а не иначе. Благодаря такой скорой развязкѣ, я съ новою энергіей принялся за свои научныя занятія и втеченіе половины осени и цѣлой зимы сдѣлалъ очень много.

Учительскій персоналъ VI класса.

Начну съ важнѣйшаго по своему значенію предмета—съ закона Божія. На мѣсто о. Стефана къ намъ изъ Чернигова прибылъ отецъ Василій, который такъ же неискусно „въ нашемъ вертоградѣ

насаждалъ высокія истины религіи", какъ и его предмѣстникъ, съ тою лишь разницей, что покойника мы очень любили за его доброту и потому мирились съ его педагогической несостоятельностью, а новый нашъ „вертоградарь" сразу поставилъ себя въ отношеніи къ намъ какъ то странно. При томъ же онъ крѣпко зашибалъ хмѣлемъ и всегда являлся въ гимназію какимъ то заспаннымъ и растрепаннымъ. Преподаваніе церковной исторіи у него ограничивалось диктовкой и спрашиваніемъ вызубреннаго нами урока.

— Пишите, господа: „Баязетъ былъ мольніею воинственною", началъ онъ однажды свое священнодѣйствіе.

А Васька Глотовъ, хотя и написалъ уже цѣлую фразу, потѣхи ради, спрашиваетъ:

— Позвольте, батюшка: чѣмъ былъ Баязетъ?

— Мольніей воинственною! кричитъ от. Василій.

— Чѣмъ? спрашиваетъ еще одинъ проказникъ.

— Съ позволенія сказать, Баязетъ былъ такимъ же дуракомъ, какъ нѣкоторые изъ васъ, господа! отрѣзалъ о. протоіерей, разсердившись.

Словесникъ такъ же скверно преподавалъ свой предметъ въ VI классѣ, какъ и въ пятомъ, или лучше сказать, не преподавалъ а лишь задавалъ и спрашивалъ.

Осипъ Акимовичъ такъ же добросовѣстно занимался съ нами переводомъ латинскихъ классиковъ, какъ и прежде, употребляя одинъ урокъ въ недѣлю на изученіе чреватой правилами и примѣрами грамматики Цумпта; скандировалъ съ жаромъ оды Горація и управлялъ хоромъ пѣвчихъ, и въ 50 лѣтъ не переставая пѣть дискантомъ.

Приближеніе математическаго урока каждый разъ наводило на меня страхъ. Я не въ силахъ былъ преодолѣть моей антипатіи къ этому предмету, во все продолженіе гимназическаго курса. Нерасположеніе мое къ цифрамъ, буквамъ и формуламъ выразилось въ посланіи къ Курбацкому.

Главная причина непреодолимаго моего отвращенія къ такому важному предмету, какъ математика, скрывалась, какъ мнѣ кажется, въ худой подготовкѣ, начиная съ низшихъ классовъ, въ безтолковомъ, чисто механическомъ преподаваніи Якова Яковлевича и въ послѣдовавшемъ такъ внезапно преобразованіи гимназіи въ 1833

году. Въ III классѣ я сталъ слушать алгебру, не зная ариѳметики; затѣмъ отъ великаго оригинала Матвѣя Албертовича, хотя и основательно знавшаго свой предметъ, но рѣшительно безполезнаго для учениковъ, по незнанію русскаго языка,—я перешелъ къ Осипу Григорьевичу Бонче-Осмоловскому, который самъ, если вѣритъ Матвѣю, „а ей Богу ничого не умѣлъ!“ Такого невыгоднаго мнѣнія о своемъ коллегѣ нашъ оригиналъ не только не старался скрыть, а напротивъ высказывалъ его публично. Выходитъ, напр., къ доскѣ пансіонеръ Бонча и начинаетъ отвѣчать урокъ:

— А у кого ты живешь? спрашиваетъ учитель.

— У Осипа Григорьевича, отвѣчаетъ ученикъ.

— Ну, то имѣешь единицу!

— За что жъ, Матвѣй Албертовичъ, единицу? я хорошо знаю урокъ, извольте спрашивать.

— А, ей Богу, ненужно спрашивать, бо ничого не разумѣешь.

— Да отчего же не разумѣю? Мнѣ вчера самъ Осипъ Григорьевичъ передѣлалъ урокъ изъ физики и я знаю его хорошо.

— Ото жъ то, за то само имѣешъ единицу: бо Осипъ Григоровичъ самъ ничого не умѣетъ, а ни физыки, а ни математыки.

— Отчего жъ такъ? пристаетъ ученикъ: это несправедливо.

— А для того, что онъ дурны—очевидно!

Но если мы много теряли отъ того, что нашъ учитель Бонче „не разумѣлъ математики“ и какъ-то случайно попалъ въ преподаватели этого предмета, то ничуть не больше выигрывали мы и отъ того, что „физыкъ“ нашъ считался знатокомъ своего предмета. Вотъ одинъ изъ его уроковъ, списанный съ натуры.

Приходитъ учитель въ классъ, садится послѣ молитвы за столъ, нюхаетъ табакъ, раскрываетъ физику Щеглова (учебнику Баумгартена онъ не слѣдовалъ вовсе) и начинаетъ.

„Введѣніе! параграфъ одинъ! Всэ, что существуетъ въ пространствѣ, а наполняетъ субою оное, называється вѣществомъ али матеріеею!“

Затѣмъ, оторвавши глаза отъ книги и глядя на учениковъ поверхъ очковъ, учитель приступаетъ къ объясненію прочитаннаго:

„Всэ! а что жъ то всэ? Всэ, что существуетъ! а гдѣ жъ оно существуетъ? въ пространьствѣ. А что жъ то существуетъ въ про-

страньствѣ? Ото всэ. А наполняетъ субою оное. А что жъ то наполняетъ? Ото всэ! А что жъ о́но наполняетъ? Оное, то есть, пространьство. А чѣмъ же о́но наполняетъ? субою!"... и такъ далѣе!

При такомъ подробномъ анализѣ даннаго предложенія, мы, конечно, не играли пассивной роли безмолвныхъ слушателей, а слѣдуя сократическому методу, цѣлымъ хоромъ отвѣчали на каждый вопросительный знакъ, стараясь подражать и самому выговору учителя на польскій ладъ, да иногда до того увлекались, что мѣшали заниматься сосѣднему классу. При подобномъ изложеніи своего предмета, Матвѣй нашъ не успѣвалъ пройти и третьей части того, что требовалось программой. Не мѣшаетъ также замѣтить, что въ теченіе двухъ лѣтъ мы не только не видѣли ни одного физическаго опыта, но даже ни одного инструмента, ограничиваясь лишь чертежами. Какъ бы взамѣнъ такого важнаго недостатка при преподаваніи чисто опытной науки, Матвѣй Албертовичъ старался быть до крайности наглядным въ своихъ объясненіяхъ. Въ примѣръ такой наглядности можно привесть лекцію „объ устройствѣ глаза", въ статьѣ о свѣтѣ.

„А ежѐли мы возьмемъ глазъ во́ла, а поставимъ его на столѣ, то онъ ничо́го не увидитъ. Ото жъ то́ значитъ, что видидъ не глазъ, а кто жъ то видидъ? Ду́ша! Душа сидитъ въ мозгу, а дёрга́етъ вэны а артеріи, которыя прикрѣплены суть до нашего глаза, такимъ то способомъ всѣ предметы, находящіеся передъ нами, даютъ себя видѣть. А изъ того всего слѣду́етъ, что видидъ не глазъ, а кто жъ то видидъ?"

„Ду́ша!" крикнули мы всѣмъ классомъ.

Или вотъ другой обращикъ „наглядности" нашего „физыка".

Въ опроверженіе мнѣнія идеалистовъ, утверждающихъ, что предметы видимаго міра существуютъ потолику, поколику имъ даетъ бытіе наше *я*, что они не больше, какъ призраки—Матвѣй нашъ привелъ такой осязательный примѣръ:

„А ежѐли я возьму палку, а дамъ идеалистѣ десять ударовъ, очевидно, онъ не станетъ утверждать, что палка естъ призракъ и не существуетъ какъ только въ его воображеніи."

Остзеецъ Эдуардъ, по прежнему, держалъ классъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Если мы не очень уважали его за нѣкоторыя нравственныя качества—(онъ, какъ охотникъ, былъ страшный лгунъ), то по

крайней мѣрѣ боялись, какъ человѣка смѣлаго и неустрашимаго. Отчаянный игрокъ и деспотъ въ семействѣ, все таки нашъ нѣмецъ былъ недюжинный преподаватель, какими большею частію слывутъ учителя иностранныхъ языковъ. Онъ хорошо зналъ по русски и былъ даже немножко литераторъ: перевелъ на нѣмецкій языкъ повѣсть Марлинскаго „Фрегатъ Надежда“ и напечаталъ въ какомъ то нѣмецкомъ журналѣ. Объ этомъ подвигѣ Эдуардъ протрубилъ всѣмъ уши. Всѣ русскіе нѣмцы, достигшіе въ русской службѣ „степеней извѣстныхъ“ какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, были, по его словамъ, ему пріятелями. А Тотлебена, когда тотъ былъ мальчикомъ, онъ не однажды сѣкалъ.

На мѣсто бѣжавшаго отъ насъ съ посрамленіемъ француза Тереха, опредѣленъ полячекъ С—вичъ, о которомъ можно сказать развѣ только то, что сказали запорожцы о турскомъ султанѣ: „усёго свита и подсвита блазень, хвастунъ и брехунъ!“ Будучи немногимъ чѣмъ постарше нѣкоторыхъ изъ насъ, онъ иногда пускался съ нами въ такія интимности, по части извѣстныхъ поползновеній, что Герасимъ Ивановичъ счелъ долгомъ вразумить сего непризваннаго педагога, какъ мальчишку. Лишенный такимъ образомъ удовольствія бесѣдовать съ нами въ классѣ, онъ сталъ приглашать насъ на домъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ любимцевъ угощалъ не только чаемъ, но и клубникой... С—вичъ жилъ съ матерью, третировавшею его, какъ недоросля. О, продувная бестія была эти полька, у которой, не знаю почему, замѣтенъ былъ жидовскій акцентъ, когда она говорила по русски. Къ счастію, этотъ „блазень“ былъ у насъ недолго. Его смѣнилъ бывшій гувернеръ почетнаго попечителя M-r Denis. Замѣчательно, что этотъ галлъ, проживши въ Россіи около 10 лѣтъ въ русскомъ семействѣ камергера, ни слова не зналъ по русски и явился къ намъ на первый урокъ, какъ будто только что прибылъ изъ Парижа.

Первый урокъ новаго преподавателя прошелъ у насъ очень весело. Мы дружно принялись учить бусурмана по русски, прежде нежели онъ научитъ насъ чему нибудь по французски, при чемъ мы ругали его за непонятливость самыми площадными словами, а онъ только таращилъ глаза и спрашивалъ: Comment, comment? Qu'est ce ça duréne?

Не получивъ отъ насъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, онъ обратился въ сборной учительской къ сослуживцамъ за разъясненіемъ слова дурéнь, и потомъ, прійдя на другой день въ классъ, прямо обратился къ Шабловскому съ азартомъ.

— Ты—дурéнь! Я понимай—ты самъ дурéнь, bête, animal!

Чтобы отвлечь вниманіе француза отъ товарища, кто-то заикнулся о Наполеонѣ.

— Иии... Напóлеонъ бы великій шеловѣкъ! закричалъ Denis, ударяя кулакомъ по столу—и пошелъ расписывать.

Правда, мы не все и поняли изъ того, что онъ намъ торочилъ, но все таки наши познанія во французскомъ языкѣ были не на столько слабы, чтобы не понять, съ какимъ энтузіамомъ относится бывшій барабанщикъ de la grande armée къ своему идолу, къ этому le dieu des bons gens. Наше патріотическое чувство не могло не возмутиться отъ такого обоготворенія врага нашего отчества—корсиканца Бонапарта, о которомъ нѣкоторые изъ насъ знали тогда не больше гимназическаго сторожа Степана, любившаго во хмѣлю пѣть извѣстную солдатскую пѣсню того времени: „За горами за долами Бонапартѣ съ плясунами“ и пр.

— Да что ты тамъ врешь, мусью? отозвался кто то съ задней скамьи, развѣ намъ неизвѣстно, что сдѣлали съ французами русскіе въ 12 году? Дали вамъ, голоштанникамъ, джосу добре!

— Comment? comment? Qu'est ce que ça джосу?

Когда ему растолковали значеніе этого слова, онъ еще болѣе вошелъ въ азартъ:

— А Óстерлицъ? И далъ Напóлеонъ джосу, хе, хе, хе!..

Затѣмъ, когда бонапартисту напомнили про Ватерлóо, онъ схватилъ мѣлъ и началъ рисовать на доскѣ планъ ватерлоской битвы, изрекая проклятія на маршала Груши, не поспѣвшаго на выручку героя ста дней.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось взаимное раздраженіе учителя и учениковъ, если бы не поспѣшилъ къ французу на помощь всевѣдущій Герасимъ Ивановичъ, который зачастую не прочь былъ и ухо приложить къ дверямъ, дабы узнать, что дѣлается въ классѣ.

По предмету рисованія въ VI классѣ я продолжалъ „отдѣлывать“ своего козла, начатаго еще въ V классѣ и нарисованнаго

разновременно самимъ Шатою, которому я по временамъ преподносилъ свое художественное произведеніе для поправокъ. Козелъ мой былъ однако же такъ старъ, что началъ даже линять отъ времени и къ концу года совершенно разлѣзся. Какъ ни старался я подклеить его, чтобы продлить существованіе почтеннаго животнаго, но къ величайшему ущербу жанровой живописной школы русской, твореніе мое безвозвратно погибло для потомства.

Въ ряду преподавателей гимназіи былъ одинъ весьма замѣчательный человѣкъ—учитель исторіи Михаилъ Гавриловичъ Ерофѣевъ, который едва ли не болѣе всѣхъ своихъ товарищей, вмѣстѣ взятыхъ, способствовалъ нашему развитію. Уроки исторіи не ограничивались у него, какъ у нашего словесника, однимъ задаваньемъ и спрашиваньемъ; онъ даже вовсе не придерживался казеннаго учебника Кайданова и Смирнова, относясь къ нимъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Зная основательно нѣмецкій языкъ, Михаилъ Гавриловичъ диктовалъ намъ среднюю и новую исторію изъ Геерена, Лудена и др. нѣмецкихъ авторовъ. Записки эти постоянно дополнялись подробнымъ устнымъ изложеніемъ важнѣйшихъ событій. Историкъ нашъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова, много читалъ и съ любовію дѣлился съ нами плодами своихъ ученыхъ занятій.

Къ стыду нашего Коконко, Михайло Гавриловичъ прежде его познакомилъ насъ съ Гоголемъ, о которомъ въ то время въ нашей журналистикѣ шли самые разнорѣчивые толки. Закоренѣлые классики, воспитанные на одахъ Ломоносова и Державина, съ пѣной у рта бранили все юное, свѣжее, жизненное, считая такъ называемую „натуральную школу“ профанаціей искусства, отводя ея родоначальнику Гоголю низменное мѣсто въ ряду жалкихъ подражателей Бальзака. Нашъ историкъ настолько обладалъ критическимъ умомъ и здравымъ литературнымъ сужденіемъ, что, прочитавъ „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, чрезвычайно мѣтко оцѣнилъ великій талантъ будущаго творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“.

„Въ этой смѣшной повѣсти, господа, проглядываетъ высокое дарованіе. Это одно изъ первыхъ произведеній молодаго писателя. Судя по началу, отъ него можно ожидать геніальныхъ произведеній“; сказалъ онъ намъ однажды во время урока.

Отъ великаго до смѣшнаго—одинъ шагъ, говорятъ французы. Въ то время, когда М. Г—чъ, поговоривъ о Гоголѣ, приступилъ къ характеристикѣ Густава Адольфа, въ классъ ввалился пьяный Павло́, волоча за собой на веревкѣ огромное березовое полѣно.

— Треба вамъ, панычу, колодку привязать, обратился онъ къ нашему наставнику, и потомъ, ставши на одно колѣно, примостился привязать бревно къ ногѣ учителя.

Съ ужасомъ вскочилъ М. Г—чъ съ каѳедры и сталъ гнать Павла изъ класса, но тотъ не вышелъ до тѣхъ поръ, пока не получилъ двугривеннаго на водку.

Исторія сія случилась съ нашимъ историкомъ на масляной, въ понедѣльникъ—день, въ который, по существующему издревле въ городѣ обычаю, всѣмъ холостякамъ, не успѣвшимъ до заговинъ жениться, привязываютъ колодки, налагая на нихъ какъ бы штрафъ за уклоненіе отъ брачныхъ узъ. Вымороченныя такимъ образомъ деньги тотчасъ же пропиваются въ кругу честной компаніи. Вотъ причина, отчего въ сей „колодочный день“ въ градѣ нашемъ бываетъ веліе піянство и безобразіе.

Директоръ И. Ѳ. Тимковскій и его преемникъ.

Гиперіонъ, въ сравненьи съ симъ сатиромъ.
Шекспиръ.

Позднею осенью 1838 года, въ жизни нашего заведенія совершился переломъ: директоръ нашъ Илья Ѳедоровичъ[1]), докторъ правъ и философіи, уволенъ въ отставку, а на его мѣсто перемѣщенъ изъ Каменца-Подольскаго какой то штабъ-лѣкарь Батаровскій. Сотрудникъ гр. Аракчеева по устройству военныхъ поселеній, первый попечитель кіевскаго учебнаго округа, Егоръ Ѳедоровичъ фонъ Брадке нашелъ, что Тимковскій, при всей своей учености, не можетъ долѣе оставаться на службѣ. Вникая во всѣ тонкости учебнаго дѣла, отъ университета до приходскаго училища, фонъ Брадке, этотъ

[1]) По окончаніи московскаго университета, Тимковскій слушалъ лекціи въ Геттингенѣ, удостоенъ ученой степени доктора и состоялъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. 6 лѣтъ былъ профессоромъ харьковскаго университета, будучи, сверхъ того, ревизоромъ по округу. Посѣтивъ новгородъ-сѣверскую гимназію, женился на дочери Халанскаго, получивъ въ приданое с. Турановку глухов. уѣзда.

великій человѣкъ на малыя дѣла, любилъ всему дать строгій порядокъ, опредѣленную форму и направленіе. Регламентація его режима заходила далеко за предѣлы умѣренности: онъ старался подвести подъ правила и такія явленія учебной жизни, которыя ни подъ какія правила не укладываются. Очень естественно, что нашъ Илья Ѳедоровичъ, какъ администраторъ, не могъ удовлетворить требованіямъ такого формалиста. Управляя гимназіей большую половину года изъ Турановки, за 40 верстъ отъ города, куда отсылались всѣ полученныя изъ округа бумаги, требовавшія, при „барабанной скоропоспѣшности“ [1]) попечителя и его секретаря Зимовскаго, немедленной отписки, Тимковскій отвѣчалъ на нихъ не скоро (а иногда дѣлалъ на нихъ возраженія), не по формѣ, за что получалъ выговоры и подтвержденія. Но все это мало на него дѣйствовало: относительно бюрократической точности, онъ былъ неисправимъ и до конца своей службы остался вѣренъ самому себѣ, послѣ того, какъ будучи глуховскимъ судьею, въ два года рѣшилъ одно дѣло. Такая небрежность, относительно требованій начальства, выводила попечителя изъ терпѣнія, какъ человѣка аккуратнаго по аракчеевски и мелочнаго до щепетильности. „Форма и буква суть вещи неизбѣжныя, безъ нихъ въ правленіи нѣтъ устойчивости“, говоритъ самъ Брадке въ своихъ автобіографическихъ запискахъ. Понятно, что нашъ достойнѣйшій классикъ не могъ не показаться такому рьяному бюрократу аномаліей въ ряду другихъ директоровъ, ограничивавшихъ свою учебную дѣятельность исключительно одной отпиской.

Главный обвинительный пунктъ, падавшій на нашего директора — пребываніе его въ учебное время въ Турановкѣ, по моему мнѣнію, не столь важенъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Кая польза, братія моя, заведенію отъ того, что иной директоръ, не выѣзжая изъ города, сиднемъ сидитъ въ своей квартирѣ, какъ падишахъ въ халатѣ, и только подписываетъ канцелярскія бумаги, не заглядывая въ классы? Вѣдь были же въ наше время такіе директора, которые посѣщали гимназію еще рѣже Тимковскаго, считаясь въ то же время образцовыми администраторами. Другой, пожалуй, и часто шляется по классамъ, сопровождаемый шумомъ и шарканьемъ учениковъ, но

[1]) Выраженіе это принадлежитъ б. воспитаннику новгородъ-сѣверской гимназіи, племяннику Тимковскаго, ректору кіевск. универ. Максимовичу.

какая отъ того польза? Придетъ, скажетъ нѣсколько ненужныхъ словъ, такъ чтобъ только не молчать, замѣтитъ нѣсколько неостриженныхъ подъ гребенку головъ, разстегнутые крючки или отсутствіе пуговицы и пойдетъ отыскивать инспектора, чтобы дать ему нагоняй за упущеніе по службѣ. Вслѣдъ за директоромъ, въ классъ, какъ ураганъ, врывается инспекторъ; весь красный, какъ буракъ, начинаетъ ругаться и шарпать виновныхъ за нарушеніе формы, а учитель въ это время стоитъ подлѣ доски, какъ автоматъ, и слушаетъ ругань, вовсе не относящуюся ни къ педагогіи вообще, ни къ его уроку въ особенности.

Рѣдкія посѣщенія Ильею Ѳедоровичемъ гимназіи были глубоко плодотворны для учащихся. Его задушевныя, проникнутыя пламенною любовію къ молодому поколѣнію рѣчи—импровизаціи будили вѣру въ достоинство человѣка, вкореняли уваженіе къ наукѣ, къ труду; его выразительное, прочувствованное чтеніе во время говѣнья располагало воспитанниковъ къ молитвѣ. Не говорю уже объ экзаменахъ: тутъ не одни ученики, но и сами преподаватели должны были отдавать отчетъ въ своихъ познаніяхъ. Представляя своихъ питомцевъ къ испытанію, каждый старался пополнить пробѣлы въ собственныхъ знаніяхъ, чтобы удовлетворить высокимъ требованіямъ строгаго цѣнителя и взыскательнаго судіи, вполнѣ компетентнаго въ дѣлѣ науки. Въ ученомъ мірѣ Тимковскій въ свое время пользовался извѣстностію, какъ великій знатокъ римской литературы, какъ филологъ, ораторъ и отчасти поэтъ. Употреблявшійся у насъ тогда, какъ учебное пособіе, „Опытный способъ къ философическому познанію русскаго языка“ считался въ оное время солидно ученымъ сочиненіемъ. Контроль такого начальника заставлялъ каждаго преподавателя быть на сторожѣ, чтобы не дойти до апатіи и непотизма, часто неразлучныхъ съ однообразною учительской профессіей. Конечно, въ семьѣ не безъ урода: и между нашими педагогами были такіе субъекты, которыхъ не пробудила бы къ жизни и послѣдняя труба архангела, но гдѣ и когда ихъ не было?

Въ заключеніе своей апологіи, считаю долгомъ напомнить всѣмъ, кто слѣдилъ за судьбами нашего общественнаго образованія, чѣмъ были наши гимназіи въ 20 и 30 годахъ нынѣшняго столѣтія? Если онѣ были плохи, то все таки новгородъ-сѣверская гимназія, при

Тимковскомъ, считалась лучшею въ округѣ и воспитанники ея славились знаніемъ латыни, считаясь въ то же время самыми развитыми людьми. Харьковскій университетъ, до увольненія Тимковскаго, принималъ нашихъ гимназистовъ безъ испытанія, по аттестаціи директора. Въ фактѣ этомъ я нахожу самое краснорѣчивое опроверженіе издавна вкоренившагося мнѣнія въ извѣстныхъ педагогическихъ кружкахъ о служебной дѣятельности Тимковскаго, дѣятельности, которая развѣ только съ канцелярской точки зрѣнія можетъ показаться безполезною.

Въ одинъ пасмурный день, осенью, по гимназіи пронеслась вѣсть о пріѣздѣ директора. Такъ какъ посѣщенію его всегда предшествовала суета инспектора и возня сторожей съ подтиркою половъ, то настоящій внезапный пріѣздъ Ильи Ѳедоровича не могъ не показаться чѣмъ то чрезвычайнымъ. Герасимъ Ивановичъ какимъ то таинственнымъ голосомъ передалъ намъ приказаніе собраться въ залу. Пока сходились ученики и занимали указанныя мѣста, Илья Ѳедоровичъ стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, подъ портретомъ кн. Репнина. Никогда не видали мы его такимъ мрачнымъ, какъ въ этотъ памятный для насъ день. Воцарилась мертвая тишина. Окинувши все собраніе грустнымъ взглядомъ, директоръ досталъ изъ кармана приготовленную имъ рѣчь (чего онъ прежде никогда не дѣлалъ) и началъ:

„Дѣти! я васъ оставляю. Пишите отцамъ своимъ, что меня уже нѣтъ съ вами!“

Послѣ этихъ словъ, гроза дѣтей инспекторъ, самъ никогда не плакавшій, но заставлявшій плакать другихъ, первый не выдержалъ и зарыдалъ. А какъ плачъ, какъ и смѣхъ, заразителенъ, то многіе изъ учениковъ тоже заплакали. Если бы И. Ѳ—чъ не запасся на сей разъ тетрадкой, то едва ли бы онъ былъ въ состояніи продолжать свою рѣчь отъ сильнаго душевнаго волненія, котораго онъ не въ силахъ былъ преодолѣть, при всей твердости своей воли, по истинѣ катоновской. Къ величайшему прискорбію нашему, рѣчь эта ни у кого, кажется, не сохранилась въ такомъ видѣ, въ какомъ она была произнесена. Передавать же ея содержаніе по памяти я не берусь, боясь уронить ея достоинства [1]).

[1]) Записки И. Ѳ. Тимковскаго помѣщены въ „Москвитянинѣ“ 1851, №№ 9 и 10; 1852, №№ 17, 18 и 20. Послѣднія перепечатаны въ исправл. видѣ въ Р. Архивѣ 1874, кн. 1, стр. 1377.

Онъ кончилъ... а мы все еще стояли, какъ осужденные, выслушавшіе свой смертный приговоръ. Опомнившись, наконецъ, отъ разразившагося надъ нами удара, нѣкоторые изъ насъ начали высказывать вслухъ свое негодованіе и ропотъ на того, кто былъ виновникомъ постигшей катастрофы.

Недѣли двѣ спустя, пріѣхалъ нашъ новый начальникъ, какой то докторъ медицины, должно быть залечивать раны и ампутировать пораженные члены разслабленнаго организма нашей гимназіи. Мы, по привычкѣ, ждали, что вотъ вотъ позовутъ насъ въ залу слушать рѣчь, долженствовавшую, по мнѣнію нѣкоторыхъ остроумцевъ, предохранить насъ на первый разъ отъ простуды и поноса, а тамъ и отъ болѣе серьезныхъ болѣзней. Но ничего подобнаго не дождались.

Прибывши, наконецъ, въ гимназію, нашъ новый директоръ засѣменилъ ножками по классамъ и для перваго дебюта заявилъ, въ VI классѣ, что онъ „постарается вывести тимковщину“, что онъ де ежедневно будетъ посѣщать гимназію, будетъ за нами наблюдать и строго взыскивать за шалости и манкировки. Отрекомендовавшись такимъ манеромъ, онъ вышелъ изъ класса на цыпочкахъ, по обычаю докторовъ, уходящихъ изъ комнаты своихъ пацiентовъ. Докторскій визитъ и предписанный намъ рецептъ, совершенно, въ сущности, здоровымъ юношамъ, больно намъ не понравился, поселивъ въ насъ недовѣріе къ искусству врача—педагога, который „ни сѣла ни пала—дай, баба, сала“—похваляется вывести „тимковщину“.

— Этого мы еще будемъ посмотрѣть! какъ выражался во время оно нашъ косоглазый смотритель—аптекарь, какъ то еще тебѣ удастся вывести.

Проходитъ день, другой, недѣля, мѣсяцъ—не видать нашего директора! Не всѣ даже и присмотрѣлись къ нему хорошенько; хотѣлось бы еще разъ взглянуть на него, каковъ онъ? Иные утверждали, что у него глаза красны, какъ у рака; другіе прибавляли, что это происходитъ отъ знакомства съ бахусомъ... Таинственность и замкнутость его холостой жизни привела насъ къ теоріи догадокъ и предположеній. Сначала утверждали, что онъ якобы день и ночь сидитъ надъ дѣлами, запущенными его предмѣстникомъ. Но какъ бы дѣла канцеляріи запущены ни были, все таки ихъ можно привесть въ порядокъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; да, наконецъ, есть же въ гим-

назіи дѣла и поважнѣе канцелярскихъ. Хоть бы черезъ окно увидѣть его, но ставни отъ улицы постоянно закрыты.

Настала весна. Сказанія о домашней жизни директора стали принимать характеръ чисто миѳологическій, напомнивъ намъ нѣкоторыя изъ метаморфозъ Овидія, именно тѣ, въ которыхъ изображаются любовныя похожденія олимпійцевъ. Мы узнали доподлинно, что нашъ директоръ построилъ въ саду бесѣдку и тамъ постоянно прохлаждается. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего предосудительнаго; но не въ бесѣдкѣ дѣло, а въ томъ, что изъ директорскаго сада продѣлана калитка въ инспекторскій, а изъ инспекторскаго въ сосѣдній учительскій, и что директоръ, переодѣтый пастушкомъ, или просто въ халатѣ, изволилъ по ночамъ прогуливаться по садамъ, и не одинъ... Это тоже въ своемъ родѣ метаморфоза, но только не та, которую мы переводили въ прошломъ году съ Ильею Ѳедоровичемъ на экзаменѣ: значитъ, вывелъ таки „тимковщину“, поставилъ на своемъ.

Время близилось къ экзаменамъ. Собравшись вечеромъ у одного изъ товарищей, мы вспоминали счастливые годы директора Тимковскаго и недоумѣвали, что будетъ съ нашими экзаменами при новыхъ порядкахъ. „Тимковщина“ дѣйствительно стала мало по малу выдыхаться, уступая мѣсто иному направленію, которое хотя еще вполнѣ не выяснилось, но уже довольно обозначилось.

Наканунѣ перваго мая инспекторъ объявилъ намъ курьезную новость, что г. директоръ, по обычаю западныхъ школъ, затѣялъ праздновать „маёвку“—штука до того небывалая на лѣвой сторонѣ Днѣпра[1]). На другой день мы собрались въ гимназію безъ книгъ и большой гурьбой повалили въ Полковницкій гай. Воспитанникамъ приготовлено угощеніе, состоявшее изъ булокъ, чаю, апельсинъ и холоднаго жаркаго. Для учителей были въ изобиліи водка, вино и ромео. Намъ захотѣлось тоже отвѣдать содержимаго въ бутылкахъ и потому мы отрядили депутацію къ распорядителю празденства Эдуарду Андреевичу—просить по одной бутылкѣ для двухъ высшихъ классовъ. Распорядитель спросилъ на то разрѣшенія директора, ко-

[1]) За интимныя отношенія къ полякамъ и за потворство ихъ шляхетскимъ притязаніямъ въ юго-западномъ краѣ Батаровскій изъ Каменца переведенъ въ Новгородъ-Сѣверскъ.

торый вмѣсто двухъ велѣлъ отпустить по четыре. Попробовавъ хмѣльной влаги, мы вошли во вкусъ и снарядили отъ себя гонца въ городъ купить вина побольше да позаористѣе, такъ что къ вечеру и мы были такъ же пьяны, какъ и наши наставники, не исключая, разумѣется, и главнаго виновника торжества. Этотъ развеселый праздникъ имѣлъ для насъ такое значеніе, какое имѣли для рабовъ древняго Рима „сатурналіи“, когда каждому рабу вольно было выражать вслухъ свои мысли въ присутствіи господъ, не боясь за то наказанія [1]). Подъ эгидой этого священнаго права, разгоряченные дарами Вакха, мы наговорили въ глаза своимъ наставникамъ довольно горькой правды, но больше всѣхъ досталось директору: пусть молъ знаетъ, что намъ хорошо извѣстна классическая поговорка: in vino—veritas! Несмотря однакожъ на такую продерзость, наши добрые воспитатели не только не разсердились на насъ, а напротивъ, ни съ того, ни съ сего, полѣзли съ нами обниматься и цѣловаться, увѣряя насъ въ своей любви и преданности.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы шумною толпой, съ пѣснями и свистомъ, тронулись въ обратный путь. Директора и нѣкоторыхъ учителей, конечно, для бо́льшаго почета, вели подъ руки. Сограждане наши, отправляясь, по обыкновенію, въ объятія Морфея съ заходомъ солнца, давно уже почивали мертвымъ сномъ, какимъ спятъ вообще всѣ недумающіе люди,—какъ вдругъ по стогнамъ града раздались залихватскія пѣсни входившихъ въ городъ гимназистовъ. Мирнымъ жителямъ спросонку показалось, что въ городъ ихъ вступаютъ солдаты, коихъ шествіе, какъ извѣстно, сопровождается воинственными кликами и трубными звуками; но каково же было ихъ удивленіе, когда, протерши глаза, они увѣрились, что орутъ пѣсни не мужественные сыны Марса, а юные питомцы Аполлона, при участіи самого начальства и всего ученаго сунклита.

— Оце кумедыя! Сёго ще зроду не було! сказалъ одинъ изъ зрителей сторожилъ, Парѳенъ Мулюха, запирая двери и возвращаясь въ свою конуру.

— Горе граду, идѣже князь младъ! пророкъ во всеуслышаніе часовыхъ дѣлъ мастеръ Ѳома Ивановичъ Шотъ, стоя въ одной рубахѣ у открытаго окна своего дома, мимо котораго мы проходили.

---

[1]) Дни, посвященные Сатурну, который, по преданію, царствовалъ въ золотой вѣкъ, когда люди всѣ были равны.

— Это... это ни съ чѣмъ несообразно! выразился сдержанно нашъ умный историкъ Михаилъ Гавриловичъ, сдѣлавъ ему одному свойственную гримасу, въ которой ясно выразилось глубочайшее презрѣніе къ виновнику этого скандала.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что нашъ новый начальникъ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско во мнѣніи всего городскаго общества, не исключая и самихъ учениковъ, у которыхъ онъ, посредствомъ „маёвки", хотѣлъ заискать популярности. Нѣкоторые легкомысленные юноши—будущіе пролазы—дѣйствительно поддались на эту приманку, но ученики съ серьезнымъ направленіемъ, по случаю учиненнаго дебоша, еще больше стали сожалѣть объ утратѣ незабвеннаго Ильи Ѳедоровича. Но сожалѣнію нашему не было предѣловъ, когда начались экзамены. Относясь къ учебному дѣлу съ одной лишь формальной стороны, нашъ новый директоръ во время испытанія игралъ совершенно пассивную роль, безучастно выслушивая наши отвѣты и ставя въ своемъ спискѣ отмѣтки зря, или сообразуясь съ годичными баллами, не всегда справедливыми. Побывавъ на двухъ-трехъ такихъ экзаменахъ, мы начали высказывать свое мнѣніе о директорѣ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ.

— Горячія вы головы, господа! замѣтилъ намъ директорскій письмоводитель Буковскій внушительно, пословица говоритъ: палку поставь— и палки нужно бояться!

— Нѣсть власть, аще не отъ Бога, твердилъ нашъ законоучитель Янчевскій, укрощая строптивыхъ, повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покаряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ.

— Смирись! кричалъ нашъ французъ Denis, водворяя тишину въ классѣ, silence, messieurs, silence!

— Молчать, дубина! честилъ насъ по русски нетерпѣвшій никакихъ противорѣчій словесникъ Коконко.

Эге, подумали мы, значитъ не одинъ письмоводитель, по невѣдѣнію, въ простотѣ сердечной, сотворилъ себѣ кумира въ видѣ палки, но и люди, гордящіеся своимъ образованіемъ въ одинъ голосъ проповѣдуютъ все тотъ же молчалинскій принципъ самоуничиженія, что мы, въ нѣкоторомъ родѣ разумныя существа, не можемъ и не должны „смѣть свое сужденіе имѣть".

У одного только нашего Албертовича слышалось на урокахъ словцо, котораго очень не жаловали прочіе наши наставники.

— А разсуждай! выкрикивалъ онъ постоянно, при спрашиваньи урока; но и у него это хорошее словцо употреблялось въ самомъ узкомъ значеніи, а именно: когда какой нибудь самозванный иксъ (X), займетъ мѣсто, которое, по всей справедливости, должно принадлежать зету (Z), чего бы, конечно, не случилось, если бы, слѣдуя мудрому совѣту почтеннаго математика, соблюдая условія задачи, мы больше разсуждали, чѣмъ молчали, о чемъ такъ усердно хлопочетъ и чего такъ страшно не любитъ другой намъ педагогъ— преподаватель логики Кизиветтера.

Въ директорство Батаровскаго съ нашимъ уважаемымъ историкомъ Михаиломъ Гавриловичемъ Ерофѣевымъ случилась исторія, которая была бы немыслима въ управленіе гимназіей И. Ѳ. Тимковскимъ.

Въ маленькомъ нашемъ городкѣ поселилась, для воспитанія дѣтей, великая аристократка, какая то промотавшаяся графиня, забившаяся, послѣ за-границы, въ глушь на подножный кормъ. Такъ какъ за приватные уроки учителямъ платить было нечѣмъ, то она подбилась къ директору и при его посредствѣ хотѣла учить дѣтей задаромъ. Батаровскій, дорожа сіятельнымъ знакомствомъ, сталъ вербовать учителей. Всѣ согласились, за исключеніемъ одного Ерофѣева. Изъ за этого между ними возникли большія контры, тянувшіяся вплоть до пріѣзда попечителя на ревизію. Князь Давыдовъ, какъ извѣстно, не стѣсняясь, всѣмъ учителямъ говорилъ „ты.“ Пришелъ онъ на урокъ исторіи и, не слушая отвѣтовъ учениковъ, прямо обратился къ учителю съ выговоромъ, что, по заявленію директора, предметъ его идетъ плохо, что онъ не умѣетъ преподавать, а только грубитъ начальству и что, вслѣдствіе такихъ причинъ, онъ, князь, переведетъ его, Ерофѣева, въ уѣздное училище.

Чего стоило нашему почтенному историку, при его благородномъ самолюбіи, перенесть такое наглое оскорбленіе въ присутствіи учениковъ, привыкшихъ видѣть въ немъ перваго преподавателя гимназіи какъ по учености, такъ и по развитію умственному! Изъ гимназіи князь отправился на обѣдъ къ М. О. Судіенку. За столомъ зашла рѣчь о времяпровожденіи въ такомъ мизерномъ городкѣ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ. Каково же было удивленіе его сіятельства, (если только оно, это сіятельство, чему нибудь и когда ни-

будь удивлялось), когда Михаилъ Осиповичъ сказалъ, что единственный въ городѣ человѣкъ, обществу котораго онъ обязанъ многими пріятными вечерами, тотъ самый Ерофѣевъ, котораго онъ, князь, купно съ директоромъ, думаютъ упрятать въ уѣздное училище. Просвѣщенный умъ Судіенка по достоинству оцѣнилъ нашего Герена, какъ мы прозвали своего историка: по его мнѣнію, это былъ человѣкъ, серьезно занимающійся наукой, такъ что мѣсто ему не въ гимназіи, а въ университетѣ.

— Ааа! воскликнулъ князь, такъ вотъ онъ у васъ какой,—ну такъ и у меня будетъ хорошъ.

Воротившись въ квартиру, попечитель нашелъ у себя на столѣ прошеніе Михаила Гавриловича объ отставкѣ. Посылаетъ за нимъ князь и предлагаетъ взять просьбу назадъ: Ерофѣевъ отказался въ довольно рѣзкой формѣ.

— Ваше сіятельство! отвѣтилъ ему Ерофѣевъ, я служить не намѣренъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что Ерофѣева перемѣстили въ немировскую гимназію, куда онъ, кажется, и не ѣздилъ, такъ какъ, по протекціи брата, служившаго въ Петербургѣ въ какомъ то департаментѣ, наставникъ нашъ получилъ мѣсто совѣтника въ курской казенной палатѣ, гдѣ, говорятъ, онъ началъ свою дѣятельность съ того, что сталъ учить палатскихъ чиновниковъ русской грамматикѣ, а кончилъ тѣмъ, что, желая искоренить взяточничество, впалъ въ немилость начальства и хотя не былъ уволенъ отъ службы, благодаря той же поддержкѣ брата, но въ конецъ разстроилъ свое здоровье и долженъ былъ выйти въ отставку.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 50-тыхъ годахъ страдающимъ сильнымъ разстройствомъ нервовъ и спазмами. Больной питался однимъ бульономъ, не могъ спать, не принявши опіума. Забытый всѣми труженикъ науки доживалъ остатокъ дней своихъ въ виду того заведенія, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Изъ ученыхъ его трудовъ напечатанъ только переводъ „Исторіи среднихъ вѣковъ“ Лудена.

Поѣздка въ деревню. Смерть отца. Иванъ Михайловичъ примиряется съ Богомъ.

Живя постоянно внѣ дома и занятый во все остававшееся отъ уроковъ время то вознею съ бездарными мальчуганами, то собственной работой, я не могъ часто навѣщать родныхъ, бывая дома только по субботамъ. Пользуясь моимъ приходомъ, матушка моя, по старому козацкому звычаю, мыла мнѣ голову, какъ поется въ нашей народной пѣснѣ:

Иды, сынку, до домоньку—
Змыю тоби головоньку!.

Видя гнетущую нужду семейства, я отдавалъ матери послѣднія трудовыя деньги, получаемыя частію отъ Ивана Михайловича, частію отъ учениковъ, приходившихъ ко мнѣ на репетиціи. Эта ничтожная помощь не могла, конечно, удовлетворить всѣмъ домашнимъ потребностямъ; пять душъ семейства, въ числѣ коихъ была слѣпая 80-ти лѣтняя бабушка и двѣ сестры, почти дѣвочки. Отецъ въ послѣднее время сталъ сильно хворать и ровно ничѣмъ не занимался. При такихъ условіяхъ, поѣздка въ деревню на Рождество Христово была неизбѣжна. Хотя зимой, особенно у такого надоѣдливаго барина, какъ Иванъ Михайловичъ, мнѣ предстояла смертная скука, но для сокращенія расходовъ по дому, я долженъ былъ волей-неволей отправиться. При прощаніи съ отцомъ, я въ первый разъ замѣтилъ, что онъ очень плохъ. Первымъ движеніемъ моимъ, послѣ такого печальнаго открытія, была рѣшимость остаться на праздники дома, но батюшка сталъ меня сильно упрашивать не дѣлать этого, увѣривъ меня, что болѣзнь пройдетъ и что опасности никакой не предвидится. Скрѣпя сердце, я поѣхалъ въ Боровичи, куда меня главнымъ образомъ тянулъ сундукъ съ французскими книгами, какими то судьбами уцѣлѣвшій отъ сѣнинскаго погрома, вмѣстѣ съ старинной мебелью. Къ сундуку этому я давно подбирался, пообѣщавъ барину заняться составленіемъ каталога всѣмъ хранившимся тамъ книгамъ. По прибытіи на мѣсто, я безотлагательно приталъ къ хозяину съ просьбой передать мнѣ ключъ и наконецъ, о радость! щелкнулъ замокъ и передо мною лежала масса запыленныхъ книгъ въ старинныхъ переплетахъ. Скупой рыцарь (у Пушкина) не радовался такъ, открывъ сундукъ съ червонцами, какъ

обрадовался я, увидѣвъ передъ собой нетлѣнныя сокровища человѣческаго ума: то были, большею частію, творенія знаменитыхъ энциклопедистовъ, жрецовъ богини Разума, провозвѣстниковъ свободы, поборниковъ правъ человѣка—творенія, подготовившія великій переворотъ 1789 года... Благодаря самостоятельному труду, я былъ настолько уже силенъ во французскомъ языкѣ, что могъ читать эти книги при небольшомъ пособіи лексикона. Передо мною открылся новый міръ идей и понятій, совершенно непохожій на тотъ тѣсный, удушливый, замкнутый кругозоръ, въ которомъ до того времени коснѣла моя умственная жизнь. Всѣ тѣ основы, на которыхъ построено было, на мѣдные гроши, еще недоконченное зданіе моего образованія, сильно затрещали... Особенно разрушительно повліяли на мой недоразвившійся умъ „Questions sur l'encyclopédie“ Вольтера, изд. 1792 года. Совершавшійся въ моей внутренней жизни переломъ привелъ меня въ состояніе человѣка, волшебною силой перенесеннаго, изъ душной комнаты на высокую гору, откуда ему, при блескѣ лѣтняго солнца, открылась безпредѣльная даль. У меня закружилась голова отъ прилива новыхъ мыслей, сомнѣній, противорѣчій, между тѣмъ какъ я и десятой доли не успѣлъ прочесть изъ того, что было отложено мною изъ заповѣднаго сундука. Чтеніе было прервано пріѣздомъ моего родственника: отецъ былъ при смерти. Я поспѣшилъ домой, сколько могъ, и, пріѣхавши вечеромъ, засталъ больнаго при послѣднихъ минутахъ. Во второй разъ въ жизни приходилось мнѣ испытывать потерю близкаго существа; но теперь мнѣ было во сто кратъ тяжеле на душѣ, чѣмъ при смерти столѣтняго дѣда: сознательнѣе и глубже чувствовалъ я, въ виду безпомощной вдовьей жизни моей матери. Все, что вынесла она, отчасти, быть можетъ, по винѣ отца, теперь было забыто. Что было, то прошло и слава Богу! насъ пугало теперь то, что будетъ впереди. Перспектива пяти лѣтъ моего ученія представлялась намъ безконечною.

Никакая философія, никакой стоицизмъ не устоитъ предъ страшнымъ таинствомъ смерти! Ни умирающіе, ни остающіеся въ живыхъ, —несмотря на твердое убѣжденіе въ неизбѣжности ежеминутно повторяющагося явленія смерти, не взирая ни на силу воли, ни даже на вѣру въ загробную жизнь, — не могутъ безъ жгучей душевной боли перенесть этой „вѣчной“ разлуки съ дорогими сердцу существами...

Отца похоронили 31 декабря. Не радостно встрѣтили мы первый день новаго года. Погоревавши еще два—три дня въ кругу родныхъ, я перешелъ на свою квартиру къ квартальному. Дѣти еще не пріѣзжали. Пользуясь досугомъ, я принялся за работу. Некогда было предаваться безплодной печали: „плачемъ мертваго ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь“.

Теперь на мнѣ одномъ, какъ старшемъ въ семействѣ, лежала обязанность поддержать родныхъ и обезпечить ихъ горемычное существованіе. Обдумывая свое положеніе, я прежде всего постановилъ, во что бы то ни стало, достигнуть ближайшей цѣли—окончить гимназію, не задаваясь дальнѣйшими планами: „зане довлѣетъ дневи злоба его“. Не ожидая ни отъ кого никакой помощи, я возложилъ упованіе на свои силы, на свой трудъ.

„Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми“, говоритъ сама мудрость устами Даніила Заточника. Впередъ же, впередъ! 10 января пріѣхалъ съ дѣтьми Иванъ Михайловичъ, въ сопровожденіи пяти подводъ съ мѣшками и шестой—съ жидомъ Мошкой. Дѣло въ томъ, что еврей, поселившись, съ согласія помѣщика, на хуторѣ, началъ систематически спаивать всю его дворню. Лакеи и горничныя стали воровать барское добро и таскать въ шинокъ. Баринъ неоднократно предостерегалъ Мошку не принимать краденыхъ вещей, не давать людямъ водки и гнать ихъ отъ себя; но шинкарь, по своей жидовской натурѣ, не могъ удержаться отъ соблазна легкой наживы и продолжалъ свой промыселъ. Выведенный изъ терпѣнія помѣщикъ расправился съ нимъ самолично, по вольности россійскаго дворянства, не прибѣгая къ суду: взявъ съ собой нѣсколько человѣкъ дворовыхъ, нагрянулъ на шинокъ, перевернулъ вверхъ дномъ всѣ жидовскіе бебехи, забралъ свои вещи, а самого жида заковалъ въ цѣпи и посадилъ въ холодную. Продержавъ Мошку въ заключеніи цѣлую недѣлю, баринъ, отправляясь въ городъ, велѣлъ везти за собой и „поганаго жида“, не снимая съ него цѣпей. Хитрый іудей, повидимому, совершенно покорился своей участи, перенесъ безропотно недѣльный арестъ и во всю дорогу до самаго города не промолвилъ ни слова: только сидѣлъ на саняхъ и бормоталъ молитвы. Но едва подводы въѣхали на базарную площадь, онъ поднялся на саняхъ во весь ростъ и заоралъ благимъ

матомъ: гвултъ! Чуть не со всего города сбѣжались жиды на площадь, схватили Мошку и потащили къ городничему; потомъ цѣлою массой двинулись къ нашей квартирѣ и осадили домъ квартальнаго со всѣхъ сторонъ, произнося непривычныя для дворянскаго уха кривоносовскаго эсквайра ругательства. Только затрещины и зуботычины нашего хозяина и самого городничаго избавили насъ отъ блокады. Шинкарь подалъ жалобу на помѣщика, который съ толпою своихъ крестьянъ разбойнически напалъ на его жилище, разорилъ и разграбилъ все его имущество, перепугалъ до смерти его жену, бывшую въ то время—„на снѣсѣ," самого же его, Мошку, заковалъ въ цѣпи, истязалъ побоями, морилъ шесть дней голодомъ и холодомъ и проч.

Уѣздный судья, задобренный щедрою рукой барина, рѣшилъ дѣло въ его пользу. Жидъ подалъ „на апелляцію" въ губернію, но и тамъ Иванъ Михайловичъ успѣлъ подмаслить юстицію и Мошка остался съ носомъ. Неугомонный шинкарь собирался было идти пѣшкомъ въ Петербургъ, „до самого Чара", но о результатахъ этого предпріятія ничего неизвѣстно. Знаю только, что помѣщику это казусное дѣло обошлось до 2 тыс. асс.

Сюрпризъ за сюрпризомъ. Передъ масляной изъ Боровичъ пришла вѣсть, что Иванъ Михайловичъ женился или, точнѣе, повѣнчался съ своею Гапочкой. Въ началѣ медоваго мѣсяца онъ и самъ прикатилъ въ городъ. Вся наша городская интеллигенція кинулась поздравлять новобрачнаго, безъ сомнѣнія, разсчитывая на хорошую выпивку. Но господа эти сильно обманулись въ своихъ разсчетахъ. Иванъ Михайловичъ принялъ ихъ чрезвычайно „сухо", въ буквальномъ значеніи слова, т. е. не далъ имъ и по рюмкѣ водки промочить горло. Гости разошлись, недовольные хозяиномъ, извѣстнымъ хлѣбосоломъ и весельчакомъ. Баринъ остался одинъ.

Я въ это время сидѣлъ за своимъ рабочимъ столикомъ и не шелъ къ нему безъ приглашенія. Но соскучившись, баринъ позвалъ меня къ себѣ и обратился къ Бѣлкѣ съ такимъ распоряженіемъ:

— Бѣлка! поди ты къ Цапеницкому, да спроси у него вина, самаго лучшаго, какое только у него есть въ погребѣ. Да смотри же, такъ и скажи: Иванъ Михайловичъ приказалъ спросить бутылку вина самаго лучшаго, слышишь? такъ и скажи: самаго лучшаго! да смотри, живо!

Вино было принесено. Баринъ налилъ двѣ рюмки и одну предложилъ мнѣ съ такимъ неожиданнымъ предисловіемъ:

— Выпьемъ, любезный другъ мой М.—К—чъ съ тобою! Ты одинъ желаешь мнѣ добра: одинъ ты не поздравилъ меня. Я самъ знаю, что сдѣлалъ величайшую глупость, но зачѣмъ мнѣ объ этомъ напоминать? Они подлецы смѣяться приходили надо мной, а не поздравлять—выпьемъ же, ты одинъ меня не поздравилъ!

Затѣмъ, какъ бы оправдываясь передо мною, или лучше сказать, передъ своею совѣстью, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Треба жъ було, братику, хоть на старости примириться съ Богомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а неуклюжая, простоватая Гапка преобразилась de jure въ настоящую помѣщицу Агафію Григорьевну. Теперь она еще крѣпче станетъ держать бразды правленія по дому и никому не позволитъ перечить своему ндраву. Самъ Иванъ Михайловичъ долженъ будетъ плясать по ея дудочкѣ и перестанетъ якшаться съ Маевскимъ и прочими картежниками, сдѣлавшись примѣрнымъ семьяниномъ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы родилась дочь, законная наслѣдница кривоносовскаго имѣнія. Восторгу Ивана Михайловича и его супруги не было границъ. Но злая судьба жестоко подшутила надъ счастливой четой: малютка умерла черезъ полгода, между тѣмъ какъ прочія дѣти, рожденныя до брака, всѣ до одного живехоньки. Надобно было видѣть стараго барина у могилы своей дочери: такого безутѣшнаго отчаянія трудно было ожидать отъ человѣка, смотрѣвшаго на жизнь съ точки зрѣнія эпикурейскаго мудреца.

— Прощай, мое сокровище! вопилъ онъ всенародно надъ могилой ребенка, помѣщица ты моя кривоносовская! Наслѣдница ты моя безталанная!

Годичныя наши испытанія, съ грѣхомъ пополамъ, кончились. Настали каникулы, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали мои ученики—Андрюша и Яша, зачеркивая каждый день, ложась спать, по одной цифрѣ на висѣвшей надъ ихъ головою табличкѣ, на которой изображались дни, остававшіеся до роспуска, когда они, запоревъ въ сундукъ противные учебники, поѣдутъ домой мучить козла да объѣдаться жирными яствами.

Счастливое, глупое, невозвратное дѣтство! Жалѣть ли о тебѣ, или благословлять Провидѣніе, что ты такъ скоро проходишь и не возвращаешься къ намъ съ своими ребяческими радостями и печалями? О нѣтъ, лучше не возвращайтесь вы, счастливые, глупые, ребяческіе годы!

Вступивъ съ нѣкотораго времени въ новый періодъ сознательно разумной жизни, я мало по малу сталъ охладѣвать къ своимъ вакаціоннымъ развлеченіямъ. Меня не тянуло уже съ такою неудержимою силой къ ружью и къ удочкѣ, какъ это было еще такъ недавно. Хотя я никогда не покидалъ ни охоты, ни уженья, но сталъ пользоваться ими умѣреннѣе, видя въ нихъ уже не цѣль, а средство, сближающее человѣка съ природой. Во второй разъ я долженъ былъ измѣнить своей любимицѣ, оставивъ добровольно на цѣлый мѣсяцъ завѣтныя мѣста, доставлявшія мнѣ столько счастливыхъ дней въ прежніе годы. Частію финансовыя соображенія, частію большой сундукъ съ французскими книгами заставили меня сразу согласиться на приглашеніе въ деревню, тѣмъ болѣе, что и тамъ можно подышать свѣжимъ воздухомъ полей и луговъ, размять согбенные сидячею жизнію члены, освѣжить умственныя силы здоровымъ и крѣпкимъ сномъ, послѣ купанья подъ мельничнымъ колелесомъ, сномъ, какимъ обыкновенно спятъ молодые люди послѣ дѣятельно проведеннаго дня, частію въ пустыхъ, ничего незначущихъ разговорахъ. При такихъ условіяхъ, даже утомительные до тошноты разсказы барина о генералахъ и сенаторахъ не могли помѣшать мнѣ наслаждаться отдыхомъ. За симъ

Еще одно послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя!

Седьмой классъ (1839 — 40 годъ).

„Земля! Земля!“ вскричали измученные долгимъ плаваніемъ спутники великаго Колумба, узрѣвши берегъ новаго свѣта.

„Седьмой классъ!“ подумалъ я вслухъ, идучи домой съ послѣдняго шестикласснаго экзамена подѣлиться своею радостію съ матушкой. Да, продолжалъ я раздумывать, немалое пространство проплылъ и я, блуждая по житейскому морю „безъ кормила и весла“—

безъ путеводителя, безъ средствъ! Въ продолженіе десяти лѣтъ моего ученія много претерпѣлъ я нужды и лишеній, не разъ сбивался съ истиннаго пути—и вотъ, слава Богу, почти уже у берега. Полный надеждъ и упованій на свои собственныя силы, я сталъ глядѣть впередъ безъ страха.

Испытавъ невыгоды совмѣстнаго помѣщенія съ учениками, я, еще будучи въ деревнѣ, началъ приставать къ Ивану Михайловичу съ просьбою о перемѣнѣ квартиры, чтобы у меня была особенная комната. Въ послѣднемъ классѣ мнѣ предстояло много работы и потому я нуждался въ отдѣльномъ помѣщеніи, а не въ углѣ, какъ было до сихъ поръ. Внявъ моему гласу, помѣщикъ нанялъ намъ квартиру болѣе удобную, подлѣ самой брамы, у Ѳомы Ивановича Шота. Устроившись на новосельѣ, я составилъ себѣ планъ занятій на весь годъ. Нужно было повторить весь гимназическій курсъ, пройденный съ большими пробѣлами и прорѣхами, и приготовить вновь пройденное въ VII классѣ. Правда, въ описываемое время получить аттестатъ было несравненно легче, чѣмъ теперь, когда требованія увеличились противъ прежняго въ три раза, и я, безъ особенныхъ усилій, могъ пріобрѣсть этотъ важный документъ, но мнѣ необходимо было окончить гимназію cum eximia laude, чтобы имѣть болѣе шансовъ на поступленіе въ университетъ казеннокоштнымъ студентомъ, такъ какъ мнѣ, бѣдняку, другаго выхода не было: въ этомъ для меня состоялъ вопросъ жизни и смерти, гамлетовское „быть или не быть?“

Распредѣливъ въ началѣ учебнаго года предметы гимназическаго курса такимъ образомъ, чтобы не упустить изъ виду ничего существеннаго, я, съ чисто нѣмецкою аккуратностію, неуклонно слѣдовалъ составленному плану. Только пріѣзды барина нарушали по временамъ заведенный мною порядокъ, да на первыхъ порахъ немало мѣшалъ мнѣ мой новый хозяинъ Ѳома Ивановичъ. Вольноотпущенникъ Судіенка, часовщикъ по ремеслу, хотя и не весьма искусный, но единственный въ городѣ, хозяинъ мой, по внушительной наружности, скорѣе смахивалъ на помѣщика средней руки, чѣмъ на бывшаго дворовaго человѣка. По праздникамъ Ѳома Ивановичъ любилъ почитывать библію, вслѣдствіе чего возъимѣлъ большія претензіи на титулъ просвѣщеннаго человѣка. Будучи принятъ, какъ

гость, у почтеннаго архимандрита Геннадія, часовщикъ позволялъ себѣ вступать въ словопренія съ духовенствомъ, а разъ даже присутствовалъ при богословскомъ диспутѣ съ нѣкіимъ уніатскимъ попомъ, сосланнымъ на эпитемію въ новгородсѣверскій монастырь за то, что не соглашался „возсоединиться“. Если вѣрить Ѳомѣ Ивановичу, то онъ „срѣзалъ уніата“ какимъ то такимъ сильнымъ аргументомъ, чго тотъ, по его словамъ „а не пикнулъ“ и тотчасъ возсоединился.

Хозяинъ мой былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, либералъ и вольнодумецъ, до чего онъ дошелъ собственнымъ умомъ, чѣмъ онъ гордился. Во едину отъ субботъ, вечеромъ, онъ по обыкновенію пришелъ ко мнѣ побесѣдовать.

— А я, говоритъ, только что чѣлъ Соломоновы премудрости и между нами будь сказано, не мало удивляюсь, за что его считаютъ великимъ мудрецомъ? Не понимаю, что за мудрость писать такъ, чтобы тебя никто не разумѣлъ?—Потомъ, понизивъ голосъ, конфиденціально прибавилъ: „Какія, доложу вамъ, Соломонъ глупости городитъ—это страхъ!“

Относясь критически ко всему прочитанному, Хома не все, однако жъ, порицалъ. Многое изъ исторіи древней культуры онъ предпочиталъ даже современнымъ изобрѣтеніямъ; такъ, напр., стѣнобитныя орудія, или тараны, употреблявшіеся при взятіи крѣпостей, онъ считалъ болѣе страшными, чѣмъ наша осадная артиллерія: „мы только, говорилъ онъ, не умѣемъ сдѣлать этихъ орудій, какъ слѣдуетъ, да и утверждаемъ, что они не годны“. Однажды хозяинъ выпросилъ у меня сочиненія Гоголя и, возвращая книгу, высказалъ такое рѣшительное сужденіе о нашихъ литераторахъ:

— Всѣ сочинители мошенники. Они только деньги выманиваютъ у нашего брата—простака.

Хома Ивановичъ былъ человѣкъ тучный и потому любитъ прохладу, работая всегда въ одномъ бѣльѣ, въ шлепанцахъ на босу ногу. Въ такомъ костюмѣ онъ выходилъ иногда и за ворота посидѣть на лавочкѣ и побалагурить съ своимъ сосѣдомъ унтеръ-офицеромъ Павлушкой. Любилъ также при случаѣ здорово бить муху, особенно когда случалось ему поѣхать починивать допотопные прадѣдовскіе часы по усадьбамъ ближайшихъ помѣщиковъ. Нашему барину Хома Ивановичъ нравился.

Первое полугодіе прошло быстро, въ усиленныхъ занятіяхъ. Къ концу ноября я подвелъ итоги своимъ работамъ и остался собою доволенъ: сдѣлано было дѣйствительно много. Въ награду за прилежаніе, я позволилъ себѣ льготу на праздникахъ Рождества и съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе новой барыни провесть недѣльку другую въ кругу ея многочисленнаго семейства. Хотя зимой на хуторѣ не предвидѣлось особенныхъ развлеченій, но я о нихъ мало заботился. Меня все еще не переставалъ привлекать къ себѣ сундукъ съ книгами. Чтеніе серьезныхъ книгъ было для меня гораздо занимательнѣе болтовни стараго барина, который, замѣтивъ, что я слушалъ его безъ должной аттенціи, вломился въ амбицію и пересталъ звать меня въ кабинетъ. Такъ прошли всѣ праздники.

Откормивши милыхъ чадъ своихъ и ихъ репетитора разными пундыками и пряженцами, Агафья Григорьевна снарядила насъ въ путь съ цѣлымъ обозомъ провизіи. Кушали въ то время помѣщики знатно, а новоиспеченная помѣщица была большая мастерица заказывать обѣды и ужины доморощенному повару, спеціально подготовленному ею для стряпанья любимыхъ блюдъ Ивана Михайловича. Баринъ кушалъ плотно, хотя за ужинъ никогда не садился, безпрестано повторяя, что въ Петербургѣ никогда не ужинаютъ. Но едва ли онъ каждый вечеръ не съѣдалъ больше нашего, прохаживаясь вокругъ стола и пробуя, въ значительномъ количествѣ, каждаго блюда.

Чѣмъ ближе подходило время окончательныхъ испытаній, тѣмъ тревожнѣе принимались за дѣло мои товарищи. Изъ соревнованія, а можетъ быть и изъ зависти, каждый изъ насъ старался скрыть отъ другаго, что́ онъ уже успѣлъ приготовить, утаивая и уменьшая количество повторенныхъ предметовъ. Одинъ только Миша Горяиновъ, добрая душа, въ этомъ случаѣ говорилъ правду: „Богъ меня вбей— ничего не знаю!“

Замѣтивъ такое предательское настроеніе товарищей, я тоже стушевался и ни гу-гу о томъ, что у меня еще въ апрѣлѣ было все готово. Одной лишь математики, какъ ни бился я надъ нею, никакимъ образомъ не могъ преодолѣть. Я ее никогда не зналъ, да и не имѣлъ къ ней ни малѣйшаго расположенія. Не получивъ твердыхъ основаній въ низшихъ классахъ, я, очевидно, не въ состояніи

былъ понять ни уравненій, ни логаріѳмовъ, ни бинома Нютонова, а объ аналитикѣ и говорить нечего. Въ этой мудреной штукѣ самъ Бонче́ ни бельмеса не смыслилъ. Вызубритъ бывало предстоящій къ объясненію урокъ и начнетъ писать на доскѣ формулы. Пишетъ-пишетъ да и станетъ на половинѣ въ тупикъ—ни тпру, ни ну! Стоитъ передъ доскою да знай нанихаетъ табакомъ носъ, съ цѣлію возбудить дѣятельность мозга наркотическимъ порошкомъ. Слеза бывало прошибетъ бѣднаго Бонче́, а задача все таки оставалась нерѣшенною до слѣдущаго урока. Спрашивается, какимъ же способомъ, съ плохими началами въ математикѣ, дошелъ я до седьмаго класса? А благодаря великодушной снисходительности того же Бонче́. Надобно знать, что сей почтенный педагогъ, будучи обремененъ большимъ семействомъ отъ двухъ женъ, не могъ прожить тогдашнимъ, болѣе чѣмъ скуднымъ, жалованьемъ, стало быть, по необходимости, нужно было искать другихъ источниковъ т. е. содержать пансіонеровъ да заставлять учениковъ брать частные уроки. Изъ-за пансіонеровъ всегда и вездѣ между преподавателями происходили ссоры и дрязги, а изъ за того, чтобы заставить воспитанниковъ брать уроки, безъ зазрѣнія совѣсти, дѣлались прижимки. Вотъ отчего самый безкорыстный изъ извѣстныхъ мнѣ въ пяти гимназіяхъ учителей математики Матвѣй Албертовичъ Доморацкій отъ всей души ненавидѣлъ Осипа Григорóвыча и, стараясь попасть по коню, билъ по оглоблямъ, ставя пансіонерамъ своего коллеги „еди́ницы“.

Не зная моего состоянія, Бонче еще въ V классѣ сталъ было прижимать меня; но я, сразу понявши въ чемъ дѣло, отправился къ нему на домъ и откровенно объяснилъ ему, что съ меня взятки гладки, что онъ окажетъ великую божескую милость, если не будетъ препятствовать моимъ переводамъ, а что я, съ своей стороны, буду зубрить формулы и отвѣчать ему разъ въ мѣсяцъ. Бонче́, спасибо ему, внялъ моей просьбѣ и заключилъ со мною конвенцію такого рода: если я буду сидѣть на урокѣ, понуривъ голову—знакъ, что я не готовъ, не спрашивай, молъ, меня! Если же стану весело смотрѣть въ глаза учителю, это означало, что вызубрилъ урокъ и меня смѣло можно вызвать къ доскѣ.

Окончательныя наши испытанія, производимыя безъ всякой торжественности, какою обыкновенно сопровождались они во время не-

забвенной „тимковщины“, прошли съ прибавкой всяческихъ скандаловъ, какихъ не случалось прежде. На экзаменѣ по физикѣ произошелъ такой, напр., курьезъ.

Вызвали Василія Глотова. Взялъ онъ „вопросъ“ о лейденской банкѣ; нарисовалъ чертежъ и сталъ отвѣчать:

„Если мы пропустимъ проволоку внутрь банки“...

— Але не внутрь, а знаружи! прерываетъ его преподаватель, думая, по незнанію русскаго языка, что слово внутрь значитъ снаружи. Ваську хотѣлъ поддержать Бончé и сталъ увѣрять Матвѣя Албертовича, что ученикъ выразился правильно, сказавши внутрь.

— А ты почему знаешь? окрысился физикъ.

— Не только знаю, но я самъ опыты производилъ, отвѣчалъ самоувѣренно математикъ.

— А ей Богу, неправда! усумнился физикъ.

— Отчего же неправда? Я развѣ не могу дѣлать опытовъ?

— Очевидно, не можешь, для того, что ты дурны!

— Это еще вопросъ—кто изъ насъ дуракъ: мы своихъ головъ не вѣсили.

— А ей Богу, не нужно вѣшать, бо я знаю, въ твоей головѣ солома!

Видя, что разговоръ началъ принимать совсѣмъ не педагогическій характеръ, директоръ прекратилъ его, а Бончé, отплевываясь на всѣ четыре стороны, вышелъ изъ класса.

Послѣ Тимковскаго, который, какъ мы видѣли, всегда самъ производилъ испытанія, пробирая и учениковъ, и учителей, при новомъ директорѣ они обратились въ чистѣйшую лоттерею. У него положено было правиломъ не предлагать отвѣчающему на взятый билетъ никакихъ постороннихъ вопросовъ; вслѣдствіе такого распоряженія, я, не зная математики, по счастливой случайности, получилъ весьма хорошія отмѣтки, такъ какъ на мою долю выпали самые пустые билеты. Голосъ преподавателя, при большинствѣ другихъ членовъ педагогическаго совѣта, ничего не значилъ. Вообще говоря, успѣхи мои превзошли ожиданія: я получилъ первый аттестатъ, при

чемъ, вмѣсто золотой медали, которою награждаютъ отличныхъ учениковъ въ другихъ гимназіяхъ, мнѣ дали четыре тома Тита Ливія, залежавшагося въ складѣ до того, что его и мыши не захотѣли ѣсть [1]).

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) При Тимковскомъ золотыя медали не выдавались, но получаемые окончившими съ успѣхомъ гимназію аттестаты цѣнились воспитанниками дороже золота. Вотъ одинъ изъ такихъ аттестатовъ, выданный П. А. Антоновичу, бывшему попечителю кіевскаго учебнаго округа.

№ 1. Увольнительное свидѣтельство.

Имя: Платонъ Антоновичъ-Войшинъ, малороссійской черниговской губерніи кролевецкаго повѣта, дворянина, коллежскаго протоколиста Александра Антоновича-Войшина сынъ; родился въ городѣ Кролевцѣ ноября 13 дня 1811 года.

Время посѣщенія гимназіи: выпускаемый, по изученію въ кролевецкомъ повѣтовомъ училищѣ, поступилъ новгородсѣверской гимназіи въ 1-й классъ, августа 1-го дня 1824 года; въ оной находился пять лѣтъ, изъ того 2 года въ четвертомъ классѣ.

Поведеніе. Въ отношеніи къ соучащимся, находясь всегда скромно и степенно, съ добродушіемъ и привѣтливымъ угожденіемъ, пріобрѣлъ общее уваженіе и любовь; *въ отношеніи къ начальству*, при наблюденіи порядка и правилъ съ добростію нрава, никогда не подавалъ повода учителямъ и начальству порицать что либо какъ въ классномъ, домашнемъ и городскомъ его поведеніи, такъ и въ склонностяхъ и употребленіи времени; обыкновенныя учебныя исправленія принималъ съ откровеннымъ и стремительнымъ желаніемъ своего образованія; не было между начальствомъ и имъ иныхъ отношеній, кромѣ чистаго благонравія, сыновней преданности и выразительнаго почтенія со стороны его, — удовольствія, сердечнаго расположенія и надежной попечительности со стороны начальства; сіи качества его соединены были съ убѣжденіемъ въ кротости мнѣній и духѣ благочестія, съ которыми всегда прилѣжалъ къ изученію Закона Божія и Священнаго писанія и въ томъ оказалъ отличные успѣхи. *Примѣчаніе.* Въ прилежаніи всегда видны были особенное постоянство съ пріятными и весьма способными дарованіями, исправное посѣщеніе классовъ съ трудолюбіемъ въ домашнихъ занятіяхъ; привязанность къ достиженію высшихъ знаній съ ревностнымъ исполненіемъ уроковъ, задачъ и ежемѣсячныхъ переводовъ, преложеній, разборовъ и сочиненій, за что во всѣхъ четырехъ классахъ гимназіи получалъ похвальныя свидѣтельства.

Познанія: Выпускаемый въ латинскомъ языкѣ пріобрѣлъ отличную способность чтенія, понятія и изъясненія писателей, прозаиковъ и поэтовъ; въ сочиненіи и выраженіи на семъ языкѣ хотя не имѣлъ опытовъ, но въ переводахъ на оный весьма много достигъ грамматической правильности и нѣсколько даже выбора и чистоты рѣченій; въ началахъ греческаго языка средственные успѣхи; въ географіи и древней исторіи очень хорошіе; въ хронологіи, древностяхъ, новѣйшей всемірной и россійской исторіи хорошіе; по части математики: въ алгебрѣ и геометріи, въ приложеніяхъ алгебры къ геометріи и въ тригонометріи превосходные; въ началахъ высшихъ исчисленій, высшей геометріи и механики очень хорошіе; въ естественной исторіи и физикѣ очень хорошіе; въ нѣмецкомъ языкѣ изрядные; въ французскомъ

языкѣ получилъ свободное понятіе и изъясненіе писателей, хорошій выговоръ и въ выраженіи на ономъ нѣсколько грамматической правильности; знаніе правилъ россійскаго и славянскаго языковъ, логики и риторики превосходные; приложеніи оныхъ, чистота и сила языка и слога въ помѣсячныхъ и экзаменаціонныхъ переводахъ и сочиненіяхъ показываютъ обильное и вѣрное размышленіе о предметѣ и тщательность о возвышеніи сихъ способностей, при томъ въ правилахъ изящества и въ исторіи словесности оказалъ очень хорошіе успѣхи; въ рисованьи, черченіи и почеркѣ чистописанія хорошіе. Всѣми же предметами не по одной обязянности, но съ любомудріемъ и охотою занимался; особенная его наклонность примѣтна къ важности исторіи, правамъ и достоинству слога.

Нынѣ, окончивъ свой курсъ, онъ, Антоновичъ, заслужилъ объявленное при публичныхъ испытаніяхъ имя примѣрнаго ученика гимназіи; почему слѣдуетъ его Антоновича-Войшина, для усовершенствованія въ познаніяхъ, отправить въ Императорскій харьковскій университетъ на казенный счетъ и съ тѣмъ ему сей аттестатъ, перваго номера, о вышеписанномъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава учебныхъ заведеній § 62 и постановленій начальства, за подписаніемъ директора и учителей гимназіи, съ приложеніемъ гимназической печати данъ 1829 г. іюля 7 дня. Подлинное подписано: Директоръ гимназіи, докторъ правъ и философіи, королевскаго великобританскаго геттингскаго ученаго общества членъ и кавалеръ Илья Тимковскій, законоучитель соборный протоіерей Стефанъ Ленковскій; исторіи, географіи и статистики учитель Петръ Левицкій, учитель латинскаго, греческаго и временно нѣмецкаго языковъ коллежскій совѣтникъ Кириллъ Капля; учитель философіи и россійской словесности Григорій Македонскій; учитель математическихъ наукъ Иванъ Сбитневъ; учитель естественныхъ наукъ и инспекторъ учениковъ Герасимъ Ивановскій; учитель рисованія и черченія Степанъ Кириловъ. Печать красная.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.[1]

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Заупрямился Максимъ, цѣлые вечера просиживалъ дома съ трубкою въ зубахъ и скучалъ. Онъ привыкъ уже въ теченіи многихъ лѣтъ проводить длинные вечера у Шмуля или въ чьей нибудь хатѣ среди сосѣдей, привыкъ, чтобы его поджидали за кружкою пива, прислушивались бы со вниманіемъ къ каждому его слову и не прочь былъ и самъ послушать, что говорятъ и другіе... Теперь онъ отшельникомъ сидѣлъ дома въ темной хатѣ. Старикъ отецъ храпѣлъ на печи, Ѳедоръ былъ далеко, глупый Петро, едва совладѣвъ съ миской каши, тотчасъ ложился спать въ обору; жена же его, измученная тяжелою работою, дремала на лежанкѣ и машинально шептала молитвы.

Одна Евка бодрствовала неизмѣнно въ продолженіи цѣлаго вечера и пряла передъ лампочкой у окна; медленно, неловко вытягивала она нитку, искоса поглядывая на Максима. Тотъ сидѣлъ за столомъ, поддерживая голову одною рукою; въ чистой рубахѣ, застегнутой у ворота на зеленую стекляную пуговицу,— румяный, съ бѣлымъ лбомъ, съ голубыми глазами и свѣтлыми, какъ ленъ, усами, онъ выглядывалъ еще довольно молодымъ и пригожимъ; это мало интересовало Евку, ей просто было скучно и если бы, вмѣсто умнаго и благообразнаго крестьянина, сидѣлъ за столомъ волкъ, она точно также поглядывала бы и на волка.

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., №№ 5 и 6, май и іюнь.

Въ свою очередь и Максимъ не обращалъ на нее вниманія, зналъ, что она была зла, лѣнива, распущена, какъ всякая почти бездомная „прыблуда“; сперва онъ негодовалъ въ душѣ, зачѣмъ приняли ее въ хату, стыдился за нее передъ людьми, даже самъ велѣлъ женѣ одѣть ее по крайней мѣрѣ въ крѣпкую рубашку и новую чистую юбку. Раза два въ эти одинокіе вечера онъ приказывалъ Евкѣ подать огня для трубки. Она вскакивала съ мѣста, въ два прыжка приближалась къ печи, выгребала оттуда жаръ изъ пепла и приносила горячій уголекъ, перебрасывая его съ руки на руку. Максимъ прикладывалъ уголь къ трубкѣ, она стояла передъ нимъ молча, съ улыбкою и смотрѣла ему въ лицо своими сѣрыми глазами. Мало по малу онъ освоился съ нею, привыкъ къ этой единственной душѣ, бодрствовавшей среди глухаго храпѣнія, смѣшаннаго съ шелестомъ таракановъ по стѣнамъ и съ отрывистымъ пѣніемъ сверчка подъ печью. Разъ, когда Евка, взявши гребень и веретено, хотѣла идти на „вечорныци“ въ сосѣднюю хату, Максимъ прикрикнулъ на нее.

— Куда? ты вѣдь не дѣвушка!.. солдатка! мужъ на чужой сторонѣ одинъ одинешенекъ, не нужно тутъ безъ него искать веселья!

Онъ былъ убѣжденъ, что отстаивалъ семейную нравственность и добродѣтель, но все же ему веселѣе сдѣлалось на душѣ, когда молодая женщина воротилась отъ двери и снова усѣлась у окна на свое мѣсто. Съ тѣхъ поръ онъ все чаще и чаще заговаривалъ съ нею, но всегда какъ то нехотя, словно по принужденію, не подымая глазъ, и несмотря на то, прекрасно видѣлъ ея худощавое, смуглое лицо, сѣрые глаза и эту улыбку, безстыдную, какъ бы вызывающую. Онъ злобно отплевывался; давнымъ давно уже не вѣрилъ онъ въ черта, но чувствовалъ, что въ этой тощей бродягѣ гнѣздится все зло, собранное по темнымъ угламъ еще въ то время, когда она шаталась съ дѣтства между разнымъ людскимъ сбродомъ, не вѣрилъ ей ни на грошъ, но какъ то его иногда разбирала жалость, если онъ видѣлъ хотя бы, какъ Евка спала, скорчившись въ углу на кучѣ мѣшковъ, около ихъ тапчана, прикрывшись юбкою. Небольшая и тощая, словно дитя, она дрожала во снѣ отъ холода, проникавшаго сквозь гнилые углы. Лѣтомъ она спала въ сараѣ, на зиму переходила въ

хату; при мужѣ ей бы не валяться такъ по угламъ. Максимъ видѣлъ, что одинокую женщину обижаютъ; не говоря ни слова, онъ принесъ Евкѣ изъ кладовой старую кровать, на которой жена его тотчасъ же уставила квашню съ тѣстомъ, едва оставивъ половину мѣста для той.

— Къ чему это ей? говорила Максимыха съ полнымъ убѣжденіемъ.—Не привыкла она, бѣдняжка, цѣлый свой вѣкъ по угламъ спать. Пусть помнитъ, что пришла съ пустыми руками, пусть учится покорности и благодаритъ Бога за свою судьбу.

Жена была права; другіе, пожалуй, выгнали бы изъ дому такую безприданницу; теперь, когда мужъ былъ на службѣ, пусть бы шла на зиму служить въ людяхъ. Въ люди ее не пустили, за то и должны смотрѣть за нею въ оба; она изъ подъ рукъ хватаетъ все съѣстное, того и гляди, станетъ и выносить его изъ хаты... Дикая коза! Ни на одну сельскую бабу не похожа! Разъ проходя черезъ сѣни, Максимъ хотѣлъ отстранить ее съ дороги и тронулъ за плечо; Евка вообразила, будто онъ хочетъ обнять ее, и толкнула его локтемъ въ грудь съ такою силою, что ему пришлось отскочить въ противоположный уголъ. Обругавъ ее, онъ выгналъ ее на дворъ и заперъ за нею дверь, однако передъ женою онъ объ этомъ промолчалъ да и вообще не любилъ онъ безъ нужды разговаривать съ бабами, а въ обращеніи къ Евкѣ какъ то смягчился послѣ этого.

— *Прыблуда* она, это правда, но разъ она вошла въ домъ, то нужно смотрѣть на нее, какъ на свою, а то еще пожалуй убѣжитъ и *шукай витра въ полі!*—говаривалъ онъ женѣ, и дѣйствительно боялся, какъ бы Евкѣ не вздумалось уйти; сколько разъ, видя ее одну въ полѣ или надъ обрывомъ, онъ останавливался и приглядывался къ ней издалека. Среди пустынной, сѣрой равнины она казалось подросткомъ дѣвочкою; онъ могъ бы на рукахъ снести ее въ хату, такъ она была мала и худа. А между тѣмъ такъ сильна!

— Гмъ, глупая! что это ей вздумалось? разсуждалъ Максимъ, чуть замѣтно ухмыляясь,—а что, если бы такъ... когда нибудь... въ самомъ дѣлѣ... почемъ знать?

Каждый разъ, когда Евка проходила мимо него, ему казалось, что она должна его затронуть... Иногда онъ хмурился, иногда просто ждалъ. Но она шла дальше своею дорогою, безпокойная, подвижная, какъ всегда, а онъ возвращался въ хату сердитый, какъ то отяжелѣвшій; кричалъ на жену, зачѣмъ безъ мѣры топитъ печь—въ хатѣ такъ душно, что усидѣть невозможно! Сбрасывалъ кожухъ, разстегивалъ рубашку и садился у стола недовольный, потомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, замѣчалъ, что Евка такая же точно хозяйка въ домѣ, какъ и она, или дивился хриплымъ голосомъ, какъ всѣ эти приблуды лѣнивы, не знающи и не способны даже куска хлѣба себѣ заработать.

И теперь, когда онъ, починяя плетень, увидалъ ее идущую изъ дому, онъ былъ увѣренъ, что она заговоритъ съ нимъ. Въ полѣ никого не видно, люди укрылися отъ холоднаго дождя, моросившаго съ самаго утра; по дорогѣ изъ лѣсу медленно двигались къ селу двѣ повозки, нагруженныя лозою; около первой шла баба, закутавшаяся въ сѣрое рядно, и вела лошадь подъ уздцы; вотъ онѣ въѣхали въ село и снова на обширной равнинѣ не видно живой души. Евка остановилась надъ обрывомъ и смотрѣла на темную рѣку. Въ теченіи послѣднихъ дней она была въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи, просто не находила себѣ мѣста; то летала изъ дома въ домъ, то сидѣла однимъ одинешенька гдѣ нибудь на заборѣ, то снова бѣжала въ хату и, насупившись, стиснувъ зубы, пытливыми глазами что то высматривала по угламъ. Ей страстно хотѣлось бросить все и бѣжать изъ этой проклятой хаты куда то далеко и найти Андрея... Но босой, безъ приличной одежды, ей стыдно было показаться въ люди; правда, можно бы утащить кожухъ у Максимыхи, захватить даже немного бѣлья, но денегъ совсѣмъ нѣтъ, да и силы что нибудь предпринять какъ то не хватаетъ. Измучили ее въ этой проклятой хатѣ, а вѣчною работою и голодомъ приморили какъ то. Евка невольно сжала кулаки, вспомнивъ прежнюю волю; ею овладѣла тоска и страшное нетерпѣніе бѣжать сейчасъ же, сію минуту, летѣть хоть бы даже въ тотъ песчаный обрывъ, заросшій можжевельникомъ и ольховыми кустами, надъ которымъ Максимъ чинилъ плетень. Въ свою очередь и тотъ незамѣтно оглядѣлся во-

кругъ, забилъ топоръ въ деревянный столбикъ, подошелъ и остановился рядомъ съ нею.

— Что жъ ты стоишь такъ на холодѣ? проворчалъ онъ, глядя на противоположный лѣсистый берегъ.

— А что жъ? такъ и сидѣть вѣчно въ вашей будкѣ! отрѣзала Евка. Что я вамъ за собака или, наконецъ, раба, чтобы день и ночь сторожить ваше добро?...

Никогда еще не отвѣчала она ему такъ дерзко: вся она дрожала отъ гнѣва.

— Вотъ она какая! подумалъ Максимъ и съ удовольствіемъ покрутилъ головою; онъ какъ то вдругъ помолодѣлъ, пріосанился и какъ бы словно сразу сбросилъ съ себя прежнюю неподвижность.

— Не собака ты и не раба, а невѣстка.

Онъ замолчалъ; на языкъ ему какъ то сами собою, безъ видимой причины просились ласковыя, нѣжныя слова: пташечка... на чужой сторонѣ... такая бѣдная... сиротинка... однако же онъ какъ то удержался, но и продолжать начатаго разговора тоже не нашелся и не сводилъ глазъ съ противоположнаго берега, какъ бы никогда не видѣлъ его до этого времени. Рыжій теленокъ вышелъ изъ лѣсу и бѣжалъ, вытянувъ шею.

— Чей это? спросила Евка.

— Заблудился видно, можетъ быть лѣсника, а можетъ и изъ села чей нибудь, отвѣчалъ крестьянинъ, сдерживая голосъ.

— Пропадетъ еще!

— А можетъ быть и пропадетъ!... Онъ готовъ былъ переправиться на другую сторону, поймать теленка и отвести къ лѣснику, или хоть къ самому чорту, лишь бы только Евка ѣхала съ нимъ. Онъ улыбнулся и ласково посмотрѣлъ на нее.

— Какъ будто бы злая, а скотинки жалѣешь!—Максимъ взялъ ее руку повыше локтя.—Ты у насъ пополнѣла, а за зиму поправишься еще больше.

— Если не сдохну съ голоду! крикнула она въ ярости.

Языкъ у Евки развязался, она посыпала, какъ изъ мѣшка, о своей бѣдѣ, о несчастьи, торопливо, задыхаясь, говорила то жалобно, то злобно выкрикивая, повторяла въ сотый разъ, что

убѣжитъ, не выдержитъ, вырвется изъ этой проклятой хаты! Онъ продолжалъ держать ея руку, время отъ времени перебирая пальцами, не слишкомъ вслушивался и немного разбиралъ, въ чемъ дѣло, понялъ только, что она жалуется на голодъ и что желала бы имѣть лучшую одежду. Ну что же?! Много ли нужно, чтобы накормить и пріодѣть такую крошку!

— Ну, полно! шепталъ онъ, полно!... бѣдняжка ты, ей Богу, что правда, то правда! Полно, онъ погладилъ Евку по спинѣ, куплю все, увидишь, вотъ... дай только время....

Дѣйствительно Максимъ сдержалъ слово: въ первое же воскресенье купилъ ей новые башмаки, заказалъ синій кожухъ и началъ покупать различную одежду. Прежней скупости и разсчетливости какъ бы никогда и не бывало. Только изрѣдка старая природа сказывалась еще въ немъ время отъ времени, но съ каждымъ разомъ все слабѣе и слабѣе. Каждый платокъ, каждая юбка должны были уже быть послѣдними; онъ не божился, но твердо рѣшалъ, что больше ничего не купитъ. Евка на все только плечами пожимала! Все онъ давалъ ей однѣ тряпки! Ихъ накопилась уже у нея полная скрыня въ видѣ различной одежды, лентъ, бусъ, серегъ и колецъ, а носить все таки было нечего. Она ходила по прежнему босая, въ грязной холщевой юбкѣ, въ черной, какъ земля, рубахѣ, а выходя изъ хаты, накидывала на себя кожухъ невѣстки. И жаловалась она по прежнему, но еще плачевнѣе, еще настойчивѣе; онъ твердилъ одно и тоже:

— Ну, полно, тише! куплю, увидишь... подожди немного!...

Сперва онъ стыдился своей слабости; сдѣлался угрюмымъ, былъ золъ на самого себя и ежедневно повторялъ въ душѣ, что это пройдетъ, уходилъ изъ дому, ѣздилъ съ извозомъ, на людяхъ забывалъ обо всемъ, но какъ только нужно было возвращаться домой, снова глупая слабость овладѣвала имъ. Смуглая, проворная змѣйка такъ и вилась передъ его глазами, какъ живая. Чуть только въѣзжалъ онъ въ ворота, она уже тутъ какъ тутъ, горящими глазами поглядываетъ на его карманы, запуститъ руки въ сѣно, ищетъ разнюхиваетъ, щебечетъ безъ умолку обо всѣхъ домашнихъ, о хатѣ, о скотинѣ, о сосѣдяхъ и выжидаетъ нетерпѣливо, что онъ дастъ ей, что привезъ, выхватываетъ изъ рукъ по-

дарокъ и, только разглядитъ его гдѣ нибудь за стогомъ, или на чердакѣ, или въ *оборѣ*, возвращается въ избу злая, какъ фурія. Всего ей было мало. Если бы Максимъ привезъ ей цѣлый обозъ различныхъ обновокъ, и тогда она бы съ пренебреженіемъ пожимала плечами. На платки, фартухи, юбки она и смотрѣть уже не хотѣла и вотъ онъ позволилъ по немногу выкрадывать холстъ и сукно изъ коморы. Ея кубышка и новая *скрыня* на чердакѣ, запертая большою колодкою, были переполнены всякимъ добромъ, каждый день она пекла себѣ и жарила, что вздумается, и несмотря на все это, похудала, почернѣла, глаза сдѣлались еще больше, жадность точила ее, тревожили опасенія; сколько разъ хотѣлось ей зарыть въ кустахъ и сундукъ, и кубышку, скрыть свое имущество отъ людей и отъ самой себя и начать копить новыя вещи въ новые сундуки. Максимъ истратилъ уже до копейки всѣ женины деньги, продалъ Шмулю въ теченіи зимы двѣ коровы, затѣмъ началъ сбывать и овецъ одну за другою.

— Корму нѣтъ, подохнутъ до весны! закричалъ онъ, когда жена не хотѣла давать овецъ; она уступила, лишь бы только избѣжать шуму въ домѣ и людскихъ толковъ.

— Нѣтъ корму! повторяла она передъ сосѣдками, какъ то странно скривившись; въ глазахъ стояли слезы, а она силилась еще улыбаться передъ людьми. Она видѣла, что все гибнетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Евка начала ежедневно ѣсть колбасы и яичницу, Максимыха, усомнившись въ милосердіи Божіемъ, перестала даже ходить въ комору. Она все еще хлопотала, работала по прежнему, но сама не сознавала, что дѣлаетъ. Бывали дни, когда она забывала выдоить коровъ, однажды забыла даже накормить свиней.

— Это уже передъ смертью, прошептала она, опомнившись, и перекрестилась.—Матерь Божья, смилуйся надъ нами! повторяла она съ глубокимъ вздохомъ по сто разъ на день. Пыталась она иногда читать и другую молитву, но не могла: одни эти слова неизмѣнно приходили на память: „Матерь Божья! смилуйся надъ нами“.

А тутъ и старая болѣзнь воротилась и преслѣдовала ее все докучливѣе, *печинкы знову почалы давыты на серце*. Эта стран-

ная болѣзнь приключилась съ нею послѣ смерти трехъ младшихъ дѣтей. Фельдшеръ смѣялся, когда она говорила ему о такой комбинаціи; она замолчала, но при каждомъ огорченіи чувствовала, какъ печень болѣе или менѣе сильно давила на сердце. И теперь, какъ только въ сумерки, стоя около печи, она взглядывала искоса на Евку, сидѣвшую за столомъ, съ устремленными сѣрыми глазами на Максима, какъ только догадывалась, что мужъ только для вида хмуритъ брови, а самъ все чаще и чаще посматриваетъ на ту, говоритъ что то потихоньку, или незамѣтно киваетъ головою на ея шопотъ, несчастная женщина чувствовала на сердцѣ огромную печень, тяжелую, какъ камень. Она бѣжала за ворота, какъ стояла у печи, въ одной рубахѣ и юбкѣ. Морозъ пронизывалъ ее, руки и ноги коченѣли, а слезы градомъ бѣжали по лицу...

— Матерь Божія! смилуйся... надъ нами!.. твердила она безсознательно, ловя ухомъ то смѣхъ Евки, то отрывистыя, хриплыя слова мужа.

Когда голоса умолкали, Максимыха возвращалась въ хату, снова принималась за стряпню; но никакъ не могла припомнить, солила ли она уже крупникъ, или нѣтъ? Пробовала и вкуса никакого не находила; въ ушахъ у ней все еще раздавался смѣхъ, отрывочныя слова, а въ головѣ повторялось безъ конца: Матерь Божья! смилуйся надъ нами!

Достатокъ таялъ, какъ снѣгъ отъ солнца, а она какъ то даже не жалѣла своего добра. Смотрѣла на все стекляными глазами и не сознавала навѣрно—сонъ это или дѣйствительность? Только при людяхъ говорила она еще съ прежнимъ спокойствіемъ, что нарочно посылаетъ Евку съ мужемъ въ мѣстечко каждое воскресенье, чтобы развлечь ту хотя сколько нибудь въ ея вдовьей печали. Сама давала ей свой кожухъ и красный платокъ въ зеленыхъ клѣткахъ, стояла у воротъ, пока они усаживались на возъ, даже смѣялась и шутила съ сосѣдями. Максимъ возвращался выпивши; въ его карманахъ она находила пряники, душистое мыло въ цвѣтныхъ бумажкахъ, иногда колечко или бусы. Евка всегда привозила сельдей въ синей бумагѣ, баранки, сахаръ, и все это прятала подъ сѣнникъ на кровати и сама ложилась

сверху, свернувшись въ клубокъ и, поглядывая изъ подлобья блестящими глазами, и улыбалась, довольная днемъ, въ который съѣла и выпила больше, чѣмъ прежде за цѣлый мѣсяцъ. Семья укладывалась спать, гасила свѣтъ. Въ ночной тишинѣ оцѣпенѣвшая отъ горя Максимыха ясно различала храпъ старика и дѣтей на печи, мужа на лавкѣ подъ окномъ, только дыханія Евки никакъ не могла уловить. Та лежала, какъ мертвая.

— Вѣдьма она можетъ быть... или нечистая сила?...

При этой мысли волосы подымались на головѣ, дрожь пробѣгала по тѣлу.

— Матерь Божья! смилуйся надъ нами! шептала она въ величайшей тревогѣ. А печень, словно мельничный жерновъ, все тяжелѣе давила ея сердце.

Разъ она едва дотащилась отъ воротъ къ избѣ. Былъ большой праздникъ и, хотя солнце грѣло уже по весеннему, Евка нарядилась въ собственный синій кожухъ, повязала бѣлымъ платкомъ гладко причесанные волосы, а кораллы, голубыя и желтыя бусы ровными рядами свѣшивались изъ подъ воротника тонкой покупной рубашки. Она улыбалась, видя, какъ проходившіе и проѣзжавшіе мимо парубки и женатые мужчины оглядывались на нее и шутя совѣтовали Максимыхѣ не отпускать на ярмарку въ мѣстечко съ нею мужа. Евка нарочно какъ то медлила сѣсть въ повозку, пока всѣ не пройдутъ. Наконецъ, и они тронулись; въ дорогѣ Максимъ смотрѣлъ на нее, какъ на картинку, а жена его, съ трудомъ воротившись въ хату, усѣлась теперь на порогѣ въ сѣняхъ, спиною къ воротамъ, скрестивши руки и согнувшись вдвое. Голодныя куры тотчасъ окружили ее, клевали въ спину, входили въ сѣни съ жалобнымъ кудахтаньемъ. Въ оборѣ замычала корова, сперва одна, за нею другая, потомъ обѣ вмѣстѣ откликались къ солнцу, котораго яркіе лучи проникали къ нимъ сквозь щели въ стѣнахъ, сквозь дырявую крышу. Уѣзжая, Максимъ приказывалъ женѣ выпустить коровъ въ поле. Она помнила объ этомъ, слышала ихъ жалобное мычаніе, но не могла двинуться съ мѣста; она совершенно ослабѣла, силы какъ то вдругъ оставили ее. Максимыха знала, что человѣкъ долженъ все сносить терпѣливо, потому что всякая судьба отъ Бога, при томъ

же какой то непреодолимый стыдъ овладѣвалъ ею; не только при чужихъ, но и въ хатѣ передъ своими и даже сама про себя она не смѣла ясно сознать всего случившагося.

— Ослѣпленіе... грѣхъ... Божье показаніе! твердила она въ душѣ, стараясь забыть, не думать ни о чемъ, и можетъ быть, успѣла бы въ этомъ, если бы не эти *печинкы* на сердцѣ.

— Пошло на несчастье! шептала бѣдная женщина.

Солнце пригрѣвало ей спину, а тяжелое, напухшее сердце въ груди такъ и разрывалось отъ боли. Куры клевали ея босыя ноги, одна почти до крови укусила, навѣрно та чубатая,.. самая злая, которая даже пѣтуха бьетъ. Максимыха не отгоняла ихъ, даже не раскрывала глазъ и, съ трудомъ переводя дыханье, ожидала той минуты, когда окончательно задушитъ ее печень.

Вдругъ издали со двора послышался топотъ босыхъ ногъ по мерзлой землѣ; ржаніе, фырканье, смѣхъ и крикъ мгновенно пробудили ее къ дѣйствительности. Это Стецько и Одамко, съ разгорѣвшимися лицами, съ развѣвающимися по вѣтру волосами, мчались другъ за другомъ, вскидывая головою, какъ разыгравшіеся кони.

— Мамо! дайте сѣна, овса! кричали они, запыхавшись,—не жалѣйте корму, мы кони, ѣдемъ издалека! Попасемся, отдохнемъ и снова въ дорогу!

Максимыха обернулась на зовъ; дѣти стояли у дверей; облитыя весеннимъ солнцемъ, румяныя, запыхавшіяся, съ свѣтлыми волосами, похожіе другъ на друга, какъ двѣ капли воды, они ржали и смѣялись попеременно.

— Мы кони, мамуню, ей Богу, кони! Я Симоновъ, а онъ татуни, объяснялъ Стецько,—меня волки прошедшею зимою грызли...

— Нѣтъ, меня волки грызли, а тебя воры украли, только тато догналъ и отобралъ.

— Врешь! Меня грызли, а тебя крали, потому что я татуни! Мальчики бросились другъ на друга, готовые силою отстаивать свои права и удостовѣрить свою самоличность. Мать во время остановила ихъ.

— Дурни вы, дурни, да чьи вы оба, какъ не татуни?! сказала она, пропуская ихъ впередъ.—Идите, дамъ и овса, и сѣна, и отдохнуть вамъ дамъ у себя, какъ конямъ у жолоба.

Въ темной хатѣ сдѣлалось свѣтлѣе отъ маленькихъ бѣлыхъ головокъ съ румяными личиками; мальчики ржали надъ миской каши, топали ногами, такъ что даже старый дѣдъ приподнялся на печи, вытянулъ шею и смотрѣлъ на нихъ, тряся лысою головою. Тяжелая печень сдвинулась съ сердца Максимыхи. Она принялась убирать хату и только наклонившись около Евкиной постели, чтобы поднять съ полу грязную рубаху и юбку,—эту домашнюю оболочку прыблуды—почувствовала жгучую боль въ груди.

— Не пойдете на поруганіе, не дамъ васъ въ обиду, мои голубята, говорила она, утирая рукою поспѣшно слезы.—Выростете здоровыми, красивыми молодцами, для васъ я удержу душу въ тѣлѣ!

И, дѣйствительно, удержала. Даже силы и здоровье воротились къ ней какимъ то чудомъ. Въ коморѣ было совсѣмъ пусто, изъ оборы еще исчезли двѣ коровы, цѣлое лѣто семья кормилась одною зеленью, приходилось даже занимать жита на хлѣбъ. Максимыха точно и не замѣчала ничего этого; она по прежнему исполняла всѣ домашнія работы и сверхъ того ежедневно ходила на заработки, только денегъ своихъ никому уже не отдавала. Старикъ совсѣмъ ослабѣлъ и опустился, ни о чемъ не спрашивалъ, оглохъ или, можетъ быть, прикидывался глухимъ; онъ еще ходилъ по двору, но уже все предоставилъ на волю сыновей; а на Максима даже не смотрѣлъ, никогда не говорилъ съ нимъ, пересталъ также заглядывать и въ комору, и въ хлѣвъ; только изрѣдка подымалъ на Максимыху мутные глаза; оба они прекрасно понимали другъ друга; нѣсколько разъ онъ хотѣлъ было даже отдать ей свое сокровище—и не могъ, при одной мысли о томъ руки опускались, онъ не въ силахъ былъ пошевелить пальцемъ.

— Воры и моръ посѣтили насъ, татуню, говаривала Максимыха но здоровье, хвалить Бога, осталось, не пропадемъ.

— А люди что говорятъ? спрашивалъ старикъ чуть слышно, не подымая глазъ.

— Ничего не говорятъ! Одинъ Богъ знаетъ, какое яблоко точитъ червь!

Дѣйствительно, люди говорили не много, дивились только, откуда пришло на Максима такое „несчастье?“ Прежде въ ротъ не бралъ водки, а теперь пилъ въ праздники, напивался и въ будніе дни; едва станетъ смеркаться, только что вернувшись съ поля, онъ накидывалъ на плечи свиту и тащился, опустивъ голову, къ Шмулю... Здѣсь онъ выпивалъ кварту, другую, скривившись, какъ послѣ горькаго лѣкарства, и, не сказавши ни съ кѣмъ ни слова, отправлялся домой самою дальнею дорогою.

Работалъ онъ по прежнему, но говорить совсѣмъ пересталъ; въ воскресный или въ праздничный день, когда приходилось ѣздить въ мѣстечко, Максимъ просиживалъ все время въ оборѣ на старомъ опрокинутомъ вверхъ дномъ ведрѣ и прислушивался, какъ лошадь жевала сѣно, изрѣдка отгоняя отъ нея мухъ и оводовъ; благодарное животное оборачивалось къ хозяину и тогда они взаимно обмѣнивались между собой спокойнымъ, довѣрчивымъ взглядомъ, такъ же Максимъ не могъ смотрѣть въ глаза людямъ. Съ Евкой онъ пересталъ разговаривать, давно уже надоѣла ему она, иногда впрочемъ онъ, какъ бы по обязанности или въ силу привычки, привозилъ ей пряники, баранки, грошевыя конфекты, но все это оставалось въ карманахъ его сермяги,—самому ихъ отдавать не хотѣлось, а Евка, въ свою очередь, давно уже перестала выбѣгать къ нему на встрѣчу.

Теперь ей всюду было свободно. Съ утра до ночи бѣгала она по хатамъ; здѣсь покачала дитя, тамъ схватила ведро съ помоями, вынесла свиньямъ, полола въ огородахъ, доила коровъ, иногда цѣлые полъ-дня просиживала за кроснами, лишь бы только не въ одной и той же хатѣ, а среди веселія и смѣха она даже готова была ждать часъ, другой. Только на ночь возвращалась она домой, прячась за плетнями, изъ боязни встрѣтить въ воротахъ Максимыху, Максима или свекра и, въ большинствѣ случаевъ, приносила подъ фартухомъ или за пазухою схваченный по дорогѣ сыръ, кусокъ полотна, мотокъ нитокъ, или хоть яйцо, хоть кусокъ сала, хватала она все, что попадалось ей подъ руку. Иногда передъ нею, какъ грозное привидѣніе, становился образъ мужа, который скоро воротится, построитъ хату и снова запряжетъ ее въ работу, какъ въ ярмо, и чего добраго пожалуй еще бить

станетъ! Эхъ! Дастъ Богъ не воротится! Иные и погибаютъ на свѣтѣ... Андрей тоже не возвратился, а вѣдь обѣщалъ!.. А вѣдь за нимъ она готова была бы пойти хоть на край свѣта: ни земли, ни хаты у него не было, но все таки онъ не морилъ бы ее такъ надъ работою, какъ эти проклятые волы.

Нѣсколько разъ Максимыха вырывала у Евки изъ рукъ полотенце или кусокъ холста, захваченный ею гдѣ нибудь на заборѣ или на лугу.

— Что ты дѣлаешь? шептала она, пугливо осматриваясь въ сумеркахъ, не увидитъ ли ихъ кто, или не услышитъ;—вѣдь ославятъ воровкою! Въ тюрьмѣ сгніешь! И такъ на тебѣ уже нитки честной нѣтъ!

— Ну, такъ что жъ? и Евка при этомъ пожимала плечами, нагло смотрѣла ей въ глаза своими огромными сѣрыми глазами, безстыдно улыбаясь.

Максимыху въ самое сердце кольнуло отъ негодованія.

— Въ тюрьмѣ сгніешь! повторяла она.

— Эхъ, и тамъ люди живутъ! А хата ваша развѣ не тюрьма?

Максимыха заломила руки.

— Или на тебѣ креста нѣтъ? Или ты, глупая, сама не понимаешь, что говоришь, что дѣлаешь? Сколько уже ты горя причинила... Черезъ тебя мы состояніе потеряли... Все добро пошло прахомъ, какъ бы и не было его никогда.

— А что жъ, если *вашъ* такъ глупъ! прошептала Евка. Сколько разъ говорила ему: не продавай коровы Шмулю за собачью цѣну, лучше зарѣжь, съѣдимъ, такъ и отецъ, и жена полакомятся... Для всѣхъ достало бы! Такъ нѣтъ, не хотѣлъ!—Не могу, говоритъ, собственную корову рѣзать. Дуракъ! Люди рѣжутъ людей, а онъ коровы не можетъ зарѣзать!

— Что ты ему дала, что онъ черезъ тебя душу сгубилъ?.. Что и теперь еще самъ не свой ходитъ... Водку пьетъ!..

— Пьетъ, потому что глупъ! До сѣдыхъ волосъ дожилъ, а водки и не пробовалъ. А теперь, какъ началъ пить, такъ и оторваться не можетъ! Потому и пьетъ! А я ему ничего не давала и души его не губила! Какой былъ, такой и остался, волъ проклятый! Денегъ и добра немного истратилъ—за то пожилъ. Передъ смертью

будетъ, чѣмъ вспомнить! Богатый мужикъ, а самъ капустный листъ курилъ! Евка плюнула и передернула плечами. На табакъ жалѣлъ денегъ! Научила я его уму-разуму! За то какъ бывало напьется, не разъ повторялъ: „Евка, пока я тебя не зналъ, то и добраго ничего не зналъ!“ Тьфу! просто стыдъ, что теперь бабы мужиковъ учатъ! Трезвымъ онъ этого не говоритъ,—знаетъ, что стыдно мужику быть дуракомъ. А еще хотѣлъ, чтобы его выбрали старшиною!

Она засмѣялась, вскинула плечами и протянула руку за краденымъ полотномъ.

— Отдайте! Въ тюрьму за это не возьмутъ! Сегодня нищая по селу бродила, жидъ съ товаромъ проѣзжалъ, вотъ и стащили. Не бойтесь, знаю я, когда можно! Больше я въ своей жизни нахватала, нежели вы заработали.

Максимыха молча отвела ея руку и крѣпко держалась за полотно; отъ Евкиныхъ словъ ей духъ захватывало въ груди.

— Молишься ли ты когда нибудь Богу, или нѣтъ? спросила она въ смертельномъ страхѣ.

— А какъ же, молюсь! Вы можетъ быть думаете, что если я не хозяйская дочка, такъ ужь и молитвы не знаю? Да пропадите вы съ своимъ хозяйствомъ! Я и безъ вашего добра сумѣю прожить.

Дальше разговаривать не стоило, Евка медленно направилась къ воротамъ, а проходя, еще разъ взглянула на полотно въ рукахъ у невѣстки.

— Бѣдный же ты, Ѳедоръ, бѣдный! Гдѣ ты только свою долю посѣялъ, что такою крапивою она поросла! жалобно причитала Максимыха.

Она похудѣла и постарѣла за эти нѣсколько лѣтъ, изъ крѣпкой еще недавно бабы она сдѣлалась сморщенною старухою; глаза потускнѣли отъ слезъ, голосъ терялся гдѣ то въ глубинѣ впалой груди, она говорила почти шепотомъ, трудилась отъ разсвѣта и до поздней ночи, даже въ праздники и воскресные дни сама выпасала на межахъ своихъ двухъ коровъ; въ заплатанной рубахѣ, въ старой юбкѣ, въ полиняломъ платкѣ на головѣ, она выглядывала совершенною нищею. За то въ хлѣву опять стояло

восемь овецъ, подростали двѣ телки, а коровы, хоть и старыя, были самыя откормленныя въ цѣломъ селѣ.

— Половину имущества нужно будетъ Ѳедору отдать, сказалъ однажды Максимъ, сидя рядомъ съ женою на *прызьбѣ*. Она не возражала, но сердце у ней облилось кровью, не хватило у ней голоса.

— Какія останутся деньги послѣ отца... Пусть беретъ, чтобы не было обиды.

— Но вѣдь нашимъ дѣтямъ обидно будетъ, тихо замѣтила Максимыха и сама пожалѣла; Максимъ согнулся вдвое, насупился и смотрѣлъ въ землю.

Она давно уже простила ему, что сглупилъ немного подъ старость. На самомъ дѣлѣ она никогда и не думала о себѣ и жалѣла только его самого. Онъ постарѣлъ, обѣднѣлъ, засѣлъ безвыходно въ своей старой хатѣ, изъ перваго хозяина въ селѣ сталъ самымъ послѣднимъ; самъ онъ это сознавалъ, хоть никогда не говорилъ о томъ. Максимыха видѣла, какъ разъ онъ вынулъ изъ сундука свой черный костюмъ и разсматривалъ его передъ окномъ, кивая головою. У нея слезы выступили на глазахъ, она поспѣшила выйти изъ хаты: онъ, пожалуй, могъ бы подумать, что она жалѣетъ для него этихъ нѣсколькихъ капель водки ежедневно. Почемъ знать? можетъ быть это и правда, что если кто разъ попробуетъ, то уже долженъ выпить свою мѣру.

— Такъ и отдадимъ, пусть ему идетъ на разживу, сказала она. Когда наша хата очистится, можетъ быть, лучше будетъ!

— Лучше будетъ, повторилъ Максимъ.—Эхъ, такъ ужь видно суждено было! прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія.

— Жаль Ѳедора!

— Почему? Женщина она можетъ быть лучше другихъ, лишь бы захотѣла работать. Ничего изъ рукъ не выпуститъ, все тащитъ въ хату. Дуракъ тотъ, кто станетъ ее стыдиться: она знаетъ, какъ на свѣтѣ жить. Можетъ быть, на своемъ хозяйствѣ и будетъ трудиться.

— Не будетъ! Вѣдьма священой земли боится! Чтобъ ее громомъ сожгло! Чтобъ она сквозь землю провалилась! Проклятая! Свѣчку поставлю, молебенъ отслужу, когда ее чертъ приберетъ изъ нашей хаты!

Максимъ всталъ и медленными шагами вышелъ со двора на лугъ; у нея замерло сердце,—можетъ быть, опять къ Шмулю? Она протянула голову и ждала, затаивъ дыханье, куда онъ пойдетъ, на право или на лѣво? На лѣво! Тамъ у забора дѣти запрягали собаку въ телѣжку, онъ посмотрѣлъ, поговорилъ съ ними и позвалъ обоихъ съ собою въ лѣсъ; пошли межою черезъ поля, отецъ впереди, мальчики бѣжали за нимъ. Максимыха просто глазамъ своимъ не вѣрила, хотя ясно различала между зеленымъ житомъ фигуру мужа, а за нимъ двѣ свѣтлыя головки; они шли въ лѣсъ, а ей все казалось, что вотъ, вотъ сейчасъ поворотятъ на право къ Шмулю. Наконецъ они скрылись въ лѣсу. Третью недѣлю Максимъ сидѣлъ дома, третью недѣлю не заглядывалъ въ корчму.

— Не грѣхъ, а гордость душу его сгубила! На свѣтѣ различно бываетъ! живутъ и пьяницы, и воры, и разбойники, и никто имъ ничего не говоритъ, никто для нихъ Божьяго свѣта не жалѣетъ. Люди привыкаютъ къ нимъ, знаютъ, что они такими на свѣтъ родились, такъ ужъ имъ суждено. А онъ, соколикъ, хотѣлъ быть лучше всѣхъ, такой всегда аккуратный, спокойный... Попуталъ нечистый, вотъ онъ теперь и заливаетъ память водкою.

Такъ думала Максимыха, занявшись приготовленіемъ ужина, поминутно утирала передникомъ глаза и носъ, а въ головѣ роились и тѣснились разныя мысли. Она готова была душу отдать этому расточительному мужу, лишь бы какъ нибудь утѣшить, успокоить его, и рѣшила испечь яичницу и цѣлую *гладышку* молока влить въ кашу. Нужно будетъ отдать ужинъ пораньше, пока та „вѣдьма“ не прилетѣла изъ мѣстечка. Максимыха досаждала ей, какъ могла, даже горшки и миски давала собакамъ, чтобы ничего изъ пищи не досталось „той“.

— Пусть тамъ ѣстъ, гдѣ работаетъ! повторяла она для успокоенія совѣсти.

Въ селѣ постоянно случались пропажи: куры, яйца, сыръ, масло, хлѣбъ кто то какъ бы хваталъ изъ подъ рукъ. Всѣ старались выслѣдить вора: и бабы, и мужчины, и дѣти, и Евка вмѣстѣ съ прочими. Теперь она хорошо одѣвалась, носила свои покупныя наряды и украшенія, иногда нанималась поденно во *дворъ* и

самую легкую работу, помогала бабамъ няньчить дѣтей, почти въ каждую хату забѣгала ежедневно въ разное время, а сѣрые глаза такъ и бѣгали во всѣ стороны; она какъ будто даже помогала дома Максимыхѣ, но чуть только кто нибудь садился на улицѣ, усталый или больной, то и она тотчасъ же подсаживалась къ нему за воротами или на прызьбѣ, лишь бы только на солнцѣ; протягивала босыя ноги, распрямляла руки, зѣвала и потягивалась, какъ кошка.

— Ото ломоты! говорили о ней бабы; самыя проницательныя подозрѣвали ее въ покражахъ, но никто не могъ поймать ее на мѣстѣ преступленія; говорили о томъ и Максимыхѣ.

— Грѣхъ вамъ обижать сироту! Никто ее не накрылъ на дѣлѣ! возражала та, повидимому возмущенная, а про себя думала: пусть хоть на куски разорвутъ, какъ будетъ жить въ своей хатѣ! И такъ довольно уже всего... Еще воровство покрывать должны!

Всѣ ожидали возвращенія Ѳедора, срокъ его службы приходилъ къ концу. Максимъ бродилъ по полю и заранѣе соображалъ, какую ниву придется отдать ему, гдѣ будетъ стоять хата; старикъ отецъ поджидалъ сына, не умиралъ; Максимыха по нѣсколько разъ на день выбѣгала за ворота, посматривала во всѣ стороны, хотя въ село вела всего одна дорога. Она какъ будто чувствовала на собственной спинѣ тѣ удары, какими Ѳедоръ встрѣтитъ жену, и дрожала отъ радости. За воровство, за безпутство и бездѣлье, за все, за все заплатитъ онъ ей; выгонитъ изъ нея черта, или убьетъ! Можетъ быть и палку хорошую принесетъ съ собою.

Евка только уши настороживала, слушая, гдѣ какой солдатъ возвратился, и что то обдумывала въ душѣ, а такъ какъ передъ нею начали запираться хаты, всѣ уже слѣдили за нею, то она схватила однажды хохлатую курицу Максимыхи и исчезла на нѣсколько дней. Воротилась вся почернѣлая, въ грязной юбкѣ, растрепанная, головной платокъ болтался на плечахъ, ноги въ грязи; она скорчилась на завалинкѣ, охвативъ колѣни руками, и просидѣла такъ цѣлый день. За пазухою оставался еще пряникъ и два баранка, но ѣда не шла на умъ. Евка бѣгала въ свою сторону, въ тотъ дворъ, гдѣ служила когда то вмѣстѣ съ Андреемъ;

думала развѣдать о немъ, можетъ быть, даже и встрѣтиться съ нимъ. Однако тамъ ничего не знали: никто и въ глаза его не видалъ; въ экономіи все новые работники, не захотѣли съ нею даже и поговорить. Только съ женою экономa поговорила немного, дѣтямъ принесла баранковъ; пришла, будто соскучившись за ними, провѣдать ихъ отъ добраго сердца. Плела небылицы, будто она теперь хозяйкою въ богатой хатѣ, живетъ въ довольствѣ, держитъ *наймытовъ*... Одно горе—дѣти мрутъ одно за другимъ, и при этомъ сѣрые глаза ея наполнялись слезами; она знала уже, что Андрея нѣтъ и ей снова придется возвращаться въ ненавистную хату, тревога и злость грызла ея сердце; вотъ почему она такъ искренно плакала о мнимыхъ дѣтяхъ, утирая глаза краснымъ платочкомъ, въ которомъ принесла баранки. Растроганная хозяйка дала ей на дорогу кусокъ черствой булки и жаренаго сала; Евка то и другое бросила дворовымъ собакамъ; за послѣдніе годы вкусъ ея сильно развился, она предпочитала скорѣе терпѣть голодъ, нежели портить зубы на Богъ вѣсть какой пищѣ. А теперь, сидя на завалинкѣ, она не переставала думать объ Андреѣ. Обѣщалъ, что возвратится, что убьетъ ее... И того убьетъ, за кого она выйдетъ. Пусть бы теперь воротился! Не сдѣлалъ бы ей ничего худаго, а того шельму пускай бы убилъ! Зачѣмъ женился на ней? Зачѣмъ сгубилъ ея молодость въ тяжкомъ трудѣ и неволѣ? Она скрежетала зубами и плакала самымъ искреннимъ образомъ.

Наконецъ Ѳедоръ возвратился. Едва услыхавъ объ этомъ, Евка выскочила изъ хаты въ обору, какъ кошка, взобралась на чердакъ, притаилась въ углу между досками и старыми обручами и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ не могла перевести дыханья, такъ сильно билось сердце. Она прислушивалась, вглядывалась въ темнотѣ... Наконецъ первый страхъ миновалъ, она нѣсколько успокоилась и по обыкновенію вскинула плечами.

— *Гирше лыхо, колы боишся, и бида буде, и натремтышся*, пробормотала она, вполнѣ оправившись и подергивая плечами для храбрости, слѣзла съ чердака и вышла изъ сарая. Было уже темно, на дворѣ ни души, въ освѣщенное окошко хаты видно было, какъ всѣ сидѣли вокругъ стола, даже глупый Петро въ

разстегнутой рубахѣ сидѣлъ развалившись, улыбался и, разинувъ ротъ, слушалъ. Ее разобрало любопытство, каковъ теперь Ѳедоръ. Она приблизилась къ окну и прижалась къ стѣнѣ, чтобы не увидѣли изнутри. Въ избѣ горѣли и лампа, и лучина, цѣлыхъ три миски стояли на столѣ; крошки хлѣба и остатки молока и каши свидѣтельствовали объ окончаніи ужина.

— Поѣли! прошипѣла Евка сквозь зубы, а теперь слушаютъ!

Старикъ, который цѣлую недѣлю совсѣмъ угасалъ на печи, теперь сидѣлъ, выпрямившись, поднявши голову, съ красными пятнами на лицѣ; Максимыха, Петръ, двое старыхъ родственниковъ— всѣ сидятъ вокругъ стола, смотрятъ въ глаза Ѳедору, ловятъ каждое его слово, вотъ разразились дружнымъ хохотомъ, потомъ притихли, только толкнутъ другъ друга локтемъ, кивнутъ на него головою, посмотрятъ съ какимъ то удивленіемъ и слушаютъ дальше. Гость сидѣлъ спиною къ окну, Евка видѣла только шинель съ красными нашивками на плечахъ, свѣтлую низко остриженную голову, а когда онъ обернулся къ сосѣду, замѣтила, что у него были усы. Въ хатѣ было шумно, весело, дѣти рѣзвились на серединѣ, ходили на четверенькахъ, ѣздили верхомъ другъ на дружкѣ, кувыркались, какъ молодые котята, и смѣялись такъ, что стекла въ окнѣ дрожали. Одинъ Максимъ сидѣлъ поотдаль подъ стѣнкою, курилъ трубку и угрюмо смотрѣлъ въ землю. Евкѣ показалось раза два, будто онъ поднялъ глаза на окно, за которымъ она стояла, еще грознѣе нахмурилъ брови, поднялъ руку и почесалъ за ухомъ, какъ бы сильно озабоченный. Ея одной тамъ не было, а вѣдь она его жена... Мужъ пришелъ издалека, четыре года ее въ глаза не видалъ и сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, ѣстъ, пьетъ, разговариваетъ съ своими, смѣется, а объ ней и не вспомнитъ. Не звалъ ее, не искалъ... Она бы услышала сидя на чердакѣ... Вѣдь слыхала же въ такой тревогѣ, какъ шумѣли листья груши, какъ трещалъ въ травѣ кузнечикъ... Не звалъ!... Должно быть уже наговорили.... А можетъ быть просто забылъ? Евка совсѣмъ разчувствовалась, замигала глазами и закрыла вѣки... Отъ свѣта, отъ напряженія или отъ чего инаго глаза застилались слезами.

Вдругъ она очнулась, словно пробудившись, и вскинула плечами.

— Не дождутся они!... Трехъ мисокъ не могли выѣсть до дна! вставши на цыпочки, она замѣтила въ одной немного кислаго молока, въ другой нѣсколько картофелей.

— А, хороша собакѣ и муха! Она пригладила рукою волосы, крѣпче подвязала на головѣ красный платочекъ, оправила рубаху и фартухъ, смѣло и рѣшительно вошла въ избу и еще съ порога крикнула мужу.

— Ты, Ѳедоръ, хамомъ былъ, хамомъ и воротился! Отцу поклонился, брату поклонился, а жену забылъ! Чтобъ тебя такъ люди забыли.

Дѣйствительно, онъ отвыкъ отъ нея и забылъ. Въ первую минуту онъ спросилъ было, гдѣ она и здорова ли, но когда его окружили родные, когда послѣ первыхъ привѣтствій каждый началъ съ любопытствомъ и извѣстнымъ уваженіемъ осматривать его особу и костюмъ, когда посыпалось множество безсвязныхъ, отрывочныхъ вопросовъ, онъ какъ то растерялся; не зналъ, о чемъ спрашивать, слушалъ, отвѣчалъ кое какъ, а самъ водилъ глазами по закоптѣлой избѣ, улыбался темнымъ угламъ и печкѣ, замѣтилъ за однимъ изъ сволоковъ пучекъ сушеныхъ травъ, который самъ онъ когда то засунулъ туда. Смотрѣлъ и не могъ вдоволь насмотрѣться. Въ грубой шинели, съ прямою военною осанкою, мало разговорчивый Ѳедоръ имѣлъ видъ гордый, даже суровый.

— Солдатъ... Много свѣта видалъ, умный, бывалый... Не хочетъ сразу говорить съ людьми, думали братья, отецъ и дяди; никого это не удивляло и не оскорбляло, напротивъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ относились къ нему, придвигали миску съ кушаньемъ, хлѣбъ и ложку; одинъ изъ дядей, въ знакъ особаго вниманія, отеръ ему ладонью молоко съ бороды, другой ежеминутно подавалъ табакерку, только старикъ отецъ и Петро не могли произнести ни слова, подавленные смѣшанными чувствами умиленія и почтительнаго удивленія.

— Солдатикъ ты нашъ миленькій! шептала Максимыха, нѣжная и счастливая. Круглое лицо и красная шея Ѳедора, выступавшая изъ подъ тѣснаго воротника шинели, привели ее въ восхищеніе.

— Вотъ, какъ тамъ кормили, какъ присматривали бѣднаго сироту! Здоровымъ воротился, выросъ, выровнялся, похорошѣлъ, пусть ему солнце ясно во всю жизнь свѣтитъ! Такой важный себѣ, серьезный... какъ должно... Научили разуму на свѣтѣ!...

Отъ полноты восторга и сердечнаго умиленія она схватила съ тапчана подушку и засунула Ѳедору за спину. Это было доказательствомъ величайшаго уваженія; такую честь оказывала она только священнику, принимая его съ крестомъ. Ѳедоръ съ улыбкою принялъ любезность, хотѣлъ даже подшутить надъ старухою— и не могъ, что то сдавило за горло. Запахъ пищи, сермягъ и лаптей, сердечная теплота, свѣтившаяся въ неподвижныхъ, устремленныхъ на него лицахъ, какая то специфическая, домашняя атмосфера, присущая этимъ почернѣлымъ стѣнамъ... все трогало его, ходило по костямъ, какъ лихорадка, въ глубинѣ души шевелилось какое то неясное чувство, и радостное, и вмѣстѣ грустное, котораго ни опредѣлить, ни выразить нельзя.

— Хата.... хата моя... милая хата... нашептывало что то въ душѣ въ то время, какъ онъ, важно нахмуривъ брови, наеживши усы, заѣдая хлѣбомъ съ солью каждое слово, разсказывалъ нѣсколько ломаннымъ языкомъ, гдѣ былъ, что видѣлъ, какіе города, какія рѣки проходилъ, какъ ѣздилъ *на машинѣ*, видѣлъ золотые и серебряные мундиры...

— А у васъ тутъ лошадей не крали? Не было падежа на скотъ? Слѣпой Каштанъ Якова живъ еще, а? прерывалъ онъ вдругъ, поглядывая на лица присутствующихъ.

Всѣ улыбались, какъ дѣти, наслушавшіяся волшебныхъ сказокъ о коврѣ самолетѣ, о братьяхъ разбойникахъ, хотя и заинтересованныя ими, но уже нѣсколько утомленныя, съ удовольствіемъ возвращающіяся къ міру дѣйствительности. Даже появленіе Евки мало нарушило общую гармонію. Максимыха только выбранилась потихоньку, старикъ мрачно поглядѣлъ на нее, а Максимъ всталъ съ лавки, тяжело ступая, подошелъ къ печкѣ, зажегъ трубку и вышелъ изъ хаты въ ту минуту, какъ Ѳедоръ погладилъ жену по лицу и усадилъ около себя на скамьѣ. Румяная, чернобровая, съ наглымъ выраженіемъ огромныхъ глазъ, она казалась ему красивою даже послѣ всѣхъ тѣхъ

женщинъ, какихъ случалось ему видѣть на свѣтѣ. Онъ улыбался ей, пощипывалъ за руки, за щеки, зналъ, что это его жена, и радъ былъ, что нашелъ ее именно такою, какая наибольше приходилась ему по вкусу. Евка спросила, вспоминалъ ли онъ объ ней, принесъ ли хоть платокъ или передникъ въ подарокъ? Онъ засмѣялся въ отвѣтъ! Столько видалъ онъ на свѣтѣ болѣе красивыхъ женщинъ, столько зналъ ихъ въ различныхъ городахъ и селахъ, что не имѣлъ ни времени, ни охоты вспоминать о женѣ. А подарка не принесъ, потому что самъ едва съ двадцатью копейками вышелъ изъ города, по дорогѣ питался однимъ хлѣбомъ, пилъ воду, ночевалъ въ лѣсу или въ полѣ и послѣдняго *двояка* отдалъ старому солдату съ деревянною ногою, который пропилъ въ корчмѣ рубашку и остался безъ гроша за душою на хлѣбъ. Наконецъ, къ чему бабамъ наряды? Одной рубахи и юбки домашняго холста достанетъ на всю жизнь; для работы чѣмъ старѣе одежда, тѣмъ лучше, а въ праздникъ пусть сидятъ дома и смотрятъ за дѣтьми.

Ѳедоръ нарочно дразнилъ ее и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо ея разгоралось все больше и больше, глаза искрились, она шевелила ноздрями и усмѣхалась злобною затаенною улыбкою, открывавшею ея острые, бѣлые зубы. Ему нравились такія дикія кошки! Онъ ударилъ ее по плечу и обѣщалъ купить ей на грошъ пряникъ, если будетъ работать, какъ должно. Въ первый же день онъ убѣдился, что изъ нея никогда не было и не будетъ ничего порядочнаго. Всталъ онъ до разсвѣта. Его раздражалъ запахъ сѣна, на которомъ онъ спалъ, цѣлую ночь снились деревня, хаты, Нѣманъ, песчаные обрывы, лѣса и заросли, все это онъ ясно видѣлъ и ощущалъ вокругъ, даже дотрогивался руками; ворочался на сѣнѣ, раскрывалъ глаза, водилъ безсознательнымъ взглядомъ по темной клѣти и, не дознавшись, гдѣ онъ, засыпалъ снова и снова видѣлъ тѣ же сны. Наконецъ, онъ вскочилъ, холодъ разсвѣта сразу отрезвилъ его. Онъ зналъ уже, что подъ Киселями косятъ траву, работы будетъ еще недѣли на двѣ, такъ какъ луга залиты по поясъ, а тѣмъ временемъ выкашиваютъ берега въ ожиданіи, пока спадетъ вода. Еще до восхода солнца Ѳедоръ былъ на лугу; шинель, шапка и даже рубаха

солдатская остались въ клѣти; Максимыха еще наканунѣ вынула для него новую сѣрую одежду, пропитанную сильнымъ запахомъ мяты и майорана, какъ все въ ея скрынѣ; изъ воспоминаній цивилизованнаго міра оставались только смазные сапоги, да серебряная сережка въ лѣвомъ ухѣ, которая должна была лѣчить его отъ шума въ головѣ и ломоты въ костяхъ, нажитыхъ во время долгихъ и холодныхъ переходовъ.

Онъ стоялъ по колѣни въ травѣ, одинъ посреди луга, еще покрытаго утреннимъ туманомъ. Кругомъ все тихо. Сѣроватыя тучки быстро плыли по небу и скрывались на востокѣ за лѣсомъ. Даже птицы еще спали; развѣ кое гдѣ между ольхами отрывисто защебечетъ воробей и смолкнетъ; Ѳедоръ стоялъ, какъ очарованный, оглядывался, прислушивался и самъ не могъ понять, что привело его сюда такъ рано. Вотъ изъ подъ ногъ выпорхнулъ бекасъ, пролетѣлъ нѣсколько шаговъ низко надъ землею и упалъ въ болото, всколыхнулъ дремлющую поверхность, поросшую острою осокою; глухимъ эхомъ отозвалось это движеніе въ сѣроватой мглѣ, внезапно пробудившійся вѣтерокъ слегка зашелестѣлъ верхушками ольхъ.

Ѳедоръ вздрогнулъ и сжалъ рукоять косы; какъ вчера на стѣны родной хаты, такъ и теперь на сѣнокосѣ онъ не могъ вдоволь наглядѣться. Все по старому, даже ничего новаго не выросло ничто не измѣнилось, только травы въ этомъ году росли лучше обыкновеннаго—онъ сразу сообразилъ, что на своемъ участкѣ соберетъ отъ шести до восьми возовъ. Привычнымъ глазомъ осматривалъ онъ разбросанные покосы и вычислялъ. Теперь въ немъ пробуждался разсчетливый хозяинъ, скупой и жадный больше всего на сѣно, этотъ насущный кормъ его скотины, дороже для него собственной души. Уходя, онъ оставилъ шесть коровъ, двѣ лошади и четырнадцать овецъ. За это время должно быть прибыло и молодыхъ, а старыхъ могли продать... Сразу будетъ, чѣмъ дѣлиться, когда умретъ отецъ и оставитъ немного денегъ на новое хозяйство. Ѳедоръ отточилъ косу, взмахнулъ разъ, другой, третій—трава ложилась ровно, какъ по линіи. Не забылъ косить! Теперь онъ возмужалъ, набрался силъ; онъ такъ долго былъ только автоматомъ, пѣшкою въ ряду другихъ ему

подобныхъ, что когда очутился на свободѣ, на широкомъ просторѣ, ему казалось, что онъ цѣлый годъ можетъ трудиться безъ отдыха, что силъ и охоты на сто лѣтъ хватитъ. Онъ мѣрно взмахивалъ косою и улыбался пріятнымъ мечтамъ. Только теперь начнется настоящая жизнь! Онъ умнѣе этихъ воловъ сосѣдей, что поросли мхомъ, сидя на одномъ мѣстѣ. Онъ пользуется всеобщимъ почетомъ и большимъ значеніемъ въ селѣ. Его станутъ бояться,—знаютъ, что онъ между всѣми первый, что съ нимъ не потягаешься. „Особа“ это не то, что первый попавшійся мужикъ. За нимъ вѣдь четыре года вѣрной и безпорочной службы... его хвалили тамъ... онъ даже счетъ потерялъ всѣмъ похвальнымъ отзывамъ, какими удостоивало его ближайшее начальство; правда, въ селѣ никто не слыхалъ о томъ, но самъ онъ хорошо помнилъ все, былъ доволенъ собою, гордился своимъ прошлымъ Да, теперь онъ „особа“! Выстроитъ себѣ хату съ трубою, обнесетъ ее тесовымъ частоколомъ... Пусть знаютъ всѣ, какъ живетъ человѣкъ, который видѣлъ свѣтъ, знаетъ жизнь и никому не кланяется.

Онъ остановился и усиленно точилъ косу. Звонъ стали разносился по лѣсу, дрожалъ въ туманѣ надъ высокою травою, слегка колыхаемою утреннимъ вѣтеркомъ. Коса блестѣла, какъ бритва, а онъ все точилъ, щурилъ глаза, пожималъ плечами. Давно не слышалъ онъ этого звона! Сосѣди можетъ быть думаютъ, что онъ тотъ же глупый парубокъ, какимъ былъ прежде, что всѣхъ слушалъ, всему вѣрилъ и своего ума не имѣлъ ни на грошъ. Ого! Пускай посмотрятъ. Еще вчера разсказывалъ онъ своимъ старымъ дядямъ, чуть не сто лѣтъ глядѣвшимъ на свѣтъ Божій, всякія небылицы о волшебныхъ ружьяхъ, о богатыряхъ которыхъ не беретъ никакая пуля, повторялъ различныя сказки, порожденія фантазіи новобранца, котораго полудикую натуру ошеломила импонирующая сила солдатчины. Повѣрятъ! Всему повѣрятъ! Вѣдь и самъ онъ когда то вѣрилъ даже въ черта! Онъ продолжалъ косить все размашистѣе, машинально повторяя: разъ, два! разъ, два! ту команду, по которой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ билось его сердце.

Наконецъ, весь потный, усталый, онъ бросилъ косу и въ первую минуту стоялъ вытянувшись въ струнку, мѣрно дыша, какъ во фронтѣ, потомъ сѣлъ и поглядѣлъ на цѣлую полосу, выкошенную въ одинъ пріемъ; прежде онъ уже раза два долженъ былъ бы отдохнуть при такой работѣ, выкурилъ бы не меньше двухъ трубокъ и хоть одинъ разъ пошелъ бы напиться изъ лужи; впрочемъ, въ то время самъ чертъ не въ силахъ былъ бы поднять его до разсвѣта... Гмъ! теперь онъ другой человѣкъ. Въ страхѣ будетъ держать сосѣдей!... А хату выстроитъ пожалуй даже съ двумя трубами.

Тучи исчезли,—изъ за песчанныхъ холмовъ надъ рѣкою выплыло солнце. Изъ села, вмѣстѣ съ пѣніемъ пѣтуховъ, скрипомъ колодца, мычаніемъ коровъ и жалобнымъ блеяніемъ овецъ, долетѣли визгливые и хриплые голоса бабъ старыхъ и молодыхъ, показались первыя группы косцевъ въ полотняной одеждѣ, съ граблями и блестящими косами за спиною; они шли вдоль межи по два и по три; за ними, подобно нестройнымъ остаткамъ какой то разбитой, разсѣянной арміи, спѣшили бабы въ сѣрыхъ, красныхъ и розовыхъ кофтахъ, въ грубыхъ рубахахъ и юбкахъ, подобранныхъ за поясъ; большинство изъ нихъ бранили пастуха,—выгналъ скотъ послѣ восхода солнца,—иныя на ходу шептали молитвы, у всѣхъ на умѣ были Евка, Ѳедоръ и всѣ тѣ сплетни, которыя еще со вчерашняго вечера такъ стройно укладывались въ умѣ, отгоняли сонъ, такъ и просились на языкъ. Старухи помолодѣли, молодыя заранѣе смѣялись, только немногія, высохшія, съ угасшими глазами, шли спокойно, апатично, таща въ обѣихъ рукахъ горшки съ пищею и связки толстыхъ веревокъ. Ѳедоръ еще издали узналъ своихъ, одной Евки никакъ онъ не могъ между ними различить. Не успѣлъ спросить о ней, какъ уже все засычало и зажужжало зловѣще, словно въ осиномъ гнѣздѣ, пригрѣтомъ солнцемъ. Смѣхъ, шутки, поговорки посыпались со всѣхъ сторонъ, бабы говорили между собою, мужчины только плечами пожимали, изрѣдка покрикивая на самыхъ болтливыхъ. Никто прямо не обращался къ Ѳедору, никто не началъ еще докладывать ему „всего“, никто не думалъ даже такъ сразу огорошивать человѣка, не видѣвшаго въ теченіи нѣсколь-

кихъ лѣтъ роднаго дома, никому не сдѣлавшаго ничего дурнаго и только наканунѣ вернувшагося къ своимъ. Бабы просто шутили между собою, но отъ этихъ шутокъ, какъ отъ разбиваемаго камня, отскакивали острые осколки и, по какой то странной случайности, всѣ направлялись въ сторону Ѳедора. Онъ слушалъ, и хотя понималъ едва десятое слово, все же могъ предположить, что жена его должна была по крайней мѣрѣ десятокъ людей убить, десять селъ поджечь, церковь обокрасть и, почемъ знать, можетъ быть, рѣшилась даже поднять злодѣйскую руку на собственную скотину, такою преступною выходила она изъ этихъ веселыхъ шутокъ. Оскорбленный мужъ нахмурилъ брови, раздулъ щеки и принялъ важный видъ солдата, чтобы показать сосѣдямъ, что онъ не обращаетъ вниманія на сплетни; если найдетъ что нибудь не по себѣ, то сумѣетъ самъ расправиться съ виновною. Онъ сосредоточенно взмахивалъ косою, время отъ времени плевалъ на руки, а въ душѣ уже поклялся, что не проститъ ей—убьетъ, а можетъ быть и того хуже.... И все поглядывалъ искоса, не идетъ ли Евка. А бабы продолжали тараторить, все яснѣе и опредѣленнѣе обращаясь къ нему.

— Почему ты себѣ, Ѳедоръ, новой жены не завелъ? вдругъ рѣшительно спросила Яковыха, болтливая баба съ краснымъ носомъ, съ широкимъ ртомъ и зелеными глазами,—твоя здѣсь совсѣмъ истрепалась!

Бабы громко захохотали, одна толкнула ее локтемъ въ бокъ.

Ѳедоръ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, даже не взглянулъ на нихъ и продолжалъ косить, переговариваясь съ Максимомъ; онъ всегда пренебрежительно относился къ женскому полу и скорѣе предпочелъ бы родиться евреемъ, нежели бабою, а теперь, будучи солдатомъ, и смотрѣть на нихъ не хотѣлъ. Всѣ постарѣли, увяли окончательно, болѣе пригожія дѣвушки вышли замужъ въ другія села, за то прибавилось двѣ-три черноволосыхъ вѣдьмы съ острыми носами. Положительно, его Евка самая красивая въ цѣломъ селѣ!—Гмъ, что значатъ бабскіе толки, подумалъ онъ и, пока выкосилъ полосу, настроеніе его значительно смягчилось.

При свѣтѣ солнца лугъ сверкалъ росою, отливалъ различными оттѣнками: желтоватый по краямъ, переходилъ въ темно-зеленый на болотѣ, гдѣ розовый татаракъ перемежался съ высокою осокою, въ которой что то слегка дрожало, плескалось, двигалось чуть замѣтно. Эта скрытая жизнь, потревоженная звономъ косъ и человѣческими голосами, больше занимала Ѳедора, нежели шумные толки; онъ поминутно озирался въ ту сторону и вслушивался; видѣлъ, какъ пришла Евка въ красной юбкѣ, въ голубыхъ бусахъ, съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ, какая то медлительная, отяжелѣлая, нѣсколько разъ наклонилась надъ сѣномъ, перетрясла горсть, другую, стала, опустя руки, и водила глазами по лугу, усѣянному пестрымъ роемъ бабъ и бѣлѣющихъ на солнцѣ мужчинъ. Среди нихъ она не сразу узнала мужа и только взглянувши на болото, замѣтила одинокаго косца, безъ шапки, съ свѣтлою, низко остриженною головою.

— Чтобъ ты околѣлъ!—проворчала она и принялась за работу. Уже цѣлыхъ четыре года не приходилось ей такъ долго и тяжко трудиться, какъ въ этотъ день. Руки и ноги дрожали, поясница болѣла, точно перебитая, потъ заливалъ глаза; она стискивала зубы, до крови кусала губы, но гребла не разгибаясь, не подымая головы,—боялась, а въ душѣ клялась, что это въ послѣдній разъ, что сорвется съ цѣпи и скорѣе утопится, нежели воротится къ этимъ воламъ.

Ѳедоръ молчалъ, въ полдень вмѣстѣ съ другими поѣлъ молока и картофеля и снова недовольный принялся за работу. Вечеромъ, даже не заходя въ хату, накинулъ шинель на плечи и безъ шапки пошелъ себѣ вдоль берега рѣки; сперва шелъ горою, потомъ по обрыву спустился къ водѣ. Смотрѣлъ, озирался, словно не своими глазами,—вся гордость исчезла, онъ забылъ даже, что былъ солдатомъ, прежняя натура ожила на старой почвѣ. Онъ зналъ уже, что братъ его обидѣлъ,—скотъ и запасы всѣ растратилъ,—и обдумывалъ, что дѣлать? Требовать ли свою часть, поссориться сразу, надѣлать шуму въ хатѣ, или выжидать спокойно и терпѣливо, взять для начала, что дадутъ, а остальное отбирать незамѣтно, то ласкою, то угрозою, понемногу обирать брата. Онъ зналъ Максима и зналъ, что тотъ, несмотря на его

репутацію умнаго человѣка, въ дѣйствительности былъ страшно глупъ: боялся скандала, хотѣлъ слыть честнымъ передъ людьми, чужаго гроша не имѣлъ на совѣсти, всегда спокойный, недалекій, но справедливый. Теперь онъ не смѣетъ въ глаза смотрѣть брату, уступаетъ съ дороги, даже не заговариваетъ съ нимъ первый. Эти доказательства раскаянія и покорности еще болѣе убѣждали Ѳедора въ его виновности, чѣмъ самое сознаніе обиды; покорный и молчаливый Максимъ казался ему страшнымъ преступникомъ, который сдѣлаетъ все, что угодно, лишь бы его оставили въ покоѣ.

— Не былъ бы онъ такимъ тихимъ, если бы не зналъ, что правда на моей сторонѣ. Го-го! я могъ бы выгнать его изъ хаты съ женою и дѣтьми, могъ бы отобрать у нихъ послѣднюю рубашку! Обидѣлъ онъ меня, бѣднаго сироту, пустилъ съ сумою, сдѣлалъ нищимъ! Я на службѣ былъ, вѣрой правдой служилъ Богу—государю, а онъ здѣсь имущество мое разорялъ! мысленно повторялъ Ѳедоръ, словно предъ какимъ то невидимымъ трибуналомъ, который долженъ былъ разсудить ихъ.

Самъ онъ въ глубинѣ души нѣсколько иначе судилъ о своемъ дѣлѣ: изъ четырехъ проданныхъ коровъ три принадлежали Максимыхѣ, равно какъ и всѣ овцы, она же принесла въ домъ большую часть запасовъ, а остальное скопила неусыпнымъ трудомъ и бережливостью, доходившею до скупости. Оставалась одна корова да Евка, изъ нихъ половина первой принадлежала Максиму по праву, что же касается второй, то мужъ сначала забылъ даже о ней, а вспомнивши, призадумался и самъ не могъ рѣшить, какое значеніе будетъ имѣть этотъ фактъ въ случаѣ процесса и не испортятъ ли дѣла показанія свидѣтелей о томъ, что растраченное имущество пошло въ пользу его жены? Сколько ни думалъ онъ, сколько ни соображалъ, ничего какъ то не могъ придумать, а идти къ людямъ за совѣтомъ не рѣшался. Онъ видѣлъ, что Максимъ страшно податливъ, и это благопріятствовало его корыстнымъ разсчетамъ. Впрочемъ, нужно сперва попытаться счастья; если братъ начнетъ сопротивляться,—о! тогда посмотримъ!.. если же покорится, значитъ, самъ сознаетъ свою вину.

— А кого же и наказывать, какъ не грѣшника?—подумалъ онъ.—Можетъ быть, въ этомъ будетъ его погибель... Ну, такъ зачѣмъ лѣзъ въ бѣду? Такъ ужь на свѣтѣ суждено, что кто себя не защититъ, того никто не защититъ! Что я стану его жалѣть, когда онъ самъ себя не жалѣлъ?

Чѣмъ дольше думалъ онъ объ этомъ, тѣмъ больше приходилъ къ убѣжденію, что право на его сторонѣ, тѣмъ глупѣе казался Максимъ съ его покорностью и уступчивостью.

— Видно, самъ знаетъ, что виноватъ, думалъ Ѳедоръ, хотя самъ никакъ не могъ вполнѣ опредѣленно выяснить себѣ степень этой вины.—Такую корову утратить! а!.. Онъ не отдалъ бы ее и за сто рублей! Да, конечно, для инаго она можетъ быть и десяти не стоитъ, а онъ, Ѳедоръ, не отдалъ бы и за сто! Досталась она имъ отъ отца и матери... рыжая, на четырехъ ногахъ, съ двумя рогами въ добавокъ. Прекрасная корова! Онъ полъ-свѣта прошелъ, а такой не видалъ! Какъ же смѣлъ этотъ злодѣй продавать ее самовольно? Пусть бы пропала, пусть бы волки ее зарѣзали—Божье попущенье. Но продавать онъ не имѣлъ права. И божескіе, и человѣческіе законы признаютъ это!

Глубоко увѣренный въ правотѣ своего дѣла, онъ готовъ былъ присягнуть, что любилъ эту корову больше всего на свѣтѣ, что самъ выкормилъ ее, высмотрѣлъ и не отдалъ бы ее за сто рублей. Вспомнилъ при томъ, что за эти четыре года было бы четыре теленка, а можетъ быть и больше.

— И этотъ злодѣй смѣетъ еще смотрѣть мнѣ въ глаза, смѣетъ говорить со мною, учинивши такую несправедливость! Если бъ онъ могъ, душу мою продалъ бы черту! Вотъ онъ какой братъ! Никто чужой не рѣшился бы на то, что онъ сдѣлалъ.—Да еще жену мою любилъ и чего добраго съ нею жилъ!—прибавилъ онъ въ заключеніе.

Это послѣднее обстоятельство ни мало не усиливало раздраженія; дѣлалось все это безъ него, за глаза, и если бы люди не толковали объ этомъ, онъ самъ и не вспомнилъ бы. Но люди говорятъ, насмѣхаются, повторяютъ различныя поговорки о немъ, о солдатѣ, который долженъ быть важнѣйшею „особою“ въ селѣ. Вотъ что было ему больно!

Возвращаясь домой, онъ уже высчиталъ, что Максимъ долженъ отдать ему пять загоновъ подъ лѣсомъ и три за огородомъ; изъ отцовскихъ денегъ долженъ сперва выплатить ему рублей двѣсти за корову и за жену, остальное раздѣлить по ровну. Ѳедоръ безъ конца перебиралъ этотъ планъ, съ каждымъ разомъ прибавляя что нибудь въ свою пользу, такъ что подходя къ воротамъ, онъ былъ уже обладателемъ всѣхъ десяти загоновъ поля, хаты, скота и отцовской казны. Максимъ пошелъ „на запашку“ и долженъ еще изъ заработанныхъ денегъ выплачивать ему ежегодно по нѣсколько рублей за жену и за корову. Зналъ онъ прекрасно, что ничего подобнаго не будетъ, но разъ давши волю сердцу и фантазіи, не могъ уже поставить границъ.

— Щепотка земли!—проворчалъ онъ, приходя въ себя,—чѣмъ тутъ дѣлиться, когда и для одного мало!

Тяжелыми шагами вошелъ онъ на подворье; въ хатѣ уже спали, а подлѣ сарая, растянувшись подъ стогомъ соломы, храпѣлъ Петръ съ Жучкою. Ѳедоръ остановился, поглядѣлъ на спящаго парубка, смѣрилъ его взглядомъ отъ головы до босыхъ ногъ, прислоненныхъ къ спинѣ Жучки.

— И этотъ еще!—проворчалъ онъ, нахмурившись, и вдругъ припомнилъ себѣ, сколько лѣтъ этотъ „прыблуда“ ѣлъ и пилъ у нихъ, носилъ ихъ одежду... покупалъ себѣ сапоги и шапки! Работалъ какъ будто... Эхъ! На такомъ кусочкѣ земли и одному нечего дѣлать!

Онъ поплелся въ клѣть сердитый и раздраженный... Дѣло о коровѣ, повидимому столь ясное вначалѣ, опять какъ то затемнялось... То вдругъ ему казалось одну минуту, что Максимъ, въ видѣ искупленія вины, откажется отъ наслѣдства... То снова предполагалъ, что тотъ потому такъ сердитъ и угрюмъ, что не ожидалъ его, надѣялся, что онъ совсѣмъ не возвратится, останется на службѣ, или поищетъ въ городѣ заработка. А за корову и совсѣмъ не вознаградитъ его. Корова была старая, беззубая, уже и пареной рѣзки не могла ѣсть, нужно было продать, пока не пропала съ голоду. Отецъ живъ еще, имущество не раздѣлено... Какъ тутъ выиграть дѣло? Правда, онъ солдатъ, имѣетъ извѣстныя заслуги и значеніе... Самъ генералъ въ го-

родѣ знаетъ о немъ, но вѣдь къ генералу не пойдешь по дѣлу о коровѣ, а здѣсь на мѣстѣ, какъ знать, удастся ли найти правосудіе? Всѣ воздушные замки разлетѣлись въ прахъ, засыпавъ его развалинами хаты, десяти загоновъ и прочаго имущества. Ѳедоръ растянулся на сѣнѣ и заснулъ богатырскимъ сномъ усталаго солдата; ему снилось, что вода унесла старую хату вмѣстѣ съ Максимомъ, женою и дѣтьми... Еще разъ воротились пѣнистыя волны и захватили стогъ соломы вмѣстѣ съ Петромъ и Жучкою... Нѣтъ, стогъ остался на мѣстѣ, собака, отряхнувши воду, выбѣжала на берегъ, одинъ Петръ поплылъ и вмѣстѣ съ хатою попалъ въ пропасть, самый слѣдъ которой смыла вскорѣ бурная рѣка. Изъ имущества осталась только полная *обора*, полная *стодола* и десять загоновъ поля... А онъ, бѣдный сирота, стоялъ себѣ одиноко посреди двора и смотрѣлъ, какія опустошенія причинила вода... Надъ берегомъ, надъ самымъ обрывомъ Евка, обернувшись черною собакою, сидѣла на заднихъ лапахъ, смотрѣла ему въ глаза и скалила острые зубы... Вода ее не забрала!

Такъ жила семья со дня на день, въ ожиданіи смерти отца Работали и ѣли вмѣстѣ, а въ свободныя минуты всѣ расходились въ разныя стороны. Ѳедоръ изподлобья смотрѣлъ на Максима, или отворачивался отъ него спиною и дѣлалъ видъ, будто совсѣмъ не замѣчаетъ его; раза два намекнулъ что то о коровѣ...,

— Не бойся, не пойдешь въ обиду! отвѣчалъ Максимъ, половина коровы не пропадетъ; пусть только умретъ старикъ, все сочтемъ, какъ слѣдуетъ.

— Сколько жъ тамъ у него есть?

— А Богъ его знаетъ! Сколько есть, то есть, съ собою не заберетъ! Никто не видѣлъ его съ прошлаго вечера, онъ спалъ уже, какъ обыкновенно, когда они воротились съ поля; поутру жали, а когда сошлись къ обѣду и усѣлись за столъ, Максимъ и Ѳедоръ другъ противъ друга, Петръ въ концѣ стола, Евка рядомъ съ дѣтьми, всѣ ежеминутно поглядывали на отца. Онъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на кровати, прислонившись къ спинкѣ, желтый, высохшій, заложа одну руку за пазуху, и смотрѣлъ въ землю. Всѣ ѣли молча, занятые одною мыслью. Въ

голубыхъ глазахъ глупаго Петра виднѣлась печаль и опасеніе; поднося ложку ко рту, вглядывался онъ въ старика и проливалъ кушанье на столъ, за что Евка толкала его въ бокъ и потихоньку называла хамомъ. Ѳедоръ также за каждою ложкою посматривалъ на отца; онъ нарочно усѣлся спиною къ окну, чтобы имѣть его передъ глазами; каждый день собирался онъ спросить о деньгахъ, да все какъ то не умѣлъ словъ прибрать. Говорить о смерти не хотѣлось, зная, что больные не любятъ этого, да и не пристало какъ то родному отцу напоминать о смертномъ часѣ... Но въ то же время онъ боялся, чтобы старикъ не пряталъ денегъ въ разныхъ мѣстахъ, которыя могъ и самъ теперь позабыть, а они не сумѣютъ отыскать впослѣдствіи.

— Что вы, татку, гроши въ скрынѣ держите? спросилъ Ѳедоръ послѣ долгихъ размышленій,—а то, какъ придетъ вашъ конецъ...

Максимъ толкнулъ его подъ столомъ ногою.

— Толкай, не толкай, а смерти не прогонишь! спокойно замѣтилъ Ѳедоръ, пережевывая крупникъ съ хлѣбомъ, и продолжалъ:—такъ, когда придетъ вамъ конецъ, то чтобъ намъ обиды не было. Всѣ мы тяжкимъ трудомъ зарабатывали эти деньги, всѣ теперь ожидаемъ... выглядываемъ... извѣстно, каждому грошъ нуженъ.

Старикъ, словно вызванный изъ оцѣпененія, торопливо зашамкалъ губами, рука за пазухою дрогнула.

— Скажите вы намъ теперь же, пока еще языкъ и память имѣете, настойчиво продолжалъ Ѳедоръ, облокотившись спиною къ стѣнѣ и заложа руки въ карманы.—Не захотите вѣдь, чтобъ мы вашу душу проклинали за свою обиду?

— А чтобъ тебя твои дѣти проклинали! заворчалъ Максимъ,—что ты отъ насъ всѣхъ говоришь? Говори самъ за себя! Мы какъ жили, такъ и дальше проживемъ; ты вѣдьму въ жены взялъ, ужиться въ хатѣ не можешь и ступай съ нею хоть къ самому черту, а смертью отцу не коли глазъ! Какъ почуетъ конецъ, самъ скажетъ, что нужно. Достало вѣдь батьку нашему разума на весь вѣкъ, такъ и на послѣднія минуты станетъ... Еще неизвѣстно, кого перваго начнутъ грызть черви... Всѣ подъ Богомъ ходимъ!...

Петръ одобрительно кивалъ головою, глядя то на старика, то на Максима.

— Да развѣ я отъ злаго сердца? оправдывался Ѳедоръ,—отецъ умретъ, для него и дѣло съ концомъ, а намъ еще жить нужно. Здоровому я вѣдь каждый свой грошъ отдавалъ исправно... А теперь умретъ, не умретъ, позаботиться о себѣ нужно. Такъ вы, татку, скажите, гдѣ... какъ... и вамъ легче будетъ умирать, и намъ спокойнѣе...

Онъ умолкъ, ожидая отвѣта. Евка стрѣляла глазами по хатѣ, перебирая дрожащими пальцами конецъ фартуха.

Но именно въ этотъ самый день старикъ чувствовалъ себя бодрѣе, легче дышалъ, яснѣе слышалъ жужжаніе мухъ въ избѣ и различалъ своими тусклыми глазами проникавшіе въ окна лучи свѣта. Онъ выпрямился, поднялъ голову и молчалъ. Что то сдавило ему грудь, отъ словъ ли сына, или отъ чего другаго—онъ и самъ не зналъ. Вдругъ онъ закашлялся и съ трудомъ перевелъ духъ.

— Теперь мнѣ лучше, произнесъ онъ съ усиліемъ, лучше!... Эти нѣсколько словъ совсѣмъ измучили умирающаго, онъ замолчалъ, задыхаясь, и опустилъ голову.

— Съ такимъ здоровьемъ ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни! замѣтилъ Ѳедоръ,—душа съ кашлемъ вылетитъ изъ тѣла и не поймаешь, хоть ты тутъ землю грызи, не поймаешь! Намъ будетъ горе, а черту радость... Заберетъ нашъ кровный, трудовой грошъ, какъ свой собственный. Эхъ, если бы я могъ это предвидѣть... если бъ могъ только подумать!.. Не губилъ бы я понапрасну своего кроваваго пота! Онъ всталъ, надѣлъ шапку и вышелъ изъ хаты, сильно хлопнувъ дверью.

На слѣдующій день старика не стало.

К. М.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

ДВА НАМѢСТНИКА.

Академикъ Зуевъ путешествовалъ въ 1781—1782 гг. съ учеными цѣлями по южной Россіи. Случилось ему проѣзжать черезъ Харьковъ. Здѣсь вышла съ нимъ нѣкоторая непріятность. Почтенный академикъ повздорилъ съ почтосодержателемъ изъ за лошадей и пошелъ жаловаться къ губернатору. Тотъ его грубо оборвалъ и велѣлъ отвести къ намѣстнику. Намѣстникъ приказалъ посадить бѣднаго ученаго, будто бы за невѣжливость по отношенію къ губернатору, на ночь на гауптвахту, а на другое утро велѣлъ двумъ гусарамъ тащить его къ себѣ. Тутъ вышла слѣдующая милая сценка, какъ ее описываетъ самъ Зуевъ.—„Что, братецъ, куда ты заѣхалъ? началъ намѣстникъ, или ты думаешь, что здѣсь невѣжды: для чего ты такъ неучтиво поступаешь?... Конечно, васъ вѣжливости въ академіи не учатъ: такъ я ужъ много вашу братью училъ и теперь тебя учить стану“. Намѣстникъ поставилъ академика у порога, велѣлъ смотрѣть на себя и началъ показывать, какъ тотъ долженъ передъ нимъ, намѣстникомъ и генералъ-аншефомъ, держать руки, какъ стоять, какъ кланяться, какъ говорить. Зуевъ былъ предупрежденъ офицеромъ, чтобы ни въ чемъ не прекословить намѣстнику: „иначе сила его велика и власть страшна“; онъ и не прекословилъ. Продѣлавши все по артикулу, бѣдный академикъ былъ милостиво отпущенъ съ такимъ напутствіемъ: „Мы въ тебѣ нужды не имѣли и не имѣемъ и зачѣмъ ты пріѣхалъ, Богъ тебя знаетъ (не знать этого намѣстникъ не могъ, имѣя всѣ необходимыя бумаги), поѣзжай!“—„Дошла очередь и до меня“—пишетъ Зуевъ въ академію, „сравняться бѣдствіемъ съ славнѣйшими учеными людьми, которые, путеше-

ствуя по неизвѣстнымъ странамъ, сдѣлались извѣстными несчастіемъ... все сіе, по большей части, внѣ государства, среди дикихъ и непросвѣщенныхъ народовъ случалось; я внутри моего отечества, въ Харьковѣ, захваченъ, посаженъ подъ караулъ обезчещенъ... Я чувствую теперъ ослабленіе силъ тѣла и духа; не чаю, будучи въ безпрестанномъ страхѣ, впредь въ дальнѣйшемъ пути, великихъ успѣховъ; прошу заранѣе стараться меня возвратить въ Петербургъ обратно, гдѣ паче чаянія безполезнѣйшая моя жизнь безопасностью своею однако будетъ для меня сноснѣе" [1]).

Намѣстникъ, или генералъ-губернаторъ, задавшій такого страху бѣдному ученому, былъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ; онъ былъ первымъ намѣстникомъ вновь образовавшихся въ 1780 году двухъ намѣстничествъ, харьковскаго и воронежскаго. Прошло пятнадцать лѣтъ. Постъ намѣстника харьковскаго и воронежскаго, вмѣсто Щербинина, занимаетъ Андрей Яковлевичъ Леванидовъ. У насъ нѣтъ матеріала ни для какой сцены, которая бы пошла въ pendant къ предъидущей; но за то есть нѣсколько распоряженій, которыя достаточно рисуютъ административную личность намѣстника. Во главѣ всего—его первое распоряженіе, родъ манифеста къ жителямъ ввѣреннаго ему края, манифеста, обнародованнаго тотчасъ по принятіи въ руки браздовъ намѣстническаго управленія. Не желая портить характернаго оригинала переложеніемъ, мы не поскупимся на выдержки, въ полной увѣренности, что читатель на насъ за нихъ не посѣтуетъ. Документъ этотъ носитъ оффиціальное названіе „Предложеніе воронежскому намѣстническому правленію". Намѣстникъ прежде всего излагаетъ въ немъ взглядъ на свои обязанности. Вотъ этотъ взглядъ: „Долгъ служенія и обязанность требуетъ моего попеченія, дабы въ подчиненныхъ мнѣ губерніяхъ народъ и всѣ обитатели въ нихъ, блаженствуя, наслаждались покоемъ и не были безъ вины утѣсняемы сильными, заступать таковыхъ утѣсненныхъ и находить способы къ удовлетворенію каждаго законнымъ образомъ, что пріемля съ удовольствіемъ, не щажу я себя быть всегда въ

[1]) К. Щелкова, Харьковъ, историко-статистическій опытъ, 1880 г.

сихъ заботахъ на службу отечеству и на выполненіе Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей моей Государыни высочайшихъ учрежденій и ея законовъ. И какъ рвеніе мое требуетъ поспѣшить на самомъ дѣлѣ показать мое усердіе и соболѣзнованіе къ отягощеннымъ жребіемъ людямъ, и по сему я готовъ каждому помагать, имѣющимъ во мнѣ надобность".

Такъ смотритъ генералъ-губернаторъ на свои обязанности. Теперешнее его предложеніе намѣстническому правленію именно и имѣетъ цѣлью оповѣщеніе городскихъ и сельскихъ обывателей, черезъ городничихъ и земскихъ исправниковъ, что „если кто по коимъ обстоятельствамъ отъ кого утѣсняется или терпитъ отъ судебныхъ мѣстъ и чиновъ притѣсненіе и по дѣламъ проволочку, то всѣ бы таковые являлись ко мнѣ, требуя моего заступленія и удовлетворенія, подтвердивъ наистрожайше, чтобы никто изъ чиновниковъ не заграждалъ обидимымъ свободнаго пути къ моему прибѣжищу". Въ заключеніе намѣстникъ высказываетъ, какихъ результатовъ онъ ждетъ отъ проведенія своихъ взглядовъ и системы: „Я надѣюсь и ожидаю благовременнаго прекращенія всѣхъ непорядковъ, законамъ противныхъ, гдѣ бы оные оказаться могли, такожъ сохраненія въ ненарушимости всякаго рода благонравія, мира и тишины".

Но, можетъ быть, намѣстникъ харьковскій и воронежскій Андрей Яковлевичъ Леванидовъ былъ просто на просто поэтъ въ душѣ, который чувствовалъ самоуслажденіе, представляя въ яркихъ и красивыхъ краскахъ свои обязанности и звучно о нихъ расписывая. Такіе поэты въ душѣ очень часто встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: чувство нравственнаго долга по отношенію къ этимъ своимъ обязанностямъ можетъ у нихъ отсутствовать всецѣло. Но, повидимому, здѣсь было не то. Кромѣ приведеннаго выше документа съ общимъ характеромъ, сохранились и еще распоряженія Леванидова по детальнымъ вопросамъ управленія, показывающія, что намѣстникъ вникалъ въ подробности и желалъ внести въ нихъ серьезныя улучшенія. Прежде и больше всего, его вниманіе было обращено на городничихъ,— этотъ главный уѣздный органъ тогдашняго административнаго управленія. Тогдашніе городничіе не только не стояли на высотѣ

своего призванія, какъ его понималъ намѣстникъ, а просто были, что говорится, ниже всякой критики. Вотъ какъ ихъ описываетъ Леванидовъ въ одной оффиціальной бумагѣ: „Господа городничіе подъ предлогомъ разныхъ невозможностей по своимъ должностямъ удерживаютъ просителей по дѣламъ долговременно и отнимаютъ время по хозяйству, да и медленность отъ сего по ихъ дѣламъ происходитъ. И какъ я самъ опытомъ сіе дозналъ, что городничіе покоиться обыкли, такъ по утрамъ, какъ и втеченіи дня и что скоропроѣзжающимъ ихъ видѣть трудно. А есть таковые, что на хуторахъ проживаютъ, оставляя городъ, и пріѣзжимъ отговариваются болѣзнями, и часто бываетъ, что и офицера при командѣ въ городѣ нѣтъ, а должно дѣло имѣть съ унтеръ-офицеромъ только или капраломъ статной команды, людьми развратившимися, часто пьяными или съ похмѣлья едва говорящими, къ стыду и нарѣканію начальникамъ губерніи и единственно только отъ лѣности, праздности и нераченія о своей должности господъ городничихъ... Ихъ нерадѣніе и ослабѣвшая мысль и тѣло отъ покоя и роскоши ничего въ пользу города дѣлать не допускаютъ, а о исправности мостовыхъ по улицамъ и мостахъ черезъ рѣки и о умноженіи строеній въ городахъ черезъ ласковое обхожденіе съ жителями, пріохочивая ихъ къ оному, никогда и въ мысль имъ не входитъ, чтобы имѣть о семъ попеченіе“...

Самъ же Леванидовъ понималъ обязанности городничихъ довольно широко. „Даю вамъ знать, пишетъ онъ бѣловодскому городничему, чтобы вы оправдали свой выборъ порученіемъ столь важной должности, какова городническая, отличнымъ собственно вашимъ и примѣрнымъ въ жизни поведеніемъ, стараніемъ ежечаснымъ о устройствѣ города, о приведеніи ласкою обывателей къ скорому и хорошему исправленію строеній, дѣланію мостовыхъ въ городѣ“...

Въ обязанность городничаго, кромѣ „приведенія ласкою обывателей къ дѣланію строеній и мостовыхъ“, онъ включаетъ слѣдующее. Прежде всего наблюденіе за тѣмъ, чтобы „люди, торгующіе съѣстными припасами, особливо пріѣзжіе хлѣбопашцы и другіе купцы, были неутѣснены и допущены къ тому въ совершенной свободѣ, какъ и жители города не обременены возвыше-

ніемъ цѣнъ на жизненные припасы"; городничіе должны были слѣдить „за мѣрою и вѣсами, продажею мяса, также хлѣба или булки, чтобы были выпечены хорошо и въ полномъ вѣсѣ продаваемы". Затѣмъ на обязанность городничихъ возлагалось, „яко хозяевъ городовъ, имъ порученныхъ, вездѣ самолично быть, каждаго пріѣзжаго или проѣзжающаго видѣть, особамъ чиновнымъ (первыхъ пяти классовъ) услуги свои предлагать, дѣлая по чести должныя и, словомъ, всегда на все въ городѣ имѣть примѣчаніе". Наконецъ, городничіе же должны были доставлять намѣстнику свѣдѣнія о томъ, „какія случатся важныя и примѣчанія достойныя происшествія": они должны были рапорты о такихъ происшествіяхъ „съ аккуратнѣйшимъ всего случившагося описаніемъ доставлять съ нарочными драгунами". Это относительно важныхъ происшествій; о неважныхъ же всѣхъ также нужно было сообщить, только уже не черезъ нарочныхъ, а „черезъ семь дней посредствомъ учрежденной для возки писемъ почты" вмѣстѣ съ рапортами о благосостояніи города и воинской штатной команды, свѣдѣніями о торговыхъ и справочныхъ цѣнахъ на хлѣбъ и фуражъ и о проѣзжающихъ первыхъ классовъ знатныхъ особахъ. Видимо, Леванидовъ чувствовалъ себя серьезно заинтересованнымъ въ томъ, чтобы быть au courant всего, совершающагося въ его намѣстничествѣ.

Серьезнымъ бѣдствіемъ старинной общественной жизни было медленное дѣлопроизводство, главнымъ образомъ судебное; бѣдствіе это было особенно ощутительно для людей „отягченныхъ жребіемъ", слѣдовательно неимѣющихъ возможности подмазывать колесницу Ѳемиды и тѣмъ облегчать ея тяжелый ходъ. Леванидовъ, видимо, держалъ въ головѣ это обстоятельство еще въ то время, когда писалъ свой манифестъ. А затѣмъ изъ письма его воронежскому губернскому прокурору видно, что онъ принималъ съ своей стороны мѣры къ тому, чтобы ускорить движеніе дѣлъ. Онъ требовалъ, чтобы господа присутствующіе, секретари и всѣ вообще нижніе приказные служители всегда приходы и выходы изъ своихъ мѣстъ имѣли въ установленное время, нимало никуда отнюдь безъ позволенія и увольненія начальства ни на какое время изъ города не отлучаясь, такъ какъ до его свѣдѣнія дошло,

что „уѣздныхъ нижнихъ земскихъ судовъ, такъ и расправъ нижнихъ вообще судьи, уѣзжая въ дома свои, живутъ почти безвыѣздно и рѣдко когда собираются". Требовалъ, чтобы тамъ, гдѣ накопилось много нерѣшенныхъ дѣлъ, судьи засѣдали и послѣ полудня и т. д. За неисполненіе этихъ требованій, за проволочки, за самовольныя отлучки онъ угрожалъ строгими карами закона.

Послѣдній пунктъ, на который была обращена административная дѣятельность Леванидова, посколько мы можемъ судить о ней при помощи дошедшихъ до насъ документовъ, это была беззащитность крестьянъ (государственныхъ), ихъ неумѣнье организовать себѣ судебную защиту и всѣ послѣдствія такого неумѣнья. Леванидовъ изображаетъ все это въ очень рѣзкихъ краскахъ, особенно напирая на крестьянскихъ повѣренныхъ, или ходоковъ. „Поселяне казеннаго вѣдомства, такъ пишетъ онъ, для хожденія за дѣлами до цѣлаго ихъ общества касающимися, какъ то: о раздѣлѣ состоящихъ въ сосѣдствѣ или черезполосныхъ съ кѣмъ либо владѣній земель, о причиненныхъ имъ разнаго званія людьми вырубленіемъ собственныхъ ихъ лѣсовъ, выкошеніемъ травы и другихъ сему подобныхъ обидахъ, наряжаютъ изъ собратіи своей повѣренными людей такихъ, кои или вовсе безграмотные, или же, зная нѣсколько оной, невоздержной жизни, которые неточію могутъ изобразить на словахъ обстоятельнѣйшимъ образомъ наносимыя обществу ихъ обиды, но и при написаніи прошеній пересказываютъ, смѣшавъ матерію, совсѣмъ не то, о чемъ имъ довѣрено отъ жителей; часто бываютъ сіи повѣренные нерадивые общей пользѣ и не хотятъ помыслить сыскивать для написанія прошеній людей, прямо знающихъ, а сами, обращаясь всегда въ пьянствѣ, не только, чтобы канцелярскій обрядъ были знающіе, но и писать не научившіеся и отъ невоздержанности и ежедневнаго въ пьянствѣ и невѣжествѣ обращенія всегда мысли имѣютъ отягченныя, составляютъ свои просьбы такія, какъ ему разсудится, уклоняясь совсѣмъ отъ настоящаго дѣла и довѣрія общественнаго." Такимъ образомъ появляются крестьянскія прошенія съ рукоприкладствомъ просителей, о которыхъ рукоприкладчики не имѣютъ „никакого понятія, ниже свѣдѣній, что въ нихъ помѣщено." Понятно, что отъ

этого должны были происходить безчисленныя затрудненія и безполезная трата времени, какъ для самихъ крестьянъ, такъ и для присутственныхъ мѣстъ, которыя съ ними имѣли дѣло. Намѣстникъ хотѣлъ помочь злу оповѣщеніемъ крестьянъ черезъ городничихъ и земскихъ исправниковъ, „чтобы они, если случится о чемъ либо принесть въ общественныхъ дѣлахъ ихъ начальству или какому либо другому присутственному мѣсту жалобы, то бы для подачи оныхъ и хожденія за дѣломъ избирали изъ собратіи своей людей трезваго поведенія и всякаго вѣроятія заслуживающихъ, и не одного, а двухъ, снабдивъ ихъ достаточными и закону соотвѣтствующими довѣріями, дозволили бы вступить въ просьбы.“ Затѣмъ эти повѣренные должны были предварительно представлять всѣ документы на разсмотрѣніе уѣздныхъ стряпчихъ, которые должны были удостовѣряться, что въ бумагахъ нѣтъ ничего „посторонняго и закону противнаго.“ Дѣло должно было имѣть движеніе лишь послѣ такой предварительной цензуры уѣздныхъ стряпчихъ.

Вотъ и все немногое, что мы могли извлечь изъ нашихъ актовъ о дѣятельности харьковскаго и воронежскаго намѣстника Андрея Яковлевича Леванидова. Итакъ, передъ нами двѣ фигуры двухъ харьковскихъ намѣстниковъ конца прошлаго вѣка, т. е. собственно не фигуры, а ихъ контуры, и даже не контуры, а кусочки контуровъ, но кусочки настолько характерные, что по нимъ легко реставрировать цѣлое. Все въ первой фигурѣ дышетъ неукоснительностью щедринскаго градоначальника, который готовъ самимъ стихіямъ предъявлять свое грозное: „зачѣмъ сіе?“ и „не допущу!“

Все во второй благоухаетъ эс-букетомъ гуманности, немножко сантиментальной на нашъ взглядъ, пожалуй слащавой, той специфической гуманности, которая характеризуетъ собою восемнадцатый вѣкъ. И вотъ эти фигуры, такъ непохожія, противоположныя, можно сказать исключающія одна другую, стоятъ рядомъ въ одномъ и томъ же общественномъ положеніи, на одной и той же территоріи, раздѣленныя незначительнымъ промежуткомъ времени. „Сила ихъ велика и власть страшна,“ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой и очень не малой степени. Ну, и что жъ?

Успѣлъ ли Щербининъ, со всей силой своей страшной намѣстнической власти, обратить харьковскую губернію въ казарму и обучить слободскихъ обывателей артикулу? Нѣтъ, сколько можно судить; по крайней мѣрѣ они и до сихъ поръ сохранили наивность своихъ исконныхъ привычекъ. Но академика Зуева онъ несомнѣнно выпроводилъ и несомнѣнно отвадилъ его отъ поползновеній производить научныя изслѣдованія на территоріи, ввѣренной его, Щербинина, намѣстническому попеченію. Успѣлъ ли Леванидовъ насадить въ харьковской губерніи рай, въ которомъ бы „народъ и всѣ обитатели, блаженствуя, наслаждались покоемъ“? Нѣтъ, повидимому: по крайней мѣрѣ нигдѣ не видно никакихъ слѣдовъ или остатковъ райскихъ насажденій и едва ли можно надѣяться, что ихъ откроетъ самое тщательнѣйшее разслѣдованіе. Но, можетъ быть, не успѣвъ устроить рая, онъ все таки успѣлъ пересоздать въ духѣ своихъ гуманныхъ принциповъ, какую нибудь частичку ввѣреннаго ему огромнаго дѣла? Мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ и положительныхъ данныхъ, чтобы отвѣтить да или нѣтъ на этотъ вопросъ. Но позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній. У насъ приведено достаточно подлинныхъ выписокъ изъ распоряженій Леванидова, чтобы читатель могъ, буде это покажется ему интереснымъ, самъ слѣдить за нашими соображеніями и провѣрять ихъ. Не найдете ли вы, читатель, вмѣстѣ съ нами, что эти распоряженія, блещущія столь яркой гуманностью, на самомъ дѣлѣ полны противорѣчій и нецѣлесообразностей, уничтожающихъ ихъ реальный смыслъ? „Городничіе“, по словамъ Леванидова, „покоиться обыкли по утрамъ, такъ и втеченіи дня и ихъ нерадѣніе и ослабѣвшая мысль и тѣло отъ покоя и роскоши ничего въ пользу города дѣлать не допускаютъ.“ Такъ. Но гдѣ же черпаютъ городничіе средства для роскоши, отъ которой ослабѣла ихъ мысль и тѣло? Неужели въ тѣхъ нѣсколькихъ десяткахъ рублей ассигнаціями годоваго жалованія, которые они получали? Не могъ же Леванидовъ не знать ничего о взяточничесвѣ, коренномъ злѣ, которое подтачивало всѣ тогдашнія общественныя отношенія; отчего же онъ не заикается объ этомъ ни однимъ словомъ, хотя и подходитъ вплотную? Далѣе: намѣстникъ желаетъ, чтобы городни-

чіе „ласкою приводили обывателей къ дѣланію строеній и мостовыхъ по улицамъ и мостовъ чрезъ рѣки," „къ умноженію строеній." Но какъ стоитъ бѣлый свѣтъ, люди улучшали постройки или устраивали мостовыя лишь по двумъ побужденіямъ: или потому, что чувствовали въ этомъ потребность и имѣли необходимыя средства, или потому, что были вынуждаемы къ этому внѣшней силой. Конечно, ни одинъ мостикъ ни чрезъ малѣйшую рѣчку не воздвигся изъ любви обывателей къ ласковому начальству. А какъ трудно обходиться въ данномъ случаѣ лаской, можетъ служить яркимъ доказательствомъ самъ глашатай этихъ гуманныхъ принциповъ. Вотъ что пишетъ Ярославскій въ своихъ запискахъ [1]): „Господинъ генералъ-губернаторъ (никто иной, какъ Леванидовъ) захотѣлъ вымостить улицы Харькова, по неимѣнію вблизи дикаго камня, хоть фашинникомъ, и какъ на этотъ предметъ не было въ думѣ денегъ, то велѣлъ обложить жителей соразмѣрно числу квадратныхъ саженей занимаемыхъ ими дворовъ. Губернскій землемѣръ и директоръ классовъ г. Буксгевденъ объявилъ, что онъ не можетъ заплатить за свой обширный дворъ и садъ за Лопанью въ Дмитріевскомъ приходѣ, основываясь на указѣ, что безъ высочайшей власти никто не въ правѣ налагать налоги. Генералъ-губернаторъ сначала велѣлъ подать ему въ отставку отъ должности губернскаго землемѣра. Но не довольствуясь и тѣмъ, сталъ взыскивать съ Буксгевдена и по училищу. Буксгевденъ отъ печали заболѣлъ и вскорѣ умеръ". Вотъ тебѣ и примѣръ „ласковаго обхожденія съ жителями"! Наконецъ, намѣстникъ требовалъ отъ городничихъ наблюденія за тѣмъ, чтобы „люди торгующіе съѣстными припасами, особливо хлѣбопашцы и другіе купцы были не утѣснены и допущены къ тому въ совершенной свободѣ" и въ то же время, „чтобы жители города не были обременены возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы". Но если предоставить пріѣзжимъ торговцамъ полную свободу, то какъ сдѣлать, чтобы они никогда не обременяли жителей возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы? Если же жители никогда не должны быть обременены, то какъ

[1]) Харьковскій Сборникъ (приложеніе къ Харьковскому календарю на 1887 г.).

обезпечить торговцамъ полную свободу? „Свобода, такъ не порядокъ, порядокъ, такъ не свобода“.

Что же остается затѣмъ изъ всѣхъ намѣстническихъ попеченій о городничихъ? Предписаніе объ „отличномъ и примѣрномъ въ жизни поведеніи“, о встрѣчѣ особъ первыхъ пяти классовъ, да о доставленіи свѣдѣній намѣстнику. Два послѣдніе пункта городничіе, конечно, держали и безъ всякихъ напоминаній крѣпко въ головѣ, памятуя, что именно здѣсь, а не въ иныхъ направленіяхъ „путь къ похвалѣ и награжденію“.

Предписанія же объ „отличномъ и примѣрномъ въ жизни поведеніи“, конечно, никогда не были и не могутъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только реторическимъ украшеніемъ начальническихъ обращеній къ подчиненнымъ.

Тѣмъ же кореннымъ недостаткомъ, а слѣдовательно тѣмъ же безплодіемъ, поражено все, чѣмъ Леванидовъ думалъ исправлять тягостную медленность тогдашняго судопроизводства. Ни для кого самаго наивнѣйшаго изъ современниковъ не было тайной, что уже гдѣ-гдѣ, а въ судѣ то непремѣнно все держится подмазываніемъ, и хоть собирайся судьи аккуратно, хоть не собирайся, а все таки скорость дѣла будетъ находиться въ прямомъ отношеніи къ количеству даяній, если только не нарушитъ этотъ соціальный законъ вліяніе какого либо сильнаго лица. А что могли сдѣлать распоряженія Леванидова для крестьянскаго благосостоянія—объ этомъ, право, даже и говорить совѣстно. Конечно, если крестьяне временъ Леванидова были такъ глупы, что не понимали, что необходимо вручить защиту своихъ интересовъ толковымъ и порядочнымъ людямъ, то едва ли земскіе исправники могли имъ втолковать эту истину, тѣсно связанную съ практическимъ умѣньемъ отличать толковаго человѣка отъ безтолковаго и порядочнаго отъ безпорядочнаго. Уѣздный же стряпчій, въ качествѣ посредника и цензора, былъ только лишнимъ крючкомъ, цѣплявшимся за просительскіе карманы. Итакъ, если о гуманной дѣятельности Леванидова можно судить по тѣмъ распоряженіямъ, которыя дошли до насъ,—а пожалуй, что мы и въ правѣ это дѣлать, то едва ли можно приписать ей какую либо дѣйствительную, объективную цѣнность: субъективная же

сторона, оцѣнка его побужденій, конечно, сама по себѣ. Въ чемъ же тутъ дѣло? Не въ личности ли Леванидова, недостаточно цѣльной и сильной, чтобы идти напрямикъ съ проведеніемъ своихъ гуманныхъ принциповъ? Есть основаніе думать, что можетъ быть отчасти и такъ.

Ярославскій пишетъ о Леванидовѣ слѣдующее: „Императоръ Павелъ, бывши наслѣдникомъ престола, любилъ его и считалъ преданнымъ себѣ; но Леванидовъ, оставя его, приласкался къ фавориту Зубову и черезъ него получилъ знатное имѣніе, принадлежавшее волынскому бискупу, и генералъ-губернаторство"... Но уже во всякомъ случаѣ, гораздо больше чѣмъ въ личности, въ самихъ условіяхъ, не только ставившихъ непреодолимыя преграды для дѣятельности, но заполонявшихъ и самую личность со всѣми ея гуманными принципами. Напр., въ его же собственномъ намѣстничествѣ, въ воронежской губерніи, гдѣ была казенная продажа водки, цѣловальникамъ ставилось казенной палатой по стоянно на видъ, если они продавали въ извѣстный періодъ водки меньше, чѣмъ въ предъидущій. Къ чему могли тутъ привести заботы о народной нравственности?

Въ чемъ же мораль басни, буде басня нуждается въ морали? А мораль незамысловатая. Щербинину ничего не стоило выгнать изъ своего намѣстничества Зуева, казалось бы совершенно гарантированнаго своимъ званіемъ академика по крайней мѣрѣ хоть отъ выправки по артикулу. Леванидову же едва ли удалось добиться и того, чтобы въ районѣ его владѣній булки были выпечены какъ слѣдуетъ. Ergo: разрушать легче, чѣмъ созидать [1]).

А. Е.

[1]) Дѣло изъ Малороссійскаго Архива: распоряженія намѣстника харьковскаго и воронежскаго Леванидова.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в.

Малороссія въ началѣ XVIII в. поражаетъ насъ обиліемъ и разнообразіемъ своихъ мѣръ и вѣса: не только каждый городъ и мѣстечко, но даже многіе продавцы имѣли свои особыя мѣры. Такъ, мѣры сыпучихъ тѣлъ встрѣчаются слѣдующія: четверикъ, четвертинникъ, осмина, полчетвертинникъ глуховской мѣры, четверики: гадяцкій—равный 3-мъ московскимъ четверичкамъ, козельскій, переяславскій, называемый колодкой и равный 5-ти московскимъ четверичкамъ, ирклеевскій [1]), роменскіе четверики, которыхъ вмѣщалось въ глуховскій четверикъ приблизительно 3—5; упоминаются также осмачка, ковшъ и путивка, равная 12 ковшамъ [2]). Для измѣренія жидкостей служили: ведро, ведерко, кварта, которыхъ вмѣщалось въ казенномъ, государевомъ ведрѣ 24. Встрѣчаются также измѣренія куфами, барилами, насашками, но эти послѣднія были собственно не мѣрами, а сосудами только приблизительной величины, такъ напр., куфа вмѣщала 18—40 ведеръ [3]). Единицами вѣса служили пудъ 50-ти фунтовый и пудъ 40-ка фунтовый, а также безменъ, каменъ—равный 32 фунтамъ, и кантара—96 фунт. [4]). Для измѣренія матерій употреблялся локоть [5]). Понятно, что при такомъ разнообразіи мѣръ сильно страдалъ интересъ покупателей какъ потому, что при подобномъ обиліи трудно было устанавливать цѣны на продукты, такъ и

[1]) Судіенко. Матеріалы для отеч. ист. т. I, стр. 19, 246, 247, 263, 116.

[2]) Дневн. Зап. Я. Марковича ч. I, 222, 431, ч. II, 149.

[3]) Судіенко Матеріалы т. I, 24, 45, 49, 83 и Дн. зап. ч. I, 393.

[4]) Судіенко. Матеріалы т. I, 95, 74, 283.

[5]) Судіенко. Мат. т. I, 250 и Дн. зап. ч. II, 5.

потому, что, даже покупая извѣстной мѣрой, они всегда рисковали купить меньше вслѣдствіе неправильности самой мѣры. Правители Малороссіи не могли не обратить вниманія на это зло и начиная съ 1734 г. мы имѣемъ доказательства ихъ неусыпнаго старанія къ уравненію мѣръ и вѣса. Еще въ 1723 г., по словамъ Костомарова, малороссійская коллегія съ Вельяминовымъ во главѣ, желая привесть въ извѣстность мѣры, дѣйствующія въ Малороссіи, обратилась за свѣдѣніями объ этомъ въ войсковую генеральную канцелярію. Но Полуботокъ отказалъ въ свѣдѣніяхъ, основываясь на томъ, что въ Малороссіи каждая мѣстность имѣетъ свои мѣры (коллегіи нужны были эти свѣдѣнія для урегулированія податей и повинностей). Въ томъ же 1823 г. сборщикамъ были разосланы изъ малор. коллегіи предписанія означать натуральныя повинности великорусскими мѣрами, а не малорусскими, такъ какъ въ коллегіи не имѣется свѣдѣній для перевода ихъ на великорусскія и такимъ образомъ затрудняется доставленіе вѣдомостей въ Москву [1]). А въ 1734 г. правителемъ Малороссіи княземъ Шаховскимъ было предложено собранію малороссійской генеральной старшины, полковниковъ и прочихъ чиновниковъ о введеніи во всемъ краѣ одинаковыхъ мѣръ и вѣса. «На что оные подали свое мнѣніе: во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ быть для продажи по городамъ и сотеннымъ мѣстечкамъ и гдѣ торги бываютъ всякаго провіанта равной мѣры противъ прежняго осмачками и четвериками, только въ осмачкѣ было бы мѣрою по 2 четверти мѣры московской, въ которую четверть вмѣщалось бы 2 четверика, а въ оный каждый четверикъ было бы мѣры противъ московскаго четверика 4 четверичка» [2]). Принимая во вниманіе, что въ XVIII в. великорусская четверть содержала 8 четвериковъ, осмина 4 четверика, четверикъ 8 гарнцевъ [3]), мы получимъ, что малорусскія мѣры были вчетверо больше московскихъ: осмачка, содержа въ себѣ 4 четверика, равнялась 2 четвертямъ московской мѣры или 16 четверикамъ, малорусскій четверикъ, будучи $^1/_4$ осмачки, равнялся 4 московскимъ четверикамъ или, по постановленію собранія князя Шаховскаго, 4 четверичкамъ, откуда заключаемъ, что

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, состоящій при харьковскомъ университетѣ №№ 21, 705.

[2]) Арх. мал. кол. при харьк. ун. № 2,769.

[3]) Арх. Мал. Кол. при харьк. ун. № 21,705.

московскій четверикъ и четверичекъ синонимы, что подтверждается и другими данными [1]).

Въ томъ же собраніи подъ предсѣдательствомъ кн. Шаховскаго было постановлено, чтобы вездѣ былъ принятъ 40 фунт. пудъ, чтобы во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ, въ полковыхъ городахъ имѣлись мѣдныя, печатныя мѣры, а въ сотенные городки были бы посланы такія же деревяныя съ урядовыми печатями, и чтобы мѣшками и иными мѣрами, кромѣ означенныхъ, нигдѣ ничто не продавалось «подъ опасеніемъ неопускнаго штрафа». Постановленіе это было подтверждено указомъ Анны Іоанновны.

За мѣрами и вѣсами немедленно былъ посланъ въ Москву бурмистръ Гречка, который и привезъ 12 великороссійскихъ, печатныхъ, мѣдныхъ четверичковъ и 12 же четыредесяти-фунтовыхъ вагъ. Четверички и ваги были разосланы въ полки, въ каждый по 1 четверичку и 1 вагѣ, при чемъ продажа на четверички должна была производиться въ щерть (въ уровень), а не вверхъ [2]). Впослѣдствіи изъ генеральной войсковой канцеляріи были разосланы по сотеннымъ канцеляріямъ указы сдѣлать локоть и аршинъ «справедливые», а также кварту, полкварты и четверть кварты и прислать ихъ въ войсковую генеральную канцелярію для освидѣтельствованія. По этимъ освидѣтельствованнымъ образцамъ всѣ продавцы сотни обязаны были сдѣлать свои мѣры и въ доказательство вѣрности имѣть на нихъ урядовую печать. Продающихъ же на другія мѣры предписано было штрафовать [3]).

Въ 1766 г. малороссійская коллегія начинаетъ собирать свѣдѣнія о томъ, получены ли были разосланныя мѣры и ваги, и на нихъ ли производится продажа хлѣба и провіанта. Результаты оказываются крайне плачевными. Полтавская полковая канцелярія отвѣчала, что ни у нея, ни у сотенныхъ канцелярій не имѣется никакихъ данныхъ о томъ, были ли получены посланныя мѣры и ваги. Продажа же производится «въ однѣхъ сотняхъ мѣшками примѣрно сколько въ оныхъ было бы мѣры четверичковъ, а въ другихъ на четверти, сдѣланные для отдачи консистентамъ провіанта». Переяславская канцелярія извѣщала, что при ней имѣется печатный четверичекъ, но тогдашней ли присылки—неизвѣстно, но что на тотъ

---

[1]) Судіенко. Матер. т. I, 48, 94.

[2]) Арх. м. к. при хар. ун. № 2,769.

[3]) Арх. м. к. при хар. ун. № 4,582.

четверичекъ производится только подрядная продажа провіанта, среди народа же употребляется «четверичекъ, называемый колодкой, въ который тѣхъ четверичковъ входитъ 5». Вѣсы при канцеляріи также имѣются, но въ силу указа 1745 г. конотопское сотенное правленіе отвѣчало, что «разночинцы всякъ свои мѣры въ ихъ домахъ по ихъ хотѣнію держатъ», и потому имѣющейся при правленіи четверти никто не беретъ. Если же кто либо захочетъ купить казенной мѣрой, то продавцы обвиняютъ его въ насильственномъ загребленіи. На установленный вѣсъ также ничто не продается и цѣнъ, объявляемыхъ на продукты сотеннымъ правленіемъ, никто не признаетъ, почему конотопское правленіе и проситъ коллегію прислать особую резолюцію, какъ поступать съ непокорными. Нѣжинская канцелярія сообщала, что въ г. Коропѣ печатныхъ мѣръ не имѣлось, почему туда и были посланы новыя казенныя мѣры, которыя выставляются во время торговъ сотеннымъ правленіемъ. Но коропская ратуша выдаетъ старыя, не казенныя, и потому на казенную мѣру никто продавать не хочетъ. Когда же ратушныя мѣры были забраны въ сотенное правленіе, то ратуша «въ противность» надѣлала новыхъ мѣръ, которыя «насильно» выдаютъ на торги, а казенныя мѣры «затѣмъ остаются праздныя». Сотенная глуховская канцелярія отвѣчала, что въ 1735 г. ей были присланы четверичекъ и вага, но что послѣ пожара 1748 г. они неизвѣстно куда дѣлись. Болѣе благопріятныя извѣстія были получены изъ полковъ кіевскаго, прилуцкаго и лубенскаго, гдѣ имѣлись казенныя мѣры и продажа производилась на нихъ, хотя лубенская канцелярія дѣлаетъ оговорку, что на казенныя мѣры и вѣсъ продажа «иногда чинится» [1]).

Таковы были результаты попытки уравненія мѣръ. Были ли они причиною нежеланія народа подчиняться великорусскимъ мѣрамъ? На это нѣтъ ни малѣйшаго намека въ архивномъ матеріалѣ. Вѣрнѣе, что эта попытка не дала благопріятныхъ результатовъ по той же причинѣ, по которой погибали и другія начинанія, наталкиваясь съ одной стороны, такъ сказать, на своенравіе народа, съ другой на слабость и своеволіе администраціи, со времени ослабленія власти гетмановъ получившей возможность въ далекой Малороссіи давать полный просторъ своимъ корыстолюбивымъ стремленіямъ и своеволію. Впослѣдствіи великорусскіе правители, при томъ ежечасно смѣняемые, не могли внести порядка и стройности въ управленіе.

---

[1]) Арх. м. к. при хар. ун. № 2,769.

Получивъ такія извѣстія, малорос. коллегія, вмѣсто неопредѣленной угрозы «неопускнаго штрафа» за неисполненіе своихъ предписаній относительно мѣръ и вѣса, считаетъ нужнымъ вполнѣ опредѣлить возмездіе за преступленіе и 13 августа 1766 г. шлетъ слѣдующій указъ: «Какъ въ полковыхъ городахъ, такъ и въ сотенныхъ мѣстечкахъ велѣть троекратно по торгамъ публиковать, увещевая дабы всѣ привозимый на продажу всякій хлѣбъ продавали, а другіе покупали неотмѣнно на указныя мѣры, какія мѣдныя въ прошломъ 734 г. были разосланы..... а кто въ томъ явится ослушнымъ изъ людей низкой кондиціи съ таковыхъ взыскивать по рублю, а чиновныхъ забирать подъ караулъ и представлять на резолюцію коллегіи, буде же гдѣ въ торговыхъ городахъ и мѣстечкахъ тѣхъ мѣръ не довольно, то приказать отъ полковыхъ и сотенныхъ канцелярій, а гдѣ есть магистраты и ратуши отъ оныхъ надѣлать немедленно» [1]). Но въ концѣ того же года, а именно 23 декабря, она оказывается вынужденной усилить наказаніе: она предписываетъ: «Буде бы кто въ преступленіи повеленнаго (продавать хлѣбъ на указныя мѣры) нашелся, за первое взыскивать въ штрафъ по 2 руб., за другое и болѣе и сверхъ того наказывать по мѣрѣ преступленія» [2]). Но, какъ видно, коллегія не достигла цѣли и 4 февраля 1768 г. появляется предложеніе Румянцева малороссійской коллегіи, въ которомъ онъ, какъ бы признавъ безсиліе предписаній коллегіи, становится подъ прикрытіе законовъ старины. Надѣялся ли Румянцевъ, что народъ скорѣе подчинится имъ, какъ законамъ предковъ, а не нововведеніямъ, или что онъ просто покорится подъ угрозой болѣе сильныхъ наказаній, какъ бы то ни было, Румянцевъ шлетъ слѣдующее предписаніе:

„Малороссійской коллегіи.

Законодатели, возводившіе своими попеченіями къ цвѣтущему состоянію города, предвидѣвъ, что къ тому достигнуть таковымъ наипаче неможно, въ которыхъ всякіе промыслы оставлены на волю жителямъ, учредили власти, наблюдающія между другимъ правду и порядокъ въ куплѣ и продажѣ производимой. Довольно похвальные на сей случай содержитъ въ себѣ уставы книга „Порядокъ“ законовъ магдебургскихъ, право и въ сей землѣ городамъ жалованное. Но взирая на безчисленныя неустройства въ самыхъ лучшихъ здѣсь городахъ и столько же на непорядки жителей оныхъ, кто можетъ сообразить, чтобы не только теперь, но и когда либо принадлежало имъ сіе право, утвердившее лучшіе города въ ихъ благосостояніи?! Но могли однако же произвесть сію невѣроятную разность въ однихъ мѣ-

[1]) Арх. м. к. при хар. ун. № 2,769.

[2]) Арх. мал. кол. при хар. ун. № 2,769.

стахъ бдѣніе неусыпное, а въ другихъ наибольшее нерадѣніе о соблюденіи полезныхъ уставовъ. При законахъ, опредѣляющихъ строгое смотрѣніе объ умѣренности цѣнъ, справедливости мѣръ и вѣсовъ, для продажи товаровъ употребляемыхъ, рѣдко кто здѣсь не жалуется на обманъ при покупкѣ учиненный себѣ отъ продающихъ. Сотенное глуховское правленіе, усмотря, представляетъ мнѣ, что у глуховскихъ промышленниковъ, всякими напитками торгующихъ, не только неравныя у каждаго мѣры, но еще подложныя, какъ то и нашлось у одного шинкаря грека Яна Мозолева кварта на подобіе указной и приклеймлена словами, значущими печать ратуши глуховской, но съ двумя однако же діами. Не говоря о полицейскихъ учрежденіяхъ на сей случай въ россійскихъ городахъ, я выписую слѣдующее изъ самихъ законовъ здѣшнихъ, въ книгѣ „Порядкѣ“ правъ гражданскихъ на страницѣ 13 напечатано: „въ должность ратушамъ предостерегать, чтобы съѣстные и питейные припасы не продавались дорогою цѣною, всякіе мѣры и вѣсы онымъ вещамъ осматривать, по крайней мѣрѣ на всякій мѣсяцъ однажды, и чтобы оные были подъ знакомъ городовымъ“. Въ артикулахъ правъ цесарскихъ на стр. 60: „если бы на кого доказано, что онъ съ обманомъ и во вредъ мѣры и вѣсы или съ вещей продаваемыхъ, сдѣлавши подложными, употребляетъ оные или же производитъ въ продажу за справедливые, всякаго таковаго должно, поймавъ, посадить такимъ образомъ, какъ посаждаются осужденные на смерть, и по доказательству за злоупотребленіе имѣетъ быть изъ города или изъ земли изгнанъ и наказанъ у столба розгами, по разсмотрѣнію его преступленія. А когда въ томъ не разъ уже изобличенъ, можно казнить и смертію“. Въ книгѣ Статутъ, разд. 3-го, въ арт. 36: „оставлено во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ воеводамъ и старостамъ установлять цѣны и мѣры питейнымъ и съѣстнымъ припасамъ и наблюдать, чтобы оные во всемъ государствѣ были равны. Продающіе же инако такъ, какъ самъ урядъ позволяющій на то, подверженъ платить штрафъ 12 рублей, съ которыхъ половина до скарбу, а другая тѣмъ обиженному принадлежитъ. Премногими конституціями подтверждено сіе установленіе съ прибавленіемъ еще наказанія на обманывающихъ въ мѣрѣ и вѣсѣ, какъ можно видѣть подъ симъ же артикуломъ тому объясненіе. Кто не признаетъ, чтобы сіи наилучшіе были установленія къ искорененію обмановъ и самыхъ ко злу поползновеній въ городскомъ общежительствѣ?! Однако я, не видѣвши, чтобы гдѣ либо оные въ общей пользѣ имѣли свои дѣйствія, но паче увѣдомляемъ коль всякими недозволенными образами при продажѣ въ городахъ торгующіе не имѣютъ себѣ воспрещенія употреблять обманныя мѣры и вѣсы и возвышать цѣны излишнія продаваемымъ вещамъ въ тягость общую, долженъ малороссійской коллегіи предложить—послать во всѣ полковые города и сотенныя мѣстечки указы, подтверждая магистратамъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ до чьего вѣдомства тамо принадлежитъ смотрѣніе полиціи, дабы всякъ честно и порядочно сыскивалъ пропитаніе отъ своего торга, вездѣ справедливые мѣры, и вѣсы, по освидѣтельствованію, назначить всѣмъ промышленникамъ и торгующимъ какъ съѣстными и питейными припасами, такъ и другими вещами указныя одинакія за печатью урядовою и о употребленіи оныхъ и самихъ безъ поврежденія примѣсями напитковъ отъ времени до времени свидѣтельствовать такъ, чтобы торгующіе на передъ о томъ не увѣдали, дабы тѣмъ предупредить всякіе подлоги, установляте также всѣмъ съѣстнымъ, харчевымъ и питейнымъ припасамъ настоящія цѣны справедливыя, разумѣя сіе о городскихъ только жителяхъ, тѣмъ промышляющихъ, а не о крестьянахъ пріѣзжихъ, которымъ оставлять на волю какъ

хотя(тъ) продавать на торгахъ свои припасы. Если же бы и за симъ въ публику подтвержденіемъ дерзнулъ кто въ сверноприбытчествѣ себѣ и на обиду ближнему употреблять фальшивые вѣсъ и мѣру или примѣсъ, повреждающій напитки или съѣсные нѣкоторые припасы, или свою продажу производилъ надъ постановленную отъ уряду цѣну, таковаго, не смотря на его званіе (ибо всякъ градскій житель, пользующійся равными выгодами, какъ всѣ другіе безъ изъятія, подлежитъ общему закону) если въ городахъ, имѣющихъ магистраты, то случится, судить таковаго въ магистратѣ, а гдѣ оныхъ нѣтъ и въ сотенныхъ мѣстечкахъ оттудова таковыхъ преступниковъ отсылать въ полковые суды, гдѣ также судить оныхъ за ихъ преступленія по силѣ вышеписанныхъ гражданскихъ законовъ. При подтвержденіи о семъ сотенному глуховскому правленію предписать, чтобъ изобличившагося грека Мозолева за употребленія подложной мѣры штрафовать только за первый случай взысканіемъ съ него 12 рублей на госпиталь. И какъ доходитъ мнѣ вѣдать, что надъ постановленіе, отъ меня учиненное и чрезъ малороссійскую коллегію публикованное отъ 18 числа генваря съ запрещеніемъ, дабы внѣ города тайнымъ образомъ и захватомъ перекупщики ничего не закупали, пойманные въ таковыхъ запрещенныхъ перекупкахъ извиняются незнаніемъ о томъ постановленіи, для того приказать какъ о прежнемъ, такъ и семъ повелѣніи публиковать разъ нѣсколько въ городѣ всякомъ и по опубликованіи взять отъ всякаго дому росписку въ извѣстіи о томъ, дабы невѣдѣніемъ никто отговариваться не могъ.

Румянцевъ“ [1]).

Предложеніе это принимается коллегіей, но остается такъ же безсильно, какъ и всѣ предъидущія предписанія, и черезъ годъ Румянцевъ заявляетъ коллегіи, что даже въ вѣдомостяхъ, присылаемыхъ на его имя отъ полковыхъ канцелярій, мѣры и вѣсъ обозначены несоотвѣтствующими названіями. Вслѣдъ за этимъ конечно снова разсылаются указы [2]). Въ 1780 г. на запросъ, сдѣланный государственной коммерцъ-коллегіей малороссійской коллегіи о мѣрахъ и вѣсахъ, послѣдняя отвѣчала, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ сотеннаго глуховскаго правленія, тамъ употребляются: пудъ, содержащій въ себѣ 40 фунтовъ, фунтъ же состоитъ изъ 32 лотовъ или 96 золотниковъ, аршинъ, имѣющій въ себѣ 4 четверти или 16 вершковъ, четверть, состоящая изъ 8 казенныхъ четвериковъ, но что иногда по согласію продавцевъ съ покупателями продажа производится на мѣру, превосходящую казенную, что ведро употребляется содержащее въ себѣ 10 кварть. Далѣе коллегія извѣщаетъ, что и по другимъ городамъ Малороссіи мѣра и вѣсъ употребляются казенные, въ силу повелѣнія изъ бывшей генеральной войсковой канцеляріи, а впослѣдствіи изъ малороссійской коллегіи отъ 3 іюня 1766 г. [3]). Насколько этотъ от-

[1]) Архивъ малор. кол. при хар. ун. № 2769.

[2]) Арх. м. к. при хар. ун. № 6,233.

[3]) Арх м. к. при хар. ун. № 2,769.

зывъ былъ вѣренъ видно изъ того, что ровно черезъ 3 недѣли, послѣ него, а именно 30 марта 1780 г. Румянцевъ заявляетъ коллегіи, что до его свѣдѣнія дошло, что «не только всякій городъ и мѣстечко, но и всякій продавецъ имѣетъ свои особливыя (мѣры)» и снова онъ предлагаетъ предписать магистратамъ, полковымъ и сотеннымъ правленіямъ пересвидѣтельствовать мѣры и если гдѣ окажутся невѣрныя, то сдѣлать вычисленіе насколько онѣ больше или меньше казенныхъ, заклеймить ихъ печатью, а вычисленіе, за подписью чиновниковъ, вывѣсить на публичныхъ мѣстахъ.

Въ такомъ состояніи находился вопросъ о мѣрахъ и вѣсахъ, когда Малороссію застигли реформы Екатерины II-й.

А. Лобко.

Изъ бумагъ К. А. Лохвицкаго.

(Объ Ильинской и Христо-Рождественской церквахъ и объ открытіи кіевскихъ древностей въ 1820—30 хъ гг.).

Изслѣдователи кіевской сѣдой старины не могутъ не помянуть добрымъ словомъ извѣстнаго въ свое время мѣстнаго археолога Кодрата Андреевича *Лохвицкаго*, немало потрудившагося въ дѣлѣ розысканія и раскрытія этихъ памятниковъ. Диллетантъ—археологъ, не обладавшій научнымъ образованіемъ и большими знаніями, высказывавшій иногда довольно странные взгляды и увлекавшійся ими до крайностей, Лохвицкій тѣмъ не менѣе обнаруживалъ нерѣдко значительное археологическое чутье, блистательно оправдывавшее его поиски. Онъ былъ положительно счастливъ въ своихъ находкахъ: опредѣленіе мѣста и открытіе развалинъ *Золотыхъ воротъ* и *Ирининскаго* монастыря, открытіе фундаментовъ древней *Десятинной* церкви—это такіе крупные археологическіе подвиги, что имя Лохвицкаго не можетъ быть забыто въ исторіи русской археологіи. Тѣмъ болѣе, конечно, оно должно быть памятно кіевлянамъ.

Въ видѣ поминокъ о Лохвицкомъ, очень умѣстныхъ въ настоящее время, приведу нѣсколько документовъ изъ находящагося у меня *собранія бумагъ Лохвицкаго*[1]). Собраніе—довольно интересное. Самая объемистая связка разныхъ оффиціальныхъ и частныхъ бумагъ относится къ открытію Лохвицкимъ въ 1832 г. Золотыхъ воротъ и къ

---

[1]) Оно найдено между бумагами моего покойнаго отца ключаря Кіево-Софійскаго собора протоіерея *Н. Я. Олоблина*.

позднѣйшимъ (въ 1833—35 гг.) мѣропріятіямъ по обнаруженію и охранѣ этого памятника древности. Другія связки говорятъ объ открытыхъ Лохвицкимъ развалинахъ Ирининскаго монастыря (въ 1833 г.) и Десятинной церкви (въ 1824 г. и слѣдующихъ). Есть документы, касающіеся исторіи и древностей церквей *Ильинской*, *Христо-Рождественской*, *Георгіевской* и др. Интересна записка о дѣятельности Лохвицкаго по открытію кіевскихъ древностей до 1836 г. Вообще, въ собраніи немало документовъ, относящихся къ біографіи самого Лохвицкаго: оффиціальныя бумаги къ нему, отвѣты его, разныя письма и проч. Любопытенъ, между прочимъ, одинъ документъ для характеристики личности Лохвицкаго, именно—«*Отрывки кабалы*» (мистической). Есть и сторонніе документы, напр.— «Предисловіе къ путешествію по Тавридѣ» и отрывокъ изъ «Исторіи Тавриды» *Муравьева—Апостола* (дата: «*Хомутецъ*. 1823 г.»), выписки изъ лѣтописей и проч.

Надѣясь познакомить читателей «Кіевской Старины» съ болѣе интересными документами этого собранія, выбираю на первый разъ *три* документа, имѣющихъ наиболѣе близкое отношеніе къ Кіеву.

Первые два документа относятся къ интересному вопросу: какія изъ кіевскихъ церквей должны быть признаны *древнѣйшими церквами* временъ до-Владиміровыхъ и Владиміровыхъ?

Первымъ христіанскимъ храмомъ въ Кіевѣ Лохвицкій признаетъ *Ильинскую* церковь временъ Игоря, но о мѣстѣ ея нахожденія высказываетъ очень оригинальное мнѣніе. Именно, этого вопроса касается первый изъ ниженомѣщенныхъ документовъ: «*Записка о раскрытіи мѣста варяго-россійской церкви Ильинской*». Это черновая записка неизвѣстной мнѣ руки, но исправленная рукою Лохвицкаго.

Вопреки общепринятому мнѣнію, что Игорева Ильинская церковь находилась на мѣстѣ теперешней Ильинской церкви на Подолѣ, около Днѣпра, Лохвицкій указываетъ на совершенно другое мѣсто, именно, онъ утверждаетъ, что она находилась за нынѣшнею *Іорданскою* церковью, «на выѣздѣ изъ Кіева въ *Кирилловское* богоугодное заведеніе, отъ дороги на лѣвой сторонѣ, повыше бывшей *Богословской* церкви въ полгоры, надъ ручьемъ *Іорданскимъ*.....» Именно здѣсь Лохвицкій нашелъ въ 1832 г. остатки фундамента и другихъ развалинъ какой то церкви, которыя митр. *Евгеній* призналъ за остатки бывшаго здѣсь нѣкогда *Іорданскаго* женскаго монастыря. Не соглашаясь съ этимъ взглядомъ на іорданскія развалины, Лохвицкій приводитъ въ «Запискѣ» доводы въ пользу своего мнѣнія.

Главное его основаніе то, что Игорева Ильинская церковь, по сказанію лѣтописи, стояла «надъ *ручьемъ*», котораго нѣтъ около нынѣшней Ильинской церкви, а найденныя имъ развалины расположены именно надъ ручьемъ, при томъ—носящимъ такое знаменательное имя—*Іорданскаго*. Этотъ ручей (Лохвицкій довольно подробно его описываетъ) впадаетъ въ озеро *Іорданское* (на Оболони), откуда истекаетъ р. *Почайна*.... Такая близость всѣхъ этихъ водъ къ найденнымъ Лохвицкимъ церковнымъ развалинамъ, при очень древней кладкѣ и формѣ кирпичей ихъ, заставила его видѣть въ этихъ развалинахъ древнѣйшую «варяго-россійскую» Ильинскую церковь кіевлянъ.

Лохвицкій не развиваетъ въ «Запискѣ» соображеній, вызванныхъ сосѣдствомъ Іорданскихъ развалинъ съ ручьемъ Іорданскимъ и др. водами, но, очевидно, его мысль была занята такими вопросами: почему этотъ ручей и это озеро, принадлежащіе къ системѣ р. Почайны, получили названіе «Іорданскихъ»? когда имъ дано это названіе? не здѣсь ли—въ оз. Іорданскомъ и въ началѣ истока изъ него р. Почайны—происходило *крещеніе кіевлянъ*? не естественнѣе ли всего было это крещеніе произвести *вблизи* существовавшей уже въ Кіевѣ христіанской *церкви*—Ильинской? не оттого ли и впослѣдствіи находившійся здѣсь женскій монастырь названъ Іорданскимъ, что онъ находился вблизи мѣста крещенія кіевлянъ?

На такіе и подобные вопросы наталкиваетъ «Записка» Лохвицкаго, старавшагося доказать древность своей находки около Іорданской церкви и пріурочить ее къ древнѣйшей кіевской церкви. Не увлекаясь съ своей стороны доводами Лохвицкаго, нельзя, однако, не сознаться, что они имѣютъ за собою нѣкоторыя основанія...

Хотя кіевская археологія считаетъ вопросъ объ Ильинской церкви порѣшеннымъ [1]) и не въ пользу мнѣнія Лохвицкаго, но кто знаетъ—на какія увлеченія способна вообще археологія и какъ часто многія «аксіомы» нашей археологіи передѣлывались совершенно заново и низводились въ разрядъ очень подозрительныхъ истинъ—тотъ не посмѣется и надъ разсматриваемымъ «увлеченіемъ» Лохвицкаго... Кто знаетъ? Быть можетъ откроются совершенно новыя данныя о мѣстѣ древнѣйшей Ильинской церкви и быть можетъ эти данныя совпадутъ съ предположеніями Лохвицкаго.

---

[1]) См., напр., статью *П. Л—ва* „О началѣ христіанства въ Кіевѣ“ („Кіев. Стар.“, 1888, іюнь).

Вопросъ объ Ильинской церкви, какъ и многіе другіе вопросы кіевской археологіи, давно уже требуетъ новаго и основательнаго пересмотра. Въ виду этого не мѣшаетъ помнить и приводимое мнѣніе Лохвицкаго, обладавшаго, какъ уже замѣчено, крупнымъ археологическимъ чутьемъ—даромъ очень цѣннымъ для археолога. Насколько мнѣ извѣстно, найденныя Лохвицкимъ развалины давно уже забыты кіевскими археологами и, кажется, послѣ Лохвицкаго и митр. Евгенія никѣмъ не изслѣдовались. Что бы заняться обстоятельнымъ и вполнѣ научнымъ обслѣдованіемъ ихъ? Быть можетъ, оно дастъ что нибудь новое—позволитъ точнѣе опредѣлить и время іорданскихъ развалинъ, и характеръ ихъ, и проч. Любопытно, что въ щебнѣ развалинъ Лохвицкій находилъ остатки *фресокъ* (не заинтересуется ли этимъ г. *Праховъ*?..).

Слѣдуетъ еще замѣтить относительно разсматриваемой «Записки» Лохвицкаго, что одно мѣсто ея производитъ довольно странное впечатлѣніе, именно то, гдѣ онъ пытается доказать, что Игорева Ильинская церковь «была *католическая*»... Оригинальное ли это мнѣніе Лохвицкаго, или отголосокъ чужихъ—польскихъ мнѣній? Не знаю даже—не былъ ли Лохвицкій католикомъ? Во всякомъ случаѣ въ этомъ взглядѣ ярко выступаетъ диллетантъ, слабо знакомый съ нѣкоторыми фактами мѣстной исторіи. Любопытна, впрочемъ, здѣсь ссылка на какое то смутное преданіе кіевлянъ: Лохвицкій утверждаетъ, будто «Ильинская церковь (нынѣшняя ли, или найденная Лохвицкимъ—это не ясно въ «Запискѣ») до сего времени отъ старожиловъ кіевскихъ называется *костеломъ*»!... Интересно бы провѣрить: существуетъ ли у современныхъ «старожиловъ» подобное преданіе?...

Второй предлагаемый отрывокъ изъ бумагъ Лохвицкаго представляетъ уже не мнѣніе Лохвицкаго, а копію стариннаго документа, подъ заглавіемъ: *Фундаментъ доскональный и тестованый храму Рождества Христова.* Закревскій, говоря о мѣстѣ церкви Рождества Христова (стр. 757 и слѣд.), указываетъ на то, что проф. кіев. дух. академіи Ив. Петр—чъ Максимовичъ въ своемъ «Паломникѣ» ссылается на документъ XVII в., относящій время построенія церкви ко временамъ св. Владиміра. Такимъ образомъ и настоящій документъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ вполнѣ, такъ какъ цитаты изъ него были незначительны. Отношеніе Лохвицкаго къ этому документу неизвѣстно, замѣтно только, что онъ придавалъ ему нѣкоторое значеніе и относился къ нему со вниманіемъ.

Документъ этотъ, повидимому, древняго происхожденія: судя по языку, его можно отнести къ XVI в. или началу XVII в. Хранившаяся у Лохвицкаго копія «Фундамента» писана на золотообрѣзныхъ продолговатыхъ синеватыхъ листахъ конца XVIII в. или начала XIX в. По почерку и по одному примѣчанію (о «монументѣ» 1802 г.) копію слѣдуетъ отнести къ началу XIX в. «Фундаментъ» написанъ въ 2 столбца—подлинникъ и русскій переводъ его, съ примѣчаніями внизу (все это, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неважныхъ примѣчаній, привожу ниже).

«Фундаментъ» не столько доказываетъ, сколько констатируетъ тотъ несомнѣнный для него фактъ, что нынѣшняя *Христо-Рождественская* на Подолѣ церковь, на берегу Днѣпра, построена на мѣстѣ древнѣйшей Христо-Рождественской церкви, *сооруженной Владиміромъ вблизи мѣста крещенія* его сыновей—«Крещатицкой криницы» и *вскорѣ* послѣ этого событія. Въ память послѣдняго, говоритъ «Фундаментъ», съ давнихъ поръ существовалъ обычай совершать *15 іюля крестный ходъ* изъ Рождественской церкви на «Крещатицкую криницу» (гдѣ въ 1802 г. построенъ «монументъ»). Впослѣдствіи память объ этомъ крестномъ ходѣ исчезла и уже въ наше время (въ началѣ 1860-хъ гг.) устроены 15 іюля торжественные крестные ходы къ Крещатицкому источнику изъ Софійскаго собора и проч.

Такимъ образомъ, документъ причисляетъ мѣсто Христо-Рождественской церкви къ числу древнѣйшихъ церковныхъ мѣстъ Кіева. Жаль, что окрестности этой церкви теперь совершенно застроены сосѣдними зданіями, такъ что нельзя произвести здѣсь раскопокъ: быть можетъ онѣ обнаружили бы слѣды древней кладки и дали бы возможность провѣрить показанія «Фундамента».

Любопытна одна подробность, сообщаемая «Фундаментомъ»: документъ говоритъ, что Рождественская церковь памятна еще и тѣмъ, что вблизи нея происходило знаменательное событіе—погруженіе въ днѣпровскія воды свергнутаго кіевлянами стараго ихъ бога—*Перуна*... Его тащили, по словамъ «Фундамента», по урочищу, идущему отъ Михайловскаго монастыря внизъ къ Рождественской церкви и съ давнихъ поръ носившему, именно въ воспоминаніе объ этомъ событіи, названіе—«*Чортово беремя*». Эта дорога внизъ по «Чортову беремени» существовала еще во время составленія «Фундамента».

Не меньшій интересъ представляетъ и третій документъ—«*О ходѣ открытія древностей въ Кіевѣ до начала 1836 г.*». Это хотя

очень сжатая, но довольно обстоятельная исторія открытія главныхъ кіевскихъ древностей въ 1820—30-хъ гг. Записка составлена какъ будто бы отъ имени «Временнаго комитета изысканія древностей въ Кіевѣ», но такъ какъ она говоритъ главнымъ образомъ о заслугахъ Лохвицкаго въ дѣлѣ открытія кіевскихъ древностей, то, кажется, именно Лохвицкій и можетъ быть признанъ авторомъ записки.

Записка состоитъ изъ 5 главъ: 1 глава говоритъ объ открытіи «чиновникомъ 5 класса» (какъ онъ любилъ себя величать) Лохвицкимъ и священникомъ Десятинной церкви Михаиломъ *Кочеровскимъ*, по мысли и указаніямъ митр. *Евгенія*, въ 1824 г., фундамента древнѣйшей *Десятинной* церкви [1]).

II глава посвящена открытію Лохвицкимъ, въ 1832—3 гг., развалинъ *Золотыхъ воротъ*. Любопытно, что эти раскопки производились Лохвицкимъ частію на собственный счетъ, а отчасти на пожертвованія разныхъ частныхъ лицъ.

Только въ 1834—36 гг. правительство давало субсидію на поддержку и укрѣпленіе открытыхъ развалинъ [2]).

Въ III главѣ разсказывается объ открытіи Лохвицкимъ развалинъ *Ирининскаго* монастыря, въ 1833 г. [3]).

IV глава распространяется о предположеніяхъ Лохвицкаго относительно мѣстонахожденія другихъ кіевскихъ древнихъ построекъ и о нѣкоторыхъ открытіяхъ его въ этой области. Прежде всего здѣсь рѣчь идетъ о мѣстѣ *Ильинской* церкви, т. е.—о томъ же предметѣ, которому посвящена и вышеуказанная «Записка» Лохвицкаго. Но всѣ подробности послѣдней отсутствуютъ въ разсматриваемомъ документѣ: здѣсь кратко приведено извѣстное намъ мнѣніе Лохвицкаго о мѣстонахожденіи Ильинской церкви и опроверженія этого мнѣнія митр. Евгеніемъ, кіевскимъ археологомъ *М. И. Берлинскимъ* и *Остромысленскимъ*. Такимъ образомъ, свѣдѣнія настоящаго документа не представляютъ повторенія отдѣльной «Записки» объ Ильинской церкви.

---

[1]) Исторія раскопки Десятинной церкви изложена подробнѣе у Закревскаго (Стр. 287 и слѣд.).

[2]) Исторія Золотыхъ воротъ также обстоятельно изложена у Закревскаго (стр. 321 и слѣд.), со включеніемъ въ изложеніе почти всей записки Лохвицкаго.

[3]) Въ другомъ документѣ Лохвицкій разсказываетъ, что въ 1835 г. около 40 кубическихъ саженей древнихъ кирпичей, плитъ и камней Ирининскихъ развалинъ было употреблено на устройство кіевскихъ мостовыхъ.... Объ открытіи Ирининскаго монастыря, въ свою очередь, обстоятельно изложено у Закревскаго (336 стр.) и упоминается объ участіи г. Лохвицкаго въ дѣлѣ открытія памятниковъ кіевской старины.

Далѣе (въ IV главѣ) идутъ указанія на предположенія Лохвицкаго и открытія имъ развалинъ древней *Крестовоздвиженской* церкви (на Андреевской горѣ [1]), «крѣпостныхъ *воротъ* времени блаженной великой княгини *Ольги*» (тамъ же) и *могилы кн. Дира* (около *Ирининской* церкви....). Здѣсь же въ запискѣ приведены и опровержения всѣхъ этихъ гипотезъ Лохвицкаго митр. Евгеніемъ и Берлинскимъ.

V глава говоритъ о *случайныхъ находкахъ* древностей въ Кіевѣ, именно: 1) о золотыхъ и серебряныхъ церковныхъ и другихъ предметахъ (серебряная чаша, серебряный дискосъ, 2 золотыя панагіи и проч.), найденныхъ въ 1824 г., около *Михайловскаго* монастыря, мѣщаниномъ Василіемъ *Хирщевскимъ* и отправленныхъ въ Эрмитажъ; 2) о находкѣ мелкихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній, въ 1827 г., около *Стрѣтенской* церкви, въ усадьбѣ прапорщика *Августиновича* («всѣ сіи вещи по военной командѣ представлены начальству», а о дальнѣйшей ихъ судьбѣ ничего неизвѣстно), и 3) о находкѣ въ 1834 г. подполковникомъ *Фитингофомъ*, на *Крещатикѣ*, рыцарскаго шлема, представленнаго Лохвицкимъ въ музей университета св. Владиміра.

Н. Оглоблинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. «Записка о раскрытіи мѣста древностей варяго-россійской церкви Ильинской».

„Чиновникъ 5 класса Лохвицкій, соревнователь Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, руководствуясь особеннымъ порученіемъ г-на фельдмаршала графа *Сакена* и письменнымъ предписаніемъ военнаго кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора графа *Левашова*, въ сходствіе Высочайшихъ повелѣній 29 іюля 1824 г. и 4 генваря 1833 г., *нашелъ мѣсто* и фундаменты каменные [2]) церкви *Ильинской* варяго-россовъ, времени великаго князя Игоря.

Сія церковь до сего времени была извѣстна только по исторіи, мѣстопребываніе же ея совсѣмъ утеряно у историографовъ, даже неизвѣстно было—изъ какого

---

[1]) Здѣсь именно открыта Лохвицкимъ памятная кіевлянамъ „яма съ пшеницею“ и съ „3 кусками сосновыми“ изъ которыхъ Лохвицкій соорудилъ пресловутый свой *крестъ*. По говору злыхъ кіевскихъ язычковъ—Лохвицкій чуть ли не замышлялъ объявить сію находку крестомъ апостола *Андрея*... Въ 1860—70-хъ годахъ этотъ крестъ былъ выставленъ въ Андреевской церкви (да должно быть и нынѣ тамъ находится).

[2]) Первоначально было написано и потомъ зачеркнуто: „... *началъ* раскрывать съ 5 маія сего *1832 года* древность первой въ Россіи церкви Ильинской...“ и проч.

матеріала она построена. Слѣдовательно, исторія не имѣетъ свѣдѣнія и о планѣ сей церкви.

Преподобный *Несторъ* объ ней пишетъ (въ лѣтописи по Кенигзбергову списку, изданному въ С.-Петербургѣ въ 1767 г., на стр. 44 и 45): въ 945 г. „Христіянскую Русь водиша ротѣ (къ присягѣ) въ церквѣ святаго *Иліи*, яже есть *надручьемъ*, конецъ Постничи (sic) бесѣды, въ Козарѣхъ: се бо бѣ соборная церковь, мнози бо бѣша *варяги* хрестьяне". Сіе свидѣтельствуется при договорѣ великаго князя Игоря съ греческимъ императоромъ Романомъ...

Но поелику Несторъ утверждаетъ о христіанахъ сей церкви, что они были *варягомъ*, а варяги, или скандинавы, или шведы были католической вѣры, изъ сего заключить слѣдуетъ, что сія церковь была *католическая*, ибо при Игорѣ не было раздѣленія (?!!) настоящаго вѣроисповѣданія католическаго съ греческимъ у варяго-россовъ, но по принятіи россіянами греческой вѣры при великомъ князѣ Владимірѣ въ 988 г. отдѣлились греко-россійской вѣры христіяне отъ католиковъ.. По сей причинѣ Ильинская церковь до сего времени *отъ старожиловъ кіевскихъ* называется *„костеломъ"*, а костелъ есть римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Мѣсто сей церкви и остатки фундаментовъ каменныхъ, отрытыхъ изъ нѣдръ земли при изслѣдованіи Лохвицкимъ, находится на выѣздѣ изъ Кіева въ Кирилловское богоугодное заведеніе, за *Іорданскою* церковью, отъ дороги на лѣвой сторонѣ, повыше бывшей *Богословской* церкви, въ полгоры надъ ручьемъ такъ называемымъ *Іорданскимъ*.

Ручей Іорданскій пониже и подлѣ сего мѣста течетъ, а вытекаетъ повыше, съ горъ, близь сихъ остатковъ Ильинской церкви. Сей ручей начало беретъ изъ ключей *желѣзистыхъ*, которые примѣтны по ржавчинѣ желѣзной въ источникѣ родника сихъ ключей. Вода сего ручья чистая, свѣжая, и по испытанію полезна для здоровья. Ручей впадаетъ въ озеро называемое *Іорданское*, находящееся на *Оболонѣ*. Изъ сего озера Іорданскаго вытекаетъ рѣчка *Почайна* и упадаетъ въ рѣку Днѣпръ...

Строеніе каменныхъ фундаментовъ сей Ильинской церкви доказываетъ самое древнѣйшее происхожденіе ея: въ фундаменты положены огромные *нетесаные камни*, между *кирпичами* древнея работы, тонкими, шириною въ шесть, а длиною до восьми вершковъ, на *цементѣ*, который такъ связалъ дикіе камни съ кирпичами, что трудно ломомъ отдѣлить. Въ кирпичѣ масса такъ крѣпка, какъ крѣпкій камень. Въ цементѣ и въ кирпичахъ примѣтенъ толченый *кирпичь*, *алебастръ и уголь*.—По разрытіи земли и обнаруженію фундаментовъ между щебнемъ довольно оказывается росписного *по щекатуркѣ красками*, которыя можно еще различать...

Церковь сія должна быть *обширная*, судя по положенію пространнаго *буграа*, покрытаго землею болѣе сажени. Но какъ все зданіе требуетъ большаго разрытія и на то значительныхъ издержекъ, будучи въ полгоры заплыло землею глинистою съ горъ, то и остается еще не совсѣмъ раскрытое, а потому и плана снять нельзя. Слѣдовательно, требуется дальнѣйшее изслѣдованіе и подтвержденіе достовѣрнѣйшее о точности сего мѣста, Ильинской церкви принадлежащаго, ибо по симъ обстоятельствамъ (т. е.—вслѣдствіе недостаточнаго изслѣдованія развалинъ авторомъ...) и митрополитъ кіевскій и галицкій (т. е.—митр. Евгеній Болховитиновъ), осматривая сіе раскрытіе 4 іюля (т. е.—1832 г.) *усумнился* въ существованіи когда либо

на семъ мѣстѣ Ильинской церкви.—Кореспондентъ Общества Московскаго исторіи и древностей, чиновникъ 5-го класса *Кодратъ Лохвицкій*".

Примѣчаніе: Внизу „Записки" стояла сначала дата: „августа 26 дня, *1832 года*", затѣмъ зачеркнута и написана новая: „іюля 15 дня, *1834 г.*" Несомнѣнно отсюда, что „Записка" составлена въ 1832 г., а въ 1834 г. вновь пересмотрѣна и исправлена Лохвицкимъ собственноручно.

II. «Фундаментъ доскональный и тестованый храму Рождества Христова».

Ижъ церковь *Рождества Христова* Кіево-подольская, *Крещатицкая*—первая, мае и веде свій *фундаментъ одъ самого крещеня Володимерового и Руси*, одъ року ѕфдı, що тестуютъ причины сіи: якъ записки (записы?) въ церкви Божой одъ великихъ князей налекгованныи показуютъ, ижъ сыны Володимеровы не далеко одъ сей Божой церкви въ криници на Крещатику крещене примали: якъ то и Синопсисъ говоритъ, яка криница и теперь есть. А потимъ кеды *Перунъ* сплюндрованый сталъ и привязный до конского хвоста, абысь былъ утопленный въ рицѣ Днипрѣ и волоченный бывъ *по дорозѣ*, яка дорога и теперь есть отъ Золотоверхого Михайла, на якій дорозѣ той Перунъ бечованый кричавъ вельми зъ причинъ певныхъ одъ новокрестныхъ, яке урочище и пляцъ зъ того случаю зовется *Чортово Беремя*, одъ якой *улици* и теперь дорога поузъ церковь есть. И изъ сихъ причинъ и церковь на доскональный паментъ сфундована новокрестнымъ, отроднымъ и обновнымъ Духомъ Святымъ, не далеко одъ того урочища, во именя Христового Рождества, людямъ веселого, абысь знавъ людъ и те сплюндроване и клендчене Египетске сатаниньске, одъ адвенту Божого изроблене, да и наприкладъ бо изъ сихъ причинъ въ Подолѣ стати сій церкви на имене Рождества Христова. А до сій церкви Божой зфундовали еще *на хорахъ трапезу* Святыхъ *Мироносицъ*, для ведлу памента Евангельского востаня, тріумфа, викторіи Христовой, охраненя Ангеломъ миродатнымъ, огребающимъ сатаниньске служене. И такъ фундаментъ сей есть фундованный наприкладъ монастырямъ Золотоверхого Михайла и Видубицкого. А по преставленію Володимера и вчиненю въ календы въ монументъ ласкъ и фундаторства имъ сей Божой церкви слично оказныхъ, и *процесію* взяти, зъ позволеня, *одъ сій* Божой *церкви, іулія 15, до Крещатицкой криници*, для священя воды.

Якій сей фундаментъ для доскональнаго паменту *зъ правъ* викладный для церкви Божой, при церкви сей на вѣчные часы да буде".

Переводъ: «Основаніе совершенное и свидѣтельствованное церкви Рождества Христова».

„Что церковь Рождества Христова Кіевоподольская, Крещатитская первая [1]), имѣетъ свое начало отъ крещенія Владиміра и Россіи въ 6519 годѣ, сіе утверждаютъ записи, наданные отъ великихъ князей въ сію церковь. Сія церковь создана потому, поелику въ небольшомъ разстояніи отъ источника находится, въ коемъ сыны Владиміровы святое крещеніе воспріяли, о чемъ и въ Синопсисѣ сказано.

---

[1]) Вблизу Крещатика первосооруженная.

Сей источникъ и нынѣ существуетъ [1]). Потомъ же, когда идолъ Перунъ истребленъ и привязанъ къ лошадиному *ошибу*, для потопленія въ рѣкѣ Днѣпрѣ, и влачимъ по пути былъ, которой путь извѣстенъ и нынѣ отъ Кіевозолотоверхомихайловского монастыря, на семъ пути оной Перунъ біемый сильно вопіялъ по причинѣ побивавшими его новокрещенными людьми, каковое урочище и мѣсто называется Чортово Берема [2]), отъ каковой улицы и теперъ лежитъ дорога мимо самой церкви. И по симъ причинамъ и церковь на вѣчныя времена основана новокрещеннымъ, отрожденнымъ и обновленнымъ чрезъ Духа Святаго людямъ, по близости того урочища, во имя Рождества Христова, людямъ вожделѣннаго [3]), да знаютъ люди и оное истребленіе и паденіе въ Египтѣ сатаниньское, съ пришествіемъ Спасителя содѣянное [4]), да и по прилучію таковыхъ обстоятельствъ въ Подолѣ быть таковой церкви во имя Рождества Христова. Еще же при сей божественной церкви устроили храмъ на хорахъ святыхъ женъ Мироносицъ, для всегдашней памяти въ Евангеліи описуемаго воскресенія и побѣды Христовой [5]), также храненія ангеловъ [6]), благовѣствующихъ миръ [7]) и прогоняющихъ сатаниньское идолослуженіе [8]). Итакъ, основаніе сіе положено по примѣру Кіевозолотоверхомихайловскаго и Видубицкаго монастырей. По преставленіи же святаго равноапостольнаго Владиміра и внесеніи имени его въ мѣсяцесловъ, въ знакъ основательства и милостей, имъ же сей Божественной церкви отлично оказанныхъ, и крестный ходъ узаконили, съ позволенія [9]), отъ сей Божественной церкви, іюля 15 дня, до Крещатицкаго источника, для освященія воды.

Каково сіе основаніе для всегдашней памяти изъ правъ выписанное для церкви Божіей, при сей церкви на вѣчныя времена да будетъ".

III. О ходѣ открытія древностей въ Кіевѣ до начала 1836 года.

„По свѣдѣніямъ, собраннымъ во временномъ комитетѣ изысканія древностей въ Кіевѣ и большею частію извлеченнымъ изъ актовъ, частію же основаннымъ на свидѣтельствѣ и замѣчаніяхъ лицъ, занимавшихся изслѣдованіемъ и отисканіемъ сихъ древностей, ходъ открытія оныхъ былъ до настоящаго времени слѣдующій.

I. Открытіе Десятинной церкви.

Первый по времени и безспорно важнѣйшій между всѣми другими по своей древности и исторической значительности предметъ открытія составляютъ фундаменты древней Десятинной церкви, созданной св. равноапостольнымъ великимъ княземъ Владиміромъ Святославичемъ отъ 989 до 996 года по Р. Христ., разрушенной въ нашествіе Батыево въ 1240-мъ году, и съ того времени представлявшей однѣ

---

[1]) Въ честь коего воздвигнутъ *монументъ 1802 г.*

[2]) Чертова тяжесть.

[3]) Луки гл. II, 10.

[4]) Исаіи гл. XIX, 1.

[5]) Матѳея гл. XXVIII, 5—6.

[6]) Даніила гл. X, 13.

[7]) Луки гл. II, 14.

[8]) Къ Евреямъ гл. 1, 14.

[9]) Уповательно, что съ дозволенія духовной верховной власти.

развалины и кучу камней, которыхъ большая часть разнесена кіевскими жителями на свои потребности, и изъ остатка коихъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила пристроилъ къ оставшейся незначительной части одной только стѣны древнюю малую церковь храма, носившую также названіе Десятинной.

Высокопреосвященный Евгеній, по вступленіи на кіевскую митрополію, основываясь на соображеніи, что чрезъ открытіе щебня, покрывавшаго мѣсто древняго зданія, и изслѣдованіе развалинъ, можетъ быть открытъ первоначальный планъ Десятинной церкви, рѣшился въ 1824 году открыть весь ея фундаментъ на свое иждивеніе, и поручилъ сіе дѣло священнику Десятинной церкви Кочеровскому и живущему въ Кіевѣ чиновнику 5 класса Лохвицкому, которые и открыли фундаменты стѣнъ древняго храма, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ фундаментъ вынутъ и только примѣтны слѣды его по рвамъ, засыпаннымъ щебнемъ.

При семъ открытіи найдены: большіе куски поясовъ и карнизовъ, выдѣланныхъ изъ бѣлаго мрамора; обломки архитектурной и лицевой весьма свѣжихъ красокъ живописи (алфреско), которою, вѣроятно, украшена была вся средина церкви, мѣсто престола, устланное тесанными плитами, вокругъ его мозаическій полъ изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ и другихъ камней, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ полы изъ плитъ, муравленныхъ на подобіе кафеля; въ щебнѣ, надъ престольнымъ мѣстомъ, осыпавшаяся мѣлкая золотистая мозаика съ разными цвѣтными стеклами, коими, вѣроятно, украшенъ былъ олтарь, какъ въ Кіево-софійскомъ соборѣ, съ другихъ мѣстахъ базы и обломки толстыхъ бѣлаго мрамора колоннъ и капителей ихъ съ карнизами, три гробовыя мѣста, обложенныя гладко тесаннымъ дикимъ камнемъ и въ другомъ мѣстѣ, разломившаяся на три части бѣлаго мрамора фигурная гробовая крышка, подъ коей въ щебнѣ открытъ остовъ, по мнѣнію врачей женскій, и при немъ крестикъ и перстень. Сверхъ того въ щебнѣ найдено нѣсколько крестовъ, перстней, колецъ, которые (?) по свидѣтельству высокопреосвященнаго митрополита Евгенія, признаются древними кіевскими рублями.

Изъ сихъ вещей нѣсколько кусковъ мраморнаго пола, вмѣстѣ съ гранитомъ и кирпичемъ изъ фундамента, представлены г. Лохвицкимъ въ числѣ другихъ его пожертвованій въ императорскій университетъ св. Владиміра, прочія вещи большею частію хранятся въ ризницѣ Кіево-софійскаго Собора и въ Трехсвятительской церкви, частію же остаются въ оградѣ на мѣстѣ раскрытія Десятинной церкви; а живописныя на штукатуркѣ (алфреско) глава и руки ангела отправлены въ С.-Петербургъ для поднесенія Государю Императору.

Съ открытіемъ фундаментовъ первобытной Десятинной церкви, г. Лохвицкій снялъ планъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ съ объясненіемъ, напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ мартѣ 1825 года, другой въ большомъ масштабѣ посланъ въ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ и поднесенъ Государю Императору; третій находится въ Кіево-софійской ризницѣ, и еще три представлены въ университетъ св. Владиміра. Сверхъ того присланный въ 1826 году отъ академіи художествъ художникъ г. Ефимовъ, сдѣлавъ окончательные поиски для открытія всѣхъ частей фундамента, снялъ съ него планъ, и вмѣстѣ съ составленными имъ рисунками гробницъ и другихъ найденныхъ при томъ вещей, препроводилъ въ академію художествъ.

II. Открытіе Златыхъ Вратъ.

Извѣстно изъ отечественныхъ лѣтописей, что великій князь Ярославъ Владиміровичъ, распространивъ Кіевъ, около 1037 года, обвелъ его каменными стѣнами, назвалъ главныя ихъ врата, надъ коими устроена была церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Златыми, что сіи врата въ послѣдствіи разрушились, и остались отъ нихъ одни развалины, которыя видны были въ крѣпостномъ валу еще въ половинѣ XVII вѣка, какъ то доказываетъ видъ, снятый съ нихъ въ 1651 году, послѣ найденный въ бумагахъ короля польскаго Станислава Августа Понятовскаго, и напечатанный въ №1 „Сѣвернаго Архива“ 1822 года; что въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны при укрѣпленіи Стараго Кіева, онѣ были совершенно засыпаны землею и скрывались въ крѣпостномъ валу до третьяго десятилѣтія настоящаго вѣка.

Г. Лохвицкій получивъ отъ г. кіевскаго военнаго губернатора позволеніе заниматься отысканіемъ древностей въ Кіевѣ, обратился къ сему памятнику древности и уже въ 1832 году открылъ остатки двухъ стѣнъ, составлявшихъ древніе Златые врата, а въ 1833 году продолжалъ и окончилъ сіе раскрытіе, пользовавшись въ 1832 году пособіемъ въ работахъ по частной подпискѣ, а въ 1833 году производилъ раскрытіе на собственный щетъ. 9 сентября 1832 года государь императоръ соизволилъ пройти между открытыми стѣнами Златыхъ вратъ и назвалъ ихъ „памятникомъ достойнымъ сохраненія“.

Въ 1833 году сдѣлано распоряженіе объ освобожденіи той и другой стѣны Златыхъ вратъ отъ натиска, производимаго и прикосновеннымъ къ нимъ земляннымъ валомъ и угрожавшаго особенно правой стѣнѣ паденіемъ; именно: положено отрыть землю, составляющую крѣпостный валъ, въ соразмѣрномъ съ цѣлью пространствѣ. На каковый предметъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета гг. министровъ назначено отпустить единовременно исчисленные по смѣтѣ 2917 рублей 20 к. сверхъ ассигнованной симъ же положеніемъ отъ казны въ распоряженіе Кіевскаго военнаго губернатора суммы по 1500 р. ежегодно на отисканіе въ Кіевѣ отечественныхъ древностей. Исполненіе по означенному распоряженію окончено въ іюнѣ 1834 года и вслѣдъ за тѣмъ приступлено къ изготовленію надписи, которая и возложена на Златыя врата въ слѣдующемъ году и состоитъ изъ каменной доски съ мѣдными словами и такими же украшеніями, съ позолотою тѣхъ и другихъ чрезъ огонь.

Наконецъ для предохраненія Златыхъ вратъ отъ поврежденія дѣйствіемъ непогодъ, въ іюнѣ 1835 сдѣлали распоряженіе, чтобы вершины сихъ развалинъ были залиты известью и покрыты дерномъ или крышами. Первая половина сего распоряженія приведена уже къ окончанію, а вторую временный комитетъ изысканія древностей въ Кіевѣ полагаетъ привести въ исполненіе въ настоящій 1836 годъ, распорядившись уже о составленіи примѣрной смѣты издержекъ на необходимыя при томъ работы.

При раскрытіи Златыхъ вратъ найдено нѣсколько вещей, принадлежащихъ къ древнему вооруженію всадника, а именно: пика съ кольцомъ и древкомъ, стрѣла татарская желѣзная, уда конская и подкова, цепь желѣзная отъ мундштука, и сверхъ того: 6 кратъ золота листоваго отъ Золотыхъ Воротъ и два желѣзные вѣнца отъ образа. Золото и вѣнцы, также пика съ кольцомъ и древкомъ и стрѣла желѣзная

представлены г. Лохвицкимъ въ университетъ св. Владиміра, вмѣстѣ съ кирпичемъ изъ Златыхъ вратъ и плитнымъ шифернымъ разбитымъ камнемъ, на которомъ изображенъ крестъ въ кругѣ и который г. Лохвицкій почитаетъ закладкою Благовѣщенской церкви, возвышавшейся нѣкогда надъ Златыми вратами.

III. Открытіе церкви, вѣроятно, св. Ирины.

Въ 1833 году апрѣля въ 19 день, г. Лохвицкій просилъ г. кіевскаго военнаго губернатора о дозволеніи раскрыть, на казенный или на собственный щетъ одно мѣсто не по далеку отъ ограды Софійскаго собора, на которомъ, по его предположенію, должны находиться подъ земляною насыпью остатки церкви св. Ирины, современной по древности построенія Златыхъ вратъ и соборной церкви св. Софіи. Г. кіевскій военный губернаторъ отнесся по сему предмету къ митрополиту кіевскому Евгенію, отъ котораго и получилъ отзывъ, что, по свидѣтельству преподобнаго Нестора, монастырь св. Ирины дѣйствительно основанъ былъ великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ около половины XI вѣка, но что ни Несторъ, ни другіе лѣтописатели не указываютъ мѣста, гдѣ монастырь сей находился. Посему г. кіевскій военный губернаторъ предоставилъ г. Лохвицкому исполнить свое предположеніе на свой коштъ.

Примѣчаніе: Въ послѣдствіи времени, по дѣйствительномъ открытіи на означенномъ мѣстѣ остатковъ древнихъ церковныхъ стѣнъ, митрополитъ кіевскій Евгеній призналъ вѣроятнымъ предположеніе, что это остатки церкви монастыря св. Ирины. Въ подтвержденіе сей вѣроятности г. статскій совѣтникъ Берлинскій, въ своихъ замѣчаніяхъ на составленную во временномъ комитетѣ изысканія древностей въ Кіевѣ историческую записку о ходѣ открытія сихъ древностей до настоящаго времени, приводитъ то обстоятельство, что новооткрытая церковь не далеко отстоитъ отъ мѣста, на которомъ тѣмъ же великимъ княземъ созданъ былъ Георгіевскій мужескій монастырь, гдѣ теперь находится сего имени приходская церковь, построенная послѣ 1744 года на древнемъ основаніи, и что въ древніе времена женскіе монастыри обыкновенно устроивались близъ мужескихъ съ тою цѣлью, чтобы заимствовать изъ нихъ іеромонаховъ для богослуженія. А въ доказательство сего обыкновенія г. Берлинскій ссылается на многіе примѣры монастырей кіевскихъ.

Лѣтомъ 1833 года г. Лохвицкій, разрывая землю въ томъ мѣстѣ, на которомъ онъ предполагалъ существованіе остатковъ церкви св. Ирины, дѣйствительно открылъ часть церковныхъ стѣнъ, коихъ кладка, кирпичъ и цементъ сходствуетъ съ матеріалами и строеніемъ Златыхъ вратъ. Открытую часть составляютъ: мѣсто олтаря и въ немъ подпрестольный камень, цѣльный, малиноваго цвѣта, а по обѣимъ сторонамъ олтаря, каменныя полатки, южная съ одною, сѣверная съ двумя гробницами, не имѣющими надписей и содержавшими въ себѣ кости, пересыпанныя землею, сверхъ того все продолженіе южной стѣны церкви съ небольшею частію продолженія западной и большая половина средины церкви; наконецъ усмотрѣно, но еще неоткрыто, церковное подземелье.

Остальная часть средины церкви, вмѣстѣ съ сѣверною и большею частію западной, скрываются еще подъ землею, находясь подъ садомъ смежнаго дома г. отставнаго поручика Воронцова.

При открытіи сей церкви найдены между прочимъ:

1) Два креста и часть третьяго, мѣдные, древней греческой работы, вѣнецъ съ иконы желѣзной; половина печати для просфоръ, съ надписью надъ главою младенца Іисуса на одной сторонѣ, а на другой—съ изображеніемъ Спасителя съ крестомъ и съ надписью сверху внизъ ὁ Ἁγιῶς.

2) Обломки фигурныхъ каменныхъ плитъ, составлявшихъ гробницы.

3) Нѣсколько плитокъ мозаическаго пола поливной горшечной работы, открытыхъ частію въ полаткахъ, частію въ срединѣ церкви.

4) Пять листовъ свинца съ гвоздями, нѣсколько мѣдныхъ вещей отъ паникадила и обломки колокола.

5) Значительное число мѣдныхъ копѣечекъ съ надписью на одной сторонѣ титула и имени царя Алексія Михайловича, Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, а на другой съ изображеніемъ герба московскаго и подъ нимъ буква П.

6) Сверхъ сего усмотрѣны на нѣкоторыхъ частяхъ стѣнъ изображенныя красками фигуры на штукатуркѣ, и въ одномъ мѣстѣ изображеніе Спасителя, у котораго недостаетъ головы, потому что та часть стѣны, на коей была изображена голова, разрушилась.

Нѣкоторыя изъ сихъ вещей представлены г. Лохвицкимъ въ университетъ св. Владиміра вмѣстѣ съ другими пожертвованіями.

IV. Предположеніе о другихъ памятникахъ древности.

Сверхъ изложенныхъ доселѣ предположеній различныхъ лицъ о памятникахъ древности въ Кіевѣ, кои всѣ оправдались дѣйствительнымъ ихъ открытіемъ, г. Лохвицкій имѣетъ различныя предположенія и догадки о нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ памятникахъ, до представленія ясныхъ и вѣрныхъ доказательствъ правдоподобности или достовѣрности остающіяся только предположеніями.

I. Предположеніе объ Ильинской церкви.

Вопервыхъ онъ изъяснялъ въ отношеніи г. попечителю кіевскаго учебнаго округа 15 іюля 1834 года и въ репортѣ г. кіевскому военному губернатору 8 іюля 1835 года, что имъ отискано надъ Іорданскимъ ручьемъ (на выѣздѣ изъ Кіевоподола въ Кирилловскій монастырь, отъ дороги на лѣвой сторонѣ, по выше бывшей Богословской церкви, на половинѣ горы) мѣсто и часть каменныхъ фундаментовъ Ильинской церкви времени великаго князя Игоря, изъ коихъ одинъ представилъ въ университетъ св. Владиміра двойной кирпичъ, слѣпленный цементомъ, и кусокъ цемента особенно.

Но г. Берлинскій въ замѣчаніяхъ своихъ изъясняетъ, что по найденнымъ старинным кирпичамъ и цементу въ верховьяхъ рѣки Почайны нельзя еще прямо заключать о существованіи тамъ нѣкогда сей церкви, что по соображенію историческихъ событій, она долженствовала находиться ближе къ Старому Кіеву, и въ такомъ мѣстѣ, куда бы тогда варяги могли проѣзжать къ своей гостинницѣ,—слѣдовательно близъ Днѣпра, при ручьѣ, въ оный впадающемъ, то есть или при Почайнѣ, тогда протекавшей у самаго Кіевоподола и называемой иногда ручьемъ, или при нынѣшнемъ кіевоподольскомъ поперечномъ каналѣ, который вѣроятно

изливался въ Почайну, около мѣста нынѣшней Ильинской церкви: такъ какъ обыкновенно, въ случаѣ истребленія прежней церкви, ея названіе усвоется вновь на томъ же мѣстѣ построенной. Митрополитъ кіевскій Евгеній, осмотрѣвъ означенное г. Лохвицкимъ мѣсто, призналъ оное мѣстомъ Іорданскаго женскаго монастыря, а не древней Ильинской церкви (на Подолѣ): потому что весь Подолъ древле заливаемъ былъ весеннею порою водою, а также и нынѣшній поперечный кіево-подольскій каналъ.

Примѣчаніе: Сочинитель „Изслѣдованія о древней кіевской церкви св. Иліи", напечатаннаго въ Кіевѣ въ 1830 году, кіевской духовной академіи студентъ Евфимъ Остромыслинскій, основываясь на семъ послѣднемъ обстоятельствѣ, утвержденномъ словами лѣтописца Нестора: „бѣ вода текущи тогда возлѣ горы кіевскія, на Подоліи не сѣдяху людіе, но на горѣ" и соображая слова его объ Ильинской церкви: „яже есть надъ ручаемъ конецъ Постничи бесѣды въ Козарѣхъ", съ другимъ мѣстомъ лѣтописи: „Перуна... влекущи съ горы по Боричеву на ручей..." заключаетъ, что древняя церковь св. Иліи стояла вѣроятно на подгоркѣ внизу Васильевской (Трехсвятительской) церкви или Михайловскаго монастыря, подобно тому какъ отстроена на уступѣ горы церковь въ томъ мѣстѣ, которое по преданію принимается за Аскольдову могилу.

2. *Предположеніе о Крестовоздвиженской церкви.*

Г. Лохвицкій въ 1832 году открылъ въ Старомъ Кіевѣ, на горѣ, близъ Андреевской церкви, каменные фундаменты и обширную на три сажени углубленную яму съ пшеницею и другими церковными древностями. Здѣсь, по его предположенію, съ 1212 года существовала Крестовоздвиженская церковь, созданная въ память водруженія креста св. апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ. Митрополитъ кіевскій Евгеній (см. въ № VII Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на 1832 годъ) полагаетъ по признакамъ вещей мірскихъ, найденныхъ въ ямѣ, что сіе мѣсто было не священное, а хозяйственное.

Въ сей ямѣ найдены мука и пшеница, и частію въ пшеницѣ, частію внѣ ея.—

1-е Крестъ, и часть оклада съ иконы, мѣдные позолоченные.

2. Три вѣнца желѣзные и кипарисъ отъ иконы, крючки и цѣпочки, вѣроятно отъ лампадъ.

3. Карнизъ горшечный, частію гладкій, частію испещренный фигурами, имѣющими сходство съ андреевскимъ крестомъ.

Нѣкоторыя изъ сихъ вещей представлены г. Лохвицкимъ въ университетъ св. Владиміра.

3. *Предположеніе о древнихъ крѣпостныхъ вратахъ.*

Въ третьихъ, лѣтомъ 1834 г. г. Лохвицкій, примѣтивъ на Андреевской горѣ въ крѣпостномъ валу рядъ свай, заключилъ, что здѣсь должны находиться древнія крѣпостныя врата, построенныя при великомъ князѣ Святославѣ (Игоревомъ сынѣ) и въ которыя великій князь Владиміръ Святославовичъ вошелъ изъ Новгорода въ Кіевъ для занятія отеческаго престола. Но по назначенію сего мѣста подъ дорогу не могло быть допущено изслѣдованіе истины сей догадки.

Г. Берлинскій изъясняетъ, что древній Кіевъ имѣлъ нѣсколько въѣздовъ и укрѣпленныхъ воротъ, изъ коихъ извѣстныя по лѣтописямъ онъ исчислилъ; но что

нигдѣ не говорится о вратахъ, предполагаемыхъ г. Лохвицкимъ, тогда какъ крутизна горы въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ихъ предполагаетъ, дѣлаетъ неправдоподобнымъ ихъ существованіе; и что видѣнный г. Лохвицкимъ рядъ свай въ землѣ можно съ большею вѣроятностію принять за остатокъ литовско-польскихъ укрѣпленій, такъ какъ изъ актовъ кіевскаго магистрата извѣстно, что замокъ кіевскій былъ окруженъ отвсюду высокими двойными срубами съ башнями.

4. *Предположеніе о Дировой могилѣ.*

Наконецъ, въ четвертыхъ, г. Лохвицкій просилъ 2 августа 1834 года отъ г. кіевскаго военнаго губернатора дозволенія на производство изысканій къ открытію мѣста погребенія кіевскаго князя Дира въ 882 году, полагая оное, по сказанію лѣтописца Нестора, за открытою имъ церковью св. Ирины. На отношеніе о семъ предметѣ г. кіевскаго военнаго губернатора митрополитъ кіевскій Евгеній отвѣчалъ, что лѣтописецъ Несторъ хотя и сказалъ, что могила сего князя за монастыремъ св. Ирины, но не указалъ точно мѣста; что впротчемъ г. Лохвицкій, ища сей могилы, можетъ найти другія какія нибудь кіевскія древности. Посему г. кіевскій военный губернаторъ дозволилъ г. Лохвицкому производство изысканія предполагаемаго имъ памятника древности. Въ 11 день того же мѣсяца г. Лохвицкій донесъ г. кіевскому военному губернатору, что на означенномъ мѣстѣ открыты въ текущемъ мѣсяцѣ семь цѣльныхъ надгробныхъ каменныхъ досокъ фіолетоваго цвѣта въ три аршина длины и болѣе аршина ширины, подобныхъ гробницамъ, устроеннымъ въ палаткахъ церкви св. Ирины, слѣдовательно одного съ ними времени, что позади крѣпостнаго рва, коимъ перерѣзано кладбище къ югу отъ церкви, въ огородѣ городской земли открываются фундаменты, коихъ каменный матеріалъ одинаковъ съ матеріаломъ церкви св. Ирины. Изъ сихъ обстоятельствъ г. Лохвицкій заключаетъ, что на томъ мѣстѣ должно находиться весьма древнее кладбище, существовавшее уже во время великаго князя Ярослава, создателя упомянутаго храма.

По мнѣнію же г. Берлинскаго, открываемое г. Лохвицкимъ кладбище должно принадлежать къ временамъ позднѣйшимъ; ибо при погребеніи знаменитыхъ особъ во времена язычества, каковы времена Дира и Осскольда, не употреблялись у насъ ни катафалки, ни даже гробы, а только насыпаемы были высокіе земляные курганы, онъ указываетъ на два таковые кургана, разрытые при немъ въ 1814 году въ селѣ Вышгородкѣ, гдѣ нашлись только остатки костей, нѣкоторые обломки отъ конской сбруи желѣзные и древесное уголье.

Древнія драгоцѣнныя вещи, случайно найденныя въ Кіевѣ

Въ 1824 году.

Къ древностямъ, открытымъ въ г. Кіевѣ, принадлежатъ также древнія дорогія металлическія вещи, найденныя въ 1824 году кіевскимъ мѣщаниномъ Василіемъ Харщевскимъ въ Старомъ Кіевѣ близъ сѣверной стѣны Михайловскаго монастыря, и по Высочайшему повелѣнію отправленные г. кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ Эрмитажъ; вещи сіи суть:

1) Чаша серебренная на подножкѣ, низкая съ изображеніемъ по сторонамъ въ выпуклыхъ кругахъ Спасителя, Божіей матери, св. Іоанна Предтечи и св. Іоанна

Златоустаго и съ греческимъ текстомъ: „пійте отъ нея вси“ и проч., вѣсомъ 68 зол. (серебра).

2) Дискосъ серебренный, состоящій изъ одной тарѣлочки безъ подножки, съ изображеніемъ по срединѣ Божіей матери и съ греческимъ текстомъ по краямъ: „ядите, сіе есть тѣло“ и проч., вѣсомъ 25 золот. (серебра), въ поперешникѣ $4^{2}/_{8}$ вершка.

3) Круглая икона въ $1^{3}/_{4}$ вершка въ поперешникѣ изъ самаго чистаго золота, подобная архіерейской панагіи, съ выпуклымъ по срединѣ изображеніемъ Спасителя и съ 10 рубинами и бирюзами по краямъ, вѣсомъ въ $12^{1}/_{2}$ золотника (золота).

4) Другая такая же панагія золотая, въ поперешникѣ $1^{1}/_{2}$ вершка съ изображеніемъ одного св. мученика, вѣсомъ въ $9^{1}/_{2}$ золот. (золота).

5) Крестикъ почти равносторонній, менѣе вершка, мраморный съ золотыми накладками со всѣхъ сторонъ и съ однимъ камешкомъ, вдѣланнымъ въ средину, вѣсу въ накладкахъ 2 золотн. (золота).

6) Двѣ серебренныя толсто вызолоченныя штуки, круглыя, обоюду выпуклыя внутри пустыя, на верхнемъ краю вогнутыя и съ отверстіемъ, въ 1 вершокъ въ поперешникѣ, съ изображеніемъ грифа на каждой, подобныя большимъ сергамъ, можетъ быть служившія ладонками или подобными привѣсками, вѣсомъ въ 14 золот. (серебра).

7) 25 золотыхъ привѣсокъ въ видѣ кисточекъ, филограмовой работы, изъ коихъ большая часть переломана, а цѣлыя имѣютъ по угламъ подвѣсочки, украшенныя жемчугомъ и камешками, можетъ быть служившія бахрамою парчевой матеріи, найденной вмѣстѣ со всѣми описываемыми вещами; вѣсомъ въ 32 золот., принимая золото вмѣстѣ съ камешками.

8) 20 тонкихъ, плоскихъ, почти перетлѣвшихъ, худаго серебра бляшекъ съ фигурными прорѣзками, и на одной сторонѣ вызолоченныхъ, подобныхъ украшеніямъ на старинныхъ греческихъ икопахъ, и на воскрыліяхъ ризъ святительскихъ, и вѣроятно принадлежавшихъ къ той же парчевой матеріи.

9) 8 душекъ или широкихъ полуколецъ самаго чистаго золота, искусной филограмовой работы, осыпанныхъ неграненными дорогими камешками, большей и меньшей величины или цѣнности, составлявшихъ, какъ видно по ихъ связи, корень складнаго Евангелія, хотя для цѣлой книги много ихъ еще недостаетъ: ибо всѣ 8, сложенныя вмѣсто, едва составляютъ три вершка по длинѣ; вѣсу во всѣхъ ихъ золота съ камешками $43^{1}/_{2}$ золот.

10) Плоская треугольная золотая бляшка, украшенная съ одной стороны греческою эмалью, вѣсомъ въ $^{3}/_{4}$ золот. (золота).

Всѣ сіи вещи немедленно по открытіи были доставлены, по распоряженію кіевской градской полиціи, къ г. Берлинскому для разсмотрѣнія и опредѣленія ихъ достоинства. Основываясь на семъ разсмотрѣніи, г. Берлинскій къ свѣдѣнію о нихъ, доставленному во Временный комитетъ изысканія древностей въ Кіевѣ, присовокупляетъ свое заключеніе о ихъ древности и говоритъ, что изготовленіе ихъ должно отнести ко временамъ древнихъ христіанскихъ княженій въ Кіевѣ, когда русское художество еще не существовало, а греки, работавшіе сіи вещи, не умѣли гранить драгоцѣнныхъ камней; что они положены въ землю не позже Батыева нашествія, ибо послѣ 1240 года драгоцѣнныя работы не могли открыто существовать въ обѣднѣвшемъ Кіевѣ, а бывъ изготовлены въ послѣдствіи, по улучшеніи сего

края обстоятельствъ, такія вещи долженствовали бы носить отпечатокъ русскаго или литовскаго искусства,—тогда какъ они являютъ греческій вкусъ прежнихъ вѣковъ, и почеркъ и порядокъ литеръ въ надписяхъ на чашѣ и дискосѣ сходенъ съ надписью XI вѣка на мозаикѣ, въ олтарѣ большаго Кіево-софійскаго собора, равно какъ и скудельный сосудъ, въ которомъ сіи вещи хранились, по увѣренію самовидцевъ, одинаковъ съ тѣми, въ коихъ находятъ въ землѣ близъ Ольвіи херсонскія и греческія монеты.

Въ 1827 году [1]).

Въ августѣ мѣсяцѣ 1827 года, въ Старомъ Кіевѣ, по Львовской улицѣ близъ Сгрѣтенской церкви, на дворѣ прапорщика Августиновича, при копаніи погребной ямы, найдены слѣдующія золотыя вещи, изложенныя въ мѣдный изоржавѣвшій складень:

1) 4 пары золотыхъ, дутыхъ серьгъ, изъ коихъ двѣ цѣлыя, вѣсомъ въ $12^1/_2$ золот., а отъ двухъ обломки $3^1/_2$ золот., золото 60 пробы.

2) Цепочка дутая или монистная изъ 23 звенокъ, вѣсомъ въ $16^1/_8$ золотн., 60 пробы.

3) Отрывокъ цепочки тонкой въ $^1/_4$ золот. 74 пробы.

4) Одинадцать крючковъ золотыхъ, вѣсомъ въ $14^1/_4$ золот. 74 пробы. Сверхъ того на днѣ складня нашлось перегнившаго мелкаго жемчуга $^1/_8$ и $^1/_{16}$ золот.

Всѣ сіи вещи по военной командѣ представлены начальству.

Въ 1834 году.

Въ 21-е іюня 1834 года при раскрытіи земляного вала на Крещатикѣ, по случаю проведенія новыхъ улицъ въ Кіевѣ, найдено г. подполковникомъ барономъ Фиттингофомъ желѣзный рыцарскій шлемъ съ частію панцыря, который и находится въ числѣ разныхъ древнихъ вещей, пожертвованныхъ г. Лохвицкимъ, въ 15 день іюля того же года университету св. Владиміра.

Медико-топографическая и этнографическая работы д-ра де-ла-Флиза.

Докторъ де-ла-Флизъ былъ старшимъ врачемъ при государственныхъ имуществахъ кіевскаго округа. Дѣятельность его относится къ концу 40-хъ и началу 50-хъ годовъ. Сообразно съ занимаемой имъ должностью, онъ предпринималъ поѣздки по селамъ и деревнямъ ввѣреннаго ему округа съ цѣлью ознакомиться съ различными условіями жизни народа, такъ или иначе вліяющими на его здоровье и физическое развитіе.

Но какъ человѣкъ любознательный, да къ тому же иностранецъ, онъ не ограничился наблюденіями, относящимися только къ его спе-

[1]) Свѣдѣніе объ этихъ вещахъ сообщилъ комитету митрополитъ кіевскій Евгеній.

ціальности, а не преминулъ также ознакомиться вообще съ складомъ жизни, проявленіями духа, вѣрованіями, привычками и обычаями той народности, съ которой ему суждено было столкнуться; интересовался онъ также и мѣстными памятниками старины. Результатомъ его наблюденій явились двѣ работы, помѣченныя 1854 г. и оставшіяся въ рукописи: «Медико-топографическое описаніе государственныхъ имуществъ кіевскаго округа» (принадлежитъ А. М. Лазаревскому) и «Этнографическое описаніе крестьянъ кіевской губерніи...» (принадлежитъ церковно археологическому музею при кіевской духовной академіи). Въ этихъ работахъ де-ла-Флизъ свелъ весь тотъ матеріалъ, который онъ собралъ во время поѣздокъ по губерніи; матеріалъ этотъ является въ обработанномъ и приведенномъ въ систему видѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается его спеціальности какъ медика и, какъ намъ кажется, въ этомъ отношеніи его наблюденія и замѣчанія отчасти не потеряли своего значенія и въ настоящее время; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ затронуты другія стороны жизни народа, де-ла-Флизъ былъ только образованнымъ человѣкомъ, записывавшимъ все то, что, по его мнѣнію, заслуживало вниманія, обрисовывая съ той или другой стороны характеръ данной народности. Этимъ отсутствіемъ подготовки можно извинить нѣкоторую отрывочность и иногда неразборчивость въ выборѣ матеріала, которыя замѣчаются въ этнографическомъ и археологическомъ отдѣлахъ. Но несмотря на это, благодаря той добросовѣстности, съ какой собранъ матеріалъ, т. к. по словамъ де-ла-Флиза, онъ «лично обозрѣлъ съ конца въ конецъ всю губернію» и не пользовался никакими пособіями, благодаря той тщательности, съ какой сдѣланы многочисленные рисунки, наполняющіе обѣ работы, какъ этнографъ, такъ и археологъ могутъ найти въ нихъ много интереснаго и заслуживающаго вниманія.

Въ виду этого, мы постараемся сдѣлать здѣсь бѣглый очеркъ содержанія этихъ двухъ работъ, останавливаясь подольше тамъ, гдѣ это будетъ нужно.

«Медико-топографическое описаніе» составляетъ объемистый томъ in folio въ 1245 стр., полное заглавіе его слѣдующее: «Медико-топографическое описаніе государственныхъ имуществъ кіевскаго округа, съ изображеніями нѣкоторыхъ произведеній изъ царствъ растительнаго и животнаго, съ приложеніемъ статистики каждаго селенія съ видами, снятыми съ натуры, изображеніемъ крестьянскихъ костюмовъ и географической карты кіевскаго округа, составленное докторомъ медицины де-ла-Флизъ, императорской медико-хирурги-

ческой академіи медико-хирургомъ, членомъ императорскаго медицинскаго виленскаго и кіевскаго общества и проч., состоящимъ при кіевскихъ государственныхъ имуществахъ старшимъ врачемъ, надворнымъ совѣтникомъ. Кіевъ, 1854». Текстъ написанъ на двухъ языкахъ, французскомъ и русскомъ, и нужно сознаться, что въ послѣднемъ де-ла-Флизъ былъ не особенно силенъ.

Сочиненію этому предпослано предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ прежде всего о невозможности одному человѣку составить полную медицинскую топографію, затѣмъ намѣчаетъ вкратцѣ планъ, котораго онъ держался при описаніи, и заявляетъ при этомъ, что для достиженія цѣли не щадилъ ни труда, ни времени, ни издержекъ.

Все описаніе состоитъ изъ 3-хъ раздѣловъ. Раздѣлъ 1 начинается опредѣленіемъ пространства и раздѣленіемъ государственныхъ имуществъ кіевскаго округа въ уѣздахъ кіевскомъ, васильковскомъ и радомысльскомъ, затѣмъ идетъ: вѣдомость о числѣ ревизскихъ душъ по 9 народной переписи. Мѣстоположеніе (равнины, горы, воды, лѣса, почва и подпочва, климатъ и т. п.). Естественныя произведенія,— здѣсь описаны царства ископаемое, растительное и животное; этотъ отдѣлъ иллюстрируется массой рисунковъ акварельными красками: къ растительному царству относится 61 изображеніе, тщательно и точно сдѣланное, различныхъ медицинскихъ растеній въ натуральную величину со всѣми деталями, затѣмъ къ животному царству— таблица рисунковъ раковинъ, 6 таблицъ съ прекрасно сдѣланными рисунками насѣкомыхъ, 3 таблицы пресмыкающихся, 5 таб. рыбъ, 18 таб. птицъ и 6 таб. мелкихъ млекопитающихся животныхъ.

Раздѣлъ II. О господствующихъ въ губерніи болѣзняхъ (перечисленіе эндемическихъ и эпидемическихъ болѣзней). О болѣзняхъ эндемическихъ (зависимость этихъ болѣзней отъ мѣстности и отъ пищи, отдѣльное описаніе симптомовъ каждой болѣзни). Причины эпидемическихъ болѣзней; какъ причины, вліяющія на развитіе болѣзней, авторомъ разсмотрѣны вопросы о жилищахъ, одѣяніи и обуви, пищѣ и питьѣ, о занятіяхъ крестьянъ.

Здѣсь бросается въ глаза разница между южной и сѣверной частью губерніи,—въ то время, какъ въ первой условія жизни довольно благопріятны для здоровья, въ послѣдней—наоборотъ, въ особенности это можно сказать по отношенію къ радомысльскому уѣзду. Между занятіями крестьянъ упоминается, какъ существующее, чумачество, въ Крымъ и на Донъ «по соль и рыбу». Далѣе авторомъ подробно разобранъ вопросъ, относящійся также къ причинамъ болѣзней, именно, о

вліяніи обычаевъ и привычекъ на болѣзни; между прочимъ, онъ указываетъ на сильную приверженность крестьянъ къ постамъ, несмотря даже на разрѣшеніе священника, что вредно отзывается на больныхъ и выздоравливающихъ; тутъ же авторъ говоритъ о значеніи священника въ селѣ, гдѣ онъ бываетъ иногда единственнымъ образованнымъ человѣкомъ, и о томъ, какъ желательны были бы по своимъ благимъ послѣдствіямъ нѣкоторыя медицинскія познанія у священниковъ.

Что касается степени смертности, то свѣдѣнія вообще неудовлетворительны; громадная смертность замѣчается между дѣтьми.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ перечислены и описаны эпидемическія и заразительныя болѣзни и ихъ причины. По поводу способовъ народнаго лѣченія де-ла-Флизъ говоритъ, что народъ вѣритъ въ заговоры и различныхъ шарлатановъ, разъѣзжающихъ по деревнямъ (еврейки, отставные солдаты и мужики, называемые татарами); средства, употребляемыя ими для лѣченія, не всегда безвредны, бываютъ очень сильны и въ большомъ употребленіи меркуріальныя, хотя де-ла-Флизъ замѣчаетъ, что въ послѣднее время вліяніе разныхъ знахарей уменьшается. Очень интересна глава «о средствахъ медицинскихъ туземныхъ кіевской губ., долженствующихъ быть употребляемыми въ лѣченіи болѣзней, когда нѣтъ фармацевтическихъ лѣкарствъ»; домашнія средства, надлежащимъ образомъ употребленныя, могутъ принесть большую пользу бѣдному населенію,—здѣсь описано больше 30 различныхъ продуктовъ (хлѣбъ, медъ, капуста, уголь, деготь и т. п.), находящихся въ каждомъ хозяйствѣ. Дальше разбираются свойства медицинскихъ растеній кіевск. губ, сюда же примыкаетъ описаніе процесса лѣченія мѣстными средствами каждой болѣзни изъ наиболѣе встрѣчающихся въ краѣ. Въ отдѣлѣ «полицейскія и медицинскія мѣры для устраненія эндемическихъ и эпидемическихъ болѣзней на будущее время» предлагается рядъ санитарныхъ и гигіеническихъ мѣръ.

Раздѣлъ III. О болѣзняхъ у рогатаго скота, овецъ и свиней—описаніе болѣзней, причины ихъ и лѣченіе.

Очень цѣнную часть труда составляетъ «Подробная статистика каждой деревни кіевскаго округа государственныхъ имуществъ, съ приложеніемъ видовъ всякой деревни, снятыхъ съ натуры, съ изображеніемъ крестьянскихъ костюмовъ всякаго общества».

Каждое село описано по опредѣленной программѣ, куда вошли приблизительно слѣдующія рубрики: число крестьянъ, классификація земли, горы, воды и ихъ качество, болота, лѣса, почва и подпочва

земли, произведенія земли, овощи, фрукты, домашнія и дикія животныя, рыбы, жилища, одежа и обувь. Виды, приложенные къ каждому селенію, довольно неудачны, почти безъ всякой перспективы, но все таки даютъ понятіе о мѣстности, изображенія же костюмовъ каждаго крестьянскаго общества, хотя и страдаютъ отсутствіемъ рисунка, но за то воспроизводятъ съ точностью покрой платья, головные уборы и узоры матерій и поэтому заслуживаютъ полнаго вниманія. При описаніи нѣкоторыхъ селъ помѣщены примѣчанія, въ которыхъ приводятся различныя мѣстныя преданія, извѣстія о находимыхъ древностяхъ и существующихъ памятникахъ старины. Мы приводимъ здѣсь болѣе интересныя изъ нихъ.

Кіевскій уѣздъ.

С. Хотовъ. Около селенія находится древній валъ длиною 6 верстъ.

С. Рославичи. На самой большой горѣ находится древняя крѣпость; по разсказамъ старожиловъ, она построена татарами и тамъ держали плѣнныхъ.

С. Великіе-Дмитровичи. На горѣ Замокъ находится древняя крѣпость.

Д. Старые Безрадичи. На горѣ Замковой былъ въ древнее время замокъ окруженный валами. Находится высокая могила, называемая Выкровка. На горѣ Острица есть древній редутъ, а близко возлѣ ней большая могила, называемая Роскопана. Подъ сіею горою течетъ рѣчка Стугна, а въ 1789 г. былъ мостъ и рогатка, гдѣ стоялъ караулъ, потому что была граница между Малою Россіею и Польшей.

С. Новые Безрадичи. Находится около селенія 4 могилы, изъ которыхъ двѣ большія. Говорятъ старожилы, что онѣ были насыпаны татарами.

М. Триполье. Отъ старожиловъ я слышалъ, что въ древнее время на горѣ Дѣвичей князь Владиміръ приказалъ построить редуты и содержалъ тамъ караулъ. Въ 1834 г. нашли въ землѣ кости мамонта. Въ 1841 г. одинъ крестьянинъ нашелъ на огородѣ одну глиняную древнюю урну съ попеломъ.

С. Витачевъ. На горѣ Городище находятся слѣды, что въ древнее время былъ городокъ и крѣпость, равно и на горѣ Замковой виденъ большой валъ.

С. Халепье. На горѣ Жолнировкѣ находится пещера. Говорятъ, что въ древнее время на ней стояли солдаты противъ татаръ и что на горѣ Острица стоялъ русскій редутъ 70 лѣтъ назадъ противъ поляковъ.

С. Щучинка. На горѣ Сырогоніевка есть большая могила и древняя крѣпость, а на горѣ Шибиница, по разсказамъ старожиловъ, въ древнее время стояла висѣлица.

С. Черняховъ. Находится на горѣ Замковичи древній замокъ и валы. Въ 1830 г. крестьянинъ Тимофей Пащенко нашелъ на сей горѣ, на 2-хъ аршинной глубинѣ, кости человѣка и лошади, а также стремена, узду желѣзныя и 20 мѣдныхъ копій.

С. Веремье. Около селенія находится три большія могилы, изъ которыхъ одна называется Сторожевая.

Д. Новоселица. Около деревни находится 5 могилъ, изъ нихъ одна называется Довга.

М. Обуховъ. На горѣ Городокъ находится древняя крѣпость и пещеры. Около м. Обухова находятся 4 большія могилы, названіе коихъ: 1-я Кипятшевская, 2 ая—Куликова, 3-яя—Буртова, 4-ая—Могилянской городокъ; на сей послѣдней, по разсказамъ старожиловъ, была во .... лѣтъ тому назадъ граница польская и на ней стояли польскіе объѣздчики.

С. Великая Бугаевка. Находится около сего селенія древняя крѣпость круглая, называемая Городокъ, которая имѣетъ въ ширину 60 саженей, посреди ея вымощено кирпичемъ въ 3 аршина глубины, около ней течетъ рѣчка Устья. На горѣ, гдѣ церковь, находятся древніе валы и редуты, есть и теперь пещера, въ которой, говорятъ старожилы, во время нападеній татаръ жители хоронили свои имущества. Въ 1835 г. около плотины крестьяне нашли кости мамонта.

Слобода Копачева. Около сей слободы находится три большія могилы. Въ 1833 г. нашли въ землѣ, на аршинной глубинѣ, кости мамонта.

С. Лисянскій Скитокъ. Документы церковные доносятъ, что въ 1679 г. въ семъ селеніи былъ монастырь грекороссійской и возлѣ церкви погребенъ епископъ православной Захарій Корнилович. При церкви находится памятникъ 1667 г. рукописный, въ которомъ упоминается о чумѣ, свирѣпствовавшей тогда въ Кіевѣ, отъ коей умерло 10,000 душъ, а также о саранчѣ.

М. Бѣлогородка. Въ 1846 г. нашли въ р. Бочалкѣ древній бронзовый колоколъ.

С. Вышгородъ. Селеніе Вышгородъ есть древнее мѣсто. Около селенія между горами находятся три могилы, называемыя: 1-ая—Песчана, 2-ая—Баравенъ, 3-яя—Крещата.

С. Лютежъ. При селеніи видны слѣды лагеря и урочище, называемое Туровщиною, гдѣ, по разсказамъ старожиловъ, въ древнее время стояли турки (?) во время нашествія Батыя.

Д. Борки. Въ полуверстѣ отъ д. Борки и с. Лютежъ есть урочище, называемое Холмъ или Маслаевъ, гдѣ въ древнее время былъ городъ Маслаевъ. Изъ этого Холма была дорога до помѣщичьяго имѣнія Демидова, близъ котораго находится околъ 100 могилъ, оставшіяся, вѣроятно, отъ нашествія татаръ, какъ говорятъ старожилы.

Хуторъ Гута (Старо-Петровск. об). На берегу рѣки Ирпень находится древній редутъ.

Радомыслскій уѣздъ.

Д. Кабаны. Одинъ крестьянинъ, Иванъ Осипенко, имѣетъ 104 года.

Д. Раденка. Въ двухъ верстахъ отъ деревни находится древняя крѣпость, называемая Орище Городище, длиной и шириной въ 125 саж., съ редутами вышиной 3 саж.

Д. Хотиновка. Около деревни Хотиновки находится могила высотой 3 саж., называемая Пудыванка.

М. Рожевъ. Около мѣстечка находится большая могила въ 4 саж., называемая Шушковка.

С. Ситняки. Около селенія находится могила вышиною въ 4 саж, называемая Семенцова. При описаніи селъ этого уѣзда помѣщенъ (на 916 стр.) интересный рисунокъ, изображающій какъ „бортники лазятъ по соснамъ для собиранія изъ бортей меда“.

Васильковскій уѣздъ.

С. Черногородка. Въ этомъ селѣ находится древняя крѣпость и большой валъ.

С. Кодлубица. (?) Въ полѣ находится 10 большихъ древнихъ могилъ.

С. Смигировка. На грунтѣ сей деревни находятся двѣ древніе могилы, называемыя Сторожевыя.

Д. Фастовецъ. Около этой деревни въ 4-хъ верстахъ находится древній курганъ высокій, называемый Перепетъ, гдѣ въ 1846 г. произведены разысканія временною коммиссіею для открытія древностей и актовъ, высочайше утвержденною при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ.

С. Плисецкое. Находится древняя крѣпость, окруженная водою; говорятъ старожилы, что она выстроена татарами. Близъ селенія есть валъ, называемый Зміевъ валъ, который продолжается на 20 верстъ.

Г. Васильковъ. Находятся древнія батареи и редуты на горѣ Батареи и Соборной.

С. Ольшанка. Находятся три могилы, одна называется Дзюбина, другая Терещенкова, а третья Потапова.

С. Тростинка. Около селенія 3 могилы: Погребака, Хмилика и Вахнова.

С. Барахты. На полѣ, недалеко отъ селенія, находится огромный валъ, вышиною въ 8 саж., который продолжается отъ с. Барахты до с. Ольшанки съ востока на западъ, на пространствѣ ¼ версты.

Между статистическими описаніями селъ помѣщено 15 рисунковъ костюмовъ мужчинъ и женщинъ сельскихъ обществъ кіевскаго, радомысльскаго и васильковскаго уѣздовъ. Рисунки эти очень интересны и единственны въ своемъ родѣ, т. к. за послѣднее время мѣстный костюмъ все больше и больше обезображивается различными пародіями на городское платье и возстановить его въ первоначальномъ видѣ дѣлается довольно затруднительнымъ.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ желаніи помочь, облегчить чѣмъ нибудь участь темнаго люда, которое проглядываетъ тамъ, гдѣ дѣло касается нуждъ мѣстнаго населенія и которое де-ла-Флизъ выразилъ въ изреченіи Ж. Ж. Руссо, поставивши его въ видѣ эпиграфа къ «Медико-топографическому описанію», именно: «Если невозможно, чтобы люди были всѣ счастливы, надо стараться сколько возможно уменьшить число несчастныхъ».

«Этнографическія описанія крестьянъ кіевской губерніи, а въ особенности состоящихъ въ государственныхъ имуществахъ и разные мѣстные историческіе памятники, древности и рисунки» составляютъ альбомъ въ 154 стр., также въ листъ. Матеріалъ, собранный въ этой работѣ, относится къ этнографіи, исторіи и археологіи.

Этнографическій отдѣлъ наиболѣе обширный; нельзя отрицать, что многаго въ немъ недостаетъ, многое составлено поверхностно и

есть кое что лишнее, но извиненіемъ могутъ служить неподготовленность автора, его единичныя силы и недостатокъ средствъ. Конечно, послѣдующія работы по мѣстной этнографіи далеко оставили за собой трудъ де-ла-Флиза, но несмотря на это, кое что изъ него можетъ еще пригодиться, въ особенности большое значеніе имѣютъ рисунки, наполняющіе этотъ отдѣлъ.

Нѣсколько документовъ, описаній замѣчательныхъ мѣстностей и памятниковъ составляютъ небольшой историческій отдѣлъ.—Множество рисунковъ различныхъ древностей, найденныхъ въ кіевской губ., съ обозначеніемъ мѣста, гдѣ онѣ найдены или гдѣ находятся, древностей, въ большинствѣ случаевъ еще не описанныхъ, придаютъ археологическому отдѣлу большой интересъ. Эти три вышеназванные отдѣла не строго разграничены и поэтому, для удобства оріентировки, при передачѣ содержанія работы, мы будемъ держаться того порядка, въ какомъ слѣдуетъ одна статья за другой, не разбивая матеріаловъ по отдѣламъ. «Этнографическія описанія» начинаются статьей о физическомъ строеніи тѣла жителей кіевск. губ.; различіе жителей южной части губерніи отъ жителей мѣстъ, лежащихъ выше Кіева; въ характерѣ народа авторъ замѣтилъ лѣнь, отсутствіе предпріимчивости и неохоту къ промысламъ (кромѣ чумачества).

Далѣе, въ отдѣлѣ «языкъ», приводится нѣсколько особенностей въ произношеніи; различіе привѣтствій къ кіевской и волынской губ.; приведены также чисто мѣстныя поговорки, напр. въ сквирскомъ и другихъ уѣздахъ говорятъ «хтось мокне» при пожарѣ, если кто солгалъ—«москаля пидвизъ», если былъ пьянъ—«бувъ надъ чаркою» или «мовъ въ чуби», если у кого случаются крестины или похороны, то говорятъ: «винъ мае оказію» и др.

Домашній бытъ. Описаніе крестьянскихъ жилищъ какъ въ южной, такъ и въ сѣверной части губерніи; въ этой послѣдней въ избахъ обращаетъ на себе вниманіе «бовдуръ» (труба изъ побѣленнаго холста, она спускается съ потолка, въ которомъ продѣлана дыра, внизу къ трубѣ придѣлана рѣшетка, куда вставляется лучина; труба эта служитъ также для вентиляціи). Курныя избы встрѣчаются уже рѣдко. Говоря о внутреннемъ устройствѣ жилищъ, де-ла-Флизъ упоминаетъ о гостепріимности мѣстнаго населенія, символомъ чего служитъ хлѣбъ и соль, всегда лежащіе на столѣ и предлагаемые всякому; мебели почти нѣтъ, посуда простая, но ближе къ городамъ встрѣчается фаянсовая и стеклянная; нечистотой отличаются избы радомысльскаго уѣзд.; сюда же приложены планы крестьянскихъ домовъ

съ усадьбами на одно семейство и на два, живущія вмѣстѣ, а также рисунки, изображающіе наружный видъ крестьянскихъ избъ въ кіевскомъ, васильковскомъ и др. южныхъ уѣздахъ съ одной стороны и въ уѣздахъ радомысльскомъ, овручскомъ и проч. съ другой; такимъ же образомъ раздѣлены виды внутренности избъ. За описаніемъ жилищъ идетъ одѣяніе и обувь; общій очеркъ мужскаго платья (здѣсь интересенъ костюмъ жителей кіевскаго Полѣсья, который, какъ намъ кажется, сохранился въ чистомъ видѣ отъ глубокой древности, въ особенности интересны кожаные пояса съ мѣдными пряжками и футлярами для ножика, огнива, кремня и губки); очень вредно вліяютъ на здоровье лапти, которые впродолженіи круглаго года составляютъ единственную обувь жителей Полѣсья. Что касается женскаго костюма, то тутъ замѣчается громадное разнообразіе въ повязываніи головы; между платьемъ интересны кофты зеленаго цвѣта съ множествомъ пришитыхъ клочковъ красной шерсти, бывшія въ употребленіи въ общ. обуховскомъ, петропавловскомъ и фастовскомъ кіевск. уѣзд. и, кажется, теперь уже не встрѣчающіяся; замѣчена щеголеватость костюма въ южной части губ. сравнительно съ сѣверной. Къ статьѣ объ одѣяніи и обуви относятся рисунки, въ которыхъ собраны въ группы изображенія костюмовъ крестьянъ различныхъ обществъ, помѣщенныя въ первой работѣ; въ каждую группу входитъ нѣсколько соприкасающихся между собою обществъ. Не говоря уже о той точности и тщательности, съ какой воспроизведены костюмы, нужно замѣтить, что даже и лица иногда очень типичны. Три листа рисунковъ обнимаютъ собою южную часть губерніи, по физіономіямъ и одеждѣ крестьянъ можно судить о сравнительномъ достаткѣ ихъ, но за то довольно грустное впечатлѣніе остается, если взглянуть на четвертую таблицу, гдѣ изображены крестьяне радомысльск. уѣзда въ ихъ оригинальныхъ суконныхъ шапкахъ, обшитыхъ шнурками; всѣ они, какъ мужчины, такъ и женщины въ лаптяхъ, лица у нихъ изможденныя, тулупы оборванные, въ заплатахъ.

О пищѣ и питьѣ: общій очеркъ, вредъ рожковъ, ростущихъ на хлѣбѣ, и блекоты въ просѣ; квасъ не употребляется; пьянство развито. Разные обычаи: обычаи при началѣ и окончаніи полевыхъ работъ; значеніе понедѣльника; день св. Георгія, завитка, свиваніе вѣнковъ послѣ жатвы. Обычай при закладываніи дома насыпать на предполагаемомъ мѣстѣ постройки кучки ржи въ четырехъ мѣстахъ и, если рожь на другой день окажется нетронутой, то мѣсто благопріятно для постройки, если же тронуто, то выбираютъ другое. Выдѣлка дегтя

и смолы сопровождается слѣдующими обрядностями: по четыремъ сторонамъ громаднаго костра, сложеннаго надъ ямой, становятся четыре работника съ зажженными факелами, а одинъ изъ рабочихъ, называемый отаманомъ, съ завязанной полотенцемъ головой съ хлѣбомъ и солью обходитъ три раза костеръ и кладетъ по четыремъ сторонамъ его по нѣсколько поклоновъ, затѣмъ вбѣгаетъ на вершину костра и становится лицомъ къ востоку, держа въ рукахъ хлѣбъ и соль, въ этотъ моментъ рабочіе зажигаютъ факелами костеръ; отаманъ стоитъ на вершинѣ сколько возможно долѣе, послѣ сбѣгаетъ внизъ и «puis les ouvriers se versent de l'eau de vie, et ils appellent ce régal mogoritch». Крестьяне вѣрятъ въ возможность прекратить пожаръ посредствомъ заговора; не тушатъ пожаровъ, причиненныхъ молніей, такъ какъ считаютъ это волей Божіей. Обычай при засухѣ: святятъ колодцы, закапываютъ въ землю живаго рака, утверждая, что ракъ до 13 дней будетъ живъ и выпроситъ у Бога дождь, льютъ на могилу утопленника воду, если въ одномъ селѣ дождь шелъ нѣсколько разъ, а въ другомъ нѣтъ, то объясняютъ это присутствіемъ вѣдьмы. При падежѣ скота: пускаютъ кровь, посыпаютъ загоны освященнымъ макомъ, окуриваютъ разнымъ зельемъ, заговариваютъ словами. Чтобы не впустить въ село заразу, ставятъ при въѣздѣ небольшой осиновый крестъ, тоже и при холерѣ.

Народное лѣченіе: эпидемическія болѣзни объясняются хожденіемъ страшилища, другія причины болѣзней: пристритъ и данье; вѣра въ знахарокъ и знахарей.

Свадебные обряды: описаніе сговора и свадьбы въ южной части кіевск. губ., приведены различные обычаи, пѣсни и припѣвы.

Украинскіе пѣсни: помѣщено 5 пѣсенъ, безъ обозначенія, гдѣ онѣ поются и отъ кого записаны; вотъ начальные куплеты этихъ пѣсенъ:

1. Безъ заглавія.

Пишовъ я разъ на улыцю
И теперъ вже каюсь,
Улюбився у дивчыну
Що во сни жахаюсь.

2. «Тытяна».

Съ того часу, якъ женився,
Я николы ны журився;
Ой чукъ Тытяна,
Чорнобрыва, кохана!

3. «Служывый».

Ой служывый, ой служывый!
Не тоби пытаты,
И я жинка ны такая,
Шобъ все росказаты.

4. Безъ заглавія.

Ой Зіймко, Зіймко та два мисяци ясны,
Ой мандровалы два козаченькы красны
И мандруючы съ тыха говорылы,
Соби молоду дивчыну пидмовылы.

5. «Старинная народная пѣсня украинцевъ о Мазепѣ».

Ой съ пидъ нызу, та съ пидъ Лымапу
То витеръ повивае,
Тамъ Мазепа Палія Семена
На охоту й вызывае.

Тутъ же приведена музыка пѣсенъ «Служывый» и «Тытяна».

За пѣснями слѣдуетъ два рисунка; на первомъ изображены танцы крестьянъ кіевскаго и васильковск. уѣздовъ: въ кругѣ, составленномъ публикой и музыкантами, два «парубка» отплясываютъ козачка; на другомъ рисункѣ взятъ тотъ моментъ изъ свадьбы, когда жениха, идущаго къ невѣстѣ, встрѣчаетъ мать невѣсты съ хлѣбомъ и солью, одѣтая въ вывороченный на изнанку тулупъ (также въ васильков. уѣзд.).

Крестины; похороны, здѣсь очень интересенъ обычай, о которомъ есть упоминанія и въ нашей лѣтописи, именно, въ радомысльскомъ уѣздѣ тѣло покойника везутъ на кладбище лѣтомъ на саняхъ (дальше помѣщенъ и рисунокъ такого погребальнаго шествія), тутъ же приведено нѣсколько другихъ обычаевъ по отношенію къ покойнику и похоронамъ.

Далѣе идутъ: «примѣрный разсчетъ жизненныхъ средствъ, приходящихся на крестьянское семейство», «главнѣйшія занятія крестьянъ (хлѣбопашество, огородничество и разные сельскіе промыслы»).

Народныя увеселенія: этотъ небольшой отдѣлъ начинается довольно печально: «крестьяне сей губерніи вообще не любятъ игръ и увеселеній, принятыхъ въ обыкновеніе въ другихъ мѣстахъ; самое большее ихъ удовольствіе есть быть въ бездѣйствіи или пьянствовать», затѣмъ сказано нѣсколько общихъ фразъ объ играхъ и музыкѣ. Не многосложна также и слѣдующая глава: особенности общественнаго быта крестьянъ. Умственныя и нравственныя способности и образованіе крестьянъ; въ общихъ чертахъ перечислены особенности характера мѣстнаго населенія, грамотность мало развита, значеніе священника, привязанность къ родинѣ (какъ примѣръ такой привязанности приводится разсказъ «стариннаго служивца», возвратившагося на родныя мѣста послѣ долгихъ странствованій).

Народныя преданія: происхожденіе Зміеваго вала—слѣдъ отъ громаднаго змія, пожиравшаго дѣтей, кузнецъ Грыцько, раскаливъ желѣзо, поднесъ змію, тотъ, думая, что это ребенокъ, проглотилъ его и издохъ. Преданіе о разбойникѣ Мамаѣ, во многихъ малороссійскихъ домахъ находятся изображенія разбойника; одно изъ нихъ и воспроизведено де-ла-Флизомъ: Мамай въ полномъ вооруженіи сидитъ подъ дубомъ, поджавши по турецки ноги, въ рукахъ у него бандура, изображенъ онъ поющимъ, подлѣ сидитъ собака, слѣва къ дереву привязанъ осѣдланный конь, справа повѣшенъ за ноги какой то человѣкъ. Подъ изображеніемъ находятся стихи, вѣроятно, не совсѣмъ точно переданные:

Хоть на мене и дывыся, то не угадаешъ
Якъ зовуть и видкиль родомъ
И якъ прозываюгь, не чычыркъ не знаешъ.
Колы трапылось кому у степахъ буваты,
То той можетъ мое прозвыще угадаты;
Жыдъ зъ биды за ридного батька почытае,
А ляхва дурно мылостывымъ добродіемъ называе;
А ты якъ хочешъ, то такъ мене называй,
Абы лышъ не крамаромъ.

За изображеніемъ Мамая помѣщенъ Мамаевъ дубъ, срисованный съ натуры. Дубъ этотъ находится возлѣ д. Херсонки чигиринск. уѣзда; толщиной онъ 3½ арш. при раздѣленіи вѣтвей, и, по словамъ старожиловъ, уже около ста лѣтъ безъ листьевъ. Подъ этимъ дубомъ, какъ говоритъ преданіе, Мамай дѣлалъ привалы, вѣшалъ на немъ поляковъ и жидовъ и, наконецъ, былъ самъ повѣшенъ.

Послѣ этого приводятся различныя выписки изъ историческихъ документовъ, подписи на евангеліяхъ, надписи къ иконамъ и т. п. Такъ, изъ рукописнаго памятника 1667 г., находящагося въ Скитовской церкви васильковск. у., взято повѣствованіе о моровомъ повѣтріи и саранчѣ, бывшихъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ въ 1701 г., затѣмъ помѣщена надпись на евангеліи, пожертвованномъ въ церковь м. Стаекъ запорожскими козаками Михаиломъ Жилиломъ (?) и Семеномъ Щумакомъ 1627 г. Далѣе идетъ «О селеніи Бѣлогородкѣ краткое историческое свѣдѣніе», тутъ же помѣщены рисунки двухъ колоколовъ изъ Бѣлогородки, одного съ древней славянской надписью, другаго—латинской, найденнаго въ р. Бочалкѣ въ 1846 г. Сказаніе о Вышгородѣ; изъ рукописнаго евангелія 1699 г. вышгородской церкви, написаннаго дьякомъ Жукомъ, приводится посвященіе кіевскому полковнику Константину Мокіевскому, рисунокъ его герба и стихи подъ этимъ гербомъ. Изъ надписей подъ иконами скопированы двѣ, находящіяся въ церкви с. Лютежа кіевск. у. при иконахъ Спасителя и Богоматери. Въ заключеніе помѣщенъ послѣдній остатокъ изъ «книги глаголемой акаѳисты» лаврской печати начала прошлаго вѣка, данной въ 1769 г. Сидоромъ Гречкою въ церковь с. Суботова чигирин. уѣз. Археологическій отдѣлъ состоитъ исключительно изъ рисунковъ; двѣ таблицы занимаютъ снимки съ древнихъ образковъ, найденныхъ въ кіевской губ., одну таблицу различныя драгоцѣнныя вещи: привѣски, серги, браслеты, перстни, 4 таблицы—древнее оружіе каменное, бронзовое и желѣзное; затѣмъ помѣщенъ снимокъ съ знамени малороссійскаго переяславскаго полка средины прошлаго вѣка, сохранив-

шагося въ арсеналѣ князя Воронцова въ м. Мошнахъ черкасскаго у.; за знаменемъ слѣдуетъ древняя рыцарская шпора, найденная въ 1848 г. въ м. Романовкѣ сквирск. у. Очень интересны снимки съ портретовъ Богдана Хмельницкаго и Мазепы; портретъ перваго находился въ Медвѣдовскомъ монастырѣ чигиринскаго у., а второй снятъ съ ветхаго портрета, находившагося въ монастырѣ дер. Монастырки возлѣ м. Лисянки звенигородск. у. Изъ памятниковъ зодчества мѣстнаго края находятся: церковь въ с. Субботовѣ, выстроенная Богданомъ Хмельницкимъ, внутреній видъ и планъ этой церкви, рисунки каменнаго оригинальной формы креста, возлѣ субботовской церкви и камня («менгирь» въ доисторической археологіи) вышиною въ 10 футовъ, стоящаго на улицѣ с. Субботова; церковь, построенная въ 1830 г. княземъ Воронцовымъ въ м. Мошнахъ черкасск. у.; мошногорскій Свято-Вознесенскій монастырь; медвѣдскій Николаевскій монастырь и наконецъ «Святославова башня», выстроенная на горѣ у мошногорскаго монастыря на томъ будто бы мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ печенѣгами Святославъ, когда возвращался изъ Болгаріи. На предпослѣдней таблицѣ изображены древнія глиняныя урны изъ кіевск. губ.; послѣдняя таблица занята картиной, изображающей смерть князя Потемкина.

Таково содержаніе работъ д-ра де-ла-Флиза.

Въ виду того, что у насъ не имѣется никакихъ біографическихъ свѣдѣній, относящихся къ личности де-ла-Флиза, желательно было бы, чтобы лица, обладающія таковыми, сообщили ихъ, т. к. онѣ касаются человѣка, потрудившагося по мѣрѣ силъ своихъ на пользу того края, въ которомъ ему пришлось жить и съ народомъ котораго случилось войти въ близкія сношенія.

Н. Б.

Церковная старина пирятинскаго уѣзда.

Изъ осмотрѣнныхъ нами 15 церквей пирятинскаго уѣзда, каменныхъ только четыре (одна городская); онѣ построены въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Архитектура всѣхъ церквей можетъ быть сведена къ слѣдующимъ формамъ: круглая, овальная, крестообразная и въ видѣ продолговатаго четыреугольника. Крестообразная форма преобладаетъ въ церквахъ, построенныхъ въ прошломъ стол., овальная и круглая—въ началѣ нынѣшняго, а четыреугольная (обыкновенно совмѣстно съ колокольней)—новѣйшей архитектуры.

Церкви, существовавшія въ прошломъ ст. и началѣ нынѣшняго, отличались вообще простотою отдѣлки и дешевизною матеріала. Уже то обстоятельство, что по описямъ церквей 1827 г. ни одна церковь, построенная въ прошломъ ст., не была каменной, говоритъ въ пользу того, что дешевизна матеріала при постройкахъ была очень важна. По тѣмъ же церковнымъ описямъ всѣ храмы, даже и въ началѣ текущаго ст., покрыты досками, кромѣ главнаго «кумпола», крытаго желѣзомъ. Нѣкоторыя церкви (с. Зарѣчья, повстинская и др.) стояли на дубовыхъ подвалахъ, вмѣсто фундамента, и были обнесены плетнями или запросто—рвомъ. Церковь с. Кейбаловки и теперь съ двухъ сторонъ обнесена плетнемъ, а съ двухъ—рвомъ.

Кѣмъ строились церкви? Главнымъ образомъ прихожанами крестьянами и помѣщиками, если можно назвать послѣднимъ именемъ тѣхъ лицъ, которыя владѣли большими земельными участками.

Мы можемъ до нѣкоторой степени отвѣтить на вопросъ, какъ строились прежде сельскія церкви по бывшимъ у насъ въ рукахъ приходо-расходнымъ книгамъ малютинской церкви за 1758 г. Въ 1760 г. строилась колокольня въ с. Малютинцахъ. Ктиторъ (староста церковный) самъ закупаетъ дерево, доски, гвозди на деньги, собранныя съ прихожанъ, слѣдитъ за постройкой, «харчуетъ» работниковъ, покупая на деньги церковныя или прошенныя непремѣнно горѣлку [1]), мясо, рыбу, приварокъ. Рабочіе, смотря по надобности, набирались и изъ мѣстнаго элемента. Такъ, въ с. Алексѣевкѣ и до сихъ поръ разсказываютъ, что при постройкѣ церкви—а она, по преданію, была перенесена изъ Пирятина въ 1770-хъ гг.—работали исключительно мѣстные плотники.

Обращая далѣе вниманіе на выдающіеся остатки прежняго въ храмахъ уѣзда, отмѣтимъ прежде всего иконостасы. Они, судя по уцѣлѣвшимъ кое гдѣ и до сей поры, а также по церковнымъ описямъ,—въ XVIII ст. обыкновенно строились въ четыре яруса; по крайней мѣрѣ ни въ одной церкви, изъ осмотрѣнныхъ нами,—по описямъ—инаго иконостаса не было. Въ началѣ текущаго вѣка уже замѣтно отступленіе отъ такого правила: въ городищенской церкви, помѣщичьей постройки, иконостаса совсѣмъ нѣтъ, вмѣсто него громадныя намѣстныя иконы, надъ вратами тайная вечеря, сверху крестъ. То же и въ церкви села Кулажинецъ.—Постройка иконостасовъ велась почти такъ, какъ постройка храмовъ: хозяйственная часть

[1]) Въ 1760 „вѣдерко“ горѣлки стоило 55 коп.

лежала на ктиторѣ, тогда какъ строительная часть, а также письмо иконъ производились рабочими мѣстныхъ мастерскихъ. Такъ, въ Пирятинѣ въ 60-хъ годахъ прошлаго ст. было нѣчто въ родѣ иконописной мастерской, которой завѣдывалъ городовой козакъ Никита Квѣтницкій, именуемый въ архивныхъ бумагахъ «маляромъ». По преданію, и въ началѣ нынѣшняго ст. въ Пирятинѣ славилась мастерская Кошеваго. Иконы его работы сохранились и теперь въ церкви с. Зарѣчья, и своею грандіозностью (напр., проповѣдь Іоанна Кр. въ пустынѣ) и чистотою отдѣлки замѣтно выдѣляются изъ иконъ новѣйшаго письма.

Цѣнность иконостасовъ и прежде не была незначительна: въ 1756 году за письмо однѣхъ иконъ въ малютинскую церковь уплочено 73 р.; если принять во вниманіе матеріалъ для иконостаса, его работу, провіантъ для рабочихъ—затраты на иконостасъ могли доходить до солидныхъ цифръ.

По чистотѣ, оригинальности и цѣльности иконостасъ въ церкви с. Алексѣевки долженъ скорѣе всего обратить на себя вниманіе интересующагося иконописною живописью прошлаго вѣка. Онъ начатъ въ 1768 и оконченъ въ 1777-мъ г. иконописцемъ Сорочинскимъ («полскій вроженецъ»). Къ сожалѣнію, иконостасу грозитъ уничтоженіе: въ Алексѣевкѣ думаютъ строить новую церковь; иконостасъ понизятъ, ибо онъ очень высокъ. Если это случится, погибнетъ памятникъ прежняго и съ нимъ слѣды выработаннаго вѣками стиля живописи, орнаментовъ и формы устройства иконостасовъ прошлаго вѣка.

Иконы въ прошломъ ст. зачастую «надавались» въ церкви прихожанами «за отпущеніе грѣховъ». Въ нынѣшнемъ такое жертвованіе рѣдко, но нѣчто похожее на прежнюю жертву можно встрѣтить и теперь. Такъ, въ Митченкахъ на стѣнахъ храма очень топорно расписаны изображенія святыхъ. Какъ сообщалъ намъ мѣстный священникъ, изображенія эти писались на счетъ того или другаго прихожанина, которые во время богослуженій обыкновенно и молятся у «своей» иконы. Что до иконной живописи, то она иногда бываетъ своеобразна (Ессе Homo въ церкви с. Харьковецъ); въ кулажинской церкви попадаются маленькія иконы, на коихъ изображенъ символъ вѣры—по членамъ—въ лицахъ. Еще фантастичнѣе икона Распятія въ церкви с. Алексѣевки. Писавшій эту икону изображаетъ близъ распятаго Спасителя вмѣсто библейскаго сотника—малоросса. Въ длинномъ, красномъ жупанѣ стоитъ сотникъ у распятаго Спасителя съ

обнаженной головой, съ сосредоточеннымъ взглядомъ, съ благоговѣйно сложенными руками. Взглядъ его будто скорбитъ о томъ, что люди во имя зла творятъ такія дѣла, какъ распятіе праведника.... Бритая борода, большіе усы, бритая голова, «чубъ», лихо закинутый за ухо—дополняютъ обликъ сотника-малоросса. Обшлага, стёжка, воротъ въ жупанѣ зеленаго цвѣта; нижняя одежда также зеленаго цвѣта и длинна. Сапоги красные, остроконечные, такъ наз. «сапьянци». На иконахъ сверхъ датъ, обозначающихъ время жертвованія, имя жертвователя, встрѣчаются зачастую риѳмованныя изліянія чувствъ и помысловъ неизвѣстныхъ авторовъ, сообразно содержанію иконы. Стихъ такихъ изліяній тяжелый, силлабическій; поэзіи мало.

Кажется, здѣсь умѣстно указать на такой обычай, наблюдаемый нами въ сс. Зарѣчьѣ, Повстинѣ, Деймановкѣ, да и вообще въ Малороссіи: если у кого разболятся глаза, руки, ноги или грудь, тотъ обыкновенно на жестяной, (или серебряной, смотря по средствамъ) дощечкѣ выбиваетъ изображеніе больной части тѣла; такая «привѣска», часто съ надписью, привѣшивается у намѣстной иконы. Въ с. Ржавцѣ прилуцкаго у. мы видѣли у образа чудотворной иконы Божіей Матери на серебряной пластинкѣ выбитое *сердце*. Пластинка оказалась даромъ одной игуменіи изъ сосѣдней губерніи.

По части церковной утвари и одеждъ соберемъ отрывочныя наши наблюденія. Чаши встрѣчаются въ церквахъ уѣзда слѣдующія. Деревянная чаша въ с. Кейбаловкѣ. Отъ времени она уже почернѣла, но еще виднѣются какіе то орнаменты въ видѣ изогнутыхъ линій, расписанныхъ красной краской. Высота чаши съ постаментомъ 4 вершка, діаметръ—2 вершка. Оловянная—тамъ же, такая же. Что до серебряныхъ чашъ, то онѣ встрѣчаются очень часто и относятся главнымъ образомъ къ половинѣ прошлаго стол. Укажемъ для примѣра на большую серебряную чашу въ церкви с. Малютинецъ, «наданную» паномъ Тихоновичемъ.

Достойны вниманія изъ церковной утвари напрестольные кресты, уцѣлѣвшіе въ церквахъ сс. Кулажинецъ и Каплинецъ. Крестъ храма въ с. Каплинцахъ (оловянный) по отчетливости барельефныхъ изображеній распятія Спасителя, женъ мироносицъ и т. под. и изящности узорчатыхъ украшеній могъ бы быть интереснымъ и для церковно-археологическаго музея. Упомянемъ еще о хранящихся въ дейдановской церкви вѣнцахъ изъ листоваго желѣза. Они имѣютъ видъ круглой скобы (высота $1^1/_2$ вершка; поперечникъ вѣнцовъ—4 вершка) съ квадратной пластинкой надъ скобой спереди; на этой пластинкѣ

до нижняго обода скобы изображенъ Спаситель со скипетромъ и державой въ рукахъ. У верхняго обода вѣнцовъ расписано ломанной линіей нѣчто въ родѣ зубцовъ короны.

Матеріалъ для церковныхъ одеждъ въ XVIII ст. обыкновенно былъ: парча, атласъ, парусина, полотно. Ризы шились изъ парчи, атласа и парусины, изъ полотна шились по преимуществу подризники, которыхъ и теперь почти въ каждой церкви по нѣсколько; подолъ такихъ подризниковъ расшивался красной бумагой, шелкомъ, иногда и золотомъ. Расшивались всевозможныхъ видовъ листья и цвѣты.

По приходорасходнымъ книгамъ городищенской церкви (начала текущаго ст.) опредѣляется стоимость ризъ такимъ образомъ. Матеріалъ купленъ въ «пирятинскому ярмонки», шитье производилось въ Пирятинѣ же (50 к. за пару ризъ); израсходовано всего 22 р. 50 к.

Укажемъ на нѣкоторыя ризы, хранящіяся въ церквахъ I-го благочинія. Такъ наз. *запорожскія* въ малютинской церкви. Изъ нихъ уцѣлѣли одни оплечья. Запорожскими названы потому, что подарены, по преданію, въ церковь запорожцами, при чемъ, будто, сдѣланы изъ ткани, награбленой въ Константинополѣ. Оплечье ризъ шелковое желтаго цвѣта съ голубыми и зелеными цвѣтами,—нѣчто въ родѣ розъ. Листья цвѣтовъ затканы серебромъ.

Особенно интересны ризы въ пирятинской соборной церкви, подаренныя полковникомъ Леонтіемъ Свѣчкой († 1699 г.). Онѣ теперь реставрированы, но сохранились замѣчательныя изображенія святыхъ на оплечьяхъ, шитыя серебромъ. На оплечьѣ первыхъ ризъ изображено положеніе Спасителя во гробъ. Лики Спасителя, трехъ ангеловъ и учениковъ Спасителя разрисованы, корпуса вышиты серебромъ. Рисунки исполнены мастерски. На вторыхъ ризахъ изображены: Спаситель въ архіерейскомъ облаченіи, возсѣдающій на тронѣ съ предстоящими Божіей Матерью и Іоанномъ Крестителемъ, на передней сторонѣ оплечья—Покровъ пр. Богородицы. Наконецъ на такъ называемыхъ настоятельскихъ ризахъ, на оплечьѣ подъ вышитымъ серебромъ изображеніемъ Преображенія Господня съ предстоящими апостолами и Божіей Матерью—надпись: «се справилъ п. Леонтій Свѣчка жоною своею Домникіею».

Характерна также вышивка, подаренная будто бы Петромъ В. Леонтію Свѣчкѣ на кафтанъ, хранящаяся теперь на напрестольной одеждѣ въ городищенской церкви, какъ обращикъ узорчатыхъ тканей конца XVII в.

Остается еще сказать о церковныхъ книгахъ, хранящихся и теперь въ районѣ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь. Судя по уцѣлѣвшимъ книгамъ, а также церковнымъ описямъ, прежде (не далѣе конца XVII в.) богослужебныя книги съ особымъ желаніемъ приносились въ даръ церкви ея прихожанами. Даръ такой увѣковѣчивался надписями жертвователя по листамъ книги со всевозможными угрозами тому, кто бы осмѣлился «отдалить» отъ церкви жертву.

Евангелія и другія богослужебныя книги встрѣчаются: львовской печати (XVII ст.), лаврской печати (конецъ XVII и нач. XVIII ст.) и московской печати (конецъ XVIII ст.); богослужебныя книги встрѣчаются еще св. троицкаго монастыря и почаевской лавры. Наружный видъ книгъ почти тотъ же, что и теперь. На нихъ часто встрѣчаются барельефныя изображенія св. евангелистовъ изъ олова.

Перечислимъ видѣнныя нами древнія книги.

1) «Евангеліонъ, сиречъ благовѣстіе боговдохновенныхъ евангелистъ. Благословеніемъ святѣйшихъ четверо престолныхъ патріарх, тщаніемъ же иждивеніемъ Братства львовского ставропигіоннаго; въ лѣто отъ созданія міра 7178, а отъ Рж. Хрва 1690». Хранится въ церкви м. Городища. По листамъ евангелія такая надпись:

„Я, Леонтій Назаровичъ Свѣчка, полковникъ войска Его царского пресвѣтлого величства запорожскаго Лубенскій, купилемъ сию евангелие у Якова Брусиловича купца, отъ обивателя Киевскаго, за певную суму одинадцять копъ до храму Благовищения престои Бци, стоячуе в селѣ Усовцѣ, за отпущеніе грѣховъ моихъ. Варую претомъ, аби нѣхто з близкихъ, такъ тежъ з далекихъ кревнихъ моихъ не важился отдаляти овое книги от церкви Усовское Благовищинское престои Бци, под проклятемъ стихъ оцъ. А куплена року 1694".

2) Евангеліе львовской печати. Хранится въ м. Городищѣ. По листамъ надпись:

„Сию книгу, благовѣстие святихъ Апостолъ Евангелистъ, купилемъ я, Леонтій Свѣчка, полковникъ царского пресвѣтлого величества запорожского Лубенскій, за суму готовыхъ грошей копъ за одинадцать у отца Евстафія, священика переволочанского спод Прилуки, року тисача шестъ сотъ деветдесятого мсца априля дня до дому своего. И ежели трафится до походу военного идучи, *братъ з собою до церкви войсковои.* А неповиненъ нѣхто втручатися в сию книгу, бо я купилъ за власние свои гроши року и дня вишнаписанного".

3) «Тріодіонъ, сие естъ тріпѣснецъ св. великои четыредесячничи от Еллинскаго изслѣдованія, Благословеніемъ же и повелѣніемъ преподобнаго в Бзѣ его милости господина отца Іосифа Трызни, архимандриты печерского» и т. д. 1648 г. Хранится въ церкви с. Харьковецъ. Въ этой книгѣ любопытенъ гербъ Тризны (найстарожитный клѣйнотъ Ясне Велможныхъ, Велможныхъ, высоце урожо-

ныхъ ихъ милостей пáновъ Трызновъ) со слѣдующей напечатанной эпиграммой:

„Трызнянская лилія за столки в Сенати,
И поля марсовые, якъ ся даетъ знати.
Барзѣй собѣ на тотъ часъ мѣстце улюбила,
В огородку цркковномъ бы снать пошлюбила
Себе Паннѣ Прчтой: а Ей ку оздобѣ,
Досталася на Вѣнецъ Паненской особѣ".—

4) Требникъ для церковнаго обихода, въ почаевской типографіи 1771 года.

Наконецъ, скажемъ два слова объ архивахъ при церквахъ, осмотрѣнныхъ нами. Въ нихъ если есть что цѣннаго,—это указы прошлаго ст., разсылаемые изъ кіевской дух. консисторіи; по нимъ можно прослѣдить внѣшнія условія быта сельскаго духовенства. Исповѣдныя росписи интересны въ томъ отношеніи, что способствуютъ изученію сословныхъ группъ деревни; а кое гдѣ встрѣчающіяся метрики, приходо-расходныя книги, описи церковныхъ имуществъ 1827 г.— указываютъ на ту или иную сторону прежней жизни церкви и ея прихода только за минувшее столѣтіе. Въ церковныхъ описяхъ попадаются копіи доказательствъ на церковные земельные участки. Достойны вниманія архивы при малютинской и повстинской церквахъ. Остается пожелать, чтобъ болѣе или менѣе цѣнные памятники церковной старины поступали въ музей, чтобъ побольше обращалось вниманія и приводилось въ извѣстность все сколько нибудь носящее на себѣ остатки и слѣды прошлаго.

Ап. Залѣсскій.

Жалоба новомлинскаго сотника на новомлинскаго намѣстника [1]).

Року 1712 (лл.) мѣсяца генваря 11.

По злѣценю іасне велможного его милости пана гетмана передъ судомъ войсковымъ енеральнымъ слухана была справа и заводъ п. сотника новомълиньского из отцемъ намѣстникомъ тожъ новомълинскимъ.

1 пунктъ подалъ п. сотникъ на отца намѣстника будто кота чорного самъ из молодикомъ школьникомъ убылъ и обдерши до шапки на шкурку себѣ обернулъ, свѣдки ставилъ.

---

[1]) Румянц. Музей. Арх. Маркевича, № 350.

Отвѣтовалъ на тое отецъ намѣстникъ, же то мовытъ неправда, і я готовъ сумленнемъ своимъ отвестисіа.

2 пунктъ. Будто о. намѣстникъ вдовѣ Володковнѣ сусѣдци своей дытину вробылъ и зослалъ до попа швагра своего в село Плиску.

Отвѣтовалъ намѣстникъ: неправда, мовитъ, то. Я готовъ сумненемъ отвестися или съвѣдковъ поставить, на що и. сотникъ мѣлъ свѣтками поставити Івана Редку и Володка, отца той молодицы.

3 пунктъ. Іако бы о. намѣстникъ, отнявши у своего парафіянина Уласа Галушки жону, болшъ тыждня в дому своемъ держалъ.

Отвѣтовалъ о. намѣстникъ: о той бѣлокглови, якая в дому моемъ была честно, знаеть о. протопопа борзенскій от которого мнѣ в духовенствѣ нашомъ злѣцене таковое было.

4 пунктъ, же на свѣтлій день Воскресенія Христова, вибѣгши у вечернѣ з олтара в стихари на крилосъ, Алексѣя Демьяненка побылъ.

Отвѣтовалъ о. намѣстникъ: правда, мовитъ, же я сказалъ Алексѣю: нащо церковное окно вибылъ? а Алексѣй почалъ мене зневажати, лаяти. Я ему казалъ съ церкви вийти.

5 пунктъ. Черница все лѣто сее прошлое, скинувши габытъ и взявши на себѣ одежду свѣтлую, ходитъ берегомъ в домъ о. намѣстника и ночуетъ тамъ.

Отвѣтовалъ о. намѣстникъ: то, мовитъ, неправда; если оная черница хочъ разъ ночовала, то за тое готовъ сумненем іерейскимъ поправити. Тилко случилося еднаго часу на торгу купилемъ черницкую расу за рубля, и не знаемъ, чия то раса.

Сообщилъ **И. А. Л—ко.**

Воспоминанія о бывшемъ курскомъ губернаторѣ Денѣ.

Про бывшаго курскаго губернатора генералъ-лейтенанта Дена ходитъ и теперь много разсказовъ. Старожилы помнятъ то время, когда правительственная власть принялась безпощадно искоренять злоупотребленія, и Денъ является однимъ изъ типичныхъ образовъ того времени.

Онъ страстно, иногда до утрировки, взялся прослѣдовать взятки и искоренять мошенничество.

Разсказываютъ такой случай. Ожидали Дена въ одинъ уѣздный городъ. Ожидали, разумѣется, съ торжествомъ и блескомъ. Всѣ чиновники облеклись въ мундиры и регаліи; купечество приготовило

хлѣбъ—соль; полиція осмотрѣла мосты, дороги, улицы, заборы и съ утра до поздней ночи бодрствовала. Слова «ѣдетъ Денъ», какъ электрическая искра дѣйствовали на организмы уѣзднаго чиновничества. Денъ долженъ былъ прибыть на приготовленную для него лучшую квартиру въ городѣ; предводитель дворянства пріѣхалъ встрѣтить губернатора и пригласить его къ себѣ; думали, конечно, что Денъ пріѣдетъ въ шестимѣстной каретѣ на обывательскомъ восьмерикѣ, съ фельдъегерями впереди, съ тарантасомъ, набитымъ чиновниками—ревизорами позади. На городскомъ шоссе при въѣздѣ въ городъ стоялъ квартальный надзиратель съ двумя десятскими, чтобы немедленно, какъ только завидитъ на горизонтѣ губернаторскій экипажъ, бѣжать сообщить исправнику, которому уже была готова вприженная тройка, чтобы тотчасъ летѣть на встрѣчу грозному правителю. Но прошелъ день, и Дена нѣтъ; насталъ другой—и все таки нѣтъ. Полиція—въ напряженномъ состояніи, другіе чины—тоже. А тутъ еще, какъ на бѣду, въ одномъ изъ кабачковъ произошелъ скандальчикъ. Набуянилъ какой то проходимецъ. Неизвѣстно, какъ онъ пробрался въ кабакъ, какъ смѣлъ ему цѣловальникъ водку продавать, словомъ—«проглядѣли». Разумѣется, съ этимъ буяномъ не церемонились. Помощникъ частнаго уже взялъ его за шиворотъ и хотѣлъ упрятать, но этотъ буянъ оказался малымъ бывалымъ: онъ предложилъ квартальному трехрублевку, и квартальный отпустилъ его на всѣ четыре стороны, сказавши: «Ну, чортъ съ тобой!.. Въ другой разъ не попадайся! Проѣдетъ губернаторъ, тогда безобразничай сколько угодно!»... Трехрублевку онъ спряталъ въ карманъ, а подозрительнаго человѣка отпустилъ.

На другой день поутру вдругъ разносится роковая вѣсть, что губернаторъ пріѣхалъ въ ночь, и исправникъ приказалъ полиціи быть на лицо въ губернаторской квартирѣ. Столпились всѣ въ пріемной и ожидаютъ появленія губернатора.

Вотъ дверь открылась, и на порогѣ предстала фигура Дена. Квартальному показалось почему то лицо его очень знакомымъ.

— Что за дьяволыщина, думаетъ онъ: вотъ совпаденье то!..

Денъ, быстро окинувъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, остановилъ свой быстрый взглядъ на этомъ квартальномъ.

У квартальнаго душа ушла въ пятки.

— Пожалуйте сюда... позвалъ его Денъ.

Квартальный подошелъ и вытянулся.

— Деньги съ вами? спрашиваетъ губернаторъ.

Присутствующіе рѣшительно не понимаютъ, въ чемъ дѣло. Квартальный блѣднѣетъ и молчитъ.

— Я спрашиваю, съ вами деньги? повторяетъ Денъ.

— Со мною-съ, ваше—ство... едва выговариваетъ квартальный и дрожитъ, какъ листъ.

— Позвольте три рубля...

Квартальный вынимаетъ три рубля и подаетъ Дену. Денъ прячетъ три рубля въ карманъ и совершенно спокойно, указывая квартальному на дверь, говоритъ: «пошелъ вонъ».

Квартальный исчезаетъ, и Денъ, обратившись къ исправнику и мотнувъ головой по направленію ушедшаго, проговорилъ: «прогнать».

Такимъ образомъ, подозрительный человѣкъ, съ котораго квартальный сорвалъ три рубля и который нашумѣлъ въ кабакѣ, оказался переодѣтымъ губернаторомъ.

А вотъ другой случай.

Денъ, проѣзжая по площади одного уѣзднаго города въ сопровожденіи исправника и становыхъ, замѣтилъ, что площадь покрыта вся липкой грязью.

— Отчего не принято никакихъ мѣръ къ осушенію? спрашиваетъ Денъ исправника.

— Ваше п—ство, почва твердая... это отъ вчерашняго дождя... Здѣсь даже ходить можно.

Дѣло было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

— А,—ну пройдемте...

Денъ былъ въ ботфортахъ, а исправникъ въ полусапожкахъ. И вотъ, два путешественика принялись измѣрять площадь.

Разумѣется, и тотъ и другой влѣзли по колѣна въ грязь. Исправникъ очутился въ самомъ комическомъ положеніи. Онъ едва вытаскивалъ изъ липкой глинистой почвы, превратившейся въ густое мѣсиво, свои погибшіе полусапожки. О брюкахъ и говорить нечего: они буквально были облѣплены грязью. Денъ замѣтилъ смущеніе исправника и, когда площадь была пройдена, иронически улыбнулся, посмотрѣлъ на ноги исправника и проговорилъ: «ну, нѣтъ-съ. Я бы на вашемъ мѣстѣ не рисковалъ здѣсь прогуливаться!»

Разсказываютъ, что въ семейной жизни Денъ былъ человѣкъ тяжелый и вспыльчивый, взбалмошный. Его вспышки иногда выражались и въ пріемахъ у себя обывателей.

Представлялся ему какъ то заѣзжій дворянинъ. Денъ его совершенно не зналъ. Выходитъ въ пріемную, смотритъ—незнакомый господинъ во фракѣ, перчаткахъ, бѣломъ галстухѣ.

— Чѣмъ могу служить? спрашиваетъ его Денъ.

— Такой то-съ... имѣю честь представиться вашему п—ству.

Денъ откланялся и предложилъ ему стулъ. Галантный господинъ поблагодарилъ, но не сѣлъ. Денъ усѣлся и началъ курить.

— Чѣмъ изволите заниматься? началъ разговоръ Денъ.

— Ничѣмъ, ваше п—ство...

— Какъ ничѣмъ?

— Такъ-съ... ничѣмъ-съ... имѣю состояніе... не нуждаюсь...

— Садитесь пожалуйста... опять предложилъ Денъ.

Гость раскланивается и опять не садится.

— Такъ таки нечего и не дѣлаете?

— Ровно ничего, ваше п—ство... У меня хорошее состояніе... Я ни въ чемъ не нуждаюсь... Слава Богу, избавленъ былъ отъ необходимости утруждать себя службой и наукой...

— Вотъ какъ!... замѣтилъ Денъ и опять проговорилъ: да садитесь же!..

Въ голосѣ Дена звучала уже нотка раздраженія. Ничегонедѣлатель поклонился, но не сѣлъ. Денъ вышелъ изъ себя.

— Да садитесь же, чортъ васъ возьми! вскричалъ онъ и швырнулъ ногою кресло, которое предлагалъ гостю. Гость сконфузился и отъ испуга поблагодарилъ. Денъ это замѣтилъ, понизилъ тонъ и проговорилъ уже спокойно: «Садитесь, прошу васъ; не заставляйте повторять десять разъ одно и то же; вы знаете, что въ наше либеральное время намъ приказано всякую дрянь сажать въ кресла!»...

Господинъ не могъ далѣе противиться и сѣлъ...

По разсказамъ бывшихъ сослуживцевъ Дена, онъ представлялся человѣкомъ высокой нравственности, съ характеромъ добрымъ, но вспыльчивымъ и крайне эксцентричнымъ. Существуетъ множество анекдотовъ и курьезовъ, имѣвшихъ мѣсто въ продолженіе его административной дѣятельности. За достовѣрность ихъ вполнѣ можно поручиться, такъ какъ они подтверждаются многими лицами, близко стоявшими къ этому губернатору—оригиналу. Свѣтлая сторона его дѣятельности заключается въ неусыпныхъ, энергичныхъ гоненіяхъ взяточничества, пустившаго глубокіе корни главнымъ образомъ въ нѣдрахъ откупной системы. Поэтому вся сила губернаторскаго гоненія обрушилась на чиновъ существовавшаго въ то время питейнаго отдѣленія казенной палаты и другихъ лицъ, почему либо причастныхъ къ откупному дѣлу.

Разсказываютъ, что бывшій въ то время совѣтникъ питейнаго отдѣленія даже удавился отъ страха преслѣдованія Дена. Другое же лицо купеческаго званія бѣжало изъ Курска при довольно романической обстановкѣ: спрятавшись не то въ возу съ сѣномъ, не то въ пустой бочкѣ,—въ такомъ видѣ купецъ и выѣхалъ въ Москву, гдѣ проживалъ инкогнито до тѣхъ поръ, пока Денъ не былъ переведенъ изъ Курска.

Очень многіе эпизоды жизни и дѣятельности Дена носятъ юмористическій характеръ.

Кому только неизвѣстно курьезное путешествіе губернатора на извощикѣ за поисками чорта. Денъ, чѣмъ то сильно раздраженный, вышелъ на улицу. Пройдя нѣсколько переулковъ отъ своего дома, онъ крикнулъ извощика. На вопросъ послѣдняго: «куда везти?» губернаторъ грозно крикнулъ: «къ чорту!» Испуганный извощикъ долго и безуспѣшно искалъ чорта и наконецъ привезъ своего сѣдока къ губернаторскому дому.

— Такъ вотъ гдѣ по твоему чертъ, сказалъ Денъ и, разсмѣявшись, далъ извощику 3 руб.

Другіе же эпизоды носятъ трагическій характеръ. Напр., разсказываютъ, что однажды жертвою вспыхнувшаго губернаторскаго гнѣва чуть было не сдѣлался одинъ становой приставъ, котораго за безпорядокъ при переправѣ черезъ рѣку во время путешествія по уѣздамъ Денъ приказалъ сгоряча утопить. Къ счастью, гнѣвъ губернатора скоро остылъ, и это приказаніе было отмѣнено, не будучи еще окончательно приведено въ исполненіе, хотя при этомъ бѣдному приставу пришлось таки искупаться въ холодной водѣ (дѣло было осенью). Но за то онъ получилъ отъ Дена подарокъ—100 руб. и затѣмъ всегда пользовался губернаторскими милостями и слылъ у него подъ именемъ «крестника».

Большинство распоряженій и резолюцій, дѣлаемыхъ Деномъ на бумагахъ, проникнуты истиннымъ остроуміемъ и выражаютъ мысли хотя и неожиданныя и иногда нѣсколько парадоксальныя, но большей частью разумныя и весьма полезныя для даннаго дѣла.

Вообще, за весьма немногими исключеніями, личность бывшаго губернатора оставила въ сердцахъ его сослуживцевъ теплыя, искреннія чувства, вызванныя главнымъ образомъ тѣми качествами, которыми всегда отличался покойный, какъ напр., великодушіемъ, справедливостью и страстною ненавистью ко всему беззаконному и безчестному.

Этихъ качествъ вполнѣ достаточно, чтобы искупить тѣ немногіе недостатки покойнаго, о которыхъ, къ сожалѣнію, существуютъ въ обществѣ преувеличенныя представленія.

Сообщилъ **П. В. Дворжецкій-Богдановичъ.**

Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 года.

Исполнившееся двадцатипятилѣтіе со времени польскаго возстанія 1863 года напомнило мнѣ нѣсколько мелкихъ фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ я самъ былъ тогда, въ дни своей юности, или о которыхъ знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ. Думаю, что они могутъ имѣть и общій интересъ.

Мѣсто дѣйствій, о которыхъ буду говорить, городъ и крѣпость Брестъ-Литовскъ. Какъ извѣстно, этотъ городъ, древнее Берестье, упоминается въ лѣтописяхъ еще въ XII вѣкѣ, какъ небольшой удѣлъ Волынской земли; въ 1596 году въ немъ состоялся соборъ, рѣшившій введеніе церковной уніи въ западнорусскихъ областяхъ. Въ 1832 г., по усмиреніи польскаго мятежа, императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ основать крѣпость на р. Бугѣ (западномъ), при впаденіи въ него р. Мухавца, какъ разъ на мѣстѣ г. Бреста, противъ мѣстечка Тересполя на сторонѣ царства польскаго, гдѣ въ случаѣ удачи возстанія поляки имѣли въ виду построить крѣпость противъ русскихъ. Для города пріобрѣтено было ближайшее (въ 2—3-хъ верстахъ) имѣніе помѣщицы Мержеевской, тамъ распланированъ городъ и туда присылались жители, дома которыхъ были скуплены казною, а на мѣстѣ стараго Бреста стали воздвигать грозные бастіоны, валы, верки, казармы... Уцѣлѣли только громадныя монастырскія зданія разныхъ католическихъ орденовъ — бернардиновъ, бернардинокъ, іезуитовъ, августиновъ, тринитаровъ, бригитокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя существуютъ до сихъ поръ, а нѣкоторыя были снесены въ шестидесятыхъ годахъ.

Населеніе Бреста состояло главнымъ образомъ изъ евреевъ, а затѣмъ мѣщанъ—въ небольшомъ числѣ католическаго вѣроисповѣданія, а преимущественно православныхъ, при чемъ семействъ до двадцати было такихъ, которыя устояли въ православіи во все время господства уніи, а остальныя, вмѣстѣ съ окрестнымъ сельскимъ людомъ, оставили унію и возвратились въ православіе въ 1839 году. И мѣщане, и крестьяне брестскаго и сосѣднихъ уѣздовъ гродненской гу-

бернін чисто русскаго происхожденія, малороссы, и говорятъ по малорусски съ небольшимъ мѣстнымъ оттѣнкомъ. Помѣщики же и чиновники были въ то время почти исключительно поляки-католики. Когда въ 1854 г. мой отецъ былъ назначенъ приходскимъ священникомъ въ Брестъ, тамъ было всего 3—4 чиновника русскаго происхожденія: смотритель уѣзднаго дворянскаго училища Быстровъ, смѣненный, впрочемъ, потомъ полякомъ, да два чиновника магистрата, братья А. и Н. Богатыревы. Въ городѣ не было еще даже православной церкви; приходская церковь находилась въ крѣпости, въ зданіи упраздненнаго бернардинскаго монастыря, гдѣ теперь крѣпостной клубъ. Причтъ (два священника, діаконъ и два псаломщика) жилъ въ городѣ, а для совершенія богослуженія и разныхъ требъ отправлялись въ крѣпость, священники на своихъ лошадяхъ, а остальные— по образу пѣшаго хожденія, во всякую погоду, и лѣтомъ, и зимой. Прихожане тоже по большей части ходили пѣшкомъ въ церковь, и изъ города, и изъ деревень, принадлежащихъ къ брестскому приходу. По праздничнымъ днямъ отецъ уѣзжалъ, бывало, въ крѣпость часовъ въ 6—7 утра. Послѣ обѣдни бывало много требъ, такъ какъ весь крѣпостной гарнизонъ принадлежалъ къ тому же приходу, и военной церкви не было. Не разъ случалось ѣздить въ крѣпость по два раза въ день.

Когда начался польскій мятежъ 1863 г., я уже учился въ брестскомъ дворянскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ отецъ мой былъ законоучителемъ, и я ясно помню то время. Помню живо, какую панику произвело въ немъ извѣстіе о яновской рѣзнѣ и началѣ мятежа. Въ городѣ не было никакихъ войскъ, русскихъ людей было мало, всѣ боялись нападенія поляковъ на городъ, при чемъ прежде всего, разумѣется, досталось бы православному священнику. Идя по городу, отцу не разъ приходилось получать такія привѣтствія: pop, moskal, kapusniak, произносимыя то громко, то вполголоса. Сельскіе батюшки, пріѣзжая въ городъ, часто разсказывали, что должны были по цѣлымъ суткамъ скрываться гдѣ нибудь во ржи или въ болотахъ, чтобы не быть убитыми, повѣшенными... Не разъ заходили къ намъ во дворъ какія то темныя личности, называвшіяся путешественниками, и просили чего нибудь поѣсть, или сколько нибудь денегъ, стараго платья. Замѣтивши, что попали къ русскимъ, да еще къ православному священнику, они смущались и спѣшили уйти. Мать и мы, дѣти, очень боялись ихъ прихода, особенно когда отца не было дома; намъ казалось, что они сейчасъ же насъ всѣхъ перерѣжутъ.

Каждый день приносилъ новые слухи—о новыхъ шайкахъ, хотя подъ Брестомъ большихъ не было, о стычкахъ нашихъ отрядовъ съ мятежниками, то объ арестахъ, о побѣгахъ «до лясу», то о дѣйствіяхъ разныхъ шаекъ, о подвигахъ т. наз. «жандармовъ-вѣшателей». Нѣкоторыя русскія семейства жили въ городѣ, какъ въ лагерѣ: перевезли въ крѣпость къ знакомымъ лучшія свои вещи, даже бѣлье и платье, чтобы спасти хоть что нибудь изъ движимости въ случаѣ нападенія на городъ поляковъ, во время котораго думали спасаться бѣгствомъ туда же. Слѣдственная коммиссія была завалена работою; арестантскіе казематы въ крѣпости («Бригитки») переполнены были плѣнными повстанцами. Изъ предводителей шаекъ больше всего говорили о Рогинскомъ, молодомъ человѣкѣ, отличавшемся красотою и энергіей. Поляки рисовали его какимъ то героемъ. Можно представить себѣ, какой переполохъ произвелъ въ Брестѣ слухъ о томъ, что этотъ Рогинскій пытался даже ни болѣе, ни менѣе, какъ взять Брестскую крѣпость.

Прежде чѣмъ разсказать о фактѣ, вызвавшемъ этотъ переполохъ, я долженъ замѣтить, что Брестская крѣпость представлялась въ то время далеко не такой грозной, какъ теперь, не потому, чтобъ была плохо вооружена, укрѣплена, а потому, что носила ужъ очень мирный, гражданскій характеръ. Входъ въ крѣпость и выходъ изъ нея, проѣздъ черезъ нее за Бугъ, въ царство польское, и обратно былъ дозволенъ всегда и всякому, и только послѣ вечерней зари, во время возстанія, крѣпостныя ворота запирались. Гарнизонъ крѣпостной былъ очень невеликъ, а въ городѣ и окрестностяхъ въ первое время возстанія войскъ вовсе не было... Однажды, въ самомъ началѣ 1863 года, поздно вечеромъ, раздался вдругъ въ крѣпости барабанный бой. По справкамъ оказалось, что бьютъ тревогу, такъ какъ поляки хотятъ брать крѣпость. Дѣйствительно, шайка Рогинскаго въ 3,000 человѣкъ пришла вечеромъ въ имѣніе Пелчицы, на правомъ берегу Буга, на сторонѣ крѣпости, отсюда перешла въ бродъ на лѣвый берегъ Буга и вошла въ длинную тѣнистую аллею, тянувшуюся вдоль берега Буга противъ мѣста впаденія въ него Мухавца, предполагая по этой аллеѣ пройти на цѣпной Николаевскій мостъ и отсюда ворваться въ крѣпость. Между тѣмъ движеніе шайки было замѣчено, но не въ крѣпости, какъ можно было бы предполагать, а козаками, квартировавшими въ Тересполѣ и находившимися въ то время въ разъѣздахъ. Одинъ изъ нихъ и далъ знать въ крѣпость на главную гауптвахту о приближеніи поляковъ, и дежурный офицеръ велѣлъ бить тревогу.

Солдатъ, какъ говорили, было очень мало, не всѣ даже были въ сборѣ, многіе были въ городѣ. На рукахъ оказалось только 30 ружей у солдатъ инвалидной команды, да и то безъ патроновъ. Начальства не было, всѣ почти офицеры, начиная съ коменданта крѣпости, были на балу въ городскомъ клубѣ. Взять крѣпость, хотя бы на самое короткое время, поляки могли вполнѣ, но пока въ крѣпости происходила тревога, Рогинскій отступилъ. О причинахъ этого отступленія разсказывали потомъ, яко бы со словъ Рогинскаго, слѣдующее. На правомъ берегу Мухавца въ крѣпости стояли тогда казенныя дрова; караульщики развели огонь, который еле теплился, а вокругъ царствовала полная тьма: ночь была темная, луны не было, небо покрыто было тучами. Пробираясь въ крѣпость по берегу Буга, Рогинскій принялъ еле замѣтныя вдали черныя массы дровъ за колонны солдатъ и предположилъ, что въ крѣпости только и ждутъ, когда онъ войдетъ на мостъ или перейдетъ черезъ него, чтобы или перебить всѣхъ поляковъ на самомъ мосту, или ударить на него со всѣхъ сторонъ уже въ крѣпостной цитадели и захватить цѣликомъ всю его банду, или уничтожить ее. Когда же изъ крѣпости взвились три сигнальныя ракеты, Рогинскій уже не колебался и быстро отступилъ. Между тѣмъ крѣпостное начальство узнало о тревогѣ, бросивъ кто карты, кто танцы, смущенное, возвратилось изъ города въ крѣпость. Не подлежитъ сомнѣнію, что Рогинскій не могъ бы долго удержаться въ крѣпости, но ворвавшись въ нее, успѣлъ бы забрать оружіе изъ арсенала, выпустить арестантовъ, заклепать пушки, взорвать пороховые погреба... Съ этого времени въ крѣпости начались болѣе строгіе порядки, она стала вполнѣ на военное положеніе. А. Рогинскій былъ разбитъ вскорѣ и, спасаясь отъ русскихъ, былъ схваченъ крестьянами въ пружанскомъ уѣздѣ гродненской губерніи и доставленъ въ Брестъ. Какъ говорили, во время слѣдствія онъ обращалъ на себя вниманіе своею свѣтскостью, былъ приглашаемъ обѣдать къ коменданту; говорили также, что осужденный къ ссылкѣ въ Сибирь на каторгу онъ бѣжалъ съ дороги или умеръ на пути. Не знаю, правда ли это.

Наступилъ великій постъ. Отецъ пріѣзжалъ домой изъ крѣпости поздно вечеромъ и на самое короткое время днемъ. Приходъ былъ страшно великъ, нужно было ежедневно исповѣдывать массу народа. Дни проходили еще кое какъ, но по вечерамъ, до возвращенія отца, бывало страшно, томительно. Вдругъ разнеслась по городу вѣсть, что въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье, когда всѣ православные русскіе будутъ въ крѣпости, поляки нападутъ на городъ, а потомъ

перебьютъ всѣхъ «схизматиковъ», «москалей», когда они будутъ возвращаться изъ крѣпости послѣ заутрени въ городъ. Надо сказать, что между городомъ Брестомъ и крѣпостью лежитъ широкая равнина, версты въ двѣ длиною, ничѣмъ не застроенная и представлявшая дѣйствительно удобство для исполненія подобнаго замысла. Можно себѣ представить, что почувствовали при этомъ извѣстіи мы всѣ, зная, что отцу нельзя будетъ остаться съ нами, и что мы не можемъ даже погибнуть вмѣстѣ. Жили мы тогда на самой окраинѣ города, въ домѣ инвалиднаго капитана Аѳанасьева, который самъ жилъ въ крѣпости, а въ городѣ имѣлъ три дома. Когда слухъ о предполагаемомъ нападеніи поляковъ на городъ разнесся по городу и въ крѣпости, къ намъ пріѣхалъ недѣли за 3—4 до Пасхи хозяинъ и сказалъ матери, что въ виду разныхъ слуховъ онъ для нашей безопасности и охраны домовъ пришлетъ въ великую субботу изъ своей команды десятокъ человѣкъ солдатъ. Отецъ и мать отъ души благодарили за обѣщаніе, но, какъ часто бываетъ, въ рѣшительную минуту забыли о немъ. Насталъ, наконецъ, канунъ Пасхи. Горячо простившись съ нами, отецъ вечеромъ уѣхалъ въ крѣпость, а мать съ тремя дѣтьми осталась дома. Кучеръ уѣхалъ съ отцемъ, горничная полька ушла въ костелъ, осталась дома изъ прислуги одна старуха кухарка. Младшіе братья мои легли спать; мать и я, разумѣется, и не думали о снѣ; какъ могли, разгоняли страшныя мысли, невольно приходившія въ голову, какъ могли, успокаивали другъ друга. Настала полночь. Мать начала молиться. Вдругъ раздался сильный стукъ въ ворота. Первая мысль, охватившая насъ обоихъ, была та, что это пришли поляки. Мать судорожно схватила меня и только сказала: «пусть убьютъ насъ вмѣстѣ». Между тѣмъ, стукъ продолжался, и все съ большей силой. Мать стала звать кухарку и велѣла ей выйти на крыльцо и спросить, кто и зачѣмъ стучитъ. Но кухарка, слыша стукъ и голоса у воротъ, стала плакать и кричать, что ее и всѣхъ насъ сейчасъ убьютъ поляки. Наконецъ, мать рѣшилась выйти сама. Выйдя на крыльцо во дворѣ, она окликнула стучавшихъ. «Это мы, матушка! присланы къ вамъ капитаномъ Аѳанасьевымъ»! отвѣчали за воротами. Боже мой, какая была радость! Сколько мы потомъ смѣялись, что раньше никто изъ насъ не догадался, не вспомнилъ обѣщанія хозяина. Солдатиковъ мы угостили, согрѣли, и они пошли сторожить домъ, а мы благополучно дождались отца и благополучно провели праздники. Никакого нападенія на городъ не было.

Затѣмъ въ Брестъ стали прибывать войска. Появилась артиллерія, козаки; пришли въ городъ полкъ, сначала Александрійскій, а потомъ Псковской (Кутузовскій), а въ крѣпость Брестскій, переведенный съ Кавказа. Мы вздохнули свободнѣе. Мятежъ сталъ утихать и, наконецъ, совсѣмъ прекратился.

Маркъ —евичъ.

Владиміръ-Волынское братство.

(По поводу его перваго годичнаго отчета).

На сѣверозападной окраинѣ Волыни, на границѣ Полѣсья, въ одной изъ самыхъ глухихъ мѣстностей, лежитъ у. городъ Владиміръ-Волынскій съ 8 т. жителей, въ числѣ которыхъ на 100 д. православныхъ 768 д. приходится иновѣрцевъ, главнымъ образомъ евреевъ. Удаленный отъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, городъ не славится ни торговлею, ни промыслами. Его коренное населеніе состоитъ изъ мѣщанъ земледѣльцевъ, евреевъ—мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и факторовъ, и чиновниковъ въ томъ небольшомъ числѣ, какое положено по штату незначительныхъ уѣздныхъ городовъ. Нѣтъ здѣсь ни учебныхъ заведеній (кромѣ уѣздн. училища), ни книжныхъ лавокъ, нѣтъ даже фотографіи—словомъ, ничего, что свидѣтельствовало бы о культурныхъ потребностяхъ и привычкахъ населенія. Печать вѣковой заброшенности и оскудѣнія лежитъ на этомъ забытомъ городѣ, какъ и на цѣлой округѣ его. Большинство помѣщиковъ въ уѣздѣ—поляки, живущіе замкнутою жизнью и всецѣло поглощенные заботами о томъ, какъ бы уцѣлѣть при нынѣшнемъ экономическомъ кризисѣ; русскихъ землевладѣльцевъ немного и почти всѣ—небогатые люди.

Но этотъ захудалый городъ имѣетъ блестящее прошлое. Величественныя развалины его древнихъ храмовъ, остатки замка, каждая почти пядь земли въ немъ будятъ свѣтлыя воспоминанія о тѣхъ далекихъ, невозвратныхъ временахъ, когда онъ былъ столицей громаднаго и политически могущественнаго Галицко-Владимірскаго княжества (одно время титуловавшагося даже королевствомъ) и каѳедральнымъ городомъ волынскихъ епископовъ, когда онъ служилъ центромъ просвѣщенія для громаднаго округа и когда въ немъ живымъ ключемъ била русская культурная жизнь. Въ XIV ст., съ прекращеніемъ дома Рюриковичей—потомковъ Даніила Галицкаго и съ

присоединеніемъ Волыни къ Литвѣ политическое и культурное значеніе Владиміра нѣсколько пало, но не уничтожилось совершенно. Онъ былъ низведенъ на степень повѣтоваго города, но въ немъ продолжала оставаться каѳедра владимірско-брестскихъ православныхъ епископовъ, въ немъ собирались шумные сеймики, кипѣла культурная и промышленно-торговая жизнь, и онъ по прежнему оставался русскимъ городомъ съ самоуправлявшеюся мѣщанскою общиною и тянувшимъ къ нему и часто проживавшимъ въ немъ многочисленнымъ православнымъ дворянствомъ, въ числѣ котораго были представители такихъ вліятельныхъ фамилій, какъ князья Сангушки, Чарторыйскіе, Козѣки, Ружинскіе, Булыги, Загоровскіе и мн. др.

Отъ этихъ блестящихъ эпохъ въ современномъ Владимірѣ не осталось ничего, кромѣ щемящихъ сердце воспоминаній, да еще многочисленныхъ развалинъ и остатковъ древнихъ памятниковъ, всѣми забытыхъ и постепенно уничтожаемыхъ.

Но вотъ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ изслѣдователи русской старины одинъ за другимъ стали навѣдываться въ этотъ заброшенный уголокъ, привлекаемые интересомъ къ его древностямъ. Отчасти подъ ихъ вліяніемъ, а еще болѣе, конечно, благодаря общимъ успѣхамъ историческихъ знаній, все большей распространенности ихъ въ русскомъ обществѣ и повсемѣстно пробуждающемуся вниманію и интересу къ мѣстной старинѣ,—и въ глухомъ Владимірѣ нашлись интеллигентные люди, заинтересовавшіеся исторіей родного города и оцѣнившіе значеніе сохранившихся въ немъ памятниковъ древности. Среди этихъ памятниковъ особенно выдавались величественныя развалины древняго каѳедральнаго собора, построеннаго въ XII ст. владиміро-волынскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Но Боже! въ какомъ ужасномъ небреженіи оказался этотъ священный памятникъ православія и древнерусскаго искусства, обращенный невѣждами въ конюшню и загонъ для скота!. Самый фактъ построенія этого храма древнерусскимъ княземъ и существованія при немъ въ теченіе $4^1/_2$ вѣковъ православной епископской каѳедры былъ извѣстенъ лишь немногимъ мѣстнымъ жителямъ, большинство же, въ томъ числѣ нѣкоторые даже представители правосл. духовенства, въ простотѣ невѣжества вѣрили нелѣпой сказкѣ, будто этотъ величественный храмъ былъ построенъ какимъ то латинскимъ бискупомъ. Вотъ къ какимъ печальнымъ результатамъ иногда приводитъ школьное образованіе, совсѣмъ игнорирующее мѣстную народную жизнь и ея исторію! Не въ лучшемъ положеніи оказались и другіе памятники мѣстной правосл. старины. Остатки

храмовъ заростали бурьяномъ или расчищались подъ частныя усадьбы иные лишь въ недавнее время оказались застроенными еврейскими домами; древніе предметы безслѣдно исчезали изъ церквей и по большей части попадали въ руки заграничныхъ евреевъ—антикваріевъ. Вмѣстѣ съ вещественными памятниками въ населеніи окончательно стиралась послѣдняя память о его прошлой національной жизни, предшествовавшей польскому господству въ краѣ.

Но, повторяемъ, среди владимірцевъ были уже люди, сердце которыхъ болѣло при видѣ того, какъ мерзость запустѣнія окончательно водворялась на мѣстѣ святѣ, и стали они придумывать средства, какъ бы положить ей предѣлъ. Воспользовавшись посѣщеніемъ города новоназначеннымъ въ то время губернаторомъ и епархіальнымъ архіереемъ, имъ удалось привлечь ихъ вниманіе къ мѣстнымъ памятникамъ древности, результатомъ чего явилось образованіе въ началѣ 1886 г. особой коммиссіи для историко-археологическаго изслѣдованія Мстиславова храма и выработки проекта его реставраціи. Къ участію въ занятіяхъ этой коммиссіи, между прочими, были приглашены профессора В. Б. Антоновичъ и А. В. Праховъ, подъ руководствомъ которыхъ въ томъ же году были произведены археологическія разысканія въ этомъ храмѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, при чемъ на окраинѣ города, въ уроч. «Старая каѳедра» были открыты низы древней каменной церкви постройки XII—XIII вв. Все это возбудило въ мѣстномъ обществѣ небывалый интересъ къ своей старинѣ, оживило полузабытыя преданія о прошлой жизни края,—и такимъ образомъ была подготовлена благопріятная почва для учрежденія въ г. Владимірѣ Волынскомъ прав. братства, принявшаго имя основателя города—св. князя Владиміра. Иниціаторомъ и душею всего этого дѣла былъ мѣстный землевладѣлецъ и предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Е. Н. Дверницкій, избранный въ декабрѣ 1887 г., при открытіи братства, его предсѣдателемъ.

Основанное на такой преимущественно историко-археологической почвѣ, Владимірское братство, на ряду съ общими всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ церковно-просвѣтительными задачами, поставило въ число спеціальныхъ своихъ цѣлей: а) приведеніе въ извѣстность и охраненіе мѣстныхъ древнихъ памятниковъ отъ дальнѣйшаго разрушенія и уничтоженія и вмѣстѣ изысканіе средствъ къ обновленію тѣхъ изъ древнихъ храмовъ, которые могутъ быть еще возстановлены, и б) ознакомленіе мѣстнаго населенія съ исторіей пра-

вославія и русской народности въ краѣ путемъ устройства музея, изданія популярныхъ брошюръ и др. способами.

Такова исторія Владиміро-Волынскаго братства. Теперь вотъ передъ нами печатный отчетъ о его дѣятельности за первый годъ его существованія.

Прежде всего численный составъ и нескудныя матеріальныя средства юнаго братства свидѣтельствуютъ о томъ, что общество сочувственно отнеслось къ его задачамъ. Къ концу отчетнаго года братство состояло: изъ 4-хъ почетныхъ членовъ, 33 членовъ-учредителей и 172 дѣйствительныхъ членовъ. Приходъ въ теченіе года достигъ суммы 2,536 р. 90 к., расходъ—787 р. 31 к. При этой очевидной бережливости сдѣлано, однако, весьма не мало: 1) Исправлены значительныя поврежденія въ стѣнахъ Мстиславова храма, благодаря чему явилась возможность въ лѣтнее время по воскреснымъ днямъ отправлять здѣсь литіи по почившимъ въ немъ древнимъ волынскимъ князьямъ и епископамъ; вмѣстѣ съ этимъ братствомъ возбуждено ходатайство о разрѣшеніи повсемѣстной подписки на обновленіе храма въ его первоначальномъ стилѣ. 2) Для охраненія отъ случайныхъ разрушеній остатковъ другого древняго храма, открытыхъ проф. Праховымъ въ 1886 г., построена вокругъ нихъ деревянная ограда и самыя развалины прикрыты досками для защиты отъ дождя. 3) Приступлено къ обновленію домовой епископской церкви, существовавшей нѣкогда въ каменной пристройкѣ къ Мстиславову храму. Дѣло это, помимо археологическаго интереса, имѣетъ весьма важное значеніе для города, въ которомъ находится всего лишь 2 прих. церкви—обѣ тѣсныя и холодныя. 4) Устроена братская лавка для продажи крестиковъ, образовъ, церк. утвари, букварей, книгъ и брошюръ духовнаго содержанія и относящихся къ исторіи края. 5) Въ іюлѣ 1888 г. устроено въ г. Владимірѣ торжественное чествованіе въ память 900-лѣтія крещенія Руси, при чемъ роздано народу 3,200 экз. жизнеописаній кн. Владиміра и 5,000 крестиковъ и образковъ. Наконецъ, 6) устроены и открыты братскій музей и библіотека. Послѣдняя состоитъ преимущественно изъ сочиненій, относящихся къ исторіи края. По настоящее время въ ней числится болѣе 160 книгъ и брошюръ, пріобрѣтенныхъ главнымъ образомъ путемъ пожертвованій. Крайне желательно, чтобы лица, имѣющія избытокъ книгъ, посылали ихъ въ даръ братству, небогатыя средства котораго едва ли позволятъ пріобрѣтать ихъ покупкой въ

большомъ количествѣ. Кто живалъ въ глухихъ уголкахъ нашего края тотъ знаетъ, какую цѣну имѣетъ тамъ хорошая книга.

О братскомъ музеѣ стоитъ сказать нѣсколько подробнѣе. Помѣщается онъ въ зданіи, какъ нельзя болѣе подходящемъ: въ старинной пристройкѣ къ Мстиславову храму, въ которой жили нѣкогда владимірскіе епископы и гдѣ издревле помѣщалась епископская школа, изъ которой возникло потомъ славившееся въ XVIII ст. базиліанское училище (collegium). До нынѣ въ музеѣ собрано 68 номеровъ предметовъ, 9 рукописей и нѣсколько старопечатныхъ книгъ. Всѣ предметы—строго мѣстные. Между ними много древнихъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ въ Мстиславовомъ храмѣ, въ уроч. «Старая Каѳедра», на погостахъ Васильевской и др. церквей, не мало предметовъ старинной церковной утвари, облаченій, древнихъ иконъ и т. под. Есть очень характерная картина страшнаго суда, гдѣ попадаютъ въ адъ за колдовство, за «закрутку», тѣ, «хто въ церкви дримае», жиды шинкари «за кварту неправдыву» и т. п.; всѣ грѣшники идутъ въ адъ пѣшкомъ, но «судью неправеднаго» черти везутъ въ каретѣ, и онъ, повидимому, хорошо чувствуетъ себя въ этой обстановкѣ.

Изъ числа рукописей заслуживаютъ особаго вниманія евангеліе и апостолъ XV—XVI в., украшенные превосходными заставками и заглавными буквами, раскрашенными золотомъ и красками,—обѣ изъ Загоровскаго монастыря; евангеліе XVI ст. изъ Будятычской церкви съ надписью почеркомъ начала нынѣшняго столѣтія: «сю книгу надобно подереть, ибо она униятска, а теперъ надобно росийскихъ»; ирмолой XVIII ст., въ которой между прочимъ находятся начальные стихи какой то уніатской псальмы:

„Вийду я на гороньку
На Калвариенку,
Ажъ тамъ Панъ коханий
Виситъ крижований.
Мій Христе коханий!
Хто жъ Ти завдавъ раны?...

А рядомъ—от рывокъ народной пѣсни: «Оженився Кочурина узявъ собѣ Любку»...

Изъ старопечатныхъ книгъ—одна чрезвычайно любопытна: это напрестольное славянское евангеліе средняго формата, довольно крупной печати, къ сожалѣнію безъ выходнаго листа и потому мѣсто и время его изданія неизвѣстны; но внизу по листамъ идетъ собственноручная запись жертвователя о томъ, что онъ «положилъ» это евангеліе «до церкви» св. Николая (въ с. Будятычахъ) «лета зо҃к (7072) мѣсяца марта кє҃ день», т. е. *въ 1564 г.* Запись эта по своимъ пале-

ографическимъ признакамъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея соотвѣтствія тому времени, какое въ ней означено и буквы года (7072) такъ ясно и отчетливо написаны, что иначе и прочесть ихъ нельзя. Между тѣмъ до сихъ поръ первенцемъ западнорусской печати признается Заблудовское евангеліе учительное 1569 г., первое же славянское евангеліе было издано лишь въ 1575 г. въ Вильнѣ, у бр. Мамоничей. А Будятычское евангеліе уже въ началѣ 1564 г. было пожертвовано въ церковь, слѣдовательно издано еще раньше. Признать же его изданіемъ Скорины невозможно какъ по языку (чистый славянскій языкъ), такъ равно по формату и шрифту,— въ послѣднемъ отношеніи оно болѣе всего имѣетъ сходства съ изд. Мамоничей. Предлагаемъ эту загадку вниманію историковъ западно- и южнорусскаго книгопечатанія.

Вотъ сколько полезнаго сдѣлано въ теченіе года небольшимъ кружкомъ энергичныхъ людей, съ незначительными матеріальными средствами, но съ большою любовью къ избранному дѣлу и съ вѣрою въ полезность его. Можно быть увѣреннымъ, что дѣло не ограничится достигнутымъ успѣхомъ. Лишь на дняхъ вышла въ свѣтъ прекрасно составленная предсѣдателемъ братства Е. Н. Дверницкимъ и изданная имъ въ пользу братства же весьма цѣнная брошюра «Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ», съ которою мы надѣемся познакомить читателей въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала. Сверхъ того намъ извѣстно, что братствомъ задуманъ цѣлый рядъ такихъ же популярныхъ изданій, посвященныхъ исторіи Волыни. Отъ всей души желаемъ полнаго успѣха въ его благихъ начинаніяхъ. Остается также пожелать, чтобы Владиміръ-Вол. братство скорѣе нашло себѣ подражателей и въ другихъ городахъ юго-западнаго края. Слышно, что въ Луцкѣ тоже намѣрены учредить братство. Луцкъ—такой же древній городъ какъ и Владиміръ, и памятниковъ старины въ немъ столько же; но интеллигентныхъ людей живетъ въ немъ больше, поэтому есть основаніе предполагать, что дѣла братства пошли бы въ немъ столь же, если не болѣе, успѣшно. Слѣдуетъ только пожелать, чтобы принята была въ руководство программа Владимірскаго братства, какъ вполнѣ раціональная и ведущая прямо къ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, распространять въ населеніи историческія свѣдѣнія о прошлой его жизни, уяснять и очищать затемненныя въ немъ польско-католическимъ господствомъ древнерусскія православныя преданія и тѣмъ воспитывать

въ народѣ національное самосознаніе—не есть ли это вѣрнѣйшій и наиболѣе прямой путь къ той цѣли, которая именуется возстановленіемъ православія и русской народности въ юго-западномъ и западномъ краѣ? **О. Л.**

Некрологъ.

21 мая скончался на 87 году отъ рожденія предсѣдатель кіевской археологической коммиссіи д. т. с. Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ. Покойный съ 1840 г. состоялъ инспекторомъ казенныхъ училищъ въ Кіевѣ, а съ 1843 по 1858 годъ—помощникомъ попечителя кіевскаго учебнаго округа. Въ 1857 г. М. В. Юзефовичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ кіевской археографической коммиссіи и занималъ эту должность до самой кончины. Во время его предсѣдательства въ трудахъ коммиссіи приняли участіе выдающіеся мѣстные научные дѣятели, какъ напр. П. Д. Иванишевъ, В. Б. Антоновичъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и мн. др., которыми и было издано множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ по исторіи южной Россіи. Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Кіевской Старины» редакція постарается дать подробный очеркъ дѣятельности коммиссіи за время предсѣдательства покойнаго.

Для справокъ.

Въ 1872 году по случаю столѣтней годовщины дня рожденія Василія Назаровича Каразина, столь много потрудившагося для основанія университета въ Харьковѣ, совѣтъ императорскаго харьковскаго университета, по иниціативѣ извѣстнаго писателя Григорія Петровича Данилевскаго, рѣшилъ обратиться къ высшему правительству съ ходатайствомъ объ открытіи повсемѣстной подписки на сооруженіе въ г. Харьковѣ памятника этому общественному дѣятелю. Прежде чѣмъ начать ходатайство объ этомъ дѣлѣ совѣтъ харьковскаго университета сообщилъ о своемъ намѣреніи нѣкоторымъ общественнымъ учрежденіямъ, находящимся въ г. Харьковѣ. Эти учрежденія отнеслись сочувственно къ рѣшенію совѣта, при чемъ одно изъ нихъ, а именно – харьковское губернское земское собраніе, постановленіемъ отъ 18-го ноября 1874 года, ассигновало на памятникъ В. Н. Каразину 5000 р. Независимо отъ этого, въ томъ же засѣданіи, харьковское губернское земское собраніе ассигновало 5000 р. на учрежденіе при харьковскомъ университетѣ стипендіи имени Каразина. Вслѣдствіе ходатайства харьковскаго университета, по докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, отъ 11-го апрѣля 1875 года, на открытіе повсемѣстной подписки на памятникъ Каразину и на учрежденіе

стипендіи его имени. Правила о стипендіи имени В. Н. Каразина вслѣдъ за тѣмъ были выработаны совмѣстно харьковскимъ университетомъ и харьковскимъ губернскимъ земствомъ, утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и стипендія съ тѣхъ поръ ежегодно выдается.

Что касается до подписки на памятникъ, то дѣло въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ. Сумма, пожертвованная харьковскимъ губернскимъ земствомъ, вслѣдствіе нарощенія процентами, возросла въ настоящее время приблизительно до 6500 рублей. Частныхъ пожертвованій почти не поступало. Такую скудость частныхъ пожертвованій совѣтъ харьковскаго университета объясняетъ не отсутствіемъ сочувствія въ обществѣ къ предпринятому дѣлу, а почти совершенною неизвѣстностью о существованіи Высочайше разрѣшенной подписки. Поэтому совѣтъ императорскаго харьковскаго университета, въ засѣданіи 31 мая 1888 года, рѣшилъ принять энергическія мѣры для распространенія въ обществѣ свѣдѣній объ этой подпискѣ и вообще для приведенія дѣла о сооруженіи памятника къ скорѣйшему и наилучшему окончанію Съ этою цѣлію онъ рѣшилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи изъ представителей харьковскаго университета и харьковскаго губернскаго земства особаго комитета для сбора пожертвованій и предварительныхъ сношеній и распоряженій по сооруженію памятника В. Н. Каразину.

Желая однако теперь же, не дожидаясь разрѣшенія со стороны правительства ходатайства объ особомъ комитетѣ, дать болѣе быстрое движеніе дѣлу о подпискѣ на памятникъ В. Н. Каразину, совѣтъ императорскаго харьковскаго университета въ томъ же засѣданіи, 31-го мая 1888 года, постановилъ отпечатать подписные листы и разослать ихъ различнымъ лицамъ съ просьбою оказать посильное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.

Пожертвованія принимаются въ правленіи харьковскаго университета и въ редакціи „Кіевской Старины“. Имена жертвователей будутъ своевременно опубликованы.

Библіографія.

Лучицкій И. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи. Спб. 1889. Въ 8 д., стр. 33+1 ненум.

Брошюра проф. Лучицкаго посвящена разсмотрѣнію одной изъ архаическихъ формъ землевладѣнія, отстатки которой уцѣлѣли мѣстами въ Малороссіи еще и до настоящаго времени, извѣстной въ памятникахъ юридическаго быта подъ именемъ владѣнія «сябровъ», иногда «сябровства». Вопросъ о формахъ владѣнія и пользованія землею въ южной Руси очень недавно еще считался рѣшеннымъ окончательно въ томъ смыслѣ, будто здѣсь издавна установилось и господствуетъ землевладѣніе исключительно личное, подворное, участковое. На самомъ дѣлѣ, это было только одностороннее предрѣшеніе вопроса, основанное на поверхностномъ наблюденіи и на черезчуръ неполномъ изученіи современныхъ поземенныхъ отношеній. Довольно указать, что владѣніе чиншевое, какъ особый видъ вещнаго права, въ сущности представляющій собою отдѣленіе гражданскаго права собственности на землю отъ соединенныхъ съ землевладѣніемъ политическихъ правъ, оставалось до недавняго времени совершенно неизвѣстнымъ русской наукѣ, и едва три года, какъ оно признано законодательствомъ, и то далеко не на всемъ пространствѣ его дѣйствительнаго распространенія. Не говоря о маловыясненномъ владѣніи чиншевиковъ бессарабскихъ, «резешей», о которыхъ есть по крайней мѣрѣ особыя постановленія, чиншевое владѣніе Новороссіи, извѣстное здѣсь подъ названіемъ «оторъ», не только совершенно игнорируется до сихъ поръ закономъ, но едва только отмѣчено въ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣткахъ, большею частью газетныхъ, и не вызвало еще ни одного серьезно-научнаго изслѣдованія.

Ближайшее ознакомленіе съ современными способами владѣнія землею въ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи, преимущественно

полтавской губерніи и бывшей слободской Украины, т. е. губерніи харьковской, показало, что участковое владѣніе здѣсь вовсе не исключительно, что и теперь еще существуетъ и общинное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ относительно всѣхъ вообще земель, въ другихъ оно примѣняется только къ нѣкоторымъ видамъ угодій. Едва начавшееся изученіе и обнародованіе документовъ сравнительно недавняго прошлаго, частью XVII, а болѣе XVIII в., обнаружило, что общинное землевладѣніе было въ нѣкоторыхъ частяхъ Малороссіи формою преобладающею. И все еще совершенно не выясненъ вопросъ, въ какой мѣрѣ и въ какихъ мѣстностяхъ можно допустить здѣсь переживаніе и преемственность поземельной общины, какъ учрежденія болѣе древней эпохи, а гдѣ оно составляетъ явленіе позднѣйшее, вторичное, возникшее уже на почвѣ «займанщины», когда она совершалась не отдѣльнымъ лицомъ, а административно-юридическою единицей, во время массовой колонизаціи днѣпровскаго лѣвобережья съ пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общинное пользованіе, примѣняемое только къ спеціальнымъ видамъ угодій, притомъ не съ передѣломъ участковъ, а съ общимъ трудомъ и раздѣломъ собраннаго продукта (заливные луга, болотные сѣнокосы, лозовыя заросли, камышовыя плавни и т. под.), строго обусловлено характеромъ мѣстности, а время и способъ его возникновенія и дальнѣйшихъ модификацій для каждаго отдѣльнаго случая могутъ быть совершенно различны и должны быть каждый по возможности разъ выяснены особо. Есть, наконецъ, несомнѣнные, строго констатированные факты, что общинное владѣніе, съ передѣломъ всѣхъ земель, кромѣ усадебъ, возникло едва на нашихъ глазахъ, всего какихъ нибудь десять лѣтъ назадъ, что не исключаетъ нисколько существованія здѣсь этого владѣнія, хотя быть можетъ въ совсѣмъ иныхъ формахъ, въ эпохи болѣе раннія, причемъ оно могло переходить изъ общиннаго въ личное и обратно, и не одинъ, а даже по нѣсколько разъ [1]).

---

[1]) У насъ были въ рукахъ официально завѣренныя копіи общественныхъ приговоровъ казенныхъ крестьянъ с. Иванькова и сосѣднихъ селъ иваньковской же волости, въ сѣверо-восточной части переяславскаго уѣзда, о передѣлѣ земель по душамъ. Приговоръ составленъ *въ 1879 году*, въ періодъ выдачи каз. крестьянамъ владѣнныхъ записей. О существованіи здѣсь общиннаго владѣнія и передѣловъ когда либо раньше у жителей не сохранилось воспоминанія, такъ что если и допустить его, то во всякомъ случаѣ оно смѣнилось подворнымъ очень давно, и къ 1879 г. неравномѣрность участковъ достигла поразительныхъ размѣровъ: въ рукахъ отдѣльныхъ семействъ сосредоточились владѣнія въ 90 и болѣе десятинъ, тогда какъ у

Необходимо отмѣтить, что если не самыя первыя указанія на существованіе въ южной Россіи общиннаго владѣнія, то установленіе этого факта впервые на документальныхъ данныхъ для прошлой и современной Малороссіи, принадлежитъ въ наибольшей степени г. Лучицкому. Изъ сказаннаго выше объ этой формѣ владѣнія видно между прочимъ, что относящіеся сюда случаи крайне разнообразны по времени происхожденія и по характеру, такъ что общая для всѣхъ ихъ теоретическая формула совершенно невозможна, а частныя формулы, въ неизвѣстномъ еще количествѣ, могутъ быть установлены только послѣ долгихъ и мелочныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ конкретныхъ фактовъ. Въ новой своей работѣ г. Лучицкій дѣлаетъ указаніе на строй землевладѣнія, отличающійся и отъ общиннаго, и отъ личнаго, не по формѣ только, но типически, такъ какъ основной принципъ его совсѣмъ иной, чѣмъ въ томъ и въ другомъ. Конечно, эта первая попытка изслѣдованія «сябриннаго» владѣнія, по одной уже недостаточности матеріала, едва ли можетъ дать точные отвѣты относительно происхожденія, сущности, типическихъ признаковъ и частныхъ варіантовъ «сябриннаго» владѣнія. Это очень ясно видитъ самъ авторъ, о чемъ и заявляетъ категорически.

«Въ длинной серіи вопросовъ,—говоритъ онъ съ первой же строки,—относящихся до исторіи поземельнаго строя старой Малороссіи и едва затронутыхъ наукою, вопросу о сябрахъ и сябринномъ землевладѣніи посчастливилось менѣе всего». Его не коснулись до сихъ поръ ни историки, ни изслѣдователи и издатели матеріаловъ, въ которыхъ о немъ нерѣдко упоминается, а земскіе статистики черниговской гу-

---

многихъ остались всего клочки въ 1—1½ дес. пахати, а нѣкоторые владѣли однѣми только усадьбами.—Эта мѣстность, по верховьяхъ Ильтыци (Альты) и далѣе къ Трубайлу (Трубежу), несомнѣнно была заселенною еще въ княжескій періодъ; послѣ татарскихъ разореній Иваньковъ, подъ именемъ Иванковичъ, упоминается уже очень рано въ XVI в., какъ поселеніе старинное; въ Хмельниччину и въ послѣдующее время сюда, конечно, тоже прибыли въ большомъ числѣ выходцы изъ Заднѣпровья, а поземельная организація должна была сложиться на одинаковыхъ основаніяхъ съ болѣе южными и восточными мѣстностями,—займанщинами съ общиннымъ характеромъ. Если предположить по аналогіямъ появленіе общиннаго строя и здѣсь въ моментъ самаго заселенія мѣстности или при наплывѣ въ нее сразу массы колонистовъ, то общинный типъ владѣнія съ 1879 г. явится *четвертою* или по крайней мѣрѣ *третьею* формаціею этого типа, съ неизвѣстными пока промежуточными наслоеніями; если же признать возникновеніе его десять лѣтъ назадъ явленіемъ первичнымъ, то оно оказывается, ни юридически, ни тѣмъ болѣе исторически, не соизмѣримымъ съ общиннымъ владѣніемъ въ другихъ мѣстахъ Малороссіи.

берніи, гдѣ сохранились еще мѣстами остатки этой формы владѣнія [1]), не только не дали ихъ точнаго и подробнаго описанія, но даже обошли полнымъ молчаніемъ. «Понятно, читаемъ далѣе, съ какими трудностями приходится имѣть дѣло при изслѣдованіи вопроса о сябрахъ и сябринномъ владѣніи», тѣмъ болѣе, что «изслѣдователю необходимо прежде всего отыскивать матеріалы, собирать по крупицамъ документы, разсѣянные и въ частныхъ архивахъ, и въ архивахъ различныхъ городовъ юга Россіи, а то, что издано, даетъ о предметѣ лишь слабое представленіе». Перечисливъ затѣмъ бывшіе въ его распоряженіи матеріалы, относящіеся только къ нѣкоторымъ мѣстностямъ трехъ юго-западныхъ уѣздовъ черниговской губерніи [2]), г. Лучицкій оттѣняетъ, что «новый матеріалъ, которымъ онъ могъ располагать, слишкомъ еще недостаточенъ, чтобы можно было на основаніи его прійти къ окончательному рѣшенію вопроса, слишкомъ малъ и неполонъ, чтобы выяснить всѣ стороны разсматриваемаго явленія: на нѣкоторые частные вопросы, возбужаемые при изученіи сябриннаго владѣнія, въ немъ нѣтъ данныхъ для отвѣта».

Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла, на первомъ планѣ слѣдовало бы поставить опубликованіе самаго матеріала, по возможности вполнѣ, чтобы дать возможность и другимъ изслѣдователямъ отнестись къ нему самостоятельно, а критикѣ—провѣрить самые пріемы автора при пользованіи этимъ матеріаломъ и тогда уже высказать свою оцѣнку его труда. Если г. Лучицкій находилъ по чему либо для себя неудобнымъ обнародовать свои документы отдѣльно, и вообще ранѣе основаннаго на нихъ изслѣдованія, то слѣдовало послѣднему придать большую законченность и полноту, обставивъ его при этомъ всѣми имѣвшимися въ распоряженіи автора документальными дан-

---

[1]) Они уцѣлѣли также, сколько намъ извѣстно, и въ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ боярскихъ селъ полѣсья овручскаго (напр. Толкачи-Лосинскіе въ с. Гладковичахъ).

[2]) Уѣзды черниговскій, городницкій и остерскій авторъ считаетъ западной частью „Сѣверщины“ едва ли не напрасно. Это анахронизмъ: хотя начальная лѣтопись относитъ къ области сѣверянъ Посулье, конечно, въ верхнемъ теченіи рѣки, а въ XVI еще вѣкѣ Сиверомъ именовались и мѣстности болѣе южныя, вообще дикое поле къ востоку отъ осѣдлаго Поднѣпровья, даже по верхней Ворсклѣ и Орели, но въ XVII в., особенно съ Андрусовскаго договора, когда югозападный уголъ нынѣшней черниговской губерніи (т. е. уѣзды остерскій и козелецкій) вошелъ въ составъ полка кіевскаго, названіе Сѣверщины сохранилось главнымъ образомъ за стародубскимъ полкомъ, т. е. бывшимъ повѣтомъ того же имени смоленскаго воеводства и за новгородскимъ воеводства черниговскаго.

ными, въ видѣ достаточно обширныхъ выдержекъ. Къ сожалѣнію, этому воспрепятствовало обстоятельство чисто случайное, именно помѣщеніе статьи первоначально въ журналѣ *общаго* содержанія (она напечатана въ «Сѣверн. Вѣстникѣ» 1889, кн. I и II). Такой способъ изданія работъ строго спеціальнаго содержанія, относящихся къ вопросу совершенно новому и основанныхъ на матеріалахъ неизданныхъ, представляетъ серьезныя неудобства. Онъ налагаетъ на автора цѣлый рядъ разнообразныхъ стѣсненій, напр., въ отношеніи объема статьи, а въ особенности необходимостью избѣгать переполненія ея сырымъ матеріаломъ, какъ бы ни былъ необходимъ послѣдній по существу дѣла: для средняго журнальнаго читателя, а слѣдовательно и для самого журнала, онъ представляетъ въ литературномъ смыслѣ только «балластъ», котораго и журналъ, и читатели одинаково избѣгаютъ. Журнальная статья требуетъ цѣльности, и это лишаетъ автора возможности остановиться на разсмотрѣніи вопросовъ, хотя и не входящихъ въ его прямую задачу, но *предварительное* рѣшеніе которыхъ существенно для нея необходимо. Журнальная статья требуетъ законченности, и авторъ, сознавая всю скудость наличнаго матеріала, его неполноту, недостаточность критической его провѣрки, даже собственное «малое знакомство съ современными остатками» изслѣдуемаго историческаго явленія,—вынужденъ тѣмъ не менѣе высказать, хотя бы въ умышленно неясной гипотетической формѣ, такіе выводы и обобщенія, право на которые отнюдь не вытекаетъ изъ имъ же самимъ очерченнаго положенія вопроса, изъ его же оцѣнки количества и качества документальныхъ данныхъ.

Основательность только что высказанныхъ соображеній мы въ настоящую минуту рельефнѣе всего можемъ подтвердить ссылкою на тѣ разнообразныя и немалочисленныя оговорки, какія г. Лучицкій счелъ необходимымъ предпослать своему изслѣдованію. Намъ необходимо привести ихъ, чтобы опредѣлить, чего именно мы вправѣ отъ него ожидать и требовать, въ предѣлахъ собственныхъ обѣщаній автора, хотя его обѣщанія, т. е. опредѣленіе цѣли и задачи статьи, вслѣдствіе неизбѣжной коллизіи ея *научнаго содержанія*, но вмѣстѣ съ тѣмъ *журнальнаго характера*, поневолѣ двоятся и для него самого. Въ этой статьѣ авторъ «не имѣлъ въ виду излагать всей той суммы выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ на основаніи указаннаго имъ матеріала». Цѣлью его было—«указать наиболѣе характерныя черты малорусскаго сябринаго владѣнія, изобразить нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся стороны формъ и порядковъ его». Онъ «отлагаетъ до

другого раза разсмотрѣніе того вліянія, какое оказало на сябринное землевладѣніе развитіе крупной поземельной собственности, и тѣхъ послѣдовательныхъ измѣненій, какимъ подвергся институтъ сябринства, приводившихъ то къ созданію подворной собственности, то,—въ меньшемъ числѣ случаевъ,—къ установленію общинныхъ порядковъ пользованія» [1]). Отъ разсмотрѣнія вопросовъ побочныхъ, какъ ни важны отвѣты на нихъ для главной задачи, авторъ тоже пока отказывается. «Вопросъ о сябринномъ владѣніи самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ (Sic: зачѣмъ же разрывать?) образомъ связанъ съ рядомъ вопросовъ о формахъ и характерѣ семейнаго строя старой Малороссіи, о патронимическихъ названіяхъ селъ и т. п. Вопросы эти затронуты такъ же мало, какъ и вопросъ о сябрахъ, между тѣмъ автору неизбѣжно приходится касаться ихъ. Понятно (?), что онъ вынужденъ лишь намекать на факты, подтверждающіе его выводы въ этой области: приводить ихъ всѣ, подробно доказывать ихъ,—значило бы безъ мѣры увеличить размѣры статьи и тѣмъ нарушить гармонію цѣлаго. Онъ долженъ ставить свои выводы, лишь вскользь доказывая ихъ». Всѣмъ этимъ самоограниченіямъ автора вполнѣ соотвѣтствуетъ и одно изъ опредѣленій имъ своей ближайшей цѣли, по этому опредѣленію болѣе публицистической, чѣмъ ученой. «Я имѣлъ въ виду, говоритъ онъ, дать лишь матеріалъ для будущихъ обобщеній, вѣрнѣе, *дать толчекъ* изслѣдованіямъ такого любопытнаго факта, какимъ является въ исторіи землевладѣнія сябринство».

Эта ближайшая практическая цѣль статьи, надѣемся, будетъ достигнута, оказываемъ ей и настоящей рецензіей посильное содѣйствіе, способствуя уясненію важности затронутыхъ въ ней вопросовъ и стараясь возбудить къ нимъ вниманіе. Впрочемъ, мы не имѣли бы повода говорить о нихъ въ данной формѣ, если бы, къ счастью, авторъ не опредѣлилъ своей задачи и болѣе положительными чертами, по отно-

---

[1]) Если г. Лучицкому извѣстны несомнѣнные факты послѣдняго рода, которые могутъ быть доказаны и установлены съ надлежащей точностью, то выдѣлять ихъ изъ разсмотрѣнія „сябринства“ по существу не находимъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ они указали бы его истинное значеніе и мѣсто въ ряду звеньевъ исторической цѣпи, какую представляетъ смѣна и эволюція формъ поземельной собственности. Они представили бы чрезвычайную важность, во первыхъ, для науки русской, опредѣляя естественный синтезъ враждебныхъ ученій о бытѣ родовомъ и о бытѣ общинномъ, и для исторіи земельнаго владѣнія вообще, уясняя такія далеко невполнѣ еще объясненныя организаціи, каковы, напримѣръ, шотландскіе кланы, по составу единицъ родовыя (хотя съ широкимъ допущеніемъ адопціи), а по землевладѣнію аналогичныя съ сохранившимися общинами Россіи или Индіи, въ которыхъ родовая связь совершенно

шенію къ желаемымъ прямымъ научнымъ результатамъ. Именно, онъ надѣется своимъ изслѣдованіемъ «дать болѣе или менѣе полное юридическое опредѣленіе самого института сябриннаго владѣнія въ отличіе его отъ другихъ институтовъ землевладѣнія», находя, что и на основаніи имѣющагося у него матеріала, недостатки котораго онъ самъ такъ рѣзко характеризовалъ, «теперь уже представляется возможнымъ выяснить нѣкоторыя черты сябриннаго землевладѣнія, какъ оно существовало въ Малороссіи, значительно пополнить тѣ данныя о немъ, которыя были въ разное время изданы, истолковать статьи о сябрахъ литовскаго статута и «Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ», изложить, наконецъ, нѣкоторыя формы пользованія сябринными угодьями». Посмотримъ, въ какой мѣрѣ авторъ выполнилъ самимъ имъ поставленную для себя задачу, при чемъ останемся въ границахъ сообщаемаго имъ матеріала и въ очерченныхъ имъ рамкахъ изслѣдованія: расширяя область послѣдняго или привнося въ нее новый неизданный еще матеріалъ [1]), мы вышли бы изъ предѣловъ рецензіи черезчуръ уже далеко.

Чтобы сдѣлать изложеніе болѣе яснымъ для читателей, изъ которыхъ очень многіе, навѣрно, въ первый разъ встрѣчаются съ самымъ словомъ «сябры», какъ юридическимъ терминомъ, обозначающимъ спеціальный видъ владѣнія недвижимостью, мы должны сначала формулировать какъ можно короче (хотя и опредѣленнѣе) тѣ общіе выводы, къ какимъ пришелъ г. Лучицкій, и тогда уже перейти къ болѣе подробному разсмотрѣнію его аргументаціи.

Словомъ «сябры», извѣстнымъ въ разныхъ варіантахъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, обозначаютъ членовъ одного общаго хозяйства, пайщиковъ извѣстнаго предпріятія, даже просто сосѣдей и всѣхъ вообще однообщинниковъ. Въ такомъ же смыслѣ употреблялось оно и въ Малороссіи XVIII столѣтія, хотя не всѣ оттѣнки его значенія приведены въ извѣстность. Наиболѣе близко будетъ пере-

---

отсутствуетъ. Они доказали бы намъ воочію переходъ двухъ типически различныхъ формъ и возможность ихъ сосуществованія, слѣды котораго замѣчаются въ старогерманской маркѣ, и противорѣчія которыхъ приводили иногда въ затрудненіе ея классическаго изслѣдователя, Маурера. Къ сожалѣнію, *извѣстные* до сихъ поръ факты о владѣніи нашихъ „сябровъ“ на это не даютъ указаній.

[1]) Въ распоряженіи редакціи „Кіевской Старины“ имѣются, въ числѣ другихъ неизданныхъ документовъ, и акты, упоминающіе о владѣніи сябровъ. Но говорить о нихъ будетъ удобнѣе, когда они будутъ изданы въ полномъ видѣ, на что есть надежда въ недалекомъ быть можетъ будущемъ.

дать его словомъ совладѣльцы, участники общаго владѣнія. Но не каждое общее владѣніе представляетъ собою сябровство: только позднѣйшее распространительное примѣненіе термина привело къ употребленію его и относительно общаго владѣнія, возникающаго между людьми посторонними, на договорной почвѣ. Генетически же оно соотвѣтствуетъ только такому общему владѣнію, которое возникло путемъ наслѣдованія отъ общаго предка. Осуществляется оно не въ формѣ болѣе или менѣе продолжительнаго владѣнія опредѣленною частью общаго имущества, а только въ формѣ полученія опредѣленной доли изъ суммы его доходовъ, и потому имѣетъ характеръ отвлеченнаго права, или, какъ выражается авторъ, характеръ идеальный. Долевое участіе каждаго изъ совладѣльцевъ, при дальнѣйшемъ дробленіи, опредѣляется по праву представительства, сообразно той долѣ «идеальнаго пользованія во всѣхъ безъ исключенія угодьяхъ и земляхъ сяброваго союза», какая причиталась ближайшему его предку, въ результатѣ всѣхъ предыдущихъ раздѣловъ этого пользованія, при распаденіи первоначальной семьи на отдѣльныя экономическія единицы. Участники общаго владѣнія могутъ переуступать свои доли, цѣликомъ или извѣстную ихъ часть, другимъ совладѣльцамъ, а постороннимъ лицамъ только съ согласія прочихъ сябровъ. Вслѣдствіе прогрессивнаго дробленія долей и переступокъ не конкретныхъ участковъ, а только идеальнаго долеваго участія въ общемъ пользованіи, размѣры дѣйствительнаго пользованія каждаго участника могутъ быть весьма различны, но они «пропорціональны другъ другу». Каждый изъ сябровъ, перешло ли къ нему его право путемъ наслѣдованія или по переуступкѣ съ общаго согласія, имѣетъ право голоса въ сябринныхъ собраніяхъ и въ распредѣленіи угодій. Такимъ образомъ, по г. Лучицкому, собственно подъ словомъ сябръ въ болѣе раннее время разумѣлась «семья или семейная группа, имѣющая право участія въ пользованіи угодьями, принадлежащими всей совокупности родичей, въ силу кровной связи своей съ родовою группою, связи дѣйствительной или искусственной», и обладающая другими указанными здѣсь правовыми аттрибуціями.

Упомянувъ о распространенности слова сябръ не только въ Россіи, но и у другихъ славянъ, авторъ не приводитъ однако ни одного примѣра его употребленія въ другихъ языкахъ, между тѣмъ какъ указаніе значенія его въ нихъ имѣло бы не маловажное значеніе, pro или contra, для его теоріи. Исключеніе онъ дѣлаетъ только для литовскаго языка, ссылаясь на одну изъ статей Мацѣіовскаго въ «Рус.

Бесѣдѣ», гдѣ онъ объясняетъ слово sebras и комментируетъ его извѣстнымъ литовскимъ хозяйственнымъ обычаемъ, имѣющимъ юридическій характеръ, такъ какъ sebras, первоначально безземельный принущенникъ земледѣльца—собственника, дѣлается затѣмъ соучастникомъ въ его владѣніи. Такое превращеніе у Мацѣіовскаго совершенно не мотивировано, литвинъ принимаетъ къ себѣ сябра точно изъ филантропіи, и комментарій, въ такой неточной его формѣ, самъ обличаетъ свою несостоятельность, такъ какъ этимъ путемъ невозможно опредѣлить, что именно подъ нимъ скрывается въ дѣйствительности. Но въ томъ же мѣстѣ Мацѣіовскій, хорошій знатокъ современнаго и древняго русскаго языка теоретически, употребляетъ однако слово «паробокъ» въ его польскомъ значеніи, соотвѣтствующемъ этимологіи слова отъ рабъ или «роби» и его старинному употребленію въ смыслѣ потомка раба или рабыни, позже оно значитъ батракъ, наймитъ. При такомъ пониманіи комментарій Мацѣіовскаго можетъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, что sebras дѣлался таковымъ, т. е. участникомъ владѣнія, сначала поработавъ принимающему его хозяину какъ батракъ wajkas, и когда онъ, по испытаніи, окажется благонадежнымъ, то и получаетъ права, какими пользуются wajkai [1]), дѣти. Мы готовы думать, что здѣсь имѣемъ дѣло съ усыновленіемъ, какъ однимъ изъ источниковъ возникновенія «сябровства». Такой фактъ не только не идетъ въ разрѣзъ съ общей теоріей г. Лучицкаго, а прямо говорилъ бы въ ея пользу, но авторъ, къ сожалѣнію, принялъ слово паробокъ, въ его польскомъ значеніи у Мацѣіовскаго, за однозначащее съ малорусскимъ омонимомъ этого слова, и это лишило автора возможности отыскать руководящую нить, а комментарій М—го, въ необъясненномъ видѣ представляется въ статьѣ только излишнимъ балластомъ. Автору понадобился онъ въ подтвержденіе мимоходнаго замѣчанія: «Судя по тому что говорилось о сябрахъ въ литературѣ, начало товарищества является какъ существенный аттрибутъ сябровства» [2]). Но именно это начало выступаетъ на первый планъ не только въ сохрачившихся остаткахъ сябровскаго владѣнія, но даже и въ довольно отдаленныхъ по времени фактахъ, въ родѣ тутъ же цитируемаго примѣра пользова-

[1]) Филологическое соотношеніе между wajkas и wajkai совершенно то же самое, что между чадо и др. рус. чадь=челядь, домочадцы, слуги.

[2]) Предпочитаемъ эту форму термина, вм. употребляемой авторомъ „сябринство“, потому, вопервыхъ, что она существуетъ въ самыхъ документахъ, а не скована набѣло, вовторыхъ же, она болѣе соотвѣтствуетъ общему складу той рѣчи, какою написаны относящіеся къ сябрамъ документы.

нія мельницею. Въ с. Лукашахъ переяслав. полка была на рѣкѣ запруда, устроенная козакомъ Гарбузомъ; въ 1737 г. козаки того же села, три брата Яценка, вошли съ Гарбузомъ въ сдѣлку, по которой они получаютъ отъ него право построить на его плотинѣ мельницу. Доходъ съ мельницы долженъ идти пополамъ Гарбузу и Яценкамъ, пополамъ же должны они нести издержки по содержанію плотины въ исправности. Ясно, что въ данномъ случаѣ,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—какъ и въ цѣломъ рядѣ подобныхъ, мы имѣемъ дѣло съ чисто *промышленнымъ* предпріятіемъ, основанномъ на *коммерческомъ* разсчетѣ людьми чуждыми другъ другу, не связанными родственными узами». Г. Лучицкій замѣтилъ, что начало товарищества вовсе не исчерпываетъ понятія «сябровства»,—послѣднее было значительно уже. Онъ ставитъ свое замѣчаніе въ формѣ вопроса: Можно ли примѣнить понятіе товарищества «къ порядкамъ сябринства и къ понятію о сябрѣ и сябровствѣ, какъ они существовали въ старой Малороссіи, и разъ дѣло шло о землѣ, земельныхъ отношеніяхъ»? Что отвѣтъ на такой вопросъ долженъ послѣдовать отрицательный, очевидно же изъ общаго изложенія теоріи г. Лучицкаго, какое мы сдѣлали выше; но напрасно онъ вводитъ въ основу сябровства владѣніе поземельное: только здѣсь и затѣмъ далѣе въ другихъ частныхъ случаяхъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сябровство возникало изъ договора, участіе въ пользованіи *недвижимостью* составляло *существенный* его аттрибутъ. Ни въ одномъ документѣ мы не находимъ употребленія слова сябры въ значеніи товарищей «по предпріятію», оно не получило въ южной Руси того болѣе широкаго смысла, въ какомъ изъясняетъ его Даль.

Одно изъ великорусскихъ значеній слова шабёръ, именно «сосѣдъ», ввело между прочимъ и г. Лучицкаго въ ошибку, въ силу которой онъ отождествляетъ его и у насъ со словомъ «помежникъ», вопреки прямому смыслу имъ же приводимаго текста. Въ документѣ сказано: «продалъ (земельный участокъ) такому то сябру, яко помежнику своему» (стр. 25), изъ чего ясно, что оба термина не только не однозначущи, а и несоизмѣримы. Первый относится къ соучастію во владѣніи, чѣмъ обусловливается самая продажа помимо согласія прочихъ соучастниковъ, о которомъ здѣсь не упомянуто, второй же указываетъ фактъ простаго сосѣдства, которымъ только объясняется покупка земли именно даннымъ лицамъ, по простому удобству владѣнія безъ черезполосности.

Наиболѣе характерны и соотвѣтствуютъ основнымъ положеніямъ автора факты, относящіеся къ д. Бѣликамъ, бывшей остерской сотни. Они любопытны тѣмъ, что обнимаютъ весьма значительный промежутокъ времени, съ конца XVI до второй половины XVIII в., и по нимъ возможно прослѣдить рядъ постепенныхъ измѣненій въ формахъ владѣнія. Возникло оно изъ «наданья», еще въ 1560 г., боярину Билику земель, называемыхъ Лукаревскими, что было подтверждено въ послѣдующее время неоднократно, послѣдній разъ въ 1646 году. Въ это время потомки Билика настолько умножились въ числѣ, что составляли восемь отдѣльныхъ дворовъ, но всѣ земли оставались въ ихъ общемъ владѣніи. Передѣлились они только въ началѣ XVIII в., и этотъ раздѣлъ сохранялся еще и въ 1766 году, хотя дворовъ было уже 10, но 4 изъ нихъ владѣли сообща, по два, первоначальными участками, въ размѣрѣ $^1/_8$ всѣхъ земель. Владѣніе стало однако неравномѣрнымъ, такъ какъ въ 1749 г. двѣ семьи, входившія въ составъ двора изъ 6 семействъ, продали свою часть, т. е. $^1/_3$ изъ $^2/_8$; какъ относительно этой продажи, такъ и другой, гдѣ была отчуждена $^1/_8$ владѣнія въ полномъ составѣ, авторъ не упоминаетъ, состоялось ли отчужденіе въ пользу соучастниковъ или постороннихъ лицъ. Онъ приводитъ только условіе продажи, изъ котораго видно, что уступалось не опредѣленное, отграниченное пространство, а только право участія въ извѣстномъ размѣрѣ, т. е. угодья оставались de facto неразмежеванными.

Мы изложили свѣдѣнія о д. Бѣликахъ довольно подробно, такъ какъ самъ авторъ, съ «очевидностью» усматриваетъ въ немъ «типическій случай сябринаго владѣнія, основаннаго на родственномъ, кровномъ началѣ» (стр. 17). Не излагая другого сходнаго случая, относящагося къ владѣнію околичныхъ овручскихъ шляхтичей кубилинскихъ, такъ какъ документы о немъ напечатаны вполнѣ[1]), приведемъ еще замѣчаніе автора, что «начало кровной связи, лежащее въ основѣ сябринаго владѣнія въ этихъ примѣрахъ, выступаетъ рѣшительно во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ нимъ» (18). Такъ ли это, сейчасъ увидимъ. Начнемъ съ «пропорціональности» правъ отдѣльныхъ семей или ихъ группъ, дворовъ, къ которой авторъ возвращается еще разъ подробнѣе (29—30). Здѣсь онъ приводитъ изъ Рум. описи подробныя цифровыя данныя о размѣрахъ владѣнія каждой группы въ 6 поселеніяхъ козаковъ.

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р., ч. IV, т. I, № XII и др.

Прежде всего замѣтимъ, что мѣрою здѣсь обозначена только пахатная земля, такъ какъ лѣса, рыбныя ловли и т. п., остаются въ общемъ пользованіи; при этомъ возможно допустить, что размѣры послѣдняго были соотвѣтственны участкамъ пахати, или же участіе въ немъ было болѣе равномѣрнымъ. Въ Бѣликахъ мы только что видѣли чистый примѣръ раздѣла на основаніи *представительства*, т. е. начала кровнаго; сначала все владѣніе распалось на 8 долей, затѣмъ отъ одной изъ нихъ отдѣлена еще треть. Это и будетъ ясно, если выразимъ размѣры права участія позднѣйшаго времени въ дробяхъ: не менѣе шести группъ (изъ 10 дворовъ 1766 г., при чемъ 2 группы по 2 двора) владѣютъ по $^1/_8$, одна $^1/_{12}$ ($^2/_{24}$), еще одна $^1/_{24}$ или же эта доля пріобрѣтена остальнымъ соучастникомъ, и тогда у него будетъ $^1/_6$ ($^1/_8 + ^1/_{24} = ^4/_{24}$). Процессъ правильнаго дробленія здѣсь ясенъ изъ того, что знаменатель наименьшей доли будетъ *кратнымъ* для прочихъ. Такой пріемъ разсчета представляется единственно правильнымъ, и онъ только обнаружитъ постепенность дѣлежей и основанія ихъ «пропорціональности». Нѣкоторые примѣры изъ 6 поселковъ приводимыхъ у г. Лучицкаго вполнѣ эту провѣрку выдерживаютъ. Въ д. Манкахъ 3 двора; два въ числѣ 7 семействъ, имѣютъ сообща 20 «чвертокъ» поля, остальной, въ 4 семьи, 12 чв., т. е. $^5/_8$ и $^3/_8$. Очевидно, что здѣсь раздѣлъ произошелъ согласно схемѣ г. Лучицкаго, притомъ процессъ могъ быть двоякій: или въ самый моментъ дѣлежа въ первой группѣ было 5 равноправныхъ семей, а во второй 3, или же владѣніе распалось сначала пополамъ, а потомъ вторая группа уступила первой $^1/_4$ своей доли, т. е. $^1/_8$ всего владѣнія. Въ Галковѣ дворовъ 3; у перваго (3 сем.) 18 чвертокъ, у двухъ (3 и 2 семьи) по 6; здѣсь тоже могло случиться разно: или первый дворъ представлялъ уже при дѣлежѣ 3 семьи высшаго порядка и получилъ $^3/_5$, остальные же по одной; или же процессъ могъ имѣть такой видъ:все владѣніе раздѣлилось сначала пополамъ, затѣмъ первая группа пріобрѣла отъ второй $^1/_5$ ея права ($^1/_2 + ^1/_{10} = ^3/_5$), и вторая еще позже раздѣлилась на двѣ (по $^2/_{10}$ изъ оставшихся $^4/_{10}$). Не обременяя изложенія дальнѣйшими выкладками, замѣтимъ, что схемѣ дѣлежа по представительству удовлетворяютъ еще одни Неданчичи, гдѣ процессъ дѣленія, хотя гораздо болѣе сложный, можетъ быть какъ нибудь выясненъ; въ трехъ же прочихъ поселкахъ это оказывается невозможнымъ, такъ какъ знаменателемъ наименьшей доли являются числа: 17, 67 и 79, некратныя ни для какихъ другихъ; при этомъ они превышаютъ наличное число семействъ, такъ что

происхожденіе ихъ совершенно необъяснимо. Можетъ быть, въ цифрахъ по с. Мысамъ есть описка или опечатка, можетъ быть, мы сами ошибаемся; но пока г. Лучицкій не выяснитъ намъ, какимъ путемъ образовалось здѣсь у одного пятисемейнаго двора, при общемъ ихъ числѣ 8 (всѣхъ семей 29), владѣніе въ 1 чвертку, когда всей пахати чвертокъ 79,—его теорія раздѣловъ *на кровномъ началѣ представительства* представляется болѣе чѣмъ спорною...

Но возвратимся еще къ «типическому» владѣнію въ Бѣликахъ. Почему именно 8 его дворовъ еще въ 1646 году владѣли сообща, а потомъ подѣлились? Ни автору, ни намъ это неизвѣстно, самый фактъ дѣлежа могъ быть вызванъ обстоятельствами чисто случайными; но причину того, что они не дѣлились *раньше*, мы можемъ указать почти съ полною достовѣрностью. Дѣло въ томъ, что Лукаревская земля была *надана* Бѣлику, а слѣдовательно самое владѣніе ею было обусловлено повинностью; не видѣвши даже самихъ привилегій, оставленныхъ г. Лучицкимъ неизданными, все таки осмѣливаемся утверждать, что наданье земли сопровождается здѣсь, какъ во всѣхъ прочихъ подобныхъ случаяхъ, формулою: «а онъ намъ съ того служити маетъ». Служба бояръ остерскихъ, какъ пограничныхъ, могла быть только военною, «конемъ», т. е. Лукаревская земля, во первыхъ, была неотчуждаемою въ постороннія руки по Статуту, а во вторыхъ съ нея долженъ былъ являться своимъ коштомъ вооруженный всадникъ, сколько бы потомковъ Билика не владѣли ею впослѣдствіи. Право шляхетства, земское, при которомъ позже можно было свободно распоряжаться имѣніемъ, имъ до самой Хмельниччины не досталось, и держало ихъ вкупѣ начало не родовое, а *налоговое*, феодальнаго характера. Этотъ то очень важный юридическій моментъ авторомъ совершенно упущенъ изъ виду, а онъ бы, можетъ быть, пролилъ совсѣмъ иной свѣтъ и на самое происхожденіе сябровства въ типической формѣ его. Если оно возникало и позже, притомъ не у полѣсскихъ бояръ, остерскихъ или овручскихъ, а южнѣе, на займанщинахъ, то здѣсь и нужно искать примѣровъ въ подтвержденіе, что типическая форма его именно такова, какъ изображаетъ ее авторъ, что оно имѣло тотъ же видъ и помимо давленія *извнѣ*.

Къ сожалѣнію, эти вопросы остаются не только безъ отвѣта, но даже не поставлены, какъ не поставлено и экономическое вліяніе условій мѣстности. Очень можетъ быть, что сябровство позднѣйшее, не-боярское, возникало все таки только тамъ, гдѣ во владѣніи сябровъ были напр. только обширные лѣса, дѣлить которые между со-

наслѣдниками было крайне затруднительно, пахать нужно было сначала расчистить, «вытеребить», «проробить». Тогда для объясненія его необходимо прибѣгнуть и къ началу *трудовому*, которымъ однимъ только и можно объяснить пахатные участки подворнаго пользованія въ $^1/_{10}$, какъ «проробки», при болѣе равномѣрномъ для каждаго правѣ производить ихъ въ объемѣ представительства кровнаго.

Ставя эти вопросы, мы нисколько не умаляемъ значенія работы г. Лучицкаго, какъ «толчка изслѣдованіямъ такого любопытнаго факта, какимъ является въ исторіи землевладѣнія сябринство». «Матеріала же для будущихъ изслѣдованій», сравнительно съ объемомъ собраннаго уже авторомъ, оно даетъ несоразмѣрно мало. Смѣемъ даже думать, что въ значеніи только «толчка», статья, какъ журнальная, выиграла бы, если бы она была еще менѣе обременена мелкими деталями. Остается желать и надѣяться, что почтенный авторъ, съ такимъ живымъ интересомъ относящійся къ предмету своихъ изслѣдованій, не замедлитъ познакомить читателей съ имѣющимися у него любопытными фактическими данными во всей ихъ полнотѣ, а при обработкѣ ихъ приметъ также во вниманіе и законодательныя постановленія, и характеръ свободнаго крестьянскаго владѣнія въ королевскихъ имѣніяхъ Полѣсья, по многочисленнымъ изданнымъ уже документамъ изъ эпохи *предъ* введеніемъ «уставы о волокахъ». До сихъ же поръ онъ, по его собственному выраженію, если и «записалъ первыя буквы въ чистой еще страницѣ въ исторіи южно-русскаго права»,—то какія затѣмъ будутъ соотвѣтствовать этимъ буквамъ слова или даже первые ихъ слоги,—предугадать трудно.

Ив. Новицкій.

P. S. Еще одно мимоходное замѣчаніе. Авторъ «Сябровъ» довольно сильно упрекаетъ составителя «Обозрѣнія Румянцевской описи» въ цѣломъ рядѣ неточностей, какъ бы имѣющихъ систематическій характеръ. Зная строгую внимательность къ матеріалу обоихъ, мы можемъ допустить развѣ недоразумѣніе. Извѣстно, что нѣкоторыя части описи сохранились вдвойнѣ, въ черновыхъ и бѣловыхъ спискахъ. Третій ея изслѣдователь, г. Филимоновъ, утверждаетъ, что они между собою часто несогласны. Не происходитъ ли разногласіе г. Лучицкаго съ г. Лазаревскимъ отъ того только, что они пользовались разными списками? Желательно бы это выяснить.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ 6, 1888 г. Выпускъ 7, 1889 г. Тифлисъ.

Съ похвальною настойчивостью продолжаетъ Управленіе кавказскаго учебнаго округа свое полезное предпріятіе: всестороннее описаніе мѣстностей, входящихъ въ составъ округа. И дѣло идетъ сравнительно успѣшно, именно потому, что ведется безъ большихъ притязаній: собранные матеріалы печатаются безъ особенной системы, просто по мѣрѣ ихъ поступленія въ округъ. Это и понятно. Главными дѣятелями являются преподаватели среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній края, людъ, какъ извѣстно, очень занятый прямымъ своимъ, педагогическимъ дѣломъ и потому не имѣющій возможности предоставить много времени такому сравнительно постороннему дѣлу, какъ составленіе статей для вышеуказаннаго сборника. Кромѣ того, къ работамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно учителей и воспитанниковъ [1]) низшихъ учебныхъ заведеній, слѣдовательно не получившихъ высшаго образованія, нельзя и предъявлять слишкомъ высокихъ требованій... И тѣмъ не менѣе, нельзя не удивляться, какъ, не смотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, въ краѣ, не имѣющемъ своего университета, а потому лишенномъ высшихъ научныхъ силъ, успѣшно идетъ такое основательное изданіе, какъ названный сборникъ, шестой и седьмой выпуски котораго у насъ предъ глазами. Если мы къ тому же прибавимъ, что эти «выпуски» — собственно говоря цѣлые томы листовъ въ 30—35 каждый, то невольно должны подивиться усердію и трудолюбію, а иногда и даровитости, педагогическаго состава кавказскаго учебнаго округа. Правда, въ «сборникѣ» весьма много такъ называемаго сыраго матеріала, еще необработаннаго, немало статей, составленныхъ, быть можетъ, довольно бѣгло и такъ сказать, легковѣсно, и не соотвѣтствующихъ сколько нибудь строгимъ требованіямъ науки; но за то немало и дѣйствительно цѣнныхъ вещей, за которыя нельзя не сказать великаго спасибо почтенной редакціи сборника.

Въ предлежащихъ выпускахъ есть нѣсколько статей, небезынтересныхъ для читателей «Кіевской Старины»; таковы, напр., тѣ работы, въ которыхъ заключаются описанія различныхъ станицъ Кубанской области, а также статьи, имѣющія непосредственное отношеніе къ южной Россіи, какова, наприм., слѣдующая: Страничка изъ

[1]) Есть и такіе авторы, особенно изъ учениковъ учительскихъ семинарій.

жизни грузинъ—поселенцевъ въ Малороссіи. Къ исторіи колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи, учителя П. Оедоровскаго. Хотя замѣтка эта (156—163) стр. даетъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по нѣсколько притязательному заглавію, но все таки читается она не безъ интереса и не лишена вообще значенія, тѣмъ болѣе, что составлена по документамъ архива Малороссійской коллегіи, хранящагося при харьковскомъ университетѣ. Въ 7 выпускѣ находятся слѣдующія описанія станицъ Кубанской области: *Станица Отрадная*, учителя Д. Иванова (10—40 стр.). Станица *Разшеватская*, учителя К. Живила (41—98 стр); Станица *Самурская*, воспитанника кубанской учительской семинаріи В. Кобеляцкаго (99—122); Станица *Бесленеевская*, учителя П. Близнюкова (133—152). Нѣкоторыя изъ этихъ описаній сдѣланы довольно бѣгло, хотя и всесторонне, другія нѣсколько пообстоятельнѣе; общее понятіе о предметѣ читатель, конечно, получаетъ, но иной разъ трудно удержаться отъ выраженія досады, когда видишь почти полное отсутствіе такого важнаго этнографическаго матеріала, какъ пѣсни, сказки и пр., вмѣсто чего встрѣчаешь только общія мѣста и фразы. Таковы именно двѣ послѣднія статьи, совершенно свободныя отъ этого богатаго матеріала. Правда въ статьѣ г. Близнюкова есть отдѣлъ «Пѣсни» (151—152 стр.), но въ немъ, вмѣсто самыхъ пѣсенъ, приведено лишь общее описаніе ихъ сюжетовъ...., не смотря на то, что самъ составитель статьи замѣчаетъ: «Бытовыхъ пѣсенъ, относящихся къ различнымъ сторонамъ жизни, *здѣсь очень много*. Между этими пѣснями большой интересъ представляютъ свадебныя.... Военныя пѣсни изображаютъ печальную участь козака, отправляющагося на службу. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ рисуется горькое положеніе оставшихся при домѣ стариковъ—родителей или безпомощныхъ женъ съ малыми дѣтьми». А между тѣмъ, несмотря на это одобрительное мнѣніе о пѣсняхъ, составитель, какъ нарочно, не привелъ рѣшительно ни одной, словно бы хотѣлъ только раздразнить читателя.... Описаніе праздничныхъ обрядовъ у г. Близнюкова тоже не отличается обстоятельностію. Нѣкоторыя подробности, впрочемъ, очень любопытны, такъ какъ указываютъ живучесть южнорусскаго обряда при совершенно новыхъ условіяхъ жизни и обстановки. Такова, напр., приводимая составителемъ рождественская пѣсенка мальчиковъ, поздравляющихъ съ праздникомъ, пѣсенка, столь распространенная у насъ въ Малороссіи:

Я маленькій хлопчикъ
Взлѣзъ на столбчикъ,

У дудочку играю
Христа забавляю,
А хозяина съ хозяюшкой
Съ праздникомъ поздравляю.

Канунъ Новаго года и на Кубани носитъ названіе «Щедраго вечера», и между кушаньями, которыми такъ изобилуетъ день Новаго года, упоминаются составителемъ и знаменитые южнорусскіе «вареники», занимающіе, по его словамъ, *первое мѣсто*. «Въ семикъ дѣвицы отправляются въ лѣсъ и завиваютъ вѣнки; съ вѣнками на головахъ и вѣтвями въ рукахъ собираются гдѣ нибудь въ лѣсу вокругъ небольшаго деревца и водятъ хороводы». Затѣмъ идетъ сравнительно довольно подробное описаніе семицкихъ празднествъ, но, наприм., канунъ Иванова дня совершенно не описанъ: о немъ только упомянуто, какъ о «вечерѣ, соединенномъ съ повѣрьями и обрядами языческаго характера». **А. Степовичъ.**

Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г. проф. Д. И. Багалѣемъ. Харьковъ. 1889 г.

Это новый небольшой трудъ проф. Багалѣя изъ цѣлаго ряда работъ его по исторіи колонизаціи южной Россіи; онъ интересенъ для насъ, какъ по тому, что намѣчаетъ, хотя отчасти, содержаніе имѣющаго выйти въ свѣтъ втораго тома «Очерковъ изъ исторіи, колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства», такъ и вообще по своимъ новымъ любопытнымъ даннымъ о матеріальной и духовной культурѣ переселенцевъ. Сущность настоящей рѣчи заключается въ краткомъ напоминаніи въ началѣ ея фактовъ изъ внѣшней исторіи колонизаціи, изложенной въ 1-мъ томѣ «Очерковъ», съ которымъ мы познакомили уже читателей. Подробно авторъ останавливается на обрисовкѣ культурнаго состоянія населенія, отмѣчая, что развитіе этого состоянія задерживалось въ первое время оборонительными войнами съ татарами, внутренними смутами въ сосѣднихъ областяхъ и физическими бѣдствіями. Съ переходомъ въ мирное положеніе культурное состояніе общества въ концѣ XVIII вѣка и началѣ XIX-го начинаетъ быстро развиваться; земледѣліе, садоводство, шелководство, табаководство, огородничетаво, винокуреніе, гонка смолы, скотоводство, пчеловодство, добываніе соли и проч., а также ремесла и торговля принимаютъ широкіе размѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ

пробуждается и стремленіе къ образованію; открывается масса народныхъ церковно-приходскихъ школъ; за недостаткомъ постоянныхъ учителей создается институтъ странствующихъ (мандрованныхъ); какъ высшее всесословное учебное заведеніе, возникаетъ харьковскій коллегіумъ, воспитавшій многихъ общественныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, литературы и практической жизни; вліяніе коллегіума на мѣстное общество было весьма велико, не мало содѣйствовалъ поднятію общественнаго духа и украинскій философъ Г. С. Сковорода, который своимъ общеніемъ съ народомъ далъ большое распространеніе своей религіозно-нравственной проповѣди. Религіозно-нравственное настроеніе общества выразилось также и въ заботахъ его о монастыряхъ, храмахъ, причтахъ, церковныхъ братствахъ и госпиталяхъ. Таково было состояніе мѣстнаго общества предъ открытіемъ университета. Особенно подробно авторъ говоритъ о матеріальной культурѣ края, но глубоко прочувствованы его слова о духовной, и эта послѣдняя часть лучшая въ рѣчи. Тѣмъ не менѣе однако же, упоминая имя В. Н. Каразина въ началѣ и концѣ рѣчи, призывая общество почтить его память, какъ основателя университета, авторъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ характеристику его дѣятельности и лишь мимоходомъ называетъ его виновникомъ основанія харьковскаго университета. Другимъ немаловажнымъ пробѣломъ въ рѣчи мы считаемъ то, что авторъ, говоря очень подробно о культурѣ малорусской народности, совершенно обходитъ молчаніемъ вліяніе великорусской, и только въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ въ двухъ словахъ, что оно выразилось въ сферѣ промышленности и торговли. Отдѣльную обрисовку сѣверно-русской культуры, какова бы она ни была, авторъ также упускаетъ изъ виду, а между тѣмъ указаніе на характерныя особенности каждой національности и ихъ взаимодѣйствіе было и интересно, и нелишне. Не есть ли это упущеніе слѣдствіе спѣшнаго приготовленія рѣчи, отразившагося отчасти и на внѣшней формѣ ея?

И. Каманинъ.

И. И. Любовичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ. Варшава. 1888 г.

Основная мысль настоящаго небольшаго труда г. Любовича слѣдующая: въ Польшѣ, въ первой половинѣ XVI вѣка стало быстро развиваться реформаціонное движеніе. Папы обратили вниманіе на это явленіе и съ 1555 г. стали посылать въ Польшу нунціевъ; дѣя-

тельность послѣднихъ возбудила энергію католическаго духовенства и создала католическую реакцію противъ протестантовъ. Іезуиты, хотя и появляются въ Польшѣ около этого же времени, однако не были первыми дѣятелями въ этой реакціи; принимая же во вниманіе основаніе іезуитами своихъ коллегій, преимущественно въ русскихъ областяхъ, донесенія ихъ въ Римъ объ успѣхахъ ихъ борьбы съ еретиками и поддержку, оказываемую имъ королемъ Стефаномъ-Баторіемъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что борьба съ протестантизмомъ не составляетъ главной задачи іезуитовъ въ Польшѣ, а что они были призваны королемъ для выполненія его политическихъ цѣлей: окатоличеніемъ Руси Баторій хотѣлъ упрочить сліяніе ея съ Польшей или, выражаясь словами автора, «ему хотѣлось покорить Русь оружіемъ іезуитовъ». Г. Любовичъ основываетъ свои выводы на неизданныхъ документахъ Ватиканскаго архива. Но согласиться съ высказанной авторомъ мыслью рѣшительно невозможно, во 1-хъ потому, что хотя въ своихъ донесеніяхъ іезуиты и говорятъ объ успѣхахъ среди православныхъ, но эти успѣхи могутъ быть явленіемъ совершенно случайнымъ, хотя и не рѣдкимъ во время борьбы ихъ съ протестантизмомъ; выборъ авторомъ донесеній исключительно о борьбѣ ихъ съ православіемъ, оставляя въ сторонѣ все количество донесеній и данныхъ о борьбѣ съ протестантами, безъ указанія на численное отношеніе однихъ къ другимъ, будетъ натяжкой; въ 2 хъ, такъ какъ протестантизмъ въ концѣ XVI вѣка былъ силенъ еще въ сѣверо-западной Руси, гдѣ появляются также и первыя іезуитскія коллегіи, а въ началѣ XVII вѣка онъ усиливается въ юго-западной Руси, куда іезуиты также переходятъ въ это лишь время, то изъ совпаденія времени развитія протестантизма на сѣверѣ и югѣ западной Руси со временемъ открытія тамъ же іезуитскихъ коллегій должно, напротивъ, сдѣлать заключеніе, что іезуиты то и были главными борцами съ протестантскими сектами; конечно, они не могли не обращать вниманія и на православіе, но въ подавленіи его и подготовкѣ уніи не играютъ первенствующей роли; въ этомъ случаѣ іезуиты пользуются лишь благопріятными обстоятельствами. Если автору впослѣдствіи и удастся доказать высказанную имъ теперь мысль, то въ настоящей брошюрѣ онъ не представляетъ основательныхъ доводовъ, и мы по прежнему думаемъ, что приписываемый имъ дѣятельности іезуитовъ въ XVI вѣкѣ политическій характеръ обнаруживается лишь въ XVII вѣкѣ.

И. Каманинъ.

Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 годъ. Кременчугъ. 1888 г. 76 стр.

Лежащій предъ нами «Очеркъ *о результатахъ* (*результатовъ*?) дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за 16 лѣтъ» составленъ нынѣшней городской управой собственно для гласныхъ думы; но онъ не лишенъ интереса вообще, такъ какъ болѣе или менѣе погружаетъ читателя въ жизнь большаго уѣзднаго города южной Россіи. Можно только пожалѣть, что составители не расширили немного взгляда на свое дѣло и не привели для сравненія данныхъ изъ бюджетовъ хоть бы сосѣднихъ городовъ. Другой важный недостатокъ «Очерка» тотъ, что составители его упустили изъ виду точныя хронологическія указанія. Вѣдь дѣятельность городскаго самоуправленія обнимаетъ цѣлыхъ 16 лѣтъ, отчего же не показать, въ какомъ именно порядкѣ достигались извѣстные результаты? Или, если группировка данныхъ не хронологическая, то отчего бы не обозначить времени при каждомъ фактѣ отдѣльно? Возьмемъ для примѣра хоть бы постройку реальнаго училища. Зданіе громадное, обошедшееся городу въ 168,054 р. 63 к., едва ли не лучшее изъ всѣхъ зданій реальныхъ училищъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ; въ «Очеркѣ» сказано, сколько городъ заплатилъ за мѣсто, на которомъ возведено зданіе; сколько за лучшій по конкурсу проектъ постройки, сколько за наблюденіе архитектору, сколько гдѣ сдѣлано займовъ для постройки,—и ни слова о томъ, когда начата постройка, когда она окончена, когда перебралось заведеніе въ новое зданіе и проч. И такъ во всемъ. А между тѣмъ труда на подобныя справки нужно было употребить очень мало, дѣло же много бы выиграло. У самихъ гласныхъ кременчугской думы не у всѣхъ на памяти протекли эти 16 лѣтъ: есть между ними, вѣроятно, люди молодые, есть едва обжившіеся въ городѣ; всѣхъ ихъ, какъ и постороннихъ читателей, полезно было бы ближе ознакомить съ дѣломъ.

Отчетъ начинается съ 1872 года, такъ какъ съ этого именно времени стало дѣйствовать въ Кременчугѣ новое городовое положеніе (первое засѣданіе городской думы по новому положенію было 9 сентября 1871 года). Авторы «Очерка» дѣлятъ 16-лѣтній періодъ на двѣ весьма неравныя части: 13 лѣтъ до 1885 года и 3 года послѣднихъ. «Такое раздѣленіе управа находитъ необходимымъ вслѣдствіе того, что въ первое время городское управленіе, принимая на себя

разнаго рода обязательства и производя серьезныя затраты на разныя сооруженія, какъ напримѣръ, на постройку и пріобрѣтеніе помѣщеній для реальнаго училища, женской гимназіи и проч., имѣло въ виду не матеріальныя выгоды города а лишь исключительно удовлетворить насущныя потребности населенія. За тѣмъ въ послѣдніе три года, въ заботахъ городскаго управленія преслѣдуется не только цѣль удовлетворить потребности настоящаго времени, но и желаніе, чтобы тѣ мѣропріятія и разнаго рода сооруженія, для исполненія которыхъ сдѣланы денежныя затраты, могли дать такія матеріальныя для города выгоды, которыя въ ближайшемъ времени окупили бы произведенную на нихъ издержку, а затѣмъ послужили бы источникомъ для покрытія ежегодныхъ крупныхъ дефицитовъ» («Очеркъ», стр. 2—3), Почему же дѣятельность городскаго управленія измѣняетъ свое направленіе именно съ 1885 года? Просто потому, что съ этого времени вступаетъ въ должность городскаго головы новое лицо. Послѣднее обстоятельство давало бы немного неблагопріятную окраску плану составителей «Очерка», если бы въ немъ цифры не говорили сами за себя и за новаго городскаго голову. Дѣйствительно, всякому читателю бросается въ глаза огромный прогрессъ въ благоустройствѣ города въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ. Весьма остроумно изыскиваются новые источники доходовъ, дѣлаются займы, но капиталъ, помѣщенный въ разныя сооруженія, даетъ отъ 10 до 34% чистой прибыли; благоустройство города быстро двигается впередъ [1])

Что же однако городъ сдѣлалъ для себя за это время?

До новаго городоваго положенія, при сорокатысячномъ населеніи, въ городѣ было одно уѣздное училище съ комплектомъ въ 100 человѣкъ, одно приходское училище и женская трехклассная прогимназія. Изъ городскихъ средствъ расходовалось на содержаніе всѣхъ учебныхъ заведеній 5,936 р. 12 к. Въ посадѣ Крюковѣ, составляющемъ заднѣпровскую часть города, имѣющемъ болѣе 5,000 населенія не было ни одного учебнаго заведенія. Съ 1872 года городъ прибавилъ: въ Крюковѣ народное, мужское и женское, училище, въ Кременчугѣ 2 народныхъ училища, изъ трехклассной женской прогимназіи сдѣлалъ восьмиклассную гимназію; открылъ реальное семиклассное училище. На все это городъ истратилъ за 13 лѣтъ до 1885

[1]) Не будетъ нескромностью съ нашей стороны назвать имя г. кременчугскаго городскаго головы. Это А. Ф. Дыдеревъ, о которомъ весною прошлаго года писалось во многихъ газетныхъ корреспонденціяхъ, какъ о человѣкѣ, энергіи и распорядительности котораго городъ былъ обязанъ спасеніемъ отъ наводненія.

года 575,253 р. 43 к., или по 44,250 р. 26 к. въ годъ. Въ послѣдніе три года сверхъ этой суммы затрачено еще 7699 р. 90 к. на пристройку къ зданію женской гимназіи.

Несмотря на собственныя городскія каменоломни, городъ до введенія городоваго положенія утопалъ въ грязи. За 16 лѣтъ самоуправленія издержано городомъ 136,238 р. 84 к., на замощеніе улицъ и площадей, въ томъ числѣ 32,946 р. 76 к. затрачено въ три послѣдніе года. Вслѣдствіе перехода каменоломенъ въ эти годы изъ рукъ откупщиковъ въ завѣдываніе городской управы, при чемъ послѣдняя провела отъ каменоломенъ до вокзала конножелѣзную дорогу, цѣна камня понизилась какъ для общественнаго хозяйства, такъ и для частныхъ построекъ. Прежде Кременчугъ отличался отсутствіемъ всякой растительности; при частыхъ и продолжительныхъ лѣтнихъ вѣтрахъ, на улицахъ свѣту Божьяго не видно было отъ пыли и песку; теперь городъ имѣетъ четыре сквера; кромѣ того засаживается огромная песчаная соборная площадь. Въ разсматриваемый періодъ городомъ построено до 150 номеровъ лавокъ, изъ которыхъ 7 номеровъ каменныхъ; организована пожарная команда и обозъ для вывоза нечистотъ; въ послѣдніе три года выстроены каменныя скотобойни, по новѣйшимъ образцамъ, съ конножелѣзною вѣтвью (въ 1 версту) для вывоза отбросовъ; выстроены въ разныхъ мѣстахъ города павильоны для продажи хлѣба, для пріюта поденныхъ рабочихъ, для продажи прохладительныхъ напитковъ; выстроены вокзалы въ скверахъ.

«... Городское общественное управленіе за три послѣдніе года увеличило долги города на 45,985 р. 4 к. (къ 1 янв. 1885 г. было долгу 165,686 р. 58 к., къ 1 янв. 1888 г. 211,671 р. 62 к.), а пріобрѣло въ собственность города имуществъ на 107,040 р., т. е. сдѣлало матеріальныхъ пріобрѣтеній на 61,054 р. 96 к. и кромѣ того съ устройствомъ разныхъ городскихъ зданій и сооруженій, а также съ перемѣною способа эксплоатаціи нѣкоторыхъ оброчныхъ статей, достигнуто увеличеніе доходовъ города ежегодно въ слѣдующемъ размѣрѣ:

1) Съ городскихъ каменоломенъ среднимъ числомъ до 7,000 р.
2) Съ конножелѣзной дороги до . . . . . 2,000 р.
3) Съ семи нумеровъ каменныхъ лавокъ . . . . . 2,000 р.
4) Съ мясныхъ лавокъ до . . . . . 7,000 р.
5) Съ скотобоенъ. . . . . 9,000 р.
6) Съ мѣстъ подъ купальнями . . . . . 1,188 р.
7) Уступка подрядчика по поставкѣ дровъ и свѣчей 1,000 р.

8) Съ выставокъ для афишъ и объявленій . . . . . 290 р.
9) Съ павильона для торговли хлѣбомъ. . . . . 700 р.
10) Съ лавокъ возлѣ сада и вокзала жел. дор. . . 473 р.

Итого въ годъ 30,651 р.

«Означенная сумма 30,651 р. составляетъ чистый доходъ за исключеніемъ уже расхода по эксплоатаціи оброчныхъ статей и, слѣдовательно, этими новыми доходами, увеличенный въ послѣдніе три года долгъ города на 45,985 р., могъ бы быть покрытъ за полтора года, еслибы этимъ источникомъ не покрывались передержки по воинской квартирной повинности и по другимъ обязательствамъ, принятымъ городомъ въ прежнее время, до 1885 года» («Очеркъ», стр. 71—73).

Приведенное мѣсто изъ «Очерка» достаточно оправдываетъ выдѣленіе послѣднихъ трехъ лѣтъ изъ 16-лѣтняго періода городскаго самоуправленія. Надо пожелать только, чтобы энергія новой городской управы не ослабѣла и впредь, а болѣе широкое опубликованіе подобныхъ отчетовъ будетъ для нея достаточной нравственной наградой за трудъ. **Ѳ. Н.**

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 91—128. 92. Замѣтка о диспутѣ магистра Цитовича 23 апр. въ унив. св. Влад.

93, 94, 101, 102. Медико-санитарный очеркъ Лукьяновскаго предмѣстья г. Кіева.

— Замѣтка «Забытый уголокъ» о пропущенной при составленіи и провѣркѣ уст. грамотъ слободѣ кіев. уѣзда Песковской Руднѣ—Понятовскаго, въ которой нынѣ составленъ выкупной актъ.

— Легенда о Петрѣ В. Перепечатка изъ Черн. Губ. Вѣд.

97. Замѣтка о засѣданіи истор. общ. Нестора Лѣтописца 30 апр. 1889 г.

98. Къ празднованію столѣтняго юбилея новгородсѣверской гимназіи сообщено, что празднованіе юбилея соединено съ годичнымъ актомъ этого заведенія, осенью этого года, къ какому дню будетъ изданъ очеркъ исторіи этой гимназіи.

100, 101. Находка древняго клада. Въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль въ Кіевѣ найденъ второй кладъ древнихъ вещей. Какъ и найденный въ усадьбѣ Гребеновскаго, кладъ этотъ вырытъ на Старомъ городѣ, въ усадьбѣ Раковскаго по Рейтарской ул. и, по опредѣленію проф. В. Б. Антоновича, принадлежитъ все къ той же великокняжеской эпохѣ. Кладъ найденъ рабочими, производив-

шими 2-го мая земляныя работы. Наткнувшись, при рытьѣ ямы, на небольшой котелокъ красной мѣди, шарообразной формы, съ остроконечной крышкой, рабочіе вскрыли котелокъ и, найдя тамъ нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ вещей, порѣшили скрыть свою находку отъ домовладѣльца. Съ цѣлью опредѣленія цѣнности найденныхъ вещей, рабочіе начали производить надъ ними самые грубые эксперименты, чѣмъ значительно ихъ попортили, а затѣмъ, убѣдившись, что находка имѣетъ нѣкоторую цѣну, порѣшили скрыть ее. Съ этой цѣлью рабочіе почему то явились къ врачу Липоману, который посовѣтовалъ имъ обратиться къ проф. В. Б. Антоновичу, что рабочіе и сдѣлали. Г. Антоновичъ не замедлилъ пріобрѣсть кладъ для археологическаго кабинета университета св. Владиміра. Такимъ образомъ, интересная археологическая находка была спасена отъ рукъ ростовщиковъ. Получивъ деньги (55 руб.) за вещи, рабочіе подѣлились ими и исчезли изъ Кіева, какъ думаютъ, на родину. Вслѣдствіе заявленія г. Раковскаго, къ розыску ихъ полиціей приняты мѣры.

Найденный кладъ не великъ, въ немъ всего девять вещей: шейная серебряная гривна, три серебряныхъ браслета, кіевская монетная гривна, двѣ серьги низкопробнаго золота, два такихъ же перстня съ печатями, на которыхъ сдѣланы какія то неразобранныя еще надписи.

По всѣмъ признакамъ, кладъ можно отнесть къ XII вѣку.

На дняхъ однимъ изъ крестьянъ деревни Совокъ, близъ Кіева, во время работъ въ огородѣ, вырытъ глиняный горшокъ, наполненный мѣдными монетами. Горшокъ находился на глубинѣ полъ-аршина отъ уровня земли. Вырытый кладъ принадлежитъ XVII вѣку и представляетъ собраніе монетъ польскаго чекана. Монеты переданы въ нумизматическій кабинетъ университета св. Владиміра.

Кладъ, найденный въ усадьбѣ Раковскаго и пріобрѣтенный проф. В. Б. Антоновичемъ для археологическаго кабинета университета св. Владиміра, въ виду заявленія претензій владѣльца усадьбы, переданъ г. Антоновичемъ въ распоряженіе полиціи. Кладъ сохраняется при городской полиціи, гдѣ будетъ находиться до выясненія вопроса Императорской археологической комиссіей.

103. Некрологъ гр. Альфреда Потоцкаго.

107 Замѣтка о засѣданіи 15 мая 1889 г. истор. общества пр. Нестора.

109. Отчетъ кіев. музык. учил. 1888—89 г.

— Древнія типографіи на Волыни, извлеченіе изъ статьи г. Братчикова въ Вол. Г. Вѣд.

110. М. В. Юзефовичъ—предсѣдатель кіев. археографической коммиссіи († 21 мая), некрологъ.

111. Дѣятельность сельскихъ крестьянск. банковъ въ 1888 г.

112. О реставраціи Кіево-Кирилловской церкви.

— Протоіерей А. П. Борецкій (некрологъ).

116. Освященіе и исторія Кіево-Кирилловской церкви.

117. Описаніе новаго алтаря и живописи Кирилловскаго храма.

118. Отзывъ о 5—6 кн. «Кіев. Старины».

Замѣтка объ остаткахъ Мономаховой церкви въ Переяславѣ.

121. Перепечатка афишъ черниг. театра изъ 5—6 кн. «Кіев. Старины».

122, 127, 128. Къ 50-ти лѣтнему юбилею возсоединенія уніатовъ.

124. Народныя училища кіев. учебн. округа.

— О реставраціи Кіево-Софійскаго собора.

127. Замѣтка о древнемъ альфреско, открытомъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

Юбилейныя празднованія въ Вильнѣ.

Празднованіе юбилея возсоединенія уніатовъ въ Немировѣ (корр.).

Замѣтка о находкахъ археол. предметовъ въ окрестностяхъ с. Цвѣткова, кіевск. губ.

128. Адресъ кіев. дух. академіи свято-духовскому братству въ Вильнѣ, по случаю юбилея возсоединенія уніатовъ.

Кіевское Слово №№ 653—697. 662, 664, 668, 672. Подъѣздные шоссейные пути въ Ю.-З. краѣ (замѣтка).

665. Отчетъ хронол. о засѣданіи истор. общ. Нестора 30 апрѣля.

666. Замѣтка о воздвигаемомъ въ Ростовѣ на Дону памятникѣ Императору Александру II.

667. Экспоненты нашего края на парижской выставкѣ (зам.).

670. О находкѣ при рытьѣ фундамента для постройки часовни возлѣ церкви Успенія Пресв. Богородицы на Подолѣ девяти истлѣвшихъ гробовъ.

671, 675, 680. Изъ замѣтокъ о народ. образованіи въ кіев. губерніи.

673. Кіевское Славянское общество въ 1888 г.

— Геологическое изслѣдованіе полтав. губерніи.

679. Дѣйст. т. сов. М. В. Юзефовичъ (некрологъ).

680. Перепечатка изъ Од. Лист. о капитанѣ роты амазонокъ Е. И. Шидянской.

681. Некрологъ протоіерея А. П. Борецкаго.

683. У Днѣпра (бытов. разсказъ) А. Ц.

685. Обновленіе Кирилловской церкви. О ходѣ работъ по украшенію храма и приведенію его въ первоначальный видъ, со стороны внутренней отдѣлки.

686. Черниговскій кладъ.

Корр. изъ Переяслава о Успенской церкви на мѣстѣ древней т. н. Мономаховой.

692, 693. Изъ записокъ митр. Іосифа Сѣмашко. Къ исторіи возсоединенія уніатовъ.

695. Празднованіе юбилея возсоединенія уніатовъ въ Вильнѣ.

697. Современные уніаты и іезуиты. Изложеніе содержанія разсказа Мирона «Чума» («Кіев. Старина» 1889 г. 5—6).

Адресъ кіев. дух. академіи, посланный въ Вильну по случаю 50-лѣтняго юбилея возсоединенія уніатовъ.

Волынь №№ 72—97. 76. Извлеченіе изъ апрѣл. книжки «Кіев. Старины» данныхъ по вопросу о вознагражденіи духовенства за требоисправленіе

78. Отзывъ объ апрѣльскомъ номерѣ «Кіев. Старины» и въ частности объ очеркѣ г. О. Левицкаго: «Насквиль и Судъ».

83. Очеркъ состоянія кустарной промышленности на Волыни.

89. Историч. справка «о бывшемъ однодворческомъ сословіи на Волынѣ».

90. Перепечатка изъ «Кіевской Старины» за май — іюнь замѣтки «о земельныхъ спорахъ въ Малороссіи».

Перепечатка изъ «Дневника» кн. Мещерскаго его воспоминанія о предсѣдателѣ кіевской археологической коммиссіи М. В. Юзефовичѣ.

91. Передовая статья по поводу празднованія 8-го іюня дня 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 13—15. 13, 14, 15. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (прод.) Тихомль, с. Туровка, с. Уніевъ, с. Садки, с. Чолгузовъ, с. Шекаринцы, с. Корытно, с. Шимковцы, с. Окнины, с. Курьянки, с. Дзвонки, с. Шуньки, с. Юровка, с. Великій Калетикозы. Дубенскій уѣздъ. г. Дубно.

15. Чешскія школы въ поселкахъ чешскихъ д. Крошнѣ и въ с. Высокомъ жит. у.

Волынскія Губернскія Вѣдомости №№ 28—39. 29, 30. Братчиковъ. Остатки волынской старины (историко-археологическія свѣденія).

36. Отчетъ распорядительнаго комитета житомирской публичной библіотеки за 1888 г.

Подольскія Епархіальныя Вѣдом. №№ 17—23. 17. Движеніе уніатовъ къ православію въ Брацлавщинѣ при переяславскихъ епископахъ Гервасіи и Іонѣ.

19. І. Сѣмашко митр. литовскій.

— Изъ автобіографіи митр. І. Сѣмашка.

— Истор. свѣд. о Каменцѣ-Подольскомъ.

20—22. Къ исторіи уніи въ Подоліи.

— Каменецкій уніатскій приходъ въ под. епархіи до окончательн. возсоединенія уніатовъ съ православными.

22, 23. О томъ какъ подготовлялась и совершалась унія зап.-русск., правосл. церкви съ римскою.

Уніатское духовенство подольск. епархіи въ 1 пол. настоящаго стол.— Ст. Дложевскаго.

23. Празднованіе 900 лѣтняго юбилея крещенія Руси тывровскимъ православнымъ населеніемъ.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 44—61. 51. Южно-русскія рязе-лечебныя воды (М. В.).

60. Реставрація Успенскаго собора во Владимірѣ-Волынскомъ (перепеч. изъ Прав. Вѣстн.).

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 8—11. 8, 9. *А. Стадницкій.* Состояніе раскола и сектанства въ Бессарабіи по миссіонерскимъ отчетамъ за 1888 г.

11. О сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ въ Кишеневѣ.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 9—11. 9, 10. Краткая истор. записка о состояніи лубенскаго духовнаго училища за первые 50 лѣтъ его существованія (1837—1887).

9, 10. Нѣсколько словъ объ общемъ собраніи полт. отд. правител. миссіон. обществ. 26 марта 1889 г.

11 50-лѣтіе возсоединенія уніатовъ съ правосл. церковію (1839—89 гг.).

Къ исторіи Николаевской ц-ви въ г. Ромнахъ (замѣтка). В. Е. Бучневича.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 34—42. 34, 35, 36, 37. Л. А. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г. Кролевецкій у. (продолж.) 50. Огіевскій Алексѣй, 51. Маковскій Иванъ, 52. Маковскій Дмитрій, 53. Зубова Максимъ, 54. Масикъ Ѳедоръ, 55. Ѳедоровскій Ив, 56 Слобѣй Данило, 57. Боровикъ Василій, 58. Андреевскій Ѳед., 59. Бардаковскій Стеф, 60. Бардаковскій Матв., 61. Аверковъ Гаврило, 62. Пѣшовецъ Василій, 63. Филоновичъ Семенъ, 64. Карпѣка Ив., 65. Шкура Василій, 66. Плаксинъ Трофимъ, 67. Масютина Іустина, 68. Ѳедоровская Анна, 69. Майбородовъ Тимофѣй, 70. Порохонскій Константинъ. Примѣч. къ кролевецкому списку дворянъ *Алексѣй Бутовичъ* вначалѣ кролевецкій бургомистръ, впослѣдствіи черниговскій губернаторъ (1813—1818 г.), Діаковскій конюшій Мазепы. Мих. Вас. Шрамченко и Алексѣй Дзивовичъ.

35. В. С. Гортынскій б. врачебный инспекторъ чер. губ. (некр.).

38, 39, 40. Изъ. арх. гр. Милорадовича шесть земельныхъ документовъ 1714 г.

41. *Изъ архива гр. Г. А. Милорадовича.* Два документа на земельныя пріобрѣтенія Павла Полуботка.

42. *Изъ архива гр. Г. А. Милорадовича.* Приводятся два документа (1714и 1715 г) на земельныя пріобрѣтенія Павла Полуботка.

Черниговскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 8—10. 9. Пятидесятилѣтіе возсоединенія уніатовъ съ православною церковью (по Литов. Епар. Вѣд. и статьямъ пр. Кояловича).

10. Состояніе стародубскаго раскола въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVII ст. М. Доброгаева.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 108—138. 109. Начало театра въ Харьковѣ—перепеч. изъ «Театръ и Жизнь».

109. Миргородъ (кор.), о предположенной къ открытію художественно-ремесленно-кустарной школѣ Н. В. Гоголя.

114. Падающій въ Харьковѣ промыселъ—коцарскій по поводу ст. проф. Н. С. Сумцова (Культур. пережив. Кіев. Стар. 1889 г.).

119. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крест. населенія Россіи В. А. (Вып. I подъ ред. Н. Харузина М. 1889 г.—изъ Трудовъ этногр. отд. Имп. общества любит. естествозн., антропологіи и этнографіи въ Москвѣ).

130. Годовщина харьковскаго исправительнаго пріюта.

— О недавно открытомъ харьковскомъ обществѣ изящныхъ искусствъ.

131. Обычай общест. молебствій о дождѣ.

125. Раскопка кургана въ д. Богодарѣ, екатерин. губерніи александр. уѣзда. Д. И. Эварницкаго. перепеч. изъ «Новостей».

Южный Край №№ 2879—2885. 2882. О мѣстности Заорельскаго Нехворощанскаго монастыря въ александр. у. екатериносл. губ. (корресп.).

2884. Ист. свѣд. о чудотворной иконѣ Богородицы въ с. Каплуновкѣ Богодухов. у.

2885. Извлеченіе изъ каталога луцко-житомірской католич. епархіи на 1889 г. о числѣ католиковъ въ ю.-зап. краѣ (корресп. изъ Ровно).

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 40—41. 40. Статья Д. И. Эварницкаго: «Раскопка кургана въ дер. Богодарѣ, екатеринослав. губ. александров. уѣзда».

Матеріалы для исторіи колонизаціи Новороссійскаго края: Выпись изъ привилегій, предоставленныхъ данцигскимъ менонитамъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ и Высочайше утвержденныхъ въ 1786 г.

41. Изложеніе содержанія «Памятной книжки екатеринославской губерніи, съ приложеніемъ адрессъ-календаря». Между прочимъ туда входитъ: историч. очеркъ губерніи, очеркъ промышленности, статистич. отдѣлъ и проч.

Статья И. И. Чайкина: «Раскопка 2-го кургана въ дер. Богодарѣ, александров. уѣзда, произведенная Д. И. Эварницкимъ.

День св. Троицы: описаніе народныхъ южно-русскихъ обычаевъ въ этотъ день.

Крымъ №№ 49—67. 58—62, 64—66. Краткій очеркъ исторіи г. Симферополя.

Овцеводство днѣпровскаго уѣзда.

По поводу передѣловъ крестьянскими обществами душевыхъ надѣловъ земли.

65. Статья «Изъ кавказской жизни» содержитъ въ себѣ характеристику промышленности на Кавказѣ.

Засѣданіе город. коммиссіи въ Одессѣ по вопросу о празднованіи 14 сентября текущаго года дня столѣтняго юбилея г. Одессы.

Протоколъ засѣд. 31-го мая этого года таврич. ученой архивной коммиссіи.

Одесскій Вѣстникъ №№ 195—147. 102. *Библіографія. Z.* Отзывъ о книгѣ: «Малороссійскія бытовыя пѣсни». П. Чугуевца. Харьковъ 1889.

114. *Отвѣтъ Чеважевскому* (Письмо въ редакцію). *А. Браунера.* По поводу напечатанной въ «Сборникѣ херсонскаго земства» статьи Чеважевскаго о Бѣлогрудовскомъ каналѣ р. Днѣпра.

139. Съ береговъ Днѣстра (перепеч. изъ «Моск. Вѣд.»). Корреспонденція, въ которой описывается настоящее экономическое, географическое и отчасти общественное положеніе городовъ Дубоссаръ и Григоріополя.

144. Рецензія на книгу С. Филиппова «По Крыму» Бр.

147. По одесскому уѣзду (путевыя впечатленія и замѣтки) Н. Л.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4401—4441. 4425 *Д. Д. С.* Экономическія письма о Новороссіи: о дробной передачѣ частно-владѣльческихъ земель и о *«десятинщикахъ»* въ новороссійскихъ губерніяхъ. Въ настоящемъ письмѣ излагаются любопытныя свѣдѣнія о происхожденіи «десятинщиковъ», ихъ прошлой жизни, и указанія, изъ какихъ основныхъ элементовъ состоитъ этотъ классъ безземельныхъ пролетаріевъ.

4433. Раскопка кургана въ деревнѣ Богдаръ, александр. уѣзда. (замѣтка, заимствованная изъ «Екатерин. Губ. Вѣд.).

— Выставка картинъ художника Н. Е. Лунда. Составъ выставки—12 видовъ Украины. Лучшими изъ нихъ признаются: «Вечеръ на хуторѣ на берегу Десны», «Сумерки», «Полдень», «Ночь на Днѣпрѣ», «Заливъ Днѣпра» и др. Газета отзывается о г. Лундѣ, какъ объ одной изъ выдающихся силъ нашей молодой школы и въ его картинахъ видитъ солидные задатки будущихъ успѣховъ.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 9—11. 9. О церк. библ. вообще и о библіотекѣ при Новохоперскомъ Воскресенскомъ соборѣ въ частности.

10, 11. Литовская церковная унія и возсоединеніе уніатовъ въ 1839. (Кратк. истор. очеркъ).

Донская Рѣчь №№ 42—61. 60. Малороссійскіе спектакли.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 15—22. 16. Чтенія въ Кубанской войсковой гимназіи.

19, 22, 20. Старое рыболовство черноморскихъ козаковъ. I. За Бугомъ II. Въ Черноморіи.

Курскій Листокъ №№ 47—66. 48. Пчеловодство въ курской губерніи. Проф. Харьк. унив. П. К. Зарубинъ (некр.).

49. Дѣятельность комитета курскаго благотворит. общества за 1888 г.

56. Торговля и промышленность корочанскаго уѣзда.

54, 62, 64. Подгородная слобода Ямская.

65. Изъ недавняго прошлаго курской сцены.

Орловскій Вѣстникъ №№ 53—66. 66. Въ отдѣлѣ «Дневникъ» о при-

готовленіи крестьянами черниговской губерніи, конотопскаго уѣзда удобоперевозимыхъ земледѣльческихъ орудій.

Минскій Листокъ №№ 32—44. 32. Историч. справки о Минскѣ, Туровѣ и Заславлѣ, представляющія выдержку изъ статьи г. Случевскаго въ «Моск. Вѣдом.»: «Очеркъ путешествія ихъ Императорскихъ Высочествъ вел. князя Владиміра Александровича и вел. княгини Маріи Павловны въ іюнѣ и іюлѣ 1888 г.

42, 43. Статья: Возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ православной церковью»; въ ней излагается исторія возникновенія уніи, введенія и борьбы за нее въ XVII и XVIII вв. и дѣятельность митрополита Іосифа Сѣмашка до 1839 по возсоединенію.

43. Ст. А. Слупскаго: «Унія въ Минскѣ»; излагатся борьба горожанъ за православіе.

Программа празднованія въ Минскѣ дня 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ.

44. Описаніе празднованія дня 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ въ Минскѣ

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 18—23. 18, 19. Папскіе происки и мятежи въ возсоединенныхъ отъ уніи православныхъ русскихъ епархіяхъ (прод.).

20, 21. Антоній Юрьевичъ Сосновскій, старшій соб. протоіерей (одинъ изъ тріумвировъ Брестскаго капитула род. 1779 ум. 1852.)—П. Г. Б.

23. Пятидесятилѣтіе возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 г. и историч. значеніе этого событія. Рѣчь проф. М. О. Кояловича, произн. на торжеств. собраніи Слав. Благ. Общ. 11 мая.

Варшавскій Дневникъ №№ 95—128. 99. Окончаніе статьи А. Маркграфскаго: По поводу мемуаровъ князя Адама Чорторійскаго.

101. Объ устройствѣ памятника въ Харьковѣ основателю университета В. Н. Каразину.

123. Библіографическая замѣтка о «Памятной книжкѣ сувалкской губерніи»; въ замѣткѣ приводятся весьма интересныя статистич. данныя о народностяхъ, населяющихъ губернію, ихъ языкѣ, сословномъ составѣ, промышленности, просвѣщеніи и нравственности.

126. Передовая статья по поводу празднованія 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

Перепечатка изъ «Кіевлянина» свѣдѣній о раскопкахъ и возстановленіи храма, сооруженнаго вел. княземъ Владиміромъ Мономахомъ въ Переяславлѣ Полтавскомъ.

127. Описаніе празднованія 8 іюня дня 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ и слово по этому поводу о. Корженовскаго.

Червоная Русь №№ 86—108. 98. *Отецъ Я. Ѳ. Головацкаго*, М. И. Тындюка.

Литературное приложеніе къ «Черв. Руси». **9.** Цареградъ въ X вѣкѣ и посѣщеніе его св. Ольгою.

105. Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ «Галицко-русской библіографіи за 1888 г.», Ив. Э. Левицкаго.

105. По поводу предположеннаго «Товариствомъ Педагогичнымъ» изданія журнала «Учитель».

107. Празднованіе дня св. Кирилла и Меѳодія въ Кіевѣ (перепеч. изъ «Кіевск. Слова»).

107. Подл. текстъ циркуляра генер. уніатскаго оффиціала Михаила Гарасевича 1801 г. по вопросу о «фундушахъ» въ пользу церквей, именно о сервитутныхъ лѣсныхъ пользованіяхъ духовенства.

107. Конфискація № 10 «Страхопуда» и содержаніе его во 2 изданіи.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Бораковскій Г. М. Де два цилуются, третій губъ не протягай! Водевиль въ 1 дѣйствіи. Кіевъ. 1889. 16 д. 54 стр.

Бѣляшевскій Н. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 года, 8 д. 148 стр.

Карпинскій М. Западно-русская четья 1489 года съ приложеніемъ житія Бориса и Глѣба (отт. изъ «Русск. Филологич. Вѣстн.»). Варшава 1889 г. 8 д., 48 стр.

Лапинъ В. Русская правда или судъ въ стародавнія времена. Историч. повѣсть. Изд. 3-е. Спб. 1889 г., 8 д. 31 стр.

Манджура И. Степови думы та спивы. Спб. 1889. 8 д., 37 стр.

Н. Д. Н. 1) Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 2) На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира (изъ путевой книжки). (Оттискъ изъ «Кіевской Старины»). Кіевъ, 1889 г. 8 д., 4+21 стр.

Некрасовъ Н. Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Спб. 1889 г. 8 д., XII+230 стр.

Р—ая П. З. Черноморци у неволи. Кіевъ. 1889 г., 16 д. 28 стр.

Святловскій В. В. Жилище фабричнаго рабочаго въ Малороссіи и въ Привислянскомъ краѣ. Черниговъ. 1889. 8 д., 38 стр.

Тарасъ Бульба или запорожская Сѣчь. Историческая повѣсть изъ казачьей жизни. Москва. 1889. 12 д., 144 стр.

Chlebowski B. i Walewski W. Słownik geograficzny królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 112. Tom X. Варшава, 1889 г., 4 д., съ 241 по 320 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюль, 1889 г.

		стр.
I.	Происхожденіе русской великой княгини Ольги св. I—III. Проф. **И. И. Малышевскаго**	1—27
II.	Культурныя переживанія. XXXVIII—L. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**	28—46
III.	Кіевское городское управленіе въ 1786 г. III. (Окончаніе). **Н. В. Молчановскаго**	47—63
IV.	Русалка. (Этнографич. разсказъ). **Ганны Барвинокъ**	64—109
V.	Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. IV—V. Проф. **Д. И. Багалѣя**	110—148
VI.	Воспоминанія **М. К. Чалаго**	149—187
VII.	Нечистая сила. (Повѣсть). Пер. съ польск. **К. М.**	188—220
VIII.	Два намѣстника. **А. Е**	221—231
IX.	Документы Извѣстія и Замѣтки. Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. **А. Лобко.** Изъ бумагъ К. А. Лохвицкаго. **Н. Н. Оглоблина.** Медикотопографическая и этнографическая работы д-ра дела-Флиза. **Н. Б.** Церковная старина пирятинскаго уѣзда. **Ап. Залѣсскаго.** Жалоба новомлинскаго сотника на новомлинскаго намѣстника. Сообщилъ **И. А. Л—ко.** Воспоминанія о бывшемъ курскомъ губернаторѣ Денѣ. Сообщилъ **П. В. Дворжецкій-Богдановичъ.** Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 г. **Марка—евича.** Владиміръ Волынское братство. **О. Л.** Некрологъ.	232—292
X.	Для справокъ	291—292
XI.	Библіографія. Лучицкій И. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи. Спб. 1889. **Ив. Новицкаго.** Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и	

стр.

леменъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. 6, 1888 г. Вып. 7, 1889. **А. Степовича.** Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г. Проф. Д. И. Багалѣемъ. Харьковъ. 1889 г. **И. Каманина.** Н. Н. Любовичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ. Варшава. 1889 г. **И. Каманина.** Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 годъ. Кременчугъ. 1888 г. 76 стр. **Θ. Н.** Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи. 293—324

Въ вышедшихъ 1—7 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. **Чалаго, Н. Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева.** Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона.** Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нашествіе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго.** Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова.** Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М, М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ап. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича.

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Собщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М, А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В Тяпинскаго къ печатн. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1889 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **6 руб.**, на мѣстѣ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4, и на Крещатикѣ въ магазинахъ писче-бумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго и книжныхъ: Оглоблина, Корейво, Гюнтера и Малецкаго, Динтера, Розова.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Редакторъ-издатель **А. С. Лашкевичъ.**